

СЛАВЯН

ПО
ИСТОРИИ
И
КУЛЬТУРЕ
СТАРОВЕРОВ
ЭСТОНИИ

Тартуский университет
Кафедра русского языка

HUMANIORA: LINGUA RUSSICA

Труды по русской и славянской филологии
Лингвистика X

Очерки по истории и культуре староверов Эстонии

II

Тарту
2007

Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии.
Лингвистика X. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ СТАРОВОЕРОВ
ЭСТОНИИ. II. Отв. редактор И. П. Кюльмоя. Тарту, 2007. 376 стр.

Международная редакционная коллегия

С. Б. Евстратова (Тарту), Е. И. Костанди (Тарту), М. А. Кронгауз (Москва),
Ю. С. Кудрявцев (Тарту), А. М. Кузнецов (Даугавпилс), И. П. Кюльмоя (Тарту),
А. Мустайоки (Хельсинки), В. С. Храковский (Санкт-Петербург),
В. П. Щаднева (Тарту)

Ответственный редактор: И. П. Кюльмоя

Составители: К. Кару, И. П. Кюльмоя, О. Н. Паликова, А. В. Штейнгольд

Технический редактор: О. Н. Паликова

Художник: П. Г. Варунин

Перевод резюме статей на эстонский язык: К. Кару

Все статьи и публикации настоящего тома прошли предварительное рецензирование
Kõik kogumiku materjalid on läbinud eelretsenseerimise
All manuscripts were reviewed

Издание осуществлено при финансовой поддержке
государственной программы

«Эстонский язык и национальная память»
по теме «Староверы Эстонии: самоидентификация
и национальная память в двуязычной среде» /
„Eesti keel ja rahvuslik mälu“

projekt „Vanausulised Eestis: identiteet ja rahvuslik mälu kakskeelses keskkonnas“

© Статьи и публикации: авторы, 2007

© Составление: К. Кару, И. П. Кюльмоя, О. Н. Паликова, А. В. Штейнгольд,
2007

ISSN 1406–2623

ISBN 978–9949–11–898–4

Tartu Ülikooli Kirjastus / Издательство Тартуского университета
Tiigi 78, Tartu 50410 Eesti www.tyk.ut.ee

Order nr. 571

О Г Л А В Л Е Н И Е

От составителей 7

I. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА СТАРООБРЯДЧЕСТВА

- Л. В. Д у б ь е в а. Положение старообрядцев Западного Причудья в первой половине и середине XIX века (по документам Исторического архива Эстонии и Государственного исторического архива Латвии) 13
- Г. В. П о т а ш е н к о. Староверие в странах Балтии, Польше и Восточной Германии: 1918–1940 гг. 37
- Т. К. Ш о р. Документы о староверах в фонде «Дерптская управа благочиния» (1826–1888) 59
- Р. Т р е й ф е л ь д т. Старообрядческие храмы в эстонской архитектуре 1920–30-х годов 72
- Г. М. П о н о м а р е в а, Т. К. Ш о р. Из истории старообрядческих кладбищ в Эстонии 85
- С. Г. И с а к о в. В. А. Бобров — первый исследователь языка и фольклора русского населения эстонского Причудья 99
- С. Б. Е в с т р а т о в а. Староверы Причудья о душе 112

II. ЯЗЫК СТАРОВЕРОВ

- И. П. К ю л ь м о я, Н. Н. Б о г д а н о в а, О. Н. Б у р д а к о в а. О различиях в грамматической системе глагола говоров Принаровья, Западного и Северного Причудья 125
- В. П. Щ а д н е в а. Безличные обороты в северных говорах и литературном языке (*травы́ накошено вдоволь ~ травы́ накошено ~ траву накошено ~ трава накошен*) 141

Е. И. К о с т а н д и. Оценочный компонент в устных рассказах староверов Причудья	149
Ю. С. К у д р я в ц е в. Некоторые староверские названия грибов (этимологический анализ)	157
А. В. Ш т е й н г о л ь д. Лексика староверов Западного Причудья в этимологическом аспекте	164
О. Г. Р о в н о в а. Говоры староверов Западного Причудья по материалам 1946 г. и 2003–2007 гг.	176

Ш. С Т А Р О В Е Р Ы П И Ш У Т И Р А С С К А З Ы В А Ю Т: м а т е р и а л ы и п у б л и к а ц и и

В. Л. Г р и ш а к о в. Старообрядчество в Эстонии и жизнь староверов Тартуского уезда в 1940–1991 гг.	201
П. Г. В а р у н и н. Нужна ли нам «книжная справа» старообрядческих сборников?	210
С. Б. Е в с т р а т о в а. Староверы Белоруссии (путевые заметки).....	215
А. В. Ш т е й н г о л ь д. «В храме и в обществе я служу»: автобиография А. И. Сидорова	222
И. П. К ю л ь м о я. «Нету такого сплочения и мира, как раньше люди жили». Об особенностях говора жительницы деревни Малые Кольки (рассказ староверки)	227
О. Н. П а л и к о в а. «Без узды не уедешь никуды». Об особенностях говора жителя деревни Малые Кольки (рассказ 85-летнего старовера)	272
О. Н. П а л и к о в а. «А к работы-то привыкли...». Об особенностях говора жителя деревни Малые Кольки (рассказ 91-летнего старовера)	289
А. В. Ш т е й н г о л ь д. «Я хочу горазд в прежность попасть...». Краткий диалектологический комментарий к образцам народной речи жительниц деревни Старая Казепель	303

А. В. Ш т е й н г о л ь д. «Как это можно всё пережить?». Некоторые замечания относительно диалекта жительницы деревни Большие Кольки (на материале одной биографии)	317
А. В. Ш т е й н г о л ь д. «Сейчас подарок пришлют — рот разинете». Несколько слов о диалекте одного жителя деревни Большие Кольки	337
К. К а р у. «Ничего не сделаешь, пришлось всяко жить». О некоторых особенностях говора жительниц деревни Нина	345
IV. K o k k u v ö t t e d	365

О Т С О С Т А В И Т Е Л Ё Й

Второй выпуск «Очерков по истории и культуре староверов Эстонии» выходит в серии трудов кафедры русского языка Тартуского университета *Humaniora: Lingua Russica*, имеющей международную редколлегия. Научные статьи этого сборника написаны на основе материалов международного семинара «Русские староверы за рубежом: язык и культура», проведенного кафедрой 22–23 сентября 2006 года. Все статьи прошли предварительное рецензирование. В сборнике они представлены в двух тематических разделах: «История и культура староверов» и «Язык староверов».

Третий раздел «Староверы пишут и рассказывают: материалы и публикации» составляют три статьи и расшифровки записей говоров, снабженные небольшими комментариями. В отличие от первого тома «Очерков по истории и культуре староверов Эстонии» здесь приводятся целостные тексты одного информанта, по возможности, монологические, при необходимости же содержащие и вопросы диалектолога. Так же как и в первом томе, имена респондентов не указываются, имена реальных людей, упоминаемых респондентами, изменены.

Тексты расшифровок приводятся в максимально упрощенной для читателя орфографической записи, отражающей некоторые наиболее характерные фонетические черты говоров Западного Причудья: силь-

ное яканье (как правило, в первом предупредительном слоге), вставное *j* в личных местоимениях 3 лица (*яна, ён, с йими*), вставное *и* (*ишла*) в некоторых глагольных формах и т. п. Ударение ставится в диалектных словах, а также в тех случаях, когда его отсутствие может мешать пониманию смысла.

Комментарии, приводимые перед расшифровками записей, не претендуют на полноту, они скорее призваны показать место идиолекта (то есть речи одной языковой личности) в системе диалекта в целом: отметить наиболее яркие или архаичные диалектные черты, замеченные в речи рассказчика. При этом комментаторы опираются, в первую очередь, на описание особенностей говора староверов Западного Причудья, сделанное О. Г. Ровновой и опубликованное в первом выпуске «Очерков по истории и культуре староверов Эстонии»¹.

Настоящее издание отличается от предыдущего и тем, что в нем помещено несколько расшифровок записей диалектной речи старожилов Причудья, не являющихся староверами. Это записи рассказов пожилых жительниц православной деревни Нина — деревни, которая издавна является соседней для исследуемых староверческих поселений и неоднократно упоминается в рассказах староверов. С другой стороны, в третьем разделе сборника представлена статья, в которой также рассказывается о жизни староверов, но староверов Белоруссии. Составители второго тома «Очерков» позволили себе такое отклонение от первоначальных целей, чтобы дополнить свое описание некоторым культурным и бытовым фоном: рассказать о том, как живут православные соседи староверов, как живут староверы не в Эстонии.

Второй выпуск «Очерков» иллюстрируется фотографиями, которые делались участниками диалектологических экспедиций. Здесь мы помещаем и несколько снимков, на которых запечатлены рабочие моменты наших поездок в Причудье. Уникальным внешним видом книга обязана П. Г. Варунину — бессменному художнику «Очерков по истории и культуре староверов Эстонии».

Составители сборника (они же — собиратели диалектной речи) выражают сердечную признательность всем лицам, согласившимся стать информантами. Мы благодарим всех за сотрудничество, душевную те-

---

¹ О. Г. Ровнова. О современном языке староверов Западного Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I*. Тарту, 2004. С. 144–154.

плоту и открытость. Данный выпуск «Очерков» смог появиться на свет только благодаря тому обстоятельству, что западнопричудское староверие до сих пор живо и сохраняет свой уникальный религиозный уклад, культуру и язык. Ярче всего это богатое наследие предстает в речи пожилого поколения. К сожалению, ряды староверов-старожилов в последнее время заметно редуют. Материалы рубрики «Говорят староверы» мы посвящаем светлой памяти наших информантов, ушедших за последние годы.

Кафедра русского языка Тартуского университета считает своей первоочередной задачей сбор и публикацию лингвистических и исторических материалов, которые представляют научную ценность и которые еще можно собрать полевым путем в течение ближайших лет. Подробная аналитическая обработка этих материалов поневоле отодвигается в будущее. В связи с последним обстоятельством в сборнике представлены статьи, посвященные преимущественно частным вопросам изучения истории и языка староверов Западного Причудья.

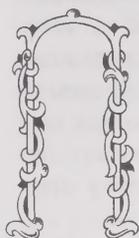
I

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Положение старообрядцев Западного Причудья в первой половине и середине XIX века

(по документам Исторического архива Эстонии
и Государственного исторического архива Латвии)¹

Публикация и комментарии Л. В. Дубьевой

Постепенное изменение правительственной политики по отношению к старообрядчеству начинается с середины 20-х г. XIX в.² На протяжении второй четверти XIX в. для правительственной политики в отношении старообрядцев было характерно постоянное усиление давления на них, доходившее временами и до применения репрессивных мер. Именно для эпохи правления Николая I (1825–1855) характерны и наибольшие притеснения старообрядцев в Эстонии.³ Наивысшей точки давление государства на старообрядцев достигает в 50-е гг. XIX в.⁴ В остзейских губерниях между правительственной администрацией и теми, против кого была направлена эта политика, в силу существовавшего здесь «особого остзейского порядка», стояла местная остзейская администрация, в задачи которой и входила непосредственная реализация распоряжений губернских властей в отношении староверов.

Публикуемые документы иллюстрируют политику притеснений со стороны властей, проводимую администрацией Лифляндской губернии по отношению

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта Эстонского научного фонда ETF 5382.

² Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. М.: «Языки славянской культуры», 2005. С. 22.

³ Plaat, Jaanus. The Identity and Demographic Situation of Russian Old Believers in Estonia. (With Regard to the Period of the 18th to the Early 21th Century) // Pro Etnologia. 19. P. 10. Веб-ресурс: (2007-08-12) http://ester.utlib.ee/search*est/tpro+etnologia/tpro+etnologia/-3,0,0,B/1856~b1846996&FF=tpro+ethnologia+vw~arguteavik+++19&1,1,,1,0/indexsort=-

⁴ Юхименко Е. М. С. 29.

к старообрядцам Причудья, но одновременно в них находит отражение и позиция самих старообрядцев, их неприятие положения бесправия и сопротивление (в доступных им формах) существующему положению дел. Таким образом, эти документы дают представление о формах сопротивления старообрядцев притеснениям, а также и о возможностях приспособления к правительственной политике с целью сохранения своей самобытности. Именно последнее — сохранение самобытности старообрядцев Причудья — и можно считать результатом этого своеобразного противостояния неравных сил: мощной государственной машины и горстки затерянных на окраине Российской империи сторонников древлего благочестия. Можно сказать, что в этой неравной борьбе победа оказалась на стороне более слабых — более слабых во всех остальных отношениях, кроме духовной твердости.

Документы из Исторического архива Эстонии (далее ИАЭ) и Государственного исторического архива Латвии (далее ГИАЛ) сгруппированы по тематическим разделам. В рамках тематических разделов документы расположены в хронологическом порядке. Текст документов воспроизводится по современным правилам правописания с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинника, однако при публикации сохранено написание прописной и строчной букв, так как это дает дополнительную характеристику отношения официальных властей к старообрядчеству.

I. Реквизиция колоколов из старообрядческих моленных (1824–1847)

1.¹

Управление
Рижского Военного
Губернатора
и
Генерал-Губернатора
Лифляндского, Эстляндского
и Курляндского.
Сентября 5-го дня 1846 г.
№ 801
г. Рига

Господину Лифляндскому Гражданскому Губернатору

Пресвященный Епископ Рижский ходатайствует о передаче в ведение Православного Духовенства отобранных от раскольниковских моленных колоколов,

¹ ГИАЛ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 2023. Л. 47.

двух от Черновской¹ и одного от Кикитской², и находящихся ныне под при-
смотром на мызе Аллацкиви³, с тем, чтобы эти колокола употребить для от-
крытых Эстских Православных Церквей⁴ в Лифляндии.

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство сообщить мне, по чьему
распоряжению и когда именно отобраны были эти колокола.

Генерал от Инфантерии Головин⁵

Надворный Советник <подпись>

2.⁶

<Отпуск>

Г<осподину> Генерал-Губернатору

Вследствие предложения Вашего Высокопр<евосходительства> от 5 сего сен-
тября за № 801 имею честь всепочтительнейше донести, что об отобрании от
раскольнических моленных колоколов в Канцелярии моей никаких сведений
не отыскано, по рапорту же вытребованному мною по сему предмету от
Дерптского⁷ Орднунгсгерихта,⁸ отобрание колоколов произведено вследствие

¹ Черное, Черная деревня — Муствез.

² Кикита — Кюкита.

³ Аллацкиви — Алатскиви.

⁴ В 1845–1848 гг. происходит массовый переход эстонских крестьян в право-
славие и в связи с этим открываются новые церкви. См.: Talurahva liikumine
Eestis aastail 1845–1848. I. Dokumentide kogumik. Tallinn, 1991. Lk 8–11, 32–
40 jt.; Klaas, Urmas. Õigeusu kirik Lõuna-Eestis 1848–1919: halduskorraldus ja
preesterkond. Magistritöö. Tartu, 1998. 251 lk.; Kruus, Hans. Talurahva kääri-
mine Lõuna-Eestis XIX sajandi 40-ndail aastail. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts,
1930. XVI, 463 lk.

⁵ Головин Евгений Александрович (1782–1858) — в 1845–1848 гг. генерал-
губернатор Лифляндии, Эстляндии и Курляндии.

⁶ ГИАЛ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 2023. Л. 52.

⁷ Дерпт — Тарту.

⁸ Орднунгсгерихты — учреждены в Лифляндии в 1668 г. как полицейские
суды для разрешения споров между помещиками о беглых крестьянах и
для подавления крестьянских выступлений; ликвидированы в 1694 г. в свя-
зи с ограничением самоуправления лифляндского дворянства, восстано-
влены в 1710 г. Вели следствия по уголовным делам. Приводили в исполне-
ние приговоры и решения высших судов и распоряжения губернского
правления. Избирались из числа помещиков соответствующего округа. Ли-
квидированы в 1888 г.

служебного предписания Г<осподина> Генерал-Губернатора Маркиза Паулуччи¹ от 11 июля 1824 года за № 68-м.

О том, где именно колокола те, бывшие в хранении у Надзирателя Карлсена, ныне находятся, я ожидаю от Дерптского Орднунгсгерихта со следующего почтою² дополнительного донесения, который собирает по сему предмету нужные сведения.

Рига, Сентяб<ря> 28 дня 1846. № 13853

З.³

Получено 26-го Марта 1847.
Управление
Рижского Военного
Губернатора
и
Генерал-Губернатора
Лифляндского, Эстляндского
и Курляндского.
г. Рига
25-го Марта 1847 г.
№ 365

Господину Исправляющему должность Лифляндского
Гражданского Губернатора

Бывший Лифляндский Гражданский Губернатор доносил мне от 28 Сентября 1846 г. № 13853 по делу о колоколах, отобранных от раскольнических моленных Дерптского уезда, что он ожидал со следующей затем почтою донесения от тамошнего Орднунгсгерихта, который собирает сведения о том, где означенные колокола ныне находятся.

Не получая доселе никакого дальнейшего о сем сведения, покорнейше прошу Ваше Превосходительство о последствиях, какие имело это дело, меня уведомить.

Генерал от Инфантерии Головин

Управляющий особенною Канцеляриею <подпись>

¹ Паулуччи Филипп Осипович (1779–1849) — маркиз, генерал-адъютант, на русской службе в 1807–1829 гг., в 1812–1829 гг. генерал-губернатор Лифляндии и Курляндии.

² Слова «со следующей почтою» добавлены на полях.

³ ГИАЛ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 2023. Л. 56.

**II. Формы сопротивления притеснениям со стороны властей
Противостояние крестьянского общества деревни Черной властям
(1837 г.)¹**

<Отпуск>

Высокопреосвященный Владыко,
Милостивый Архипастырь!²

21-го Июня сего года за № 3294-м имел я честь довести до сведения Вашего Высокопреосвященства, что Лифляндское Губернское Правление по доносу Священника в Черной Деревне Алексея Орлова³ предписало Дерптскому Орднунгсгерихту объясниться в подробности на упомянутый донос, а с тем вместе просил я Ваше Высокопреосвященство понудить Священника Орлова доказать сделанные им изветы, и буде того учинить не может, то поступить с ним как с клеветником. В ожидании уведомления о сделанных с Вашей стороны по сему отношению распоряжениях, Дерптский Орднунгсгерихт о результате порученного оному исследования донес Лифляндскому Губернскому Правлению нижеследующее:

1. В какой мере и действительно ли Арендатор Лециус и староста Черной Деревни Грязнов препятствовали Священнику Орлову в обращении раскольников, открыть нельзя было, а потому надлежит Священника Орлова понудить в точности объяснить, в чем именно состояли сии препятствия, дабы на основании сих подробных объяснений, можно было произвести дальнейшее исследование дела.

2. Что Грязнов собирал Капиталы для ходатайства против Священника Орлова, осталось недоказанным. В спорном деле между крестьянским обществом Черной Деревни и арендатором Лециусом, Грязнов со старейшими жителями собрали в начале 1837 года сумму 100 руб<лей> ассигна<иями> для того, чтобы в Город Вильно⁴ отправить депутацию к владельцу арендою Флемминсгофа⁵ Г<осподи>ну Тайному Советнику и Сенатору Дю Гамелю.⁶ Но как, между тем, Господин Лифляндский, Эстляндский и Курляндский Генерал-

¹ ГИАЛ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 2108. Лл. 42–44.

² Приписка на полях: «Его Высокопреосвященству Нафанаилу, Архиепископу Псковскому и Лифляндскому».

³ Орлов Алексей Григорьевич (ок. 1790–?) — в 1836–1842 гг. священник православной Николаевской церкви в д. Черной.

⁴ Вильно — Вильнюс.

⁵ Мыза Флемминсгоф (Flemmingshof) — Лайус-Тяхквере.

⁶ Дюгамель (Duhamel; du Hamel) Осип Осипович (1768–1840) — губернатор Лифляндии в 1811–1827 гг.

Губернатор Барон фон дер Пален¹ сделал распоряжение об устранении возникших жалоб, то поездка не состоялась, и собранные деньги обращены были на следующие расходы:

За поездку депутатов из Черной деревни в Дерпт	40 руб<лей> 50 к<опеек> ассиг<нациями>
За поездку депутатов к Его Сиятельству Господину Министру Финансов на мызу Револьд ²	10 “ 80 “ “
На взнос повинности <нрзб>, которая для двора состояла на крестьянском обществе в долгу	22 “ - “ “
На исправление Пильского моста, починка которого принадлежала Черной Деревне	26 “ 70 “ “
Итого 100 руб<лей> ассиг<нациями>	

Сверх того было собрано обществом Черной Деревни однажды 25 руб<лей> и в другой раз 28 руб<лей> ассигна<циями> на путевые издержки в то время, когда голова Парфеней Васильев Вашему Высокопревосходительству во Пскове и житель Анисим Максимов к Его Превосходительству Господину Генерал-Губернатору в Риге приносили жалобу от имени целого общества.

3. Дело о раскольнике, похороненном на кладбище православных, состоит в следующем: крестьянин Черной Деревни Кузьма Тимофеев, 60 лет, пил 10-го июня 1837 года водку с двумя другими крестьянами в корчме Луйке, расстоянием от Черной Деревни в 5-ти верстах. Когда другие два крестьяне удалились, сел Кузьма Тимофеев на лестницу корчмы и пел песню. Позже Кузьма внезапно заболел, и корчмарь приставил к нему работника и приказал оставаться при нем, а в ночи с 10-го на 11 июня Кузьма помер. Корчмарь отправил потом тело обратно в Черную Деревню, где староста Грязнов объявил о скоростыжной смерти Арендатору Лециусу, который поручил старосте похоронить Кузьму обыкновенным порядком, потому что насильственной смерти не было. Труп при сильном жаре скоро перешел в гниение, а потому сыновья и родственники Кузьмы похоронили его уже по истечении 48 часов. В Черной Деревне имеется для православных греко-российской церкви и для раскольников одно общее кладбище, а потому Кузьма похоронен родственниками на сем общем кладбище без всякого издевания или поругания на Православие Греко-российской церкви.

4. Случай сей объявлен был Священником Орловым 15 июня 1837 года Дерптскому Орднунгсгерихту с большими прибавлениями. Орднунгсгерихт

¹ Пален фон дер Матвей Иванович (1779–1863) — барон, в 1830–1848 гг. генерал-губернатор Лифляндии, Эстляндии и Курляндии.

² Револьд — Реола.

немедленно исследовал дело, и как кроме обстоятельства, что внезапная — хотя и ненасильственная смерть Кузьмы Тимофеева не была Орднунгсгерихту законным порядком донесена, и что Кузьма похоронен был до истечения трех суток, ничего противозаконного более не оказалось, — то присутственное место должно было ограничиться заметить беспорядки как Арендатору Лециусу, так и надзирателям деревни и подтвердить им наблюдение законных установлений.

5. Наконец, Арендатор Лециус вторично объявил, что он слышал от нескольких особ, что Священник Орлов для обращения раскольников дозволяет себе угрозы, и что может наименовать тех, которые ему о том объявляли.

А как доносы священника Орлова по сему результату произведенного Орднунгсгерихтом исследования, частью оказываются неправдоподобными, частью же требуют дальнейшего исследования, для подкрепления, то имею честь всепокорнейше просить Ваше Высокопреосвященство благоволить учинить зависящее распоряжение, дабы Священник Орлов¹ понужден был доказать свои доносы законным порядком, в противном же случае поступить с ним как с клеветником.

С отличнейшим высокопочитанием и совершенною преданностию, имею честь пребыть

Вашего Высокопреосвященства

Милостивого Архипастыря

№ 9851

Рига, Сентября 5 дня 1838 года.

**Расследование «об отпадении жителя деревни Кольки
Якова Никитина Баранина из Православия в раскол» (1853–1857)**

1.²

Секретно

Рижского Военного Губернатора

и

Лифляндского, Эстляндского

¹ Со священником Алексеем Орловым жители причудских деревень конфликтовали и в дальнейшем. См.: Прощение и переписка с Лифляндским Гражданским Губернатором, Псковским Архиепископом и другими о жалобе раскольников деревень Красные Горы, Ротчина и Кольки за перепись их, произведенной по распоряжению Духовного Совета 15.03.1839 // Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. С. 110–114.

² ГИАЛ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 364. Л. 4.

и Курляндского
Генерал-Губернатора
Канцелярия.

Отделение

Секрет<ных> и духов<ных> дел.

21 июля 1853.

№ 1321

Господину Управляющему Лифляндскою Губерниею

Вследствие отношения Вашего Превосходительства от 16 июля за № 993, имею честь покорнейше просить: исследование, какое произведено будет Дерптским Орднунгсгерихтом об отпадении жителя деревни Кольки Якова Никитина Баранина из Православия в раскол, не передавая в Дерптский Ландгерихт¹, доставить мне.

Генерал-Адъютант,

Князь Италийский, граф Суворов Рымникский²

Правитель Канцелярии <подпись>

2.³

Секретно

Рижского Военного Губернатора

и

Лифляндского, Эстляндского

и Курляндского

Генерал-Губернатора

Канцелярия.

Отделение 4-е.

28-го Марта 1854.

¹ Ландгерихты — учреждены в Лифляндии и на острове Эзель (Сааремаа) на основании положений от 20 мая 1630 г. и 1 февраля 1632 г. как суды первой инстанции для рассмотрения гражданских и уголовных дел всех проживающих в уезде лиц, за исключением жалоб крестьян против помещиков. Оказывали содействие помещикам в возвращении беглых крестьян. Ликвидированы в 1889 г.

² Суворов Александр Аркадьевич, князь Италийский, граф Рымникский (1804–1882) — генерал-адъютант и генерал от инфантерии, внук генералиссимуса А. В. Суворова (1730–1800). В 1848–1861 гг. — генерал-губернатор Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, в 1861–1866 гг. санкт-петербургский военный генерал-губернатор.

³ ГИАЛ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 364. Лл. 12–13.

Господину Начальнику Лифляндской Губернии

Архиепископ Рижский и Митавский отношением от 26-го сего Марта № 307 уведомляет меня о нижеследующем:

В пребывание Его Высокопреосвященства 29-го Июня прошедшего года в селе Нос, жительствующая там Православная женщина Матрена Никитина показала при Дерптском Орднунгсрихтере и Благочинном Алексееве,¹ что она и брат ее, колькский домохозяин Яков Никитин Баранин родились от Православных родителей, что последний состоит в настоящее время в расколе. Затем, проездом чрез деревню Кольки Высокопреосвященный Платон² посетил Якова Баранина, который при тех же лицах не только подтвердил показание своей сестры, но еще объявил, что он с самого начала был приверженцем Православной церкви, перешел же в раскол в то время, когда в прибрежных Чудском озеру местах не было церквей.

Это обстоятельство, по приказанию Орднунгсрихтера, было записано Дерптским Орднунгсрихтом в журнал. Между тем Дерптский Благочинный Алексеев сделал справку о Баранине по церковным документам Дерптской Успенской Церкви и нашел, что в метрических книгах 1794 года 23-го Марта под № 29 значится его рождение, и 1815 года 31-го Января под № 12 брак его с Ириною Михайловою, в исповедных же росписях за два года показано, что он был у исповеди и Св. Причастия.

Вследствие сего Рижская Духовная Консистория предписывала Дерптскому Благочинному Алексееву, чтобы он убедил Якова Баранина оставить раскол и обратиться к Православию. Когда же Благочинный Алексеев донес, что Баранин при увещании его хотя и высказывал, что отец и мать его были Православные и заставляли соблюдать его обряды Православия, что восприемники, показанные в метриках, действительно его крестные отец и мать, и что, наконец, он, по воле родителей, бывал у исповеди и Св. Причастия, но за всем тем не внял убеждениям Алексеева об оставлении своего заблуждения; — то Баранин, чрез сношение с Лифляндским Губернским Правлением, вызван был для увещания в присутствии Рижской Духовной Консистории, но и после сделанных ему там троекратных тщательных увещаний и вразумлений об обращении из раскола в Св. Веру, он остался непреклонным, объявив причиною своего несогласия то, что с малолетства находится в расколе и веры Православной не знает, хотя родители его и были Православные и он сам хоронил их по обряду Православной церкви.

¹ Алексеев Павел Петрович (1822–1884) — протоиерей, дерптский благочинный (с 1854 г.) и профессор богословия, логики и опытной психологии Дерптского (Тартуского) университета в 1850–1884 гг.

² Платон (Городецкий) — епископ рижский в 1848–1850 гг., архиепископ рижский и митавский в 1850–1857 гг.

Не предвидя затем других мер, которые бы могли поколебать упорство Баранина, Архиепископ Рижский и Митавский, на основании 21 ст<атьи> Устава Духовных Консисторий, считает долгом просить о поступлении с Яковым¹ Бараниным по законам.

Сообщая об этом Вашему Превосходительству для зависящего распоряжения и возвращая представленное мне при отношении Вашем от 15-го Сентября минувшего года № 1434 дело Дерптского Орднунгсгерихта по вышеизложенному предмету, имею честь покорно просить Вас, Милостивый Государь, о последующем меня уведомить.

Генерал-Адъютант,
Князь Италийский, граф Суворов Рымникский
Правитель Канцелярии <подпись>

3.²Секретно

Рижского Военного
Губернатора
и
Лифляндского, Эстляндского
и Курляндского
Генерал-Губернатора
Канцелярия.
Отделение IV
16 декабря 1856.
№ 1144

Господину Начальнику Лифляндской Губернии

Имею честь покорно просить Ваше Превосходительство приказать местной полиции строго наблюдать, чтобы крестьянин Дерптского уезда мызы Алацкиви, раскольник Яков Никитин Баранин, находящийся в настоящее время для назидания в Никандровой пустыни, по возвращении своем на место своего жительства, не обнаруживал своей ереси.

Генерал-Адъютант,
Князь Италийский, граф Суворов Рымникский
Правитель Канцелярии <подпись>

¹ Так в документе.

² ГИАЛ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 364. Л. 15.

4.¹

Рижского Военного
Губернатора
и
Лифляндского, Эстляндского
и Курляндского
Генерал-Губернатора
Канцелярия.
Отделение IV
22 Генваря 1857 г.
№ 58
С.Петербург²

Господину Начальнику Лифляндской Губернии

Вследствие отношения Вашего Превосходительства от 12-го Января сего года за № 10-м, имею честь уведомить, что крестьянин Дерптского уезда, мызы Алацкиви, Яков Никитин Баранин был отправлен для наставления в Никандровскую пустынь, согласно возвращаемому при сем приговору Лифляндского Гофгерихта и вследствие состоявшегося, по поводу сказанного крестьянина, 9-го Октября 1854 года определения Рижского Секретного Совещательного Комитета.

Генерал-Адъютант,
Князь Италийский, граф Суворов Рымникский
За Правителя Канцелярии <подпись>

**Следствие над дерптским мещанином, раскольников,
Петром Ивановым Куткиным,
обвиненным в порицании святых икон и святого брака (1856)**

1.³

Рижского Военного
Губернатора
и
Лифляндского, Эстляндского
и Курляндского
Генерал-Губернатора

¹ ГИАЛ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 364. Л. 19.

² Приписка на полях: «Дело за № 823 и приговор за № 600-м при сем прилагаются».

³ ГИАЛ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 379. Л. 1.

Канцелярия.
Отделение IV
12 мая 1856.
№ 533

Господину Управляющему Лифляндской Губерниию

Препровождая при сем копию с отношения ко мне Архиепископа Рижского и Митавского от 11 текущего Мая за № 323, имею честь покорно просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение к удовлетворению изъясненного в нем требования касательно предания, на законном основании, суду Дерптского мещанина раскольника Петра Иванова Куткина,¹ и почтить меня о последующем уведомлении.

Генерал-Адъютант
Князь Италийский, граф Суворов Рымникский
Правитель Канцелярии <подпись>

2.²

<Отпуск>

К № 1155.
31 Мая 1856.
№ 6016

Дерптской Управе Благочиния

На основании предписания Господина Генерал-Губернатора Остзейского края от 15 Мая с<его> г<ода> за № 533, препровождая при сем копию с отношения к Его Светлости Архиепископа Рижского и Митавского от 11 мая за № 323, предлагаю Дерптской Управе Благочиния произвести следствие над Дерптским мещанином, раскольником, Петром Ивановым Куткиным, обвиненным в порицании Святых Икон и Святого брака, а о последующем мне донести с представлением следственного дела и с возвращением приложения.

¹ Петр Иванов Куткин в 1846 г. в связи с делом о распространении ереси дерптским окладистом Сидором Ивановым Куткиным также подвергался преследованию и на две недели был заключен в тюрьму. См.: Дело Управления Рижского Военного и Лифляндского, Эстляндского и Курляндского генерал-губернатора по секретной части о распространении ереси в д. Вороньи мещанином Сидором Куткиным // *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии*. I. Тарту, 2004. С. 142–143.

² ГИАЛ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 379. Л. 2.

3.¹

<Отпуск>

Секретно

16 июля 1856.

№ 184

Ген<ерал> Губ<ернатор>у

Вследствие предложения Вашей Св<етлости> от 15 Мая с<его> г<ода> за № 533, честь имею представить при сем на благоусмотрение Ваше доставленное ко мне при донесении Дерптского Орд<унгсгерихт>а от 27 Июня с<его> г<ода> за № 3445 следственное дело о раскольнике Петре Иванове Куткине, судимом за порицание Святых Икон и Святого Брака, вместе с переводом на русский язык протокола Орднунгсгерихта по сему делу от 20 Июня с<его> г<ода>.

Так как по следствию оказалось, что Куткин действительно порицал Св<ятые> Иконы, то, по моему мнению, следует предать его суду уголовному с передачею самого дела в Дерптский Ландгерихт, если впрочем В<аша> Св<етлость> не признает возможным, во внимание преклонных лет Куткина и откровенного признания вины своей, окончить дело административным порядком, т<о> е<сть> подвержением его трехдневному аресту и строжайшим внушением, чтобы он на будущее время не позволил себе каких-либо неприличных выражений против Православной церкви.

<подпись>

4.²Секретно

Рижского Военного

Губернатора

и

Лифляндского, Эстляндского

и Курляндского

Генерал-Губернатора

Канцелярия.

Отделение IV

8 августа 1856.

№ 835

Господину Управляющему Лифляндскою Губернию

¹ ГИАЛ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 379. Л. 7.² ГИАЛ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 379. Л. 9.

Вследствие отношения Начальника Лифляндской Губернии от 16 Июля за № 184 имею честь уведомить, что Архиепископ Рижский и Митавский согласен следственное дело о раскольнике Петре Иванове Куткине, судимом за поприцание Св<ятых> Икон и таинства брака, принимая во внимание преклонные лета и откровенное сознание подсудимого в вине своей, окончить административным порядком.

Сообщая вышеизложенное, имею честь покорно просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о том, чтобы Куткин был подвергнут трехдневному аресту, чтоб строго было внушено ему не позволять себе никаких неприличных выражений против Православной Церкви, и затем считать вышеозначенное дело оконченным.

Генерал-Адъютант,
Князь Италийский, граф Суворов Рымникский
Правитель Канцелярии <подпись>

**Уклонение жителей причудских деревень
от увещания священниками (1856)¹**

Секретно

Рижского Военного
Губернатора
и
Лифляндского, Эстляндского
и Курляндского
Генерал-Губернатора
Канцелярия.
Отделение IV
15-го мая 1856.
№ 531

Господину Управляющему Лифляндскою Губернию

Сообщив содержание отношения ко мне Г<осподина> Начальника Лифляндской Губернии от 9-го Апреля № 98 Архиепископу Рижскому и Митавскому, я получил в настоящее время следующий от него отзыв:

Епархиальное Начальство просило Дерптский Орднунгсгерихт об удержании паспортов от следующих лиц: а) от 9-го Июня 1855 года за № 2985, от уклоняющейся от исполнения Христианского долга обывательницы Красных гор² Верровской³ мещанки Акулины Петровой, с которою Носов-

¹ ГИАЛ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 377. Л. 4–7.

² Красные Горы (Красногор) — Калласте.

³ Верро — Выру.

ской¹ Священник Князев, по донесению его от 12-го Мая 1855 года за № 82, всеми мерами старался видаться для сделания ей должного увещания, но никак не мог в этом успеть, потому что она, как показал Красногорский Сотский, тотчас по возвращении своем из заработок в селение, во избежание встречи с Священником, отправляется к родственникам своим в Эстляндскую губернию, неизвестно в какое именно место; б) от 16-го Июня 1855 года за № 3100 от совратившихся из Православия в раскол крестьян мызы Каваст² Алексея и Ивана Рятиковых и мещан Артемия Коткова, Василья и Якова Сомовых, Дмитрия Кончохина, Степаниды Тысячниковой, Петра Тосмина, Ильи Таракана и Евфима Ремелева, на том основании, что первые 8 из них, по донесению Воронежского³ Священника Малеина от 1-го Мая 1855 года за № 37, не явились к нему для увещания, несмотря на приглашения Воронежского Сотского, а последние отлучаются в летнее время на работы; в) от 19-го августа 1855 года за № 4164 от совратившихся из Православия в раскол обывателей деревни Вороньи — Никиты и Филиппа Солнцевых, Косьмы Соколова, Егора Матюшенка, Георгия Трашкова, Федора и Евфимии Агаповых, Артемья и Анастасьи Трашковых, деревни Ремеука⁴ — Фомы Реметца, Афанасья и Николая Вавильевых и Гавриила Арефия, деревни Кенды⁵ — Мины, Михаила и Георгия Кузнецовых и Семена Юнкина деревни Казапели⁶, Кондратия Орлова, Емельяна Карбузова, Василья и Алексея Бархатовых, Ивана Лебедева, Якова Смирнова, Стефана Старова, Харлампия Бондерова, Михаила Тышшиника, Евфимия Плотникова, Якова и Ивана Казаревых, Григорья Кодратова, Семена Антонова, Стефана Писарева, Авдотьи Андреевой и Варвары Гавриловой, которые, по донесению Воронежского Священника Малеина от 9-го Июля 1855 года за № 53, не были приглашаемы им на увещание по причине полной уверенности его, что они не явятся к нему, если не будет сделано о том от Орднунгсгерихта никакого распоряжения, и г) от 9-го Февраля 1856 года за № 650 от уклоняющихся от исполнения Христианского долга обывательниц Красных гор Федосьи и Марьи Флоровых, которые, по донесению Священника Князева, каждую Св^ятую> Четыредесятницу уходят из селения и стараются скрыться из дома тогда, когда Священник Князев намерен посетить их.

Из вышесказанного видно, что Епархиальное Начальство распорядилось об удержании паспортов от таких лиц, которые по причине отступления их от Православной церкви и уклонения от исполнения Христианского долга, по ст<атье> 17 и 21 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного устава Духовных Консисто-

¹ Нос — Нина.

² Каваст — Кавасту.

³ Воронья — Варнья.

⁴ Ремеука — ?

⁵ Кендо — Кынну.

⁶ Казапель — Казепяэ.

рий, непременно должны подлежать духовному увещанию, но которых подвергнуть такому увещанию не предстояло никакой возможности.

По всем этим обстоятельствам Архиепископ Рижский и Митавский не находит вышеозначенное распоряжение Епархиального Начальства противозаконным, но тем не менее, избегая всяких мер, могущих лишить раскольников Дерптского уезда способа снискивать себе пропитание, — соглашается отменить сделанное Епархиальным Начальством распоряжение об удержании от вышеупомянутых лиц паспортов на время увещаний, с тем, однако, чтобы на будущее время эти лица обязаны были беспрекословно являться к Священнику по его требованию, для выслушания его увещаний и принимать его для этого в своих домах.

Имею честь сообщить об этом Вашему Превосходительству для зависящего распоряжения, покорнейше прося Вас, Милостивый Государь, почтить меня о последующем уведомлением.

Генерал-Адъютант,
Князь Италийский, граф Суворов Рымникский
Правитель Канцелярии <подпись>

**Жалоба на вредное воздействие
староверов на православных (1856)¹**

Секретно

Ведомство
Православного исповедания.
Рижская Духовная Консистория.
Секретный Стол.
г. Рига,
Сентября 12 дня 1856 г.
№ 575²

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Дерптский Благодочинный Протоиерей Алексеев донес мне, что при посещении им приходов, прилежащих к Пейпусу,³ он узнал, что тамошние раскольники всячески стараются действовать на Православных вредно своим примером, с хитрым намерением. Так, чтобы отвлекать Православных от посещения в воскресенье и праздничные дни Божиих храмов, они нарочно выезжают в эти дни

¹ ГИАЛ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 383. Л. 1–2.

² Приписка на полях: «Его Превосходительству, Г<осподину> Начальнику Лифляндской Губернии».

³ Пейпус (нем. *Peipussee*) — Чудское озеро.

на озеро ловить рыбу, почему с ними должны отправляться и Православные, которые принадлежат к их артели, а другие Православные, опасаясь предоставить выгоды одним раскольникам, сами своими артелями выезжают на лов и церковь остается пуста.

Сообщая это Вашему Превосходительству и имея в виду, что по закону (ст<атьи> 29, 30 и 31 т. XII св<ода> зак<онов> уст<ава> о предупр<еждении> и пресеч<ении> прест<уплений>) воскресные и праздничные дни должны быть посвящаемы набожному благоговению, а не работам, считаю долгом покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, сделать распоряжение, чтобы прибрежным жителям озера Пейпуса воспрещено было в помянутые дни заниматься ловлею рыбы; тем паче, что эта работа, по донесению Благочинного Алексева, делается с хитрым намерением раскольников отвлечь Православных от посещения Божиих храмов. О последующем же благоволите, Ваше Превосходительство, почтить меня уведомлением.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою,

Платон Архиепископ Рижский.

III. Составление ревизских сказок и проблема выдачи паспортов (1850–1851)

I.¹

Секретно

Управление
Рижского Военного
Губернатора
и
Лифляндского, Эстляндского
и Курляндского
Генерал-Губернатора.
7 ноября 1850.
№ 2231
Рига

Господину Начальнику Лифляндской Губернии

Командированный мною в Лифляндскую губернию, для обзора порядка написания местными начальствами ревизских сказок о раскольниках беспоповцах, — старший при мне чиновник особых поручений Надворный Советник Шмит доносит:

¹ ГИАЛ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2469. Лл. 63–66.

1) что жительствующие в Лифляндской губернии приписанные к городам Митаве, Ревелю, Везенбергу, Гапсалу, Вейсенштейну, Валку, Верро, Лемзалю и Феллину¹ раскольники уже имеют в руках своих от одних Магистратов ревизские сказки, что они приписаны по 9 народной переписи в своих обществах и, как в сказках, так и в свидетельствах, раскольники означены как законные муж и жена и дети их записаны также законными, т<о> е<сть> без означения, что они незаконнорожденные;

2) Что приписанные к городам: Риге, Вольмару и м<естечку> Шлоку² доныне не имеют еще в руках своих ни сказок, ни свидетельств и

3) Что Дерптский Магистрат выдавал раскольникам, о приписке в 9 ревизию свидетельства особо каждому члену семейства, как мужского, так и женского пола, как взрослым, так и малолетним, без означения о принадлежности к расколу и о принадлежности к такому-то семейству, а просто, что такой-то, или такая-то, приписаны по 9 ревизии к обществу г<орода> Дерпта;

4) Что при объезде им, Шмитом, мыз и деревень Дерптского уезда, поверяя Полицейские списки о жительствующих там раскольниках, встречал везде, что женщины, раскольникам сожительствующие, записаны женами сих раскольников; приступив же к исправлению списков на основании Высочайшего повеления 10 Июня 1850 года, и призывая некоторых раскольников, для спроса, каким семействам они принадлежат по рождению, он убедился, что между раскольниками существует общее понятие, будто они живут не в блудном, в законно-брачном состоянии.

Обозревая сии обстоятельства, я нахожу, что неправильное ведение полициями списков о раскольниках произошло от недостаточного понятия сими полициями правил о раскольниках и позднего получения ими предписания моего от 4 Августа за № 1564, что ж касается неправильного составления Магистратами и выдачи раскольникам в руки неправильных ревизских сказок и свидетельств, то и это также случилось чрез позднее получение на местах повеления 10 Июня, и потому, что сказки о раскольничьих семействах в прежнюю ревизию писаны были одинаково со всеми обывателями признанных правительством вероисповеданий.

По сим причинам, не обвиняя Магистраты и полиции в произошедших несообразностях в написании ревизских сказок о раскольниках, в выдаче им свидетельств и в ведении неисправных полицейских списков, я нахожу необходимым только принять меры к исправлению происшедших погрешностей и отступления от Высочайшей воли 10 Июня 1850 года. Вследствие сего покорнейше прошу Ваше Превосходительство:

¹ Митава — Елгава; Ревель — Таллинн; Везенберг — Раквере; Гапсаль — Хаапсалу; Вейсенштейн — Пайде; Валк — Валга; Лемзаль — Лимбажи; Феллин — Вильянди.

² Вольмар — Валмиера; Шлока — Слока.

1) Не отбирая ныне у раскольников тех ревизских сказок и свидетельств, которые они уже имеют в руках, приказать полициям, немедленно составив, по данной форме, согласно с имеющимися у них раскольничьими списками, свидетельства о незаконнорожденных раскольничьих детях, подлежащих внесению в ревизию при отце, и, назвав их в сих свидетельствах, как сказано в форме, незаконнорожденными, препроводить таковые свидетельства в подлежащие Магистраты тех обществ, к которым раскольники приписаны, для исправления, по содержанию сих свидетельств, ревизских сказок в тех Магистратах.

2) О женщинах, с раскольниками живущих под видом жен, также составить полициям свидетельства и препроводить их в подлежащие городские Магистраты, Городские Думы и прочие присутственные места, куда следовать будет, в те общества, которым принадлежат женщины, для внесения тех женщин в семейства, из которых они происходят.

3) Приказать Городовым Магистратам Лифляндской Губернии, равно как и прочим присутственным местам, заведывающим приемом от раскольников податей и выдачею видов на отлучки, при вносе раскольниками податей и при требовании ими паспортов и других видов на жительство, также квитанций об уплате податей (т<о> е<сть> тузиков), требовать и отбирать у раскольников выданные им неправильные ревизские сказки и свидетельства и уничтожать таковые, а вместо их снабжать раскольников другим, исправленным на основании Высочайшего повеления 10 Июня 1850, листом ревизской сказки о его семействе, буде раскольник пожелает взять таковой; в противном же случае к принятию ревизской сказки не принуждать, ибо имение таковой бумаги ими у себя нужно для самих раскольников, но не для правительства, имеющего верную ревизскую сказку.

4) Тем из раскольников, которые, скрыв полученные неправильно написанные сказки, не представят оных в возврат, запретить выдавать письменные виды и квитанции в платеже податей, доколе сказок или свидетельств не возвратят, тех же, которые бы осмелились оказать сопротивление или буйство при требовании от них сказок и свидетельств, передавать полиции, для поступления по законам.

5) Строго подтвердить всем полицейским местам и начальствам в Лифляндской губернии: раскольников в своих обществах без податных квитанций, а в округах других обществ без паспортов ни под каким предлогом не терпеть, но тотчас, как таковой раскольник окажется, поступать с ним по законам.

О действительном исполнении по сему я буду ожидать отзыва Вашего Превосходительства.

К сему неизлишним считаю присовокупить, что о настоящем предложении моем, для надлежащего руководства, я вместе с сим поставил в известность Начальников Эстляндской и Курляндской губерний; а для сведения о сем распоряжении Начальств соседних Губерний, до коих оно коснуться может, по-

тому что свидетельства о незаконных детях раскольников и о сожительствующих раскольникам женщинах будут передаваться обществам других губерний, как то Белорусских, Литовских, Псковской и С<анкт>-Петербургской, я вместе с сим вхожу в сношение с Г<осподином> Министром Внутренних Дел.

Генерал-Адъютант,

Князь Италийский, граф Суворов Рымникский

Правитель Канцелярии <подпись>

2.¹

Выписка из Отношения Министра Внутренних Дел к Остзейскому Генерал-Губернатору от 13 Декабря 1850 года № 5594.

Его Величество в 8 день сего Декабря, ВЫСОЧАЙШЕ повелеть соизволил:

1. Всех тех раскольничьих детей, коих родители беспоповцы, жившие доселе безбрачно, пожелали бы ныне присоединить их к Св<ятой> Церкви и сами повенчались бы по обряду оной, вносить в ревизию, как законнорожденных.

2. Детей, коих родители беспоповцы, жившие без повенчания, умерли или разошлись, равно как тех женщин беспоповщинского толка, кои живут доселе безбрачно, но происхождение их неизвестно, или отыскать затруднительно, вносить в особые ревизские сказки.

3. Племянников, внуков и прочих членов раскольничьих семейств записывать по ревизии под сими именами, если доказано будет, что таковое родство их с начальниками семейств происходит от законных брачных сожитий, в противном же случае писать их отдельными сказками по их происхождению, на основании Высочайшего повеления 10 Июня и

4. Дети беспоповцев, внесенные в ревизию на основании повеления 10 Июня незаконнорожденными, облагаются податями на общем со всеми лицами податных состояний основании.

Верно: за Правителя Канцелярии <подпись>

Выписывал: Чиновник Особ<ых> Поруч<ений> В. Васильев

3.²

В Присутствии Рижского Секретного Совещательного Комитета по делам о раскольниках и отступниках от Православия прибыли

5-го ноября 1851 года в 12 часов днем:

Высокопреосвященный Платон, Архиепископ Рижский и Митавский.

¹ ГИАЛ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2470. Л. 85.

² ИАЭ. Ф. 291. Оп. 8. Д. 1690. Лл. 2, 10 об.-14.

Остзейский Генерал-Губернатор, Генерал-Лейтенант, Генерал-Адъютант
Князь Италийский Граф Суворов Рымникский.

Лифляндский Вице-Губернатор, Действительный Статский Советник Кубе¹.

Начальник Рижского Таможенного Округа, Действительный Статский Советник Гессе и

Лифляндский Жандармский Штаб-Офицер полковник Гильдебрант.

Слушали:

<...>

III. № 3

Докладную записку Отделения Секретных и Духовных дел Канцелярии Остзейского Генерал-Губернатора от 30 Октября 1851 года (по делу № 44/51г.) по просьбе раскольников, жительствующих в деревнях Дерптского уезда, об освобождении их от обязанности иметь на жительство там плакатные паспорта и

Личное предложение Его Светлости, объявленное в настоящем заседании и состоявшее в нижеследующем:

а) Что раскольники, жительствующие в деревнях у Чудского озера (в Дерптском уезде) в отношении письменных видов их имеют и действуют одинаково, как и Рижские раскольники;

б) Что Рижская полиция и Рижское податное правление: первая, на основании общего закона о недопущении ничьего жительствова в ее округе без узаконенного письменного вида, требует, чтобы раскольницы, сожительствующие мужчинам под видом брачившихся по раскольничьему обычаю, имели письменные виды; и податное правление, на основании ревизских сказок 9 народной переписи, по коим сожительницы раскольников не вписаны в сказки своих сожителей, выдает им на жительство паспорта и тузики (квитанции об уплате податей), без помещения в оные сожительниц и с исключением слова: «женат»;

в) Что раскольники-мужчины не принимают подобных письменных видов и настаивают на том, чтобы они были означаемы, как было прежде, женатыми; и в отношении сожительниц, также отказываясь от взятия на них письменных видов, и именуя их своими женами, просят не беспокоить их по этому предмету;

г) Что настоящие полиции о представлении ей на сожительниц письменных видов вообще беспокоит действует на умы раскольников, тем более, что в Ригу прибывают из других губерний раскольники с паспортами, в коих они означены женатыми и даже помещены самые сожительницы, под наименованием: «жена». Хотя же Его Светлостию все неправильные виды, у прибываю-

¹ Кубе фон (Cube Johann Ludwig Ferdinand von) (1788–1855) — вице-губернатор Лифляндии в 1821–1852 гг.

ших раскольников отбираемые, препровождаются к Начальникам Губерний, откуда прибыли раскольники, но это не прекращает новых появлений из тех же губерний раскольников с такими же неправильными письменными видами.

При обсуждении сего дела Комитету представлено на справку Высочайшее повеление 8 Декабря 1850 года, объявленное в циркуляре 21 того же Декабря № 6141 и состоящее в нижеследующем: «Детям беспоповщинских раскольников и женщинам, состоящим в безбрачном с ними сожитии, разрешить оставаться по-прежнему при семействах означенных сектаторов, с тем, чтобы для временных отлучек в другие места, имели они узаконенные полицейские свидетельства от начальств тех мест где они, на основании повеления 10 Июня сего года, будут записаны по 9 ревизии».

Совещательный Комитет, рассмотрев подлежащее дело, находит:

1. Так как раскольники-беспоповцы, на основании Высочайшего повеления 10 Июня 1850 года, записаны в 9 народную перепись с исключением от них их сожительниц, которые прежде именовались по сказкам их женами, то в паспортах и всех прочих письменных видах, сим раскольникам выдаваемых, нельзя ни помещать их сожительниц, под каким бы то видом ни было, ни означать раскольников женатыми, когда не представят законного удостоверения о венчании своем в Св<ятой> Церкви.

2. Равномерно невозможно допустить и жительства раскольников при мужчинах (с которыми они сошлись без брака в церкви) без всяких письменных видов; ибо это составило бы нарушение положительного правила, состоящего в том, что никто не может быть терпим в округе полиции без письменного вида о звании своем. Но, тем не менее, нельзя требовать от сожительниц раскольников, сошедшихся с мужчинами с давнего времени и до состояния Высочайшего повеления 10 июня 1850 года, чтобы они имели непременно плакатные паспорта. От них на основании Повеления 8 Декабря 1850 года (циркуляр № 6141), можно и должно полицейскому начальству требовать лишь удостоверения, где и в каком звании они записаны в 9-ю народную перепись.

На сем основании Комитет полагает представить Господину Главному Начальнику Остзейского края дать подлежащим начальствам нижеследующее подтверждение:

1. При выдаче беспоповцам паспортов, билетов, тузиков и всяких других письменных видов, свидетельствующих о состоянии, т<о> е<сть> о личности их, отнюдь не именовать их женатыми, если не представят законного доказательства о повенчании в Св<ятой> Церкви; и тем менее не вписывать в паспорта и прочие виды их сожительниц.

2. Ни одного раскольника и раскольницы не терпеть в полицейском округе без вида о его звании. От мужчин, смотря по тому, живет ли он в своем обществе или иногородный, требовать паспорт, билет или тузик; а от женщин, если они сожительствуют мужчине в качестве жены, по раскольничьему обычаю,

удостоверение, где и как записана в 9-ю народную перепись — удостоверение сие должно заключаться или в Экземпляре ревизской сказки, именуемой в сем краю «фамильною бумагою», или в квитке, т<о> е<сть> Свидетельстве податного правления или Магистрата о записке в 9-ю перепись.

3. Правило сие о женщинах, освобождающее их при жительстве в иных обществах от имения плакатных паспортов и срочных билетов, отнести лишь на тех, которые сошлись с мужчинами до издания повеления 10 Июня 1850 года и которые действительно сожительствуют раскольникам, по обряду их, в качестве жены; но затем от всех прочих, являющихся в чужих обществах вновь в качестве сожительниц, как равно и от несожительствующих мужчине, требовать непременно узаконенные паспорта и без оных в полицейском округе не терпеть.

4. Если бы при исполнении сих правил встретилось, что который-либо из раскольников, или раскольница, откажутся взять необходимый для спокойного их жительства вид о себе, таковых при самом начале полиция обязана арестовать, на том основании, что арестуемый не имеет о своем звании письменного вида, и довести до сведения Г<осподина> Главного Начальника края на распоряжение Его Светлости.

Что же касается объявления Его Светлостию о несоблюдении Начальствами сопредельных с Ригию губерний, при снабжении тамошних раскольников письменными видами, установленных на сей предмет правил, то предоставить Его Светлости уведомить о сем Г<осподина> Министра Внутренних Дел и требовать отзыва о его распоряжениях.

4.¹

Секретно

Рижского Военного
Губернатора
и
Лифляндского, Эстляндского
и Курляндского
Генерал-Губернатора
Канцелярия.
20 ноября 1851.
№ 2222
Рига.

Господину Начальнику Лифляндской Губернии

В проезд мой, в минувшем Октябре, через Дерптский уезд, раскольницы беспоповщинской секты, жительствующие в деревнях по берегу Чудского Озера,

¹ ГИАЛ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2471. Лл. 105–106.

но приписанные не в сих деревнях, а в других обществах, обращались ко мне с просьбою об освобождении их от обязанности брать плакатные паспорта, потому что они хотя и не венчаны в св<ятой> Церкви, но сожительствуют раскольникам в качестве жен, по раскольничьему обычаю.

На основании Высочайших повелений 10 Июня и 8 Декабря 1850 года о раскольничьих сожительницах изданных, имею честь покорнейше просить приказать Дерптскому Орднунгсгерихту объявить помянутым раскольницам, обращавшимся ко мне с просьбою и которые Орднунгсгерихту известны:

1. Что я не могу допустить, чтобы сожительницы раскольников, коих они называют своими мужьями, но с которыми в церкви не венчаны, жили при сих мужчинах без всяких письменных видов, подобно женам законным;

2. Что посему они обязываются непременно иметь о звании своем и о месте приписки письменные виды, сообразно тому, как записаны в 9-ю народную перепись;

3. Что я могу допустить и допускаю¹ лишь одно для них снисхождение, законом дозволенное, а именно: все те женщины, кои сошлись с сожителями своими, по раскольничьему обычаю, в прежнее время, до издания закона 10 Июня 1850 года, могут оставаться при семействах своих сожителей не по плакатным паспортам, но только по свидетельствам о том, где и в каком звании записаны они по 9 ревизии; за тем все прочие женщины, придерживающиеся беспоповщинской секты и живущие вне общины, где приписаны, обязаны непременно иметь плакатные паспорта или кратковременные билеты, общими законами установленные.

Для объявления сего раскольницам, мне представлявшимся, не угодно ли будет настоящее предложение сообщить Дерптскому Орднунгсгерихту в копии, на русском языке; об исполнении же по сему почтить уведомлением.

Генерал-Адъютант,
Князь Италийский, граф Суворов Рымникский
Управляющий канцелярией <подпись>

---

¹ Так в документе.

Староверие в странах Балтии, Польше и Восточной Германии: 1918-1940 гг.

Г. В. Потащенко

Староверие в странах Балтии и в северо-восточной Польше представляет относительно единый регион в религиозном и историко-культурном отношении. Даже беглый взгляд на прошлое местных староверов позволяет сделать вывод о тесных церковных, культурных, хозяйственных и нередко родственных связях староверов Эстонии, Латвии, Литвы и Польши.

Следует признать, что история староверия в этом относительно едином регионе изучена недостаточно. В 1930-е гг. И. Прозоров и И. Заволоко в своих исторических трудах по староверию дали эпизодический обзор истории староверов в Балтии [Прозоров 1933, Заволоко 1990]. В 1998 г. А. Подмазов сделал попытку кратко обобщить ранний период староверия в Эстонии, Латвии и Литве [Подмазов 1993]. Словарь В. Барановского и Г. Потащенко «Староверие Балтии и Польши» (2005) приводит богатый фактический материал, позволяющий приступить к синтезу истории местного староверия¹.

---

¹ Есть несколько работ по истории старообрядчества в отдельных странах, в особенности в Польше. Следует отметить таких исследователей, как Е. Иванец, З. Ярошевич-Переславцев (Польша), А. Подмазов (Латвия), Г. Пономарева и Т. Шор (Эстония). Исследования отдельных периодов или отдельных аспектов истории староверия принадлежат перу латвийских историков А. Завариной [Заварина 1986], А. Подмазову [Podmazovs 2001], В. Никонову [Никонов 2000], эстонских историков Е. Рихтер [Рихтер 1976], Г. Пономаревой и Т. Шор [Пономарева, Шор 2006], литовских историков В. Барановского [Барановский 2000, 2004], Г. Потащенко [Потащенко 2003, 2006].

В настоящей статье сделана попытка описать один из важных периодов истории староверия в странах Балтии и Польше — годы между двумя мировыми войнами XX в. Это начало нового — поморского — периода истории староверия в данных странах (при наличии в них федосеевских приходов)¹.

Между I и II мировыми войнами староверы жили в пяти государствах балтийского региона: Эстонии, Латвии, Литве, Польше (с Вильнюсским краем в 1920–1939 гг.) и Германии (возле Экерсдорфа, ныне Войново, Польша). В 1930-х гг. в этих странах проживало около 194 тысяч староверов-беспоповцев и действовало 204 их прихода². Больше всего староверов (как и их приходов) было в Латвии, в которой они составляли до 5 % от общего числа жителей страны. Большинство старообрядческих приходов были поморскими и 10–12 % — федосеевскими; последние находились в основном в Латгалии (восточная Латвия); два — в Причудье (Эстония), а также в Войнове и его окрестностях (Германия; до 1930 г.).

ГОСУДАРСТВО И СТАРОВЕРИЕ

С провозглашения независимости Польши, Литвы, Эстонии и Латвии начался, а после войн за независимость, после принятия конституций и утвердился качественно новый период отношений между государством и староверием — период религиозного равноправия и признания. Впервые в истории балтийского староверия старообрядческие церкви

¹ В настоящей статье в основу периодизации истории староверия в балтийском регионе положены процессы церковного развития (с учетом изменения политической ситуации). Наиболее существенными этапами истории староверия здесь являются: 1) ранний период — 1659–1710 гг.; 2) собственно федосеевский период — 1710–1823 гг.; 3) федосеевско-поморский, или переходный период — 1823–1918 гг. (в восточной Латвии до 1970-х гг.); 4) поморский период — с 1918 г. по настоящее время (при наличии трех федосеевских приходов).

² В том числе 700 человек и два прихода в Пруссии, около 50 тысяч человек и 52 прихода в Польше, включая Вильнюсский край с Западной Белоруссией [Iwaniec 1977: 272], более 42 тысяч человек и 53 прихода в Литве [LCVA, f. 391, ар. 4, в. 708, л. 26], более 91 тысячи и 85 приходов в Латвии [Фейгмане 2000: 10], 10 тысяч человек и 12 приходов в Эстонии [Пономарева, Шор 2006: 31–33].

получили автономию. Правда, затем, после государственных переворотов в 1934 г. в Латвии и Эстонии, автономия церкви в этих странах была ограничена. Балтийское староверие впервые стало получать от государства финансовую поддержку.

20 мая 1923 г. правительство Литвы издало «Временные правила, регулирующие отношения между Старообрядческой Организацией Литвы и Правительством Литвы», которые впервые признали автономию СЦ¹ и оставались юридической основой отношений между государством и церковью до 1940 г. [Laikinosios taisyklės 1923]. Начиная с 1925 г. правительство регулярно оказывало СЦ некоторую финансовую поддержку. Несмотря на урезанное финансирование и повышенные требования к наставникам (например, в связи с использованием литовского языка и образовательным цензом), в 1920–1930-е гг. отношение руководства СЦ к правительству и президенту Литвы было устойчиво лояльным.

Правовое положение Восточной СЦ², не имеющей духовной иерархии, было урегулировано распоряжением президента И. Мосцицкого от 22 марта 1928 г. 28 августа того же года правительство признало устав СЦ, то есть польское государство впервые признало эту организацию, и СЦ получила полную автономию. С этого времени правительство стало оказывать ВСС финансовую помощь. Во второй половине 1920–1930-х гг. была создана и постоянно расширялась сеть правительственных школ (в 1936 г. их было свыше 200), в которых старообрядческих детей также обучали Закону Божию. Польские власти не раз подчеркивали преемственность терпимого и доброжелательного отношения государства к староверам в возрожденной Польше. Староверы же были лояльными гражданами независимой Польши.

В десяти деревнях Мазурского поозёрья в Германии проживало около 700 староверов. Их центром была Войновская община (тогда Экерсдорф). До 1939 г. религиозная жизнь протекала сравнительно свободно: власти не вмешивались в дела общины и после того, как в стране установился гитлеровский режим. Войновский женский монастырь испытывал финансовые трудности, особенно после экономического кризиса конца 1920-х – начала 1930-х гг. Русский язык не был запрещен, но немецкие школы и непростое положение этноконфессионального мень-

---

¹ Здесь и далее: при аббревиатурах см. список сокращений в конце статьи.

² Так называется СЦ в Польше.

шинства стимулировали языковую ассимиляцию. На практике же шла германизация небольшой и отчасти изолированной до 1930 г. колонии русских староверов.

В независимой Латвии староверы, как и лютеране, католики, иудеи и православные (последние испытывали сильное давление до 1926 г.), формально пользовались религиозным равноправием. Они создали новые формы религиозной организации. В 1920 г. на старообрядческом съезде в Резекне был избран Центральный комитет по делам старообрядцев Латвии, объединяющий поморцев и федосеевцев и защищающий их права в вопросах государственной и общественной жизни. Латвийское правительство выделяло средства на содержание этого Центрального комитета и издание «Старообрядческого календаря», а некоторые приходы получили земельные наделы из государственного фонда [Подмазов 2005: 362]. В 1929 г. был создан новый конкурирующий орган — Совет старообрядческих соборов и съездов в Латвии.

До 1935 г. в Латвии отношения между государством и староверами строились на старом, еще российском, законе 1906 г. об общинах, уравнившем их с другими конфессиями. После государственного переворота 15 мая 1934 г. и установления в Латвии режима К. Улманиса старообрядческие общины оказались под контролем властей. Правительство стремилось поднять авторитет религии в обществе, но вмешивалось во внутренние дела старообрядческой организации, поскольку закрыло ее центральные органы — Центральный комитет по делам старообрядцев и Совет соборов и съездов. 14 февраля 1935 г. кабинет министров издал «Закон о старообрядческих общинах», который отменил закон 17 октября 1906 г. Согласно этому закону, наставник избирался общим собранием прихода, но в должности его утверждало Управление духовных дел [Фейгмане 2000: 212]. Лидеры староверов приветствовали новый закон. Общины по-прежнему получали финансовую помощь со стороны государства, которая в конце 1930-х гг. почти удвоилась [Подмазов 1973: 68–69].

Сравнительно свободно развивала свою деятельность СЦ Эстонии. В 1924–1926 гг. двенадцать общин прошли перерегистрацию и получили права юридического лица, согласно закону Эстонии об обществах. В связи с новым законом о религиозных союзах Эстонии был принят новый Устав Союза старообрядческих общин 1934 г. (первый — в 1928 г.), а сам Союз прошел перерегистрацию. В годы правления президента К. Пятса эстонские староверы испытали давление, некоторые

наставники, отмечавшие праздники по старому стилю, были репрессированы.

Политическая жизнь балтийских староверов не отличалась особой активностью, но не была и столь пассивной, как иногда ее изображают. Более активными в политической и религиозно-общественной жизни были латвийские староверы. В 1922 г. Центральный комитет по делам старообрядцев выставил на выборах в Сейм свой список и провел в его состав М. Каллистратова. Староверы были представлены в Учредительном собрании (Ф. Павлов) и во всех четырех Сеймах Латвии (М. Каллистратов, С. Кириллов, И. Юпатов и Г. Елисеев). Они участвовали и в деятельности политических партий — Русского национального союза в Латвии, Русского трудового союза и др.

Латвийские староверы-политики были более активными и более организованными (и, к сожалению, не в меру разрозненными). В то же время из среды польских староверов вышли наиболее продвинувшиеся и знаменитые политики. В 1930–1939 гг. председатель ВСС Арсений Пимонов был сенатором Польши, избранным по государственному списку беспартийного блока сотрудничества с правительством. Он являлся единственным сенатором, на которого была возложена задача защищать интересы русского населения Польши в одном из высших законодательных органов страны. Заместитель председателя ВСС Б. Пимонов трижды избирался депутатом Сейма от беспартийного блока (1930, 1935, 1938). Он оказал заметное влияние на общественно-политическое устройство русской национальной жизни и на решение вопросов защиты прав национальных меньшинств Польши. На 1-м Всепольском съезде русских меньшинственных организаций в Варшаве в 1931 г. Б. Пимонов был избран председателем «Союза русских меньшинственных организаций», а затем и переизбран на 2-м съезде в 1934 г.

Староверы Литвы и Эстонии внесли скорее символический вклад в политическую жизнь своих стран. Но по сравнению с удельным весом русско-староверческого населения в этих странах число политиков-староверов было почти пропорционально (и в Сейме Литвы, и в Государственном собрании Эстонии — по одному, хотя и не во всех созывах парламентов). Они составляли ядро единственной русской политической организации в межвоенной Литве — Демократического союза граждан Литвы русской национальности (основан в 1920 г.). Некоторое время его председателями были М. Удалов и Е. Ерин; вообще староверами были семь из одиннадцати членов исполнительного комитета Де-

мократического союза [Старообрядческий календарь на 1930 год: 61]. Представителем русских во втором Сейме в 1923–1926 гг. был старовер Е. Ерин, член ЦСС Литвы. Некоторые эстонские староверы входили в Русский национальный союз и Русскую крестьянскую трудовую партию. В 1923–1929 гг. П. Баранин был избран депутатом от Причудского края во 2-й и 3-й состав Государственного собрания Эстонии [Пономарева, Шор 2006: 21].

ПОМОРСКИЕ ПРИХОДЫ И ЦЕРКОВНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

1920–1930-е гг. — наиболее успешный период в религиозной жизни балтийских староверов. Религиозное равноправие для староверов в независимых государствах совпало с новым периодом в истории балтийского староверия — поморским, начавшимся в 1918 г. В 1920–1930-х гг. поморцы объединились и создали свои духовные центры. Завершилось формирование полной структуры ДПЦ в каждом национальном государстве, хотя в Латвии и Эстонии не все центральные церковные органы действовали постоянно.

Староверы Латвии, где проживало большинство балтийских беспоповцев, первые приступили к объединению, хотя затем оно было осложнено из-за внутренних разногласий и вообще приостановлено в 1934 г. по решению властей. Староверы созывали Вселатвийские съезды (до 1934 г.) и создали свой духовный центр. В 1920 г. на 1-м Вселатвийском съезде в Резекне (участвовали представители 65 приходов) был избран Центральный комитет по делам старообрядцев Латвии под председательством Ф. Павлова, затем, в 1922–1926 гг., — С. Кириллова, а в 1926–1934 гг. — И. Колосова. Комитет объединял поморцев и федосеевцев, распределял между ними государственные субсидии и защищал их права в вопросах государственной и общественной жизни. Всего в 1920–1933 гг. состоялось двенадцать Вселатвийских съездов староверов, созванных Центральным комитетом. 8-й Вселатвийский съезд в Екабпилсе в 1928 г. был наиболее представительным. Наряду с другими вопросами, этот съезд обсуждал проект «Устава Старообрядческой церкви Латвии»: острые дискуссии все-таки не позволили прийти к компромиссу, а проект устава был передан на обсуждение в приходы, но принят не был.

Со временем в религиозно-общественной жизни староверов выявились острые противоречия и непримиримое размежевание. В 1929 г.

был создан новый конкурирующий орган — Совет старообрядческих соборов и съездов в Латвии во главе с «правым» С. Кирилловым, совет поддержала почти четверть приходов, среди которых были самые крупные — РГСО, Резекненская Кладбищенская и 1-я Даугавпилсская община. Но в «Латвии 15 мая», то есть после государственного переворота 1934 г., оба эти руководящих центра были закрыты властями, что стало явным вмешательством государства во внутренние дела Церкви. Церковная жизнь общин регулировалась новым «Законом о старообрядческих общинах» 1935 г. и была сравнительно успешной. Важными религиозными центрами в Латвии оставались Рига, Даугавпилс и Резекне (признанный центр федосеевцев с 1880-х гг.).

В старообрядческих течениях Латвии — поморстве и федосеевстве — сохранялись некоторые отличия в церковных уставах и различное отношение к браку. Это не мешало совместной деятельности брачных поморцев и безбрачных федосеевцев как в политической и общественной, так и в церковной и культурно-просветительской областях. В 1922–1934 гг. совместное участие поморцев и федосеевцев в деятельности Духовной комиссии, которая состояла из двух подкомиссий по восемь человек в каждой (для приемлющих брак и неприемлющих), стало устоявшейся практикой. Духовная комиссия во главе с даугавпилским наставником А. Екимовым, созданная на 1-м съезде наставников и начетчиков, решала чисто канонические и религиозно-нравственные вопросы — отдельно для поморцев и для федосеевцев, что предотвращало взаимные религиозные трения.

В 1918–1940 гг. завершилось формирование полной структуры СПЦ в Литве. 6 мая 1922 г. в Каунасе прошел 1-й Вселитовский съезд старообрядцев, избравший высший орган управления СПЦ между съездами — ЦСС Литвы. В разное время председателями ЦСС были В. Прозоров (1922–1934), А. Ефремов (1934–1938), назначенный указом министра народного просвещения вместо отстраненного В. Прозорова, и с 1938 г. по 1940 г. — известный общественный деятель, педагог и историк И. Прозоров. В 1923 г. при ЦСС была создана Духовная комиссия из пяти наставников, которая решала канонические вопросы. В 1920–1930-е гг. в Литве прошло восемь старообрядческих съездов. ЦСС объединял 54 (53) старообрядческие общины, которые обслуживали свыше 50 наставников, созывал Вселитовские съезды в Каунасе, оказывал помощь в ремонте и строительстве молитвенных домов (было построено не менее 9 новых храмов).

В 1922–1940 гг. ЦСС сыграл большую роль в объединении поморских общин, налаживании внутреннего управления и упрочении юридического положения СПЦ в Литве. ЦСС была проделана значительная работа по упорядочению метрикации в общинах: метрические книги были юридическим документом, с 1923 г. велись на литовском языке, позже также и на русском языке. ЦСС поддерживал хорошие отношения со староверами Латвии и Эстонии, его представители участвовали в соборах, съездах и других мероприятиях, проводимых в этих странах. Связи же со староверами в Польше некоторое время были затруднены из-за прекращения дипломатических отношений между Литвой и Польшей.

После присоединения Вильнюсского края к Литве в ноябре 1939 г. ВСС в Польше был упразднен, а Б. Пимонов — один из его членов — кооптирован в состав ЦСС Литвы, вильнюсский наставник Ф. Кузнецов — в состав Духовного суда. В то время ЦСС Литвы объединял около 65 старообрядческих общин Литвы (с конца 1939 г. вместе с Вильнюсским краем, но уже без Западной Белоруссии).

Старообрядческая церковь Эстонии была наименьшей по числу прихожан среди балтийских староверов, но все же сравнительно активной как в религиозно-общественной, так и в культурно-просветительской сферах. В 1922 г. в Эстонии было около 10 тысяч староверов, компактно проживавших в Причудской волости Тартуского уезда и частично в городах — Таллине и Тарту. Вслед за староверами Латвии и Литвы, уже в ноябре 1923 г. общее собрание Причудских староверов (фактически, съезд) в деревне Казепель (Казепяэ) поставило вопрос о создании общего органа церковного управления, но прежде общины необходимо было официально зарегистрировать. В 1924–1926 гг. в Эстонии оформились двенадцать старообрядческих общин: десять поморских и две федосеевские [Пономарева, Шор 2006: 33].

В июле 1928 г. в Калласте состоялся 5-й съезд, принявший «Устав Старообрядческой церкви Эстонии» и определивший церковную структуру. Согласно Уставу, высшим органом власти Церкви (Союза) был старообрядческий съезд, который должен был проводиться ежегодно ЦСС Эстонии. Между съездами жизнью общин ведал исполнительный орган — ЦСС, состоящий из шести членов, избирающихся на три года. Из своего состава ЦСС выбирал председателя, заместителя председателя, секретаря и казначея. Была учреждена Духовная комиссия, состоящая из трех членов по выбору ЦСС и трех наставников по выбору деле-

готов съезда. Председатель и секретарь Духовной комиссии избирались отдельно. Всего в 1923–1939 гг. в Эстонии прошло четырнадцать старообрядческих съездов. Председателями ЦСС Эстонии были Е. Гришаков (1928–1936), П. Баранин (1936–1938), вызвавший нарекания из-за нарушения периодичности съездов и переноса места работы ЦСС из Тарту в Таллин, Х. Березин (1938) и Л. Гришаков (январь 1939–1940). Отрезанные от России эстонские староверы поддерживали более тесные связи с латвийскими староверами, но духовно общались также с польскими и с литовскими беспоповцами.

В 1920–1930-е гг. староверие в Польше, видимо, было наиболее организованным и успешно развивающимся старообрядческим обществом балтийского региона. В 1925, 1930 и 1936 гг. в Вильнюсе прошли три Всепольских собора старообрядцев. Соборы были высшим органом управления Восточной СЦ Польши, не имеющей трехчинной иерархии, и авторитетно решали канонические и духовные вопросы. Они сыграли огромную роль в оживлении и развитии Восточной СЦ, которая объединяла 48 поморских общин (позже — 53), имевших столько же храмов. В 1930-е гг. в Польше проживало более 50 тысяч староверов-поморцев (1,6 % от общего числа населения страны в 32,1 млн. жителей).

На 1-м Всепольском соборе был принят проект устава Церкви (признан государством в 1928 г.) и избраны центральные органы ее управления: ВСС, Духовный суд и Ревизионная комиссия. Неизменным председателем ВСС в Польше был председатель Вильнюсской старообрядческой общины, хороший организатор и крупный благотворитель Арсений Пимонов. Для рассмотрения и решения канонических и религиозно-нравственных дел существовал Духовный суд при ВСС, избираемый на Всепольских соборах из достойных наставников сроком на пять лет. В 1925–1939 гг. ВСС и Духовный суд сыграли огромную роль в объединении поморских общин Польши, в налаживании внутреннего управления и юридического положения Восточной СЦ. В 1930 г. ВСС Польши начал опекать мазурских староверов в Германии.

В 1920–1930-х гг. связи между СЦ Балтии и Польши выражались в исполнении канонических форм взаимоотношений национальных (поместных) Церквей: в участии представителей одних Церквей в соборах и съездах других Церквей, в поддержке высшего религиозного и богословского образования, в обмене поздравлениями по случаю религиозных праздников и важных событий церковной жизни, в предоставлении богослужебной и другой религиозной литературы, издаваемой в от-

дельных странах, и пр. В конце 1930-х гг. местные староверы приступили к подготовке первого после I мировой войны собора Старообрядческих церквей (беспоповских), находящихся вне СССР. Однако назначенный предсоборной комиссией на осень 1939 г. собор балтийских староверов не состоялся из-за начала II мировой войны.

ФЕДОСЕЕВСКИЕ ПРИХОДЫ ЛАТВИИ, ЭСТОНИИ И ГЕРМАНИИ

В 1920–1930-х гг. в Латвии было не менее 20–25 федосеевских приходов, в Эстонии — 2 прихода, а в Германии по федосеевскому уставу жил Войновский приход, принявший в 1930 г. опеку поморского ВСС в Польше.

История федосеевцев и особенно их взаимоотношения с поморцами в довоенной Латвии и Эстонии — малоизученная тема. Поэтому здесь мы попытаемся дать лишь общую характеристику истории федосеевцев и их отношений с поморцами. Федосеевская традиция отвергала возможность совершения церковных браков, опираясь на отеческое (федосеевское, старопоморское) предание и отсутствие необходимого для этого священства. Поморская же традиция (в России с конца XVIII в., в Балтии с 1820-х гг.) признавала браки как средство продолжения человеческого рода; поморцы ссылались на нормы Св. писания. В Латвии 1920–1930-х гг. ведение метрических книг о браках было обязательным. Поэтому были случаи, когда по причине непризнания брака федосеевским наставником метрические записи вел приходской секретарь. Это могло привести к судебным преследованиям наставника со стороны светских властей.

Различное отношение к браку и некоторые различия в церковных уставах близких по сути религиозных течений все же не мешали совместной религиозной, общественной и культурно-просветительской деятельности поморцев и федосеевцев (об этом см. ниже). Резекне, один из центров Латгалии, где проживало большинство староверов Латвии, стал важным центром всего староверия страны. Резекненские федосеевцы даже выступили инициаторами объединения староверов Латвии и принимали участие в деятельности созданного в 1920 г. на I-м Вселатвийском съезде старообрядцев Центрального комитета по делам старообрядцев в Латвии. В 1922–1934 гг. участие латвийских федосеевцев в деятельности Духовной комиссии, которая состояла из двух частей (для

приемлющих брак и не приемлющих), постепенно становилось устойчивой практикой, хотя и относительно кратковременной.

Натянутость отношений между федосеевцами и брачными поморцами, возникшая еще после 1882–1883 гг., явно ослабла. Староверы все больше осознавали необходимость совместной религиозно-общественной деятельности в новых условиях, а практика крещения поморцев, переходящих в федосеевство, у местных федосеевцев к тому времени была, видимо, отменена. В Латвии и Эстонии, где часть староверов жила в городах, а большинство — в компактных сельских поселениях, поморцы и федосеевцы часто общались в религиозно-общественной, хозяйственной и культурной областях и поддерживали личные и даже родственные отношения. Тем не менее, принадлежа практически к одной СЦ в национальных государствах и сохраняя автономность общин, федосеевцы составляли особую часть в ее церковной организации как в богослужбном, так и отчасти в обрядовом и мировоззренческом отношении. Это хорошо прослеживается на двух примерах.

Первый пример — из личной жизни староверов. И. Заволоко, как известно, выходец из федосеевской семьи, активно участвовал в религиозно-просветительской и общественной деятельности совместно с поморцами. Во второй половине 1930-х гг. он был членом Совета РГСО и стал одним из самых ярких деятелей староверия Латвии XX в. Однако, принадлежа к федосеевскому течению по рождению, Заволоко постепенно стал примыкать к нему и по убеждениям. Несложившуюся семейную жизнь он воспринимал как перст судьбы, указывающий на желательность для нынешних исповедников Христа безбрачной жизни [Миролюбов 1999: 14–15]. Своим духовным отцом он выбрал федосеевского наставника Г. Фролова.

Второй пример — из истории федосеевской общины Малые Кольки в Эстонии и истории центральных органов церковного управления староверов Латвии. Малоколецкая община восемь лет не входила в Союз старообрядческих общин Эстонии, объединяющий остальные 11 общин. Лишь в 1936 г. эта община присоединилась к Союзу при его перерегистрации. Однако даже тогда федосеевские общины в составе Союза сохранили полную автономию в духовных делах, поскольку Духовной комиссии по новому уставу 1934 г. не предусматривалось [Пономарева, Шор 2006: 47]. Кроме того, следует заметить, что объединение поморцев и федосеевцев Латвии под эгидой Центрального комитета и затем, с 1929 г., еще и Совета старообрядческих соборов и съездов было важ-

ным событием, но все же осталось эпизодом в истории местного староверия до 1940 г. После 1934 г. латвийское староверие по политическим причинам не имело возможности сохранить центральные органы управления СЦ и развивалось в условиях децентрализации, то есть общины практически вернулись к традиционному пути автономной религиозной жизни, когда они самостоятельно решали многие канонические и обрядовые вопросы.

Вообще федосеевцев можно было отличить от поморцев по ряду свойственных им черт: безбрачие, особая консервативность религиозных воззрений, твердая опора на святоотеческое богословие, более ярко выраженные эсхатологические взгляды.

В 1920–1930-х гг. федосеевцы, оставаясь в меньшинстве среди балтийских староверов, сыграли заметную роль в развитии всего староверия в регионе. Уже отмечалось, что в 1920 г. резекненские федосеевцы выступили инициаторами созыва 1-го Вселатвийского съезда старообрядцев. Здесь же проходил и 2-й Вселатвийский съезд староверов. Резекне, один из центров Латгалии, где проживало большинство федосеевцев Латвии, стал снова ведущим центром местных федосеевцев. В городе было две общины: Крутовская и Кладбищенская. В 1925–1934 гг. в Резекне действовала общественно-политическая организация «Старообрядческий христианский союз в Латвии». Эта организация имела свои отделения в Двинском, Резекненском, Илукстском и Лудзенском уездах (с 1929 г. председатель С. Кириллов). Союз также занимался благотворительной деятельностью: помогал староверам и вообще русским жителям Латвии. В Резекне был создан филиал «Старообрядческого кружка ревнителю русской старины». 17 июня 1940 г., в первые дни советской оккупации, известный старообрядческий деятель И. Заволоко был посвящен в сан наставника Резекненской Кладбищенской общины. Однако служить ему в родном федосеевском приходе было суждено недолго — до ареста оставалось неполных четыре месяца.

Другим известным центром федосеевцев был Раюшский приход в Причудье. С этой федосеевской общиной связаны имена самых известных русских староверов Балтии, приверженность к старорусской вере и иконописный талант которых принес им широкую известность. Вершиной творчества иконописца Гавриила Фролова стал федосеевский храм в деревне Рая на берегу Чудского озера, над росписью которого он трудился несколько десятков лет. Многоярусный иконостас храма был завершен в 1920-е гг. и насчитывал около двухсот изображений

святых и сцен из Ветхого и Нового Заветов, принадлежавших, в основном, кисти Г. Фролова, как и большинство других икон в храме. В раяском храме были и старинные иконы [Исаков 2006; Пономарева, Шор 2006: 79–80]. Фролову принадлежат сотни икон, некоторые из них и поныне хранятся в домах и общинах причудских и латгальских староверов. Как и в дооктябрьской России, в 1920-е гг. известность Г. Фролова выходила далеко за пределы родного Причудья. Г. Фролов был не только выдающимся иконописцем, но и знатоком знаменного пения, автором духовных стихов, сочинений по догматическим и духовно-нравственным вопросам.

Еще одним большим достижением в жизни Раюшской общины было создание школы иконописи под руководством Г. Фролова. Первая в Причудье мастерская иконописи стала школой для многих старообрядческих иконописцев XX в. В числе учеников Фролова — П. Софронов, М. Солнцев, Ф. Мызников, Д. Поляков, Н. Глухов. Они принимали непосредственное участие в росписи Кикитовского, Раюшского, Муствеэского, Тартуского и других старообрядческих храмов Эстонии, а также Латвии. Самый известный из учеников — Пимен Софронов (1898–1973). В 1930 г., после смерти своего учителя, он переехал в Ригу, где при РГСО открыл иконописную мастерскую. В это время мастерство П. Софронова стало известно и в Европе. В 1932 г. по приглашению «Семинара имени Н. П. Кондакова» он отправился в Прагу, где организовал курсы иконописи. Русское общество «Икона» в Париже предложило ему стать руководителем иконописной мастерской. В 1935 г. он переехал из Франции в Югославию, где организовал трехгодичную иконописную школу, а затем, в 1939 г., переехал в Рим. Здесь он работал как иконописец и реставратор, здесь же состоялась и выставка его работ, а 54 иконы были приобретены для музея Ватикана [Шор 2005: 353–354].

РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ, ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО

Значительное внимание балтийские староверы в 1920–1930-х гг. уделяли религиозному просвещению, школьному и издательскому делу. Тогда же налаживалось издание духовной и богослужбной литературы, учебников, календарей и журналов.

Как и раньше, в 1920–1930-е гг. будущих наставников готовили в основном традиционным способом. Они обучались практике богослужения

жения индивидуально в своих общинах, непосредственно участвуя в службах, или брали частные уроки у знатоков устава и знаменного пения. Но уровень подготовки многих старообрядческих наставников и церковнослужителей все же оставлял желать лучшего. Более развитая система религиозного просвещения у балтийских староверов тогда только формировалась; в ней долго отсутствовало (этот вопрос не решен и в настоящее время) высшее звено — постоянно действующее духовное училище. Конечно, кое-что менялось в лучшую сторону. Духовные комиссии проводили проверку богословских, богослужебных знаний кандидатов в наставники.

Важным вопросом многих старообрядческих съездов и деятельности центральных органов СЦ было преподавание Закона Божия детям староверов и вообще религиозное просвещение, особенно среди молодежи. На 3-м Всепольском соборе 1936 г. в Вильнюсе Б. Пимонов с озабоченностью говорил, что отрыв молодежи «от своего корня — от старообрядчества» принял трагический характер [3-й Всепольский собор 1936]. Духовная и религиозно-просветительская работа с верующими, прежде всего с детьми и молодежью, требовала надлежаще подготовленных наставников и законоучителей. Как раз их-то крайне не хватало тогдашнему староверию. Церковное руководство староверов серьезно подошло к решению этих вопросов. При общинах действовали воскресные школы, библиотеки-читальни и различные религиозные кружки — культурно-просветительские, певческие, молодежные и т. д. Старообрядческая церковь сама была инициатором различных начинаний старообрядческих общественных организаций в деле просвещения или поддерживала их: от специальных курсов по подготовке вероучителей и издания программ, методических пособий по религии до праздников песни духовных хоров и летних лагерей отдыха, включающих элементы религиозного воспитания.

Важным достижением было проведение в 1931–1933 гг. Литовских старообрядческих духовных курсов в Каунасе. Это были двухгодичные курсы, своего рода первая духовная семинария по подготовке староверческих наставников, причетников и вероучителей; их окончило 15 или 16 человек. Преподаватели курсов подготовили ряд учебников и методических пособий. Руководитель курсов И. Прозоров написал «Историю старообрядчества» (1933), наиболее значительную историческую работу по этой тематике в межвоенный период в странах Балтии. Он также переработал учебник И. Скворцова в «Краткий курс педаго-

гики» (1930), издал «Катехизис». Участники курсов издавали журнал «Китеж-Град» (редактор И. Никитин). Всего в Литве вышло около 10 разных старообрядческих изданий.

Вообще староверие оказывало большое влияние на русское население Причудья. Между тем, на староверческих съездах Эстонии с тревогой говорилось о нарушениях старорусского уклада жизни. Было необходимо прилагать определенные усилия для поддержания традиций и веры, применять другие методы работы с молодежью. С этой целью в 1932–1940 гг. в Тарту работал старообрядческий кружок молодежи под руководством З. Кузнецова и Л. Гришакова, в котором И. Кулев обучал молодежь крюковому пению. В Муствеэ и Кикита были организованы культурно-просветительские курсы. Воскресные школы действовали в некоторых старообрядческих приходах Эстонии [Пономарева, Шор 2006: 23]. Издательская деятельность староверов Эстонии не была значительной. Выходили книги, посвященные знаменному пению и духовной жизни староверов. Наставник и иконописец Г. Фролов выпустил объемный богословский труд «Путь к прощению грехов» и брошюры «О Каиновой жертве», «Какая жизнь, такие и догматы». Он активно сотрудничал с выходившим в Риге журналом «Родная старина». Некоторые наставники и религиозные деятели также сотрудничали как с местными светскими, так и со старообрядческими изданиями Латвии и Польши. Но в основном эстонские староверы пользовались старообрядческими изданиями других стран Балтии.

Хороший пример религиозно-просветительской и издательской деятельности подали староверы Латвии и Польши. Особенно широкую просветительскую и издательскую деятельность развернули староверы Латвии. Гребенщиковское училище в Риге содержало свою воскресную школу, которую в 1930-е гг. посещало свыше 200 детей. При этом училище был основан знаменитый «Старообрядческий кружок ревнителей русской старины» (1927–1940), руководителем которого был учитель этой школы И. Заволоко. Члены кружка знакомились с произведениями русской культуры, изучали знаменное пение, проводили регулярные выставки, экскурсии, различные собеседования и вечера — духовные, певческие. Они издавали журнал «Родная старина» (1927–1933), посвященный вопросам религиозно-нравственного и национального просвещения, сборники поучений отцов Церкви «Златоструй» (1932, 1933).

«Родная старина» была одним из самых известных и популярных старообрядческих периодических изданий Балтии. Талантливый педа-

гог, организатор и общественный деятель, И. Заволоко был еще и плодотворным публицистом, автором учебных книг. Он не только редактировал «Родную старину», но и был автором большинства статей, сотрудничал также в других русских периодических изданиях Латвии. Целям духовного просвещения староверия служили и другие издания Кружка: «Альбом старинных русских узоров» (1929), два выпуска сборника «Духовные стихи старинные» (составил И. Заволоко, 1933, 1937) и пр. В 1933 г. вышли книги И. Заволоко «О старообрядцах города Риги» и «Учебник по Закону Божьему» (переиздан в 1936 г.). В 1935 г. И. Заволоко выпустил учебник «История Церкви Христовой» (переиздан в 1937 г.). В 1927–1931 гг. наставник А. Екимов в Даугавпилсе издавал «Старообрядческий календарь». Затем РГСО выпускала свой «Старообрядческий календарь» (1936–1937, 1939), а также журнал «Наставник» (1937).

Одним из самых значимых дел для староверия того времени была подготовка старообрядческих учителей, которые должны были решать другую важную задачу — школьное воспитание юношества. Для этого в Риге, как в Двинске и в Вильнюсе, проводились для них летние религиозно-просветительские курсы. В 1931 г. на 1-м Вселатвийском съезде старообрядческих вероучителей была утверждена программа преподавания Закона Божьего. В 1935 г. совет РГСО созвал 2-й Вселатвийский съезд вероучителей.

В 1930-е гг. по инициативе ВСС в Польше трижды проводились педагогические курсы для подготовки старообрядческих вероучителей. Значительным событием стал созыв 1-го Всепольского съезда (совещания) вероучителей в Вильнюсе (август 1936 г.), посвященный всестороннему обсуждению вопросов религиозного просвещения. В 1935 г. число польских государственных школ, где детям староверов преподавали Закон Божий, выросло до 171, а вероучителей — до 74 (это впечатляющие цифры, не идущие ни в какое сравнение с сегодняшним днем). Важной задачей была организация деятельности школьных инспекторов, поддержка внешкольного образования в среде староверия. Поддерживая создание старообрядческих молодежных кружков и библиотек-читален в приходах, ВСС в Польше частично финансировал их деятельность, снабжал литературой и периодическими изданиями. В Польше был издан ряд учебных пособий: «Основы понятия о вере Христовой» (1928), «Краткий Катехизис» (1928), азбука для обучения детей церковнославянскому языку и пр. Книги распространялись через

созданные при общинах книжные склады, нуждающимся ученикам учебники раздавались бесплатно. В 1925–1939 гг. ВСС в Польше издал всего 9 книг и брошюр, 12 выпусков (18 номеров, некоторые сдвоенные) «Вестника Высшего Старообрядческого Совета в Польше» (1929–1934), первого старообрядческого печатного органа в стране. В 1936–1939 гг. вышли четыре отдельных «Календаря Высшего Старообрядческого Совета в Польше» (редактор И. Романов).

РЕЛИГИОЗНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Замечательные страницы были вписаны в историю религиозно-общественной и культурной жизни русского староверия Балтии и Польши 1920–1930-х гг. По прошествии времени хорошо заметны сильные характерные черты этой деятельности — религиозный порыв, убежденность в исторической правде староверия и инициатива староверческой молодежи, нашедшая живой отклик у наставников, общественных деятелей и многих верующих людей. Впечатляет разнообразие и многогранность общественных организаций, их сравнительная массовость. В религиозно-просветительской жизни староверов того времени можно все же выделить по крайней мере две мировоззренческие позиции, два течения: прогрессивное, более открытое миру, и консервативно-охранительное, противостоящее «обмирщению». Именно последнему было суждено сыграть значительную роль, а в его формировании важное место занимали федосеевцы или лица, тяготеющие к умеренно-радикальным и эсхатологическим взглядам беспоповцев.

В 1924 г. староверы Двинска, старого регионального центра староверия, с радостью писали, что для староверия наступило «второе пробуждение» (первое — в России после 1905 г.) [Старообрядческий мир 1924: 3]. Но уже через три года из столичной Риги, другого не менее старого центра староверия, прозвучали иные голоса, иное мироощущение — консервативно-охранительное, эсхатологически окрашенное. Члены «Старообрядческого кружка ревнителей русской старины» в передовице «Родной старины» (1927 г.) писали, что «мир охвачен сатанистским началом, разрушающим религиозно-нравственные устои государственной и личной жизни». И добавляли: «Не избежало этой разрушительной волны и староверие» [«Братие-христиане!» 1997, 2]. Воодушевленные призывами протопопа Аввакума, твердой и незыблемой верой первых основоположников староверия, они видели упадок про-

свещения среди староверов своего времени, падение «любви к заветам старины», «безрелигиозные веяния современности», и как итог — равнодушие молодежи к родному, к старине, уход в безверие. Ревнителю веры четко определяли основную задачу: пробудить религиозное самосознание у молодежи, вызвать интерес к своей старине, к своей «самобытности». Им вторили и некоторые духовные отцы. Наставник Г. Фролов в той же «Родной старине» 1927 г. с тревогой писал о том, что молодые и старые пребывают в душевной спячке в момент «приближения Страшного Часа», что староверы чрезмерно привержены ко «всему новому и развращенному» и потеряли заветы старины [Фролов 1997: 6]. Среди наставников и в молодом старообрядческом поколении (а некоторые из них были с университетским образованием) тогда проявились прежние прочные консервативные корни.

Балтийские староверы стремились бережно сохранять лучшие традиции своих предков. В разных странах действовали многочисленные культурно-просветительские и общественные старообрядческие организации, религиозные кружки старообрядческой молодежи. Выходили журналы, газеты и десятки отдельных изданий, посвященных вопросам церковной истории и культуры староверов. Все же наиболее активными были латвийские, особенно рижские, староверы.

Члены «Старообрядческого кружка ревнителю русской старины» не только занимались просветительской деятельностью, но и сами собирали в Латвии памятники старины (предметы быта, старые книги, русский фольклор) и создали Музей предметов русского народного искусства; затем организовали экспедиции в Эстонию (1930), где провели раскопки в Ряпиной мызе, в Чехословакию (1930) и к прусским староверам в Германию (1930, 1936). В 1933 г. И. Заволоко, готовясь к очередной выставке кружка, обнаружил в собрании рукописей РГСО второй список шедевра древнерусской литературы XIII в. — «Слова о гибели Русской земли» (издан в 1947 г.), принесший ему редкую славу археографа-первооткрывателя.

Под руководством иконописца П. Софронова из Причудья (1929–1931), а затем причетника РГСО и иконописца К. Павлова работала иконописная мастерская. При кружке действовал смешанный духовный хор, имелась библиотека. Кружок имел свои отделы в Резекне, Даугавпилсе и Елгаве, а также в Эстонии — в Таллине и Тарту [Пазухина 1999]. Многогранная и успешная деятельность «Старообрядческого кружка ревнителю русской старины» стала одним из примечательней-

ших явлений старообрядческой общественной жизни не только довоенной Латвии, но и балтийского староверия и вообще русского зарубежья [Пазухина 1999: 64; ср. Фейгмане 2000: 209].

Заметным, особенно в 1920-х гг., было «Старообрядческое общество Латвии», основанное в 1908 г. и затем действовавшее в 1923–1940 гг. (восстановлено в 1994 г.). В 1924–1940 гг. культурно-просветительской деятельностью в Латгалии активно занималось «Даугавпилсское старообрядческое братство» (действовало еще в 1907–1915 гг.) во главе с Г. Романовым. В 1932 г. по инициативе братства был созван 1-й съезд старообрядческой молодежи Латвии, в 1938 г. организован праздник песни старообрядческих духовных хоров, собравший около 250 певцов из Латвии. Это далеко не полный перечень религиозно-просветительских обществ балтийских староверов.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

В 1920–1930-х гг. крупные приходы и некоторые общественные организации староверов, осуществляли традиционную для них благотворительную деятельность: содержали приюты для стариков, давали бесплатные обеды для нуждающихся прихожан, обеспечивали одеждой школьников из менее состоятельных семей, выдавали пособия по случаю смерти и т. д. Вот лишь несколько примеров.

Старейшим русским обществом в Латвии и вообще в странах Балтии была «Гребенчиковская старообрядческая богадельня» (около 200 проживающих), основанная еще в 1813 г. и просуществовавшая до 1940 г. С 1931 г. при Виленской старообрядческой общине действовала богадельня, рассчитанная на 20 человек (крупные пожертвования семьи Арсения Пимонова), была открыта столовая для беднейших прихожан. «Гребенчиковское общество для воспитания бедных детей» (основано в 1899 г.) оказывало материальную и духовную помощь детям из старообрядческих семей, а в 1929 г. в Риге открыло детский сад, в котором в 1939 г. было 40 детей.

Благотворительной деятельностью занимались также «Старообрядческое общество Латвии», «Даугавпилсское старообрядческое братство». При Резекненской Кладбищенской общине действовала богадельня И. П. и И. Л. Синицыных. При содействии ЦСС благотворительную помощь получили сотни членов старообрядческих приходов Литвы. В

1929–1940 гг. в Каунасе работало «Старообрядческое женское благотворительное общество».

ХРАМОСТРОИТЕЛЬСТВО

Как и в начале XX в., в 1920–1930-е гг. в Эстонии, Латвии, Литве и Польше поморцы и федосеевцы построили десятки новых храмов, некоторые достраивали, старые ремонтировали. В конце 1930-х гг. во всех четырех странах действовало наибольшее число храмов за всю 350-летнюю историю балтийского староверия — около 200. Многие из них были незатейливыми в архитектурном отношении и умеренно украшенными деревянными зданиями, сооруженными своими же сельскими прихожанами-плотниками. Но некоторые храмы, также работы местных мастеров, представляли собой великолепные памятники деревянного зодчества: пятикупольный храм в Рая с иконами кисти Г. Фролова и его учеников в многоярусном иконостасе (1910, роспись завершена в 1920-е гг., Эстония), храм-корабль с высокой шатровой колокольней в Юргелишках (начало 1930-х гг., Литва) и др. В некоторых городах — в Даугавпилсе, Резекне и др. — было несколько старообрядческих храмов. В 1930-х гг. в Даугавпилсе действовало восемь старообрядческих церквей. С тех пор Даугавпилс иногда с гордостью называют старообрядческим Иерусалимом.

В 1930 г. в Эстонии были освящены храмы в Муствезе (1927–1930), в Таллине (1930), надстроена колокольня храма в Тарту (1931). В Литве тогда было отремонтировано много старых храмов и построено не менее девяти новых — в деревне Аукштакальняй (1920), Буткунай (1933–1935), Богданцы (каменный, 1938) и т. д. ВСС в Польше также оказывал помощь по восстановлению, ремонту и строительству новых храмов, например, в деревне Гай и Юргелишки, в местечке Дукштас.

Множество храмов было восстановлено в Латвии. Немало возникло новых, например, каменный храм 1-й Новостроенской (начат в 1908–1914 гг., закончен в 1929 г., один из самых крупных в Балтийских странах) и Гривской (1939) общин в Даугавпилсе, Ливанской общины (1938), деревянные храмы в Лудза (1928), а также в деревнях Борово (1931), Пудерево (1922–1937), Римши (все три Резекненского района) и др. (см. [Старообрядческие храмы Латгалии 2004; Старообрядческие храмы Латгалии 2005]).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВСС	— Высший Старообрядческий Совет
ДПЦ	— Древлеправославная поморская церковь
РГСО	— Рижская Гребенщиковская старообрядческая община
СПЦ	— Старообрядческая поморская церковь
СЦ	— Старообрядческая Церковь
ЦСС	— Центральный Старообрядческий Совет
LCVA	— Lietuvos centrinis valstybės archyvas (Государственный центральный архив Литвы)

ИСТОЧНИКИ

- «Братие-христиане!», 1997: Родная старина, [Москва], переиздание [Родная старина, [Рига], 1927 г., пробный выпуск], 2.
- Старообрядческий календарь на 1930 год, [Рига], б. г.
- Старообрядческий мир, 1924, [Двинск], № 1.
- 3-й Всепольский собор 1936 — 3-й Всепольский старообрядческий собор [17 февраля 1936 г. в Вильно]. Материалы (машинопись, копия), Личный архив Г. Поташенко.
- Фролов Г. Е., 1997: «Заветы старины», Родная старина, [Москва], переиздание [Родная старина, [Рига], 1927 г., пробный выпуск], 6–7.
- Laikinos taisyklės 1923 — “Lietuvos sentikių organizacijos santykiams su Lietuvos vyriausybe normuoti laikonos taisyklės”, Vyriausybės žinios, 1923 m. gegužės 29 d., Nr. 132.

ЛИТЕРАТУРА

- Барановский В. 2000 — *Хранители старой веры. Страницы истории Зарасайской старообрядческой общины*. Зарасай.
- Барановский В. 2004 — *Вековые святыни. Из истории староверческих общин, храмов, кладбищ Зарасайского края*. Зарасай.
- Барановский В., Поташенко Г. 2005 — *Староверие Балтии и Польши: краткий исторический и биографический словарь*. Вильнюс.
- Заварина А. А. 1986 — *Русское население восточной Латвии во второй половине 19 – начале 20 века: Историко-этнографический очерк*. Рига.
- Заволоко И. 1990 — *История Церкви Христовой*. Рига.
- Исаков С. Г. 2006 — Андрей Рублев XX столетия (иконописец Г. Е. Фролов). Веб-ресурс: <http://www.samstar.ru/article/1139/>, последний просмотр в августе 2006 г.

- Миролубов И. 1999 — И. Н. Заволоко и церковная жизнь старообрядчества Прибалтики. *Памяти Заволоко Ивана Никифоровича. Сборник статей и материалов, посвященных 100-летию И. Н. Заволоко*. Рига. С. 3–15.
- Никонов В. 2000 — *Резекне: Очерк истории с древнейших времен до апреля 1917 года*. Рига.
- Пазухина Н. В. 1999 — И. Н. Заволоко: вехи жизненного пути. *Памяти Заволоко Ивана Никифоровича. Сборник статей и материалов, посвященных 100-летию И. Н. Заволоко*. Рига. С. 28–97.
- Подмазов А. А. 1973 — *Церковь без священства*. Рига.
- Подмазов А. А. 1993 — Старообрядчество в Балтийском регионе. Первое столетие истории. *Religija. Vesture. Dzive. Religiska dzive Latvija*. Rīga. С. 152–173.
- Подмазов А. А. 2005 — Староверие в Латвии. *Барановский В., Поташенко Г., Староверие Балтии и Польши: краткий исторический и биографический словарь*. Вильнюс. С. 359–364.
- Пономарева Г., Шор Т. 2006 — *Староверы Эстонии. Краткий исторический справочник*. Тарту.
- Поташенко Г. 2003 — Русские староверы Польши и Литвы в 1920–1930-х гг. (по материалам старообрядческой печати). *Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике*. Т. 7. Вильнюс. С. 60–84.
- Поташенко Г. 2006 — *Староверие в Литве: вторая половина XVII – начало XIX вв. Исследования, документы и материалы*. Vilnius.
- Прозоров И. 1933 — *История старообрядчества*. Каунас.
- Рихтер Е. В. 1976 — *Русское население Западного Причудья (Очерки истории, материальной и духовной культуры)*. Таллин.
- Старообрядческие храмы Латгалии (Резекненский и Лудзенский районы)*. Автор фотографий и текста В. Никонов, б. м., б. г. (2004).
- Старообрядческие храмы Латгалии (Даугавпилсский, Краславский и Прейльский районы)*. Автор фотографий и текста В. Никонов, б. м., б. г. (2005).
- Фейгмане Т. 2000 — *Русские в довоенной Латвии. На пути к интеграции*. Рига.
- Шор Т. 2005 — Софронов Пимен Максимович. *Барановский В., Поташенко Г., Староверие Балтии и Польши: краткий исторический и биографический словарь*. Вильнюс. С. 353–354.
- Iwaniec E. 1977 — *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich*. Warszawa.
- Podmazovs A. 2001 — *Vecticība Latvijā*. Rīga.

Документы о староверах в фонде «Дерптская управа благочиния» (1826-1888)¹

Т. К. Шор

Нменным указом от 13 июня 1805 года в университетском городе Дерпте Лифляндской губернии была учреждена Дерптская управа благочиния² в составе семи человек во главе с полицмейстером, квартальными надзирателями и их помощниками — городовыми. Управа, призванная осуществлять полицейский надзор за жителями города и его окрестностей, подчинялась непосредственно лифляндскому военному и гражданскому губернатору [ЦГИА ЭССР 1969: 34]. В переписке этого полицейского учреждения с различными местными, губернскими и столичными инстанциями отражалась вся многообразная жизнь провинциального городка.³ Но, прежде всего, фиксировались все отклонения от традиционного «покоя и порядка» (*“die Ruhe und Ordnung”*), которые должны были своими уси-

¹ Статья написана при поддержке Эстонского научного фонда, грант 5382.

² «Благочиние» — арх. юридический термин, обозначающий со времени русской кодификации законодательство о мерах обеспечения безопасности. Базируется на «Уставе благочиния или полицейском» и своде ряда других полицейских законов. На протяжении XIX века в городах Российской империи употреблялись оба термина — «управа благочиния» и «полицейская управа». В Прибалтике в делопроизводстве русских документов это городское учреждение вплоть до судебной реформы традиционно именовалось «управой благочиния». В немецких и эстонских документах это название переводилось как «полицейская управа (управление)» — нем. *Dorpatser Polizeiverwaltung*, эст. *Tartu politseivalitsus*.

³ В 1802 г. в Дерпте (Тарту) насчитывалось 4037 постоянных жителей, а в 1807 г. — 5800. К концу деятельности управы благочиния число жителей приблизилось к отметке 30000 человек [Berendsen, Maiste 2005: 118].

лиями поддерживать чиновники управы благочиния. Согласно административной реформе Прибалтийского края, 9 июня 1888 года управы благочиния в трех местных губерниях были упразднены, а вместо них возникли городские полицейские управления, просуществовавшие до революции.

Документы бывшей управы благочиния образуют фонд «Дерптская управа благочиния», который хранится в Историческом архиве Эстонии. До нас дошло около трех тысяч дел с 1792 по 1888 годы (фонд 1880, 2951 единица хранения) [Arhiivijuht 2003: 99]. Различные документы и переписка о надзоре за староверами (по терминологии тех лет, «раскольниками») из фонда «Дерптская управа благочиния» с характеристикой их деятельности, а также реестры и дела об учете старообрядцев, в том числе «Книги о записи браков, рождений и смертей раскольников в городе Дерпте», представляют собой комплекс документов, открывающий малоизвестные страницы истории староверия в Тарту. «Дела о раскольниках» в Дерптской управе благочиния были выделены в секретное делопроизводство с 1830 года. До этого они велись в общей системе гражданских дел как непосредственно в управе благочиния, так и в других местных органах самоуправления — магистрате и орднунгсгерихте.¹

Дерптская старообрядческая община сложилась к 1740 году [Пономарева, Шор 2006: 56]. В конце XVIII века среди местных староверов были очень зажиточные и уважаемые люди, например, гильдейские купцы Рундальцовы. Основная же масса старообрядцев принадлежала к рабочему и мещанскому окладу, в который включались люди строительных профессий, мелкие торговцы и обыватели. Для нужд староверов была построена небольшая деревянная моленная и богадельня, в

¹ Дерптский (Тартуский) магистрат как орган местного самоуправления возник во второй половине XIII века по рижскому городскому праву. После 1710 г. он вплоть до упразднения в 1878 году был подотчетен непосредственно Лифляндскому губернскому правлению [Оја 2005: 161–169]. Орднунгсгерихт (нем. *Ordnungsgericht*, эст. *sillakohus*) — сословный полицейский судебный орган, ведущий свое начало со шведских времен. На территории Эстонии, ранее принадлежавшей к Лифляндии, действовали Дерптский, Верроский, Перновский и Эзельский орднунгсгерихты. Они вели следствия по уголовным делам и приводили в исполнение приговоры высших судов. Орднунгсрихтер (нем. *Ordnungsrichter*) — глава этого судебного учреждения, избирался из состава местного дворянства.

которой проживало временами до десяти человек. К 1826 году в Дерпте насчитывалось 145 старообрядцев (70 мужчин и 75 женщин), в 1833 году — 157 (соответственно 67 и 90), в 1839 — 176 человек [ИАЭ. 1880–2–1451: 172, 204]. Рост староверческого населения был минимальным, но все же, в отличие от Ревеля (Таллина), в Дерпте община даже в самые трудные времена численно почти не сокращалась [Пономарева, Шор 2004: 176–179]. В подтверждение этого приведем статистические сведения из фонда Дерптского благочиния о староверческом населении в период с 1843 по 1851 год [ИАЭ 1880–2–1451: 243, 259, 286, 314, 319].¹

Год	Общее количество староверов		В том числе родилось детей		Число заключенных браков	Количество умерших староверов	
	Всего	Муж. / жен.	Муж.	Жен.		Муж.	Жен.
1843	186	82/104	Нет данных	3	1	–	6
1844	202	89/113	Нет данных	Нет данных	Нет данных	–	–
1845	196	89/107	Нет данных	Нет данных	Нет данных	–	–
1846	195	89/106	Нет данных	Нет данных	Нет данных	–	–
1848	188	89/99	3	2	Нет данных	3	3
1849	188	–	1	1	Нет данных	1	3
1850	186	–	1	3	Нет данных	4	4
1851	225	98/127	2	3	Нет данных	3	4

Как видно из таблицы, число старообрядцев в 1840-х г. колебалось в границах от 186 (1843) до 200 человек (максимальное число в 1844 г. — 202), причем число мужчин-староверов отличалось большей стабильностью (на протяжении четырех лет указывался один и тот же показате-

¹ Там же содержится список семей староверов Дерпта за 1839 год с полным указанием состава семей и занятий главы семейства [ИАЭ 1880–2–1454: 1–5].

тель — 89). Это объясняется тем, что в отчетах управы благочиния указывались только постоянные жители Дерпта и не учитывались лица, приписанные к другим административным единицам Российской империи. В 1851 г. численность староверов довольно заметно возросла (225 человек, из них 98 мужчин), что принудило дерптское начальство оправдываться перед рижским генерал-губернатором. Из переписки дела о староверах всплывает и другой любопытный сюжет начала 1850-х годов, о строжайшем выговоре Дерптскому полицмейстеру от Прибалтийского генерал-губернатора князя Суворова-Рымнического¹ за административный недосмотр — разрешение таблички “*Altgl[äubiges] Bethaus*”² на моленной³

В годы правления императора Николая I староверы Дерпта в русле общей правительственной политики борьбы с конфессиональным расколом подвергались особому полицейскому надзору и репрессиям. Во исполнение правительственных распоряжений в 1835 году была закрыта староверческая школа для детей, в следующем году были высланы из Дерпта 79-летний наставник Абрам Данилов и Макар Васильев за прекрещивание ими православных в старообрядчество.

Все же есть основания полагать, что власти на местах и, в частности в Дерпте, довольно терпимо относились к жившим с давних пор бок о бок с местным населением русским староверам и без указки сверху ни-

¹ Суворов-Рымнический Александр Аркадьевич (1804–1882) — генерал-адъютант и генерал от инфантерии, внук генералиссимуса А. В. Суворова. В 1848–1861 гг. — Лифляндский, Эстляндский и Курляндский генерал-губернатор, сторонник гонений на староверов. Позже Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор.

² *Altgläubiges Bethaus* — нем. старообрядческая моленная.

³ В письме генерал-губернатора говорилось: «Дошло до сведения моего, что на дверях беспоповщинской молельни в г. Дерпте имеется надпись: “Старообрядческая моленная” — *Altg. Bethaus*. Допущение существования сей надписи на моленной явно противно узаконениям, содержащемся в 61 и 77 ст. Т. ХУУ уст[ава]. опред[еления] и пресеч[ения] преступл[ений], из коих первым воспрещено раскольников именовать старообрядцами, и вторым воспрещается им наружное оказательство своей ереси. Делаю за сие Вам строжайший выговор, предписываю немедленно уничтожить означенную надпись на моленной и об исполнении сего мне донести. Генерал Адъютант Князь Итальянский граф Суворов-Рымнический. 9 февр. 1851 № 1453» [ИАЭ 1880–2–1451: 430].

каких самостоятельных шагов к притеснению этой конфессиональной группы не предпринимали. Сохранилась переписка Дерптского полицмейстера и Лифляндского гражданского губернатора о высылке и возвращении наставника Абрама Данилова из места его ссылки за 1836–1839 годы. Из документов следует, что крестьянин Абрам Данилов в 1836 году был сослан «за разные противозаконные действия в монастырь» [ИАЭ 1880–2–1453: 6]. На доставку его в монастырь из Дерптского уездного казначейства была выделена большая по тем временам сумма прогонных денег¹ — 158 руб. 22 коп., которую сопровождавший наставника жандарм Гаврила Иванов истратил без остатка. Согласно секретной инструкции, на арестанта полагалось 50 копеек в сутки. Сопровождающему предписывалось вести точный счет расходам с внесением их в особую шнуровую книгу. Пункт четвертый секретного наставления гласил: «Подтверждается тебе за арестантом Абрамом Даниловым иметь бдительнейшее смотрение, но в уважение его старости лет обходиться с ним пристойно. В случае же могущей ему приключиться болезни, препятствующей безостановочному проезду, то ты можешь остановиться, дав ему несколько отдыха. А буде долее одного дня, ты должен требовать местного доктора помощи и о таковой остановке взять непременно свидетельство, как от доктора, так и местного начальства» [ИАЭ 1880–2–1453: 24 об.–25]. Как увидим далее, это было весьма предусмотрительно. Факт получения такой большой суммы послужил основанием для доноса в июне 1836 г. лифляндскому гражданскому губернатору о том, что наставник был отвезен вовсе не в монастырь, а во Владимир. У жандарма в оправдание оказалась расписка Новоладожского земского исправника о переданном ему жандармом конверте со 137 рублями ассигнациями на содержание наставника. В результате следствия выяснилось, что Данилов сразу же после принятия православия в сентябре 1836 г. был уволен из Коневского (Коневецкого) монастыря, находившегося в Новой Ладоге (*Neu Ladoga*), и отпущен на жительство в город Дерпт с условием установления над ним полицейского надзора. Через три года Министерство внутренних дел вдруг вспомнило о нем и запросило нового дерптского полицмей-

---

¹ *Прогонные деньги* — сумма, предназначенная для расходов на «прогоны» от одной почтовой станции до другой и для смены лошадей.

стера Л. А. фон Рейца¹, какого поведения сей Абрам Данилов, «а как может быть сей крестьянин шатается или проживает где-либо в Дерптском уезде между раскольниками» [ИАЭ 1880–2–1453: 6 об.]. В ответ Рейц написал, что Данилов в Дерпте не объявлялся. Только после долгих поисков и переписки, выяснилось, что он умер в 1837 году по прибытии в Дерпт [ИАЭ 1880–2–1453: 3, 6, 11–12].

О том, насколько мало в полицейском управлении интересовались староверами, свидетельствует также «Книга для записи бракосочетавшихся, родившихся и умерших старообрядцев в молитвенном доме, проживающих в г. Дерпте» [ИАЭ 1880–2–1460]. По секретному приказу Лифляндского гражданского губернатора Дюгамеля² за № 485 от 3 ноября 1822 года старообрядческие наставники обязывались вести специальные шнуровые книги и ежегодно доносить результаты о сделанных записях браков, смертей и рождений в управу благочиния. Шнуровую книгу, для ведения которой дерптским полицмейстером Гесинским было написано специальное «наставление»³, начали регулярно заполнять в управе только с 1830 года. В январе 1834 г. всем уездным полицмейстерам был разослан новый циркуляр Лифляндского генерал-губернатора, в котором предписывалось не выдавать эти книги староверам, а для записи рожденных и умерших вести особую книгу непосредственно в управе [ЛГИА 3–1–1524: 16]. От староверов в управу благочиния подавались их метрические записи, там они вносились в

¹ Участник Бородинского сражения полицмейстер А. Л. фон Рейц (нем. *Adam Ludwig von Reutz*, 1784–1847) занял пост Дерптского полицмейстера после смерти Гесинского в 1834 году, в 1839 году он стал Ревельским полицмейстером [ИАЭ 858–1–3275; ИАЭ 1850–1–179].

² Дюгамель Осип Осипович (нем. *Joseph Duhamel*; вариант — «*du Hamel*»; 1768–1840), вице-губернатор (1806–1811), затем губернатор Лифляндской губернии (1811–1827) [ИАЭ 297–12–501, 31; DBL 1970: 177].

³ Полицмейстер Х. А. Гесинский (нем. *Christoph August von Gessinsky*, в документах встречается также написание *Gessinski*; 1755–1831) русские документы подписывал «Есинский» или «Гесинский». Начал карьеру в Дерптской управе благочиния в начале 1810-х гг., дослужился до полковника и оставил после себя небольшой капитал, которым распоряжалось Тартуское городское управление вплоть до 1940 года. После его смерти место полицмейстера оставалось некоторое время вакантным, а затем его занял полковник А. Л. фон Рейц [ИАЭ 1674–2–369, 370; 1865–2–99/4; ГАЭ 2966–2–765].

специальную шнуровую книгу, а собственно оригинал староверческой метрической книги находился в руках наставника. Поскольку наставник был из Дерпта выслан, то староверческие метрические записи хранились у исправляющего обязанности наставника купца Лаврентьева.

Интересно отметить, что с 1830 по 1833 г. в полицейском экземпляре метрики в части о браках было сделано четыре записи. Среди них находились три пары из дерптских мещан и рижский купец III гильдии Никифор Михайлович Воронцов с купеческой дочкой Натальей Павловой из Печор. Дед невесты оказался из купцов Динабурга¹. Обряд венчания совершал наставник Григорий Иванович Чернышов. Об этих случаях регистрации староверских браков, правда, с большим опозданием, стало известно губернскому начальству. В декабре 1835 г. Рижский гражданский губернатор фон Фелькерзам² предписал дерптскому полицмейстеру фон Рейцу проверить слух, правда ли, что в Дерпте «доселе раскольники там венчаются раскольническими наставниками, и многие из рижских раскольников ездят туда для повенчания, и что одного из таких наставников Георгия (sic! — *Т. III.*) Чернышева Дерптская полиция в официальных даже списках против преподанных по сему случаю правил титулует: Господином Управляющим Духовными Требами» [ИАЭ 1880–2–1451: 22]. Из отпуска (то есть копии ответа А. Л. фон Рейца, сохранившейся в деле. — *Т. III.*) следовало, что в управе в шнуровую книгу «вносятся как рождающиеся и умершие», так и вступающие в брак. По словам Рейца, не было воспрещения: «чтобы раскольники между собою наставниками их венчаемы были, почему они и поныне продолжаютя. — Впрочем, управа имеет всегда строгий надзор, дабы — во исполнение Высочайшего повеления — чтобы (sic! — *Т. III.*) не имелись бракосочетания между раскольников и православных в раскольничьих часовнях и домах их; о приезжающих из Риги в г. Дерпт раскольниках для совершения таковых браков управе ничего не известно, но что будто бы приезжий наставник Григорий Чернышев, — который уже давно здешним магистратом содержится под стражею — управою назван был в официальных бумагах “Господином Управляющим Духовными Требами”, того никогда не бывало, ибо полиция с наставником никакого письменного сношения не имела

¹ Нем. *Dünaburg*, теперь Даугавпилс, город в Латвии.

² *Foel(c)kersa(h)m Georg Friedrich, von* (1766–1848), Рижский гражданский губернатор в 1829–1847 гг. [DBL 1970: 220]

и поныне не имеет. <...> Вашему Превосходительству донося о всем вышесказанном, присовокупить честь имею, что у живущих в г. Дерпте раскольников до ныне никаких злоупотреблений не замечено, и что в противном случае управа не преминет поступить с виновными по закону» [ИАЭ 1880–2–1451: 23об].

С 1830 г. по март 1839 г. в шнуровой книге Дерптской управы благочиния было зарегистрировано 28 рождений детей старообрядцев, больше всего (6) в 1832 году. В списке умерших старообрядцев за этот период значится 46 человек, то есть умерших было в полтора раза больше, чем новорожденных. По-видимому, фиксировались не все новорожденные, часть из них приписывались к волостным обществам, а умерших до года, по всей видимости, вообще никуда не записывали.

Поскольку для захоронения взрослых на городском кладбище требовалось разрешение полиции, то смерти староверов фиксировались более регулярно и записи делались подробные. Например, под № 5 за 1831 год значилось:

«Прасковия Алексеева Рундальцева, дерптская купеческая жена, умерла 29 ноября 1831 г., похоронена 3 декабря в Дерпте, погребали М. В., И. Ники[тин], Г. И. Ч. [Григорий Иванович Чернышов. — *Т. III.*]. В семействе остался сын Ефим Минов, И. М. И. Миновы [то есть братья Рундальцовы: Иван 1-й (ум. 12.03.1858 68 лет от роду), Михаил и Иван 2-й, бывший по данным подушных ревизий моложе первого на два года. — *Т. III.*] [ИАЭ 1880–2–1460: 252; ИАЭ 1865–2–99/1: 2].

Или такая запись:

«10 марта 1835 года умер Ефим Минин (sic! — *Т. III.*) Рундальцов, от роду 48 лет, похоронили 16 марта, записал дерптский мещанин Абрам Данилов» [ИАЭ 1880–2–1460: 256].

Поскольку наставника Данилова выслали, то метрические записи за 1836 год отсутствовали и в управе благочиния, также нет записи о смерти самого Данилова. Можно предположить, что дерптские староверы в это время отправляли свои конфессиональные нужды либо в Риге, либо у причудских наставников. С 1837 г. староверческие метрики вел наставник Иван Фадеевич Птичкин, а позже зафиксировано имя Николая Тимофеевича Мошарова [ИАЭ 1880–1–157: 3–54]. В 1849 г. Н. Мошарова по распоряжению властей выслали в Везенберг (Раквере), откуда ему разрешили вернуться только в 1857 г. Еще в 1879 г. встречаются его автографы в метрической книге управы благочиния: «...и в том свидетельствую я и подписуюсь города Дерпта старообрядческий

пастырь Николай Тимофеев Мошаров с приложением моей собственной печати» [ИАЭ 1880–1–157, 13].

Следует отметить тот факт, что в 1860-х гг. стали вносить в шнуровую книгу детей, не доживших до года, чего ранее не делалось. Например, из 12 новорожденных за 1868 г. умерло 8 человек [ИАЭ Ф. 1880–1–157: 31]. Однако были среди дерптских старообрядцев и долгожители. Так, в числе умерших в 1879 г. значится «Матрена Елисеева Байнщикова, дерптская мещанка от роду 105 лет» [ИАЭ 1880–1–157: 51].

Поначалу в книге точно отмечались имя, отчество, иногда фамилия и возраст умершего, дата смерти, погребения и оставшиеся члены его семьи. В более поздних записях эти подробности, к сожалению, исчезают. В 1838 году на запрос губернской канцелярии о порядке крещения и погребения раскольников в г. Дерпте местный полицмейстер отвечал, что погребают «без всяких церемоний в самой тишине», а крещение происходит по обряду раскольников феодосеевского согласия [ИАЭ 1880–2–1451, 29–29 об.].

Шнуровая книга дерптских старообрядцев за 1840–1848 гг. нами в фонде не обнаружена. Судя по записям, с февраля 1849 по 1857 гг. обязанности наставника исполнял упомянутый нами выше «учитель раскола» купец Трофим Лаврентьев, а затем Николай Мошаров и Прокофий Иванович Кондратьев.

В фонде Дерптской управы благочиния сохранилась книга записи рождений и смертей староверов за 1849–1880 гг. В ней более регулярно фиксируются фамилии староверов, окончательно закрепляясь после подушных ревизий 1850 и 1857 гг. Именно в этой книге было дважды вписано свидетельство о рождении будущего директора Юрьевской Александровской гимназии Григория Васильевича Бархова [Шор 2005: 104–106]. Сначала он был внесен в общий список рожденных детей за 1859 г., а затем, по свидетельству Трофима Лаврентьевича Бархова и Николая Тимофеевича Мошарова, «вписан дополнительно по просьбе помянутого отца 7 января 1871 г. Показание это дано г. Полицейстеру 7 января 1871 года» [ИАЭ 1880–1–157: 12 об.]. Свидетельство о рождении требовалось Г. В. Бархову для поступления в Дерптскую гимназию, а затем оно вместе с разрешением на учебу, подписанное его отцом, перекочевало в канцелярию Дерптского университета [ИАЭ 402–2–891: 12 об.].

Несмотря на то, что в предписаниях из Риги требовалось, чтобы все случаи рождения и смерти старообрядцев записывались немедленно, на самом деле шнуровая книга заполнялась чиновником управы благочи-

ния в конце года по представленному из старообрядческой моленной списку, в случаях нужды записи могли вноситься и позже. До начала 1853 г. в шнуровой книге регулярно отмечалось имя наставника, позже оно всплывает лишь в отдельных случаях.

Записи рождения, смерти и браков староверов в фонде Дерптского благочиния являются уникальными источниками для восстановления генеалогии тартуских староверческих родов в 1830–1880 гг. В них представлены сведения о семьях Абрамовых, Авсеевых, Анушкиных, Байншиковых, Бараниных, Барховых, Бархатовых, Белобровых, Будариных, Бударовых, Галафеевых, Гамзиных, Горюновых, Добрынкиных, Долговых, Замостовских, Козловых, Каменщиковых, Колосовых, Кондратьевых, Капаевых, Костинских, Крендиных, Кузнецовых, Лесниковых, Мадисонов, Максимовых, Мануйловых, Орловых, Плешанковых, Пустошка, Ремецев, Репкиных, Ру(о)ндальцовых, Савосткиных, Скалковых, Соколовых, Солецких, Спирковых, Хо(а)вановых, Федоровых, Феклистовых, Фоминых, Фомичовых, Шле(я)ндуховых и т. д.

Поскольку дерптская община была безбрачной, то, помимо упомянутых выше четырех случаев регистрации браков в моленной в самом начале 1830-х годов, позже они не фиксировались. Лишь в 1880 г. в управе благочиния было внесено еще 6 записей браков староверов в годом раньше заведенную специальную «Книгу для внесения объявлений о желании записать брак в полицейскую метрическую книгу» [ИАЭ 1880–2–158: л. 1–8]. Книга доведена до 1888 г., и в ней содержатся сведения о 15 парах старообрядцев, пожелавших объявить о своем браке. Возраст женихов-староверов колебался от 20 до 40 лет, а невесты были в возрасте 17–39 лет.

Другим важным источником истории тартуских староверов, сохранившимся в фонде «Дерптская управа благочиния», является дело о пришлых старообрядцах, постоянно проживающих в Дерпте за 1850–1857 гг. [ИАЭ 1880–2–1459: л. 1–103]. Начиная с IX подушной ревизии 1850 г., можно говорить о достоверных данных по поводу количества, происхождения и состава семей проживающих в Тарту староверов. Подобные обзоры делались и ранее, например, упомянутый нами выше «*Verzeichnis der in Dorpat befindlichen Altgläubigen pro 1839*» [ИАЭ 1880–2–1454], но в них отмечались только приписанные к городу семьи, а пришлые, как правило, трудно поддавались учету. В первом выпуске книги «Очерки по истории и культуре староверов Эстонии»

Е. А. Агеева опубликовала «ревизские сказки»¹ за 1850 г. староверов Причудья [Очерки 2004: 26]. Однако городские старообрядцы Южной Эстонии оказались вне поля зрения, а их число было довольно значительно. Если в предыдущих ревизиях староверов записывали в общие сословные списки и формы ревизий заполнялись на основе старых записей и со слов ревизуемых душ, то с 1850 г. стали требовать отдельную «Ведомость по раскольникам, проживающим в Дерпте», подтвержденную свидетельствами из управы благочиния. В связи с этим не только горожане, но и все прибывающие в город лица должны были зарегистрироваться в управе благочиния. На руки им выдавался экземпляр «свидетельства» о составе семьи, на основании которого в подушные ревизии вносились сведения о детях староверов-беспоповцев, родившихся от гражданского брака. Отметим, что по сравнению с ревизионными данными в деле управы благочиния дополнительно имеются очень важные указания на конфессиональную принадлежность каждого члена семьи, тогда как в ревизских сказках этого различия не делалось. Таких свидетельств по Тарту набирается более чем на семьдесят староверческих семей. В этом же деле находится черновик «Ревизского списка раскольников города Дерпта, не признающих духовенства и браков» за 1850 г.

В начале 1850-х гг. секретная переписка о староверах объединяется под общим грифом «О польских политических поднадзорных, об укрывающихся криминальных личностях, об аресте преподавателей университета, о беглых поляках, раскольниках, крестьянах и евреях» [ИАЭ 1880–1–14]. Характерно, что дела поляков, староверов и евреев рассматриваются в одном ряду с криминальными. Здесь следует выделить секретный запрос из канцелярии Лифляндского гражданского губернатора по поводу характеристики купца 3 гильдии, автора «Эсто-русского словаря для православных училищ» Ивана Михайлова Лунина, поскольку было известно, что многие русские купеческие семьи были смешанными

¹ «Ревизская сказка» или «ревизский список» — так назывались изданные типографским способом специальные формы ведомости, служащей фискальным документом для определения подушного налогового обложения. В них под номерами регистрировались все семьи с указанием пола и возраста всех членов семейства отдельно по всем социальным группам. В городах составлялись отдельные ревизии на купцов (по гильдиям), ремесленников, рабочих людей и обывателей (горожан, мещан).

в конфессиональном отношении. В стандартном ответе дерптского полицмейстера говорилось, «что 3-й гильдии купеческий брат Михайла Иванов Лунин от роду 40 лет, поведения хорошего, холост, вероисповедания православного и никогда не принадлежал к расколу ни к скопцам, и под судом и следствием не бывал» [ИАЭ 1880–1–14: 13, 14].

В начале 60-х годов XIX века правительство, занятое глобальными реформами, оставило староверов в относительном покое. В 1862 г. на средства общины началось строительство деревянной старообрядческой моленной на улице Пыйк (рус. название «Поперечная»), без колокольни и особых отличий. Вдова Анастасия Кораблева выделила для строительства моленной участок на городской земле под крепостным номером 296. Его перекупил у нее в 1864 г. Василий Тимофеевич Бархов. 11 декабря 1865 г. участок «с деревянным крепким домом по Поперечной улице» был закреплен за купцом Семеном Петровичем Рундальцовым, который принимал деятельное участие в строительстве моленной [Пономарева, Шор 2006: 56–59]. С этого времени в ознаменование нового этапа в жизни старообрядческого общества староверы Тарту стали совершать богослужения в новом молитвенном доме без стеснений со стороны управы благочиния.

ИСТОЧНИКИ

Исторический архив Эстонии (ИАЭ; Тарту):

- ИАЭ 1880–1–14 — Akta der doerptsche Polizeiverwaltung, Vol. II Geheime Zirkulare und Briefwechsel mit den Gouverneuren dem Dorpater Ordnungsgericht u.a. über Nachforschung von politisch- und kriminellverdächtigen Personen, Verhaftung von Lehrkräften der Universität, das Entlaufen von Polen, Raskolniken, Bauern und Juden. 1851–1855.
- ИАЭ 1880–1–157 — Register über Geburts- und Sterbefälle der Raskolniken. 1848–1880.
- ИАЭ 1880–1–158 — Книга Дерптской управы благочиния для внесения объявлений о желании записать брак в полицейскую метрическую книгу... за 1878–1888 год.
- ИАЭ 1880–1–159 — Publikationen über Verhelichung von Raskolniken. 1883–1888.
- ИАЭ 1880–2–31 — Patente der Livländischen Gouvernementregierung über den Glauben der griechisch-orthodoxen Kirche annehmende Verbrecher. 1826.
- ИАЭ 1880–2–1451 — Akta Juris Dörptschen Polizeiverwaltung, betreffend Raskolniken. 1834–1851.

ИАЭ 1880–2–1453 — Akta Juris Dörptschen Polizeiverwaltung. Briefwechsel mit dem Generalgouverneur von Liv-, Est und Kurland, dem Livl. Zivilgouverneur u.a. über die Raskolnik Abram Danilow. 1836–1836.

ИАЭ 1880–2–1454 — Verzeichnis der in Dorpat befindlichen Altgläubigen pro 1839.

ИАЭ 1880–2–1459 — Revisjonliste und Attestate betreffend die Raskolniken. 1850–1852.

ИАЭ 297–12–501 — Списки лифляндских, эстляндских и курляндских генерал-губернаторов, губернаторов, вице-губернаторов и других чиновников губернских правлений Прибалтийских губерний. 1710–1912.

ИАЭ 402–2–891 — Barchow Grigory. 1879.

ИАЭ 1850–1–179 — Adelige Familie der livländischen Ritterschaft von Reutz.

ИАЭ 858–1–3275 — Akte betreffend die Nachlaßschulden des verstorbenen Revalschen Polizeimeisters von Reutz 1847–1848.

Государственный архив Эстонии (ГАЭ):

ГАЭ 2966–2–765 — Ülevaade ja kirjavahetus Gessinski kapitali kasutamise kohta 22.12.1919–27.09.1924.

Латвийский государственный исторический архив (ЛГИА):

ЛГИА 3–1–1524 — Канцелярия Лифляндского генерал-губернатора. О проживающих в Лифляндии старообрядцах и раскольниках. 1836.

ЛИТЕРАТУРА

- Очерки 2004 — О переписи староверов Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 26.
- Пономарева Г., Шор Т. 2004 — Старообрядцы Эстляндской губернии в XIX веке. *Труды русского исследовательского центра*. Вып. 3. Ред. В. А. Бойков. Таллинн, 74–99.
- Пономарева Г., Шор Т. 2006 — *Eesti vanausulised. Väike kirikuloo teatmik. — Староверы Эстонии. — The Old Believers of Estonia*. Tartu.
- ЦГИА 1969 — *Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР. Путеводитель*. Ред. Н. В. Бржостовская. Москва–Тарту.
- Шор Т. 2005 — Педагог Григорий Васильевич Бархов. *Биографика I. Русские деятели в Эстонии XX века*. Отв. ред. С. Г. Исаков. Тарту, 104–148.
- Arhiivijuht I 2003 — *Arhiivijuht I. Riigi-, kohtu- ja omavalitsusasutused*. Koost. Lea Leppik. Tartu.
- Berendsen, Maiste 2005 — Berendsen, Veiko, Maiste, Margus, Rahvastik. – *Tartu. Ajalugu ja kultuurilugu*. Koost. Heivi Pullerits. Tartu, 107–134.
- DBL 1970 — *Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710–1960*. Hrsg. von Wilhelm Lenz. Köln, Wien.
- Oja 2005 — Oja, Tiit. Linna valetsemine. – *Tartu. Ajalugu ja kultuurilugu*. Koost. Heivi Pullerits. Tartu, 159–186.

Старообрядческие храмы в эстонской архитектуре 1920-30-х годов

Р. Трейфельдт

ЭСТОНСКАЯ САКРАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА 1920–30-Х ГОДОВ

По окончании Первой мировой и Освободительной войн в Эстонии преимущественно достраивали храмы, оставшиеся недостроенными перед войной, или восстанавливали разрушенные во время войны. Строительство новых храмов в первые годы существования Эстонской Республики (1918–1925 гг.) было редкостью, в 1925 г. их было возведено только четыре [Tamm 2001: 11]. В это число не включена первая старообрядческая моленная, построенная в том же году, — храм на улице Лаулупео в Таллине. К настоящему времени данные Э. Тамма существенно дополнены, тем не менее, они свидетельствуют о незначительной активности строительной деятельности в этот период.

Моленная на улице Лаулупео в течение длительного времени оставалась единственной новой постройкой среди староверских храмов. Строительство храмов стало оживляться лишь во второй половине 1920-х годов. По сравнению с первой половиной десятилетия оно возросло в три раза [там же: 10–15]. Немалую роль в активизации строительной деятельности сыграло улучшение экономического положения страны.

Экономический кризис 1929–1933 годов повлек за собой интенсификацию строительства в стране в силу удешевления рабочей силы и некоторых стройматериалов. Количество строящихся храмов возросло почти вдвое в начале 1930-х годов, однако к концу десятилетия оно снова существенно сократилось.

Строительство староверских храмов в меньшей мере зависело от стоимости рабочей силы, так как, будучи умелыми строителями, большую часть работ староверы выполняли сами. Тем не менее, в этот период они в основном возводили небольшие деревянные здания, на строительство которых рост цен не оказывал существенного влияния.

По имеющимся данным, в период между двумя мировыми войнами старообрядческие храмы проектировались, возводились или перестраивались в десяти случаях. Четыре из них были новыми постройками, пять храмов были перестроены, или к ним были сделаны пристройки. Один проект остался незавершенным.

1. Храм на ул. Лаулупео 24 в Таллине (находился на территории нынешней Немецкой гимназии в Кадриорге, ул. Гонсиори 38). 1924–1925, новая постройка.

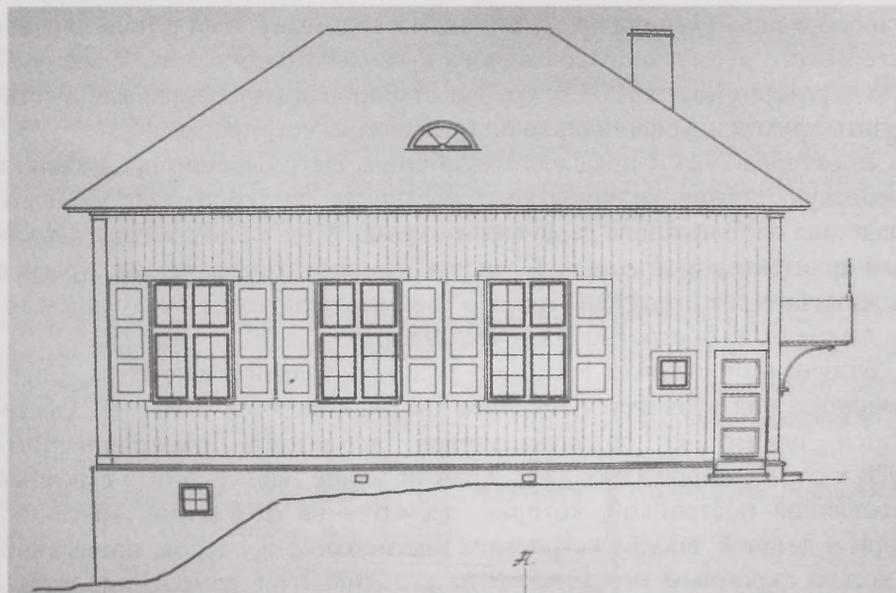

Рис. 1. Боковой фасад моленной на улице Лаулупео 24 [TLAA 2950, leht 15].

История старообрядчества в Таллине начинается, по всей вероятности, в начале XVIII в., с возникновения Новой Слободы недалеко от Фоннентала, где тогда находился летний царский дворец (нем. *Fonnnenthal*, затем *Katharinenthal*, ныне Кадриорг). В слободе проживали работав-

шие на строительстве дворца каторжане и ссыльно-поселенцы из Палдиски, среди которых, по-видимому, были и староверы.

Территория поселения была довольно влажная, болотистая, с несколькими водоемами, один из них находился в районе появившегося позднее старообрядческого кладбища [ЕАМ ф. 118, о. 1, д. 92; ЕАА ф. 854, о. 4, д. 46]. По всей вероятности, кладбище возникло как место захоронения каторжан, со временем на нем появилась и отдельная часть для староверов.

В 1807 г. на участке находились маленький храм, богадельня и кладбище. Предположительно, в 1880-е гг. территория была обнесена забором, и кладбище было отделено. Его закрыли в 1898 г., поэтому в начале XX столетия оно было уже известно и даже обозначено на картах как «бывшее старообрядческое кладбище».

Определенная часть его все же каким-то образом осталась в руках старообрядцев. Официально участок, по-видимому, был в пользовании Ревельского русского православного купеческого общества. После указа о веротерпимости 1905 г. группа старообрядцев собиралась восстановить приход, но официально он не был зарегистрирован.

16 октября 1924 г. председатель общины Петр Баранин представил в городскую управу ходатайство о постройке на территории бывшего кладбища одноэтажного деревянного храма. Уже в том же году известным архитектором Антоном Соансом был подготовлен проект храма и было начато его строительство. По всей вероятности, в следующем году здание было достроено [ТЛЛАА, 2950].

Будучи выпускником Рижского политехнического института, Соанс находился под влиянием немецкого традиционализма 1910-х гг. Он является одним из родоначальников эстонского традиционализма 1920-х гг. [Künnapuu 1996: 482]. Храм на улице Лаулупео был скромной деревянной постройкой, которая, несмотря на отсутствие «русских» форм и деталей, вполне устраивала заказчиков-староверов, привыкших к весьма скромным моленным и не стремившихся демонстрировать в храмовой архитектуре свое религиозно-культурное своеобразие.

Храм просуществовал недолго, здание сгорело во время пожара, возникшего по неосторожности. По неизвестным причинам приход больше его не восстанавливал, в дальнейшем помещения под храм арендовались в разных местах.

До сих пор рядом со стадионом Немецкой гимназии в Кадриорге заметен небольшой холм и несколько старых деревьев, напоминающих о

находившемся когда-то здесь храме. В начале 1960-х гг. при постройке гимназии на этом месте было обнаружено большое количество человеческих останков, которые в дальнейшем были погребены не в староверской части кладбища Лийва, а в заброшенной части Александровского кладбища.

2. Первый вариант моленной в Муствез. 1927, проект.

Об этом проекте известно по опубликованному в газете эскизу [Ponomarjova, Šor 2006: 75]. Автор его неизвестен. Спроектированное им здание напоминает то, которое позднее было реально возведено, но исходное архитектурное решение следует признать более удачным. Неизвестный архитектор был значительно профессиональнее, чем сменивший его проектировщик Й. Янсен.

Возможно, первоначальный вариант был разработан при участии Анатолия Алексеевича Подчекаева, так как в дальнейшем именно он проектировал дом для православного причта в Муствез [письмо Подчекаева к муствезскому священнику Павлу Горшкову, 18/II 1937. Из архива Александра Дормидонтова].

Вероятно, вначале был заказан довольно солидный проект, который с течением времени в силу финансовых затруднений был заменен другим, весьма непритязательным.

3. Моленная в Вяйке-Колькья. 1928, новая постройка.

Первый скромный деревянный храм был построен в 1874 г. Во второй половине 1920-х гг. его хотели перестроить, однако здание было в плохом состоянии, поэтому в 1928 г. была построена новая моленная. Ни о проекте, ни об архитекторе ничего не известно. Возможно, автором был какой-то малоизвестный строительный мастер, или здание, вопреки закону, было возведено без всякого проекта, с опорой на предшествующий богатый строительный опыт.

4. Храм в Муствез. 1928–1930, новая постройка.

Храм собирались построить еще до начала Первой мировой войны, но война перечеркнула этот план, как и почти все другие планы строительства каких-либо церковных построек. Проектирование было возобновлено лишь в 1927 г. Новое здание планировалось довольно большим и представительным.

В дальнейшем проект упростили или заказали новый. Автором проекта, или данной стадии проекта, был Й. Янсен. Вероятно, он был инженером или мастером-строителем, ибо о других его проектах и творчестве в целом ничего не известно.

*Рис. 2. Реализованный храм в Муствеэ
[Пономарёва, Шор 2006: 70].*

Здание было закончено позднее, возможно, по другому проекту. В Эстонии 1920–30-х гг. в зависимости от финансовых условий практиковалось попеременное использование в ходе строительства то более дорогих, то более дешевых материалов (например, замена штукатурки дощатой обшивкой была обычным явлением) [Treufeldt 2004: 100–101].

5. Храм на углу ул. Канарбику и Нельги в Таллине (ныне ул. Кибувитса 6). 1930, новая постройка.

Этот храм был возведен в соответствии с последней волей Степаниды Мязберг, скончавшейся 3 апреля 1930 г. Вдовец покойной, Адо (Адам) Мязберг, лютеранин, был совладельцем земельного участка в предместье Лиллекюла в Таллине. Он выкупил остальную часть земли и подарил весь участок старообрядческому приходу.

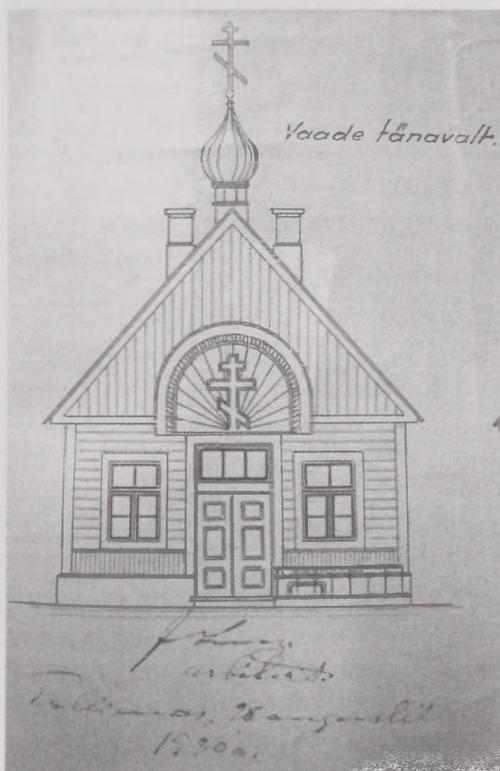

Рис. 3. Главный фасад моленной на ул. Кибувитса 6 в Таллине [TLAA 5152, лист 5]

Мязберг сам руководил планированием участка и строительством храма, которое было закончено в декабре. Храм в честь Иконы Благовещения Божьей матери был освящен 23/ХІІ 1930.

Проект был выполнен Йозепом Лукком, который получил диплом инженера-технолога в Петроградском политехническом институте во время Первой мировой войны, однако под проектом он подписался как архитектор [TLAA, 5152]. О его деятельности в качестве строителя свидетельствуют лишь несколько деревянных домов в предместьях Таллина.

Главный вход в моленную был со стороны улицы Нельги (ныне ул. Лоо). Его украшала дощатая обшивка в виде лучей солнца и крест. Кровлю венчал барабан с куполом в виде лу-

ковицы и крестом. Неизвестно, все ли украшения, предусмотренные проектом, были выполнены в реальности. Как и в других случаях, здесь также могла действовать общая тенденция упрощения проекта по мере строительства.

6. Моленная на ул. Пыйк в Тарту (ныне Пыйк 10). 1931, перестройка.

В 1862 г. было построено простое деревянное здание моленной. Идея перестройки храма и пристройки к нему колокольни возникла в 1930 г. Проект был выполнен архитектором Анатолием Алексеевичем Подчекаевым в том же году [ТЛМОА 239/ 19].

Через год снесли деревянный притвор и построили открытое каменное крыльцо в псковском стиле¹ с новым каменным притвором, над которым возвели деревянную колокольню.

Выделению моленной на фоне окружавших ее неприязнительных деревянных построек способствовали ограда и ворота, спроектированные архитектором Николаем Кузьминым в 1938 г. и, очевидно, в том же году построенные. Храм сгорел во время Второй мировой войны 18 июля 1941 г. Сохранились лишь каменные стены крыльца и притвора [ТЛМОА 239/ 19].

После длительных ходатайств в 1950 г. приходу было разрешено построить моленную с использованием сохранившихся каменных частей здания. Несколько изменилось местонахождение

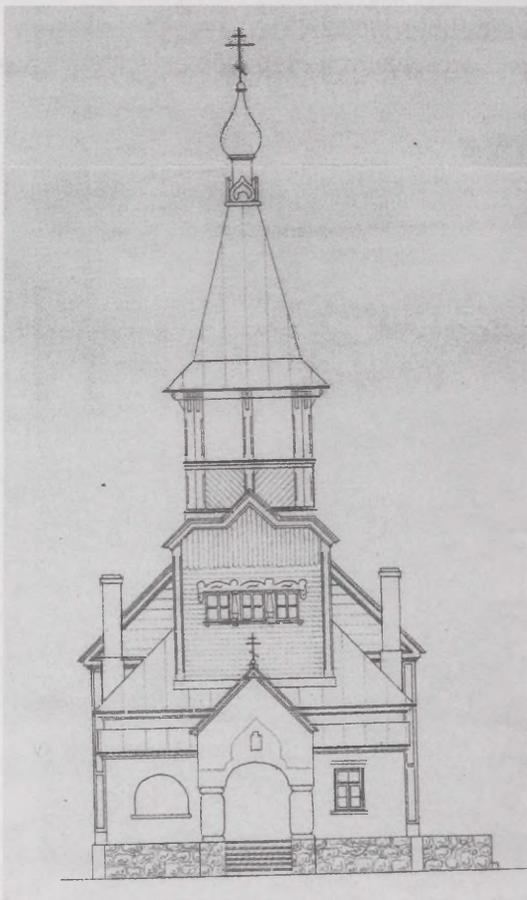

Рис. 4. Пристройка к моленной в Тарту, вид спереди (Пыйк 10) [ТЛМОА 239/19].

¹ А. А. Подчекаев был родом с южной Псковщины и до бегства в Эстонию работал во Пскове и Псковской губернии.

ние храма, но при этом значительно преобразовалась архитектоника здания, оно стало более громоздким. О предвоенной постройке напоминает лишь ограда.

7. Второй этап строительства моленной в Таллине. 1931–1932, пристройка.

15 августа 1931 г. художнику-архитектору Николаю Тамму-младшему почти сразу по окончании строительства храма был заказан проект пристройки к нему. Городские власти заверили проект, однако сделали замечание относительно неудачной планировки помещений, то есть пристройка была спроектирована недостаточно профессионально [TLAA, 5152].

Возле главного входа были пристроены подсобные помещения, а сам главный вход перенесен на бывший боковой фасад здания, выходящий на улицу Канарбику (ныне ул. Кибувитса). Прежний лицевой фасад, выходящий на ул. Нельги (ныне ул. Лоо), был решен в архитектурном плане значительно скромнее, чем раньше.

Главный купол, как и ранее, располагался над залом. На навесе над входом, выполненном в стиле модерн, был помещен малый купол в виде луковицы. Новый главный вход расположили над входом в подвал. По всей вероятности, перестройка была закончена в следующем, 1932 г. Как и в остальных случаях, неизвестно, были ли выполнены все запроектированные декоративные детали здания.

Во время Второй мировой войны пострадала крыша храма. Если на ней и была башня, то теперь ее не стало, и в советский период ее не восстанавливали. По другим сведениям, купола и навес над главным входом были сняты в 1960-х гг., когда по всему Таллину церкви либо закрывались, либо с них удалялась религиозная символика. В этот период сбоку к зданию пристроили притвор с подсобными помещениями, плохо сочетавшийся с его основной частью.

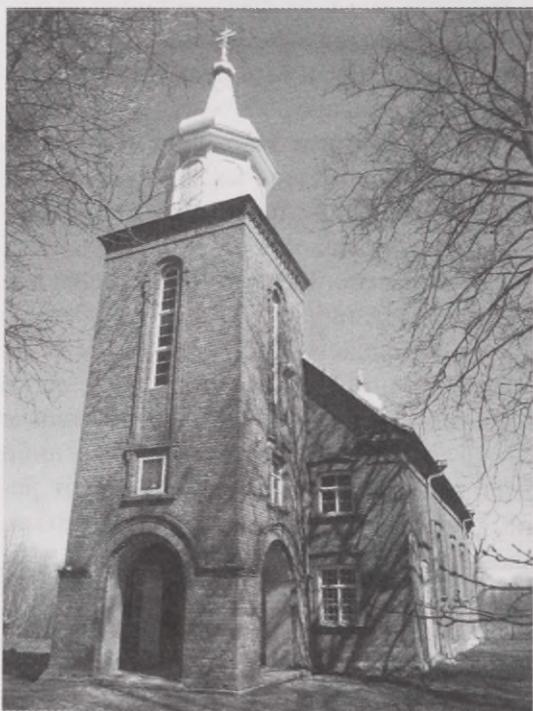
Сейчас здание приводится в порядок, составляется проект его реставрации. Предполагается, не копируя, восстановить на основе прежнего проекта купол на кровле и навес над входом. Внешний вид здания существенно улучшит солидный притвор, который планируется пристроить к боковому фасаду.

8. Моленная в Муствез. 3-й этап. 1933, перестройка.

По всей вероятности, мы имеем здесь дело не с отдельным проектом, а с завершением комплекса работ по устранению недоделок в строительстве нового храма в Муствез (строился в 1927–1930 гг.) и появлением в этом процессе некоторых внешних изменений. Несколько разные приемы оформления позволяют все же предполагать, что для оштукатуривания бревенчатого здания был заказан специальный проект. Возможно также, что отдельный проект и не заказывался, лишь был доведен до конца первоначальный и зарегистрирован как новый со всеми сделанными в ходе работ изменениями.

Здание было оштукатурено и покрашено светлой краской. Имитация угловых цепей также была выполнена при помощи штукатурки. Здание

стало выглядеть солиднее, хотя добились этого имитацией дорогих материалов при помощи более дешевых, а также посредством непрофессионального планирования.

9. Моленная в Варнья. 1935, перестройка.

Довольно большая кирпичная моленная, снаружи не имевшая никаких атрибутов храма, построена в 1902–1903 гг. Проект был выполнен строительным мастером Вильгельмом Шиллингом, сведения о жизни и деятельности которого во многом противоречивы.

Известно, что Шиллинг проектировал перестройку лютеранских церквей в Камбья и Ряпина в 1880-х гг., а также деревянной моленной

Рис. 5. Храм в Варнья после перестройки.
Вид с юго-западной стороны.
Фото: Трейфельдт, 2007.

в Казепяэ в 1902 г. Наиболее известная его работа — проектирование и строительство римско-католической церкви (костёла) в Тарту в 1895–1899 гг. [Siilivask 2006: 205, 449].

В 1930-х годах было запланировано пристроить к моленной колокольню и купол на крыше основной части здания. Качественно выполненные постройки были закончены в 1935 г., проектирование производилось, по-видимому, в том же году. Автором проекта был инженер-строитель Николай Олль, только что закончивший Таллинский техникум и работавший в Тартуской городской управе в качестве специалиста по строительству [АА1994: 187].

Пристройки сохранились до сих пор и, находясь в хорошем состоянии, являются частью архитектурного ансамбля, расположенного вблизи Чудского озера. Он состоит из храма красного кирпича и кладбища с окружающей его оградой.

10. Моленная в Кюкита. Вторая половина 1930-х гг., перестройки.

Храм построен в 1864–65 гг. После 1922 г. на гребне крыши была построена маленькая башня. Храм несколько раз перестраивали во второй половине 1930-х гг. Известно, что перестраивались окна, расширялся главный вход, здание было обшито досками. Эти работы производились в разное время и, возможно, без определенного проекта.

Здание сгорело в 1944 г. Нынешнее здание моленной, достаточно хорошо спроектированное и частично построенное из силикатного кирпича, было возведено в 1948–1949 гг. Это одно из приблизительно десяти сакральных сооружений, построенных в советское время. Автор проекта кюкитаской моленной неизвестен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За время первого периода существования Эстонской Республики было возведено или спроектировано десять старообрядческих храмов. В течение первых пяти лет, когда частная строительная деятельность была еще невелика, было построено только одно здание. За последующие пять лет и во время экономического кризиса было возведено шесть строений. После кризиса было закончено одно и перестроено еще два здания.

В большинстве случаев участие архитекторов и/или инженеров установлено. Лишь одного из них — Антона Соанса (1885–1966) — можно отнести к числу известных. Он прославился в Эстонии прежде всего

как градостроитель [Кюннапу 1996: 482–483]. Творчество Соанса в области сакральной архитектуры невелико. Наиболее известный храм, спроектированный Соансом, — православная церковь Преображения Господня в Кохтла-Ярве (1938 г.), которая немного напоминает итальянские храмы [Tamm 2001: 59, 104].

Всего известно около 150 проектов с участием Анатолия Подчекаева (1879–1938), десяток из них — сакральные объекты в Эстонии. Еще в царский период он сделал блестящую карьеру на Псковщине. После установления советской власти во Пскове он бежал в Эстонию, где проявил себя как в творческом, так и в общественном плане [Treufeldt 2004: 78–112].

К 1930 гг. творческий пик Николая Тамма-младшего (1867–1939) уже прошел [Hallas 1996: 524]. До Первой мировой войны он участвовал в строительстве собора Александра Невского в Таллине (1894–1900). Вместе с Николаем Херасковым (1847–1911) был автором проекта часовни Спасителя (1908–1909) на Зеленом рынке в Таллине. В Эстонской Республике он спроектировал лишь костел в Раквере, который был построен в 1927 г. Пристройка Тамма-младшего к Таллинской старообрядческой моленной не представляет собой особого интереса с точки зрения архитектуры.

Николай Олль (1900–1993) — специалист по строительству при Тартуской горуправе, позже ставший известным исследователем строительных свойств древесины и преподавателем строительной механики в высших учебных заведениях — предшественниках нынешнего Университета естественных наук Эстонии [AA 1994: 187]. Он приобрел известность также как автор строительного проекта крытого рынка в Тарту и как автор проекта по укреплению основания Иоанновской лютеранской церкви в том же городе [Väinola, Laas, Püttserp 2000].

О творчестве еще двух авторов проектов — Янсена и Лукка — почти ничего неизвестно. Следует отметить, что в целом проекты, не подающиеся авторизации, не очень интересны и в художественном отношении.

Чаще всего архитектор не имел непосредственного отношения к приходу и мог выполнять заказы нескольких конфессий. В Эстонии не было архитекторов-старообрядцев. Очевидно, что и личность архитектора не представляла интереса для старообрядцев, а тот или иной зодчий выбирался случайно. В основном это касается всей сакральной ар-

хитектуры Эстонии. Так, например, работавший в Тарту архитектор А. Подчекаев, бывший православным по вероисповеданию, проектировал строения и для православных, и для староверов, и для адвентистов, и для лютеран.

Сами старообрядцы при строительстве храмов, похоже, не придавали особого значения художественной стороне. Скорее всего использование тех или иных элементов историцизма зависело от желания или художественного видения архитектора. Так, например, Николай Тамм-младший, учившийся на художника-архитектора в Петербурге, конечно же, хорошо знал архитектуру русского историцизма, однако предлагаемые им проекты в условиях Эстонии того времени были уже анахронизмом.

В стиле историцизма были спроектированы тартуский и муствезский храмы, хотя при этом художественное решение тартуской колокольни, и невоплощенное архитектурное решение муствезского храма были исполнены на хорошем уровне. Только четыре проекта из десяти представляют собой художественный интерес с точки зрения зодчества.

В случае со старообрядцами следует учитывать и то, что они долгое время жили под большим или меньшим давлением со стороны властей. Скромность в архитектуре была обусловлена также требованием царской власти к моленным, в соответствии с которым последние не должны были походить на церкви и не иметь внешних атрибутов церкви. Во период Эстонской Республики прямое давление на старообрядцев значительно уменьшилось, поэтому им не нужно было больше искать опору самоидентификации в прошлом. Значительным шагом властей, заставившим старообрядцев относиться к ним с недоверием, была реформа календаря. На строительство оказывало влияние также введение обязательной регистрации проектов, что привело к умножению бюрократических препятствий.

Староверы привыкли не придавать особого значения художественной стороне храмовой архитектуры. Во многом это связано с тем, что строительство производилось самими староверами, и влияние на них общих строительных тенденций было невелико.

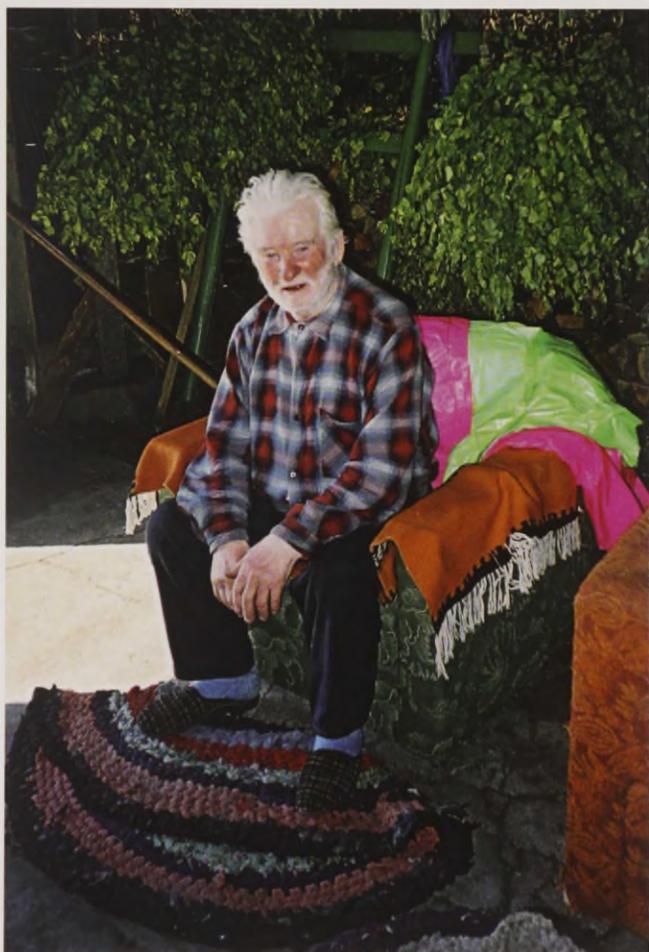
В заключение можно сказать, что по сравнению с представителями других конфессий, старообрядцы в строительстве своих храмов проявляли скромную активность, вот почему в архитектурной жизни Эстонии того времени их сооружения были малозаметны.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- AA 1994 — *Album Academicum Universtatis Tartuensis 1918–1944 II*. Tartu. Архив Александра Дормидонтова.
- EAA — Eesti Ajalooarhiiv (Эстонский исторический архив).
- EAM — Eesti Ajaloomuuseum (Эстонский исторический музей).
- Hallas, K. 1996 — Thamm, Nikolai noorem. *Eesti kunsti ja arhitektuuri biograafiline leksikon*. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus.
- Künnapu, L. 1996 — Soans, Anton Lembit. *Eesti kunsti ja arhitektuuri biograafiline leksikon*. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus.
- Ponomarjova, G., Šor, T. 2006 — *Eesti vanausulised. Väike kirikuloo teatmik*. Tartu.
- Siilivask, M. 2006 — *Tartu arhitektuur 1830–1918. Historitsism ja juugend*. Tartu.
- Tamm, E. 2001 — Moodsad kirikud. Eesti 1920.–1930. aastate sakraalarhitektuur.
- TLAA — Tallinna linnaplaneerimise ameti arhiiv (Архив департамента городского планирования г. Таллинна).
- TLMOA — Tartu linnaplaneerimise ja maakorralduse osakonna arhiiv (Архив отдела городской планировки и управления землепользования г. Тарту).
- Treufeldt, R. 2004 — Arhitekt Anatoli Podtšekajev. *Kunstiteaduslikke Uurimusi 3–4*. Tallinn.
- Väinola, T., Laas, E., Püttsepp, J. 2000 — Turuhoone püsib tuhandel männipuust vaial. *Postimees*, 31.08.

Анна Федоровна Лавягина,
1934 г.р. Дер. Малые
Кольки. Июль 2005 г.
Фото К. Кару,
О. Паликовой

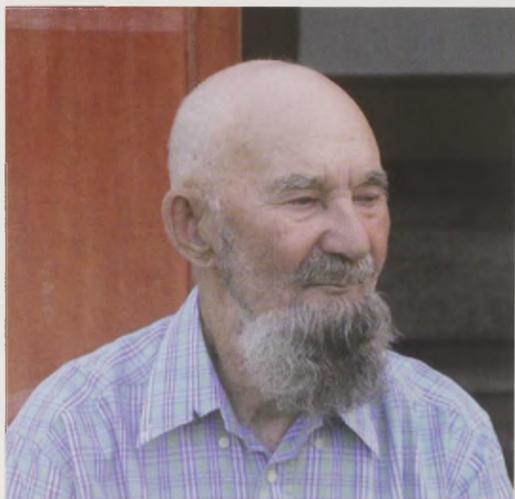
Дмитрий Иванович
Лавягин, 1920 г.р. Дер.
Малые Кольки. Июль
2005 г. Фото К. Кару,
О. Паликовой

Анна Семеновна
Портнова.
Хранительница
старообрядческого
музея в Кольках.
Август 2007 г. Фото
К. Кару, О. Паликовой

Ефросиния Ульяновна Вольных,
1926 г.р. Дер. Малые Кольки. Июль
2005 г. Фото К. Кару, О. Паликовой

Федор Петрович Синильников,
1914 г.р. Дер. Малые Кольки. Июль
2005 г. Фото К. Кару, О. Паликовой

Евдокия Андреевна Ратман,
1917 г.р. Дер. Малые Кольки. Июль
2005 г. Фото К. Кару, О. Паликовой

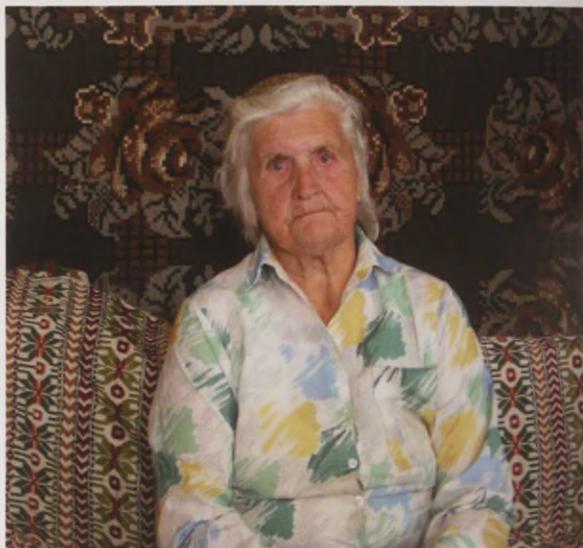
Ефимия Савельевна Коробова,
1919 г.р. Дер. Большие Кольки.
Июль 2005 г. Фото И. Кюльмоя

Васса Сидоровна
Карамнова,
1930 г.р. Дер.
Новая Казепель.
Август 2007 г.
Фото К. Кару,
О. Паликовой

Вера Михайловна Малинкина,
1925 г.р. Дер. Нина. Август
2007 г.
Фото К. Кару, О. Паликовой

Татьяна Петровна Алёшкина,
1923 г.р. Дер. Нина. Август
2007 г.
Фото К. Кару, О. Паликовой

Пелагея Агафоновна
Табунова, 1923 г.р. Дер.
Нина. Август 2007 г.
Фото К. Кару, О. Паликовой

Савва Яковлевич Сабаров, 1924 г.р.
Дер. Большие Кольки. 2005 г.
Фото А. Штейнгольд

Варсанофий Федорович Горин,
1920 г.р. Дер. Малые Кольки. Июль
2005 г. Фото К. Кару, О. Паликовой

Варвара Евстигнеевна Пригожева,
1930 г.р. Дер. Большие Кольки. Июль
2005 г. Фото И. Кюльмоя

Евгения Филипповна Горина,
1931 г.р. Дер. Малые Кольки. Июль
2005 г. Фото И. Кюльмоя

«Это лук на сѣмены,
чѣрное семечко будет».
Дер. Малые Кольки.
Июль 2005 г. Фото
К. Кару, О. Паликовой

Лук-севок на полатях.
Дер. Воронья. Апрель
2003 г. Фото
О. Паликовой

Вязки лука. Дер.
Нина. Август
2007 г. Фото К. Кару,
О. Паликовой

«Лучку вам наберу...». (Клавдия Матвеевна Болтова, 1916 г. р.) Дер. Нина.
Август 2007 г. Фото К. Кару, О. Паликовой

«Заваленный» лук (подготовка к сбору урожая). О-в Пийриссаар. Август
2004 г. Фото И. Кюльмоя

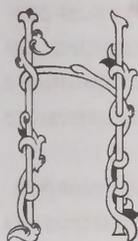
Моленная в деревне Большие Кольки. Август 2007 г. Фото К. Кару, О. Паликовой

Староверы во время установки креста на могиле иконописца Гавриила Ефимовича Фролова в деревне Рая. Август 2007 г. Фото К. Кару, О. Паликовой

Из истории старообрядческих кладбищ в Эстонии¹

Г. М. Пономарева, Т. К. Шор

Настоящая работа посвящена обзору материалов, связанных с историей староверческих кладбищ в Эстонии. Кладбище характеризует одну из важнейших сторон старообрядческого быта в Прибалтике, сохраняя память о предках в пределах общины. В Латвии работа по изучению старообрядческих кладбищ уже начата. Латвийские краеведы З. Зимова, В. Никонов и В. Плотников обследовали более 15 старообрядческих кладбищ в Латгалии, была выпущена книга с иллюстрациями на латышском языке, есть краткие сведения о старообрядческих захоронениях и на сайте староверов Латвии [Плотников 2005: 146–147; <http://www.belovodije.com/k.html>]. Параллельно в Латвии ведется работа по изучению старинных православных кладбищ, на которых есть захоронения старообрядцев [Видякина, Ковальчук 2004]. В Эстонии до сих пор эта важная работа не начата, а между тем старообрядческие кладбища в Эстонии существуют более 300 лет.² Понятие кладбища связано с храмами и являет собой своеобразный «текст-память» прошлого общины, который запечатлен как в символах веры, так и в форме могильных надписей.

¹ Исследование проводится при поддержке проекта «Староверы Эстонии: самоидентификация и национальная память в двуязычной среде», финансируемого из государственной программы «Эстонский язык и национальная память».

² Обрядовая сторона похорон отражена в рассказах староверов «Мысли о смерти» (Калласте), «Смертная одежда» (Калласте), «Похоронный обряд» (Калласте), «Как провожают покойников» (Варнья) и «Захоронение» (Калласте), опубликованных в первом выпуске книги «Очерки по истории и культуре староверов Эстонии» [Очерки 2004: 173–175].

Когда община исчезала, традиция сохранения памяти прерывалась и кладбище «умирало». Так, в 1898 году с прекращением деятельности малочисленной староверческой общины в Таллинне перестало существовать и кладбище. Иногда кладбище староверов могло находиться там, где формально старообрядческая община не фиксировалась. Например, в Везенберге (Раквере) жило лишь несколько высланных староверов, но староверческое кладбище было.¹ Кладбище в деревне Березье существует и поныне, хотя моленной там уже нет. Следует отметить, что в Эстонии сохранились могилы, преимущественно, конца XIX века. Среди старейших можно назвать могилу купца Рундальцева на тартуском старообрядческом кладбище, датированную 1869 годом. Из архивных документов известно и о более ранних захоронениях этого старинного купеческого рода дерптских староверов, могилы которых выявить не удалось.²

Есть основания полагать, что первые места захоронения староверов-беженцев из России относятся к концу XVII века. Наиболее известна могила видного старообрядческого деятеля Феодосия Васильева в Ряпина, вокруг которой сложилась легенда. В соответствии с архивными документами, в которых зафиксированы устные свидетельства самих староверов, возраст колецкого кладбища в конце XIX века оценивался в 200 лет [ИАЭ 296–7–1287, 25–25 об.]. Все же современные старообрядческие кладбища, то есть специально закрепленные за общинами участки, отведенные для ритуальных захоронений — это явление более позднего периода, прошедшее несколько этапов, чтобы утвердиться в своем настоящем виде.

Попытаемся проследить отношение местных властей к формированию кладбищ ревнителю древлеправославия на территории современной Эстонии на протяжении XIX века. Сообщение базируется на документах учреждений разного административного уровня и подчинения, которые хранятся в Историческом архиве Эстонии в Тарту и связаны с устройством или уничтожением кладбищ староверов этого периода. Опираясь на секретные донесения эстляндского и лифляндского губер-

---

¹ «В Везенберге 12 сего июня на старом рус.[ском] кладбище, которое расположено в лесу вблизи староверческого, воздвигнут крест, дабы место это не было запущено. При этом свящ.[енник] Бежаницкий говорил соответствующую речь» [ЭГВ 1889: 97].

² См. статью Т. Шор в настоящем сборнике.

наторов в отношении «раскольников», можно сделать вывод, что в начале XIX века в царствование Александра I староверам разрешалось иметь свои особые кладбища. Достоверно известно о нахождении кладбища в Ревеле (Таллине), которое в 1827 году пытался закрыть военный прибалтийский генерал-губернатор маркиз де Паулуччи¹ [ИАЭ 29–7–119, 37; ИАЭ 29–7–578, 8–9]. Были кладбища и в Дерпте, а также в Муствезе, Варнья, Калласте, Казепяэ, Колькья, на острове Пийриссаар и в других местах, где функционировали моленные староверов [ИАЭ 291–8–1223, 9]. Однако, архивных материалов, связанных с кладбищами этого периода, сохранилось ничтожно мало.

Больше всего подобные документы связаны с эпохой Николая I. Известный историк старообрядчества Федор Евфимьевич Мельников справедливо писал: «Этот царь вошел в историю старообрядчества как жестокий и безудержный гонитель древлеправославных христиан» [Мельников 1999: 167; Ропомарцова 2001: 2304]. 14 декабря 1839 года был издан секретный циркуляр-распоряжение Министерства внутренних дел за № 7670, относительно раскольнических кладбищ и погребения умерших раскольников. Он дополнил собой предыдущее постановление от 9 мая этого же года о запрете вести староверам свои метрические книги и об усилении полицейского надзора над ними [Ковальчук 2005: 281].

В результате жесткой николаевской политики в 1850-х годах из четырех существовавших кладбищ на острове Пийриссаар было уничтожено три. Кроме того, пострадали кладбища в Каргая, Казепяэ, Сосница и Варнья. Оставлялись, преимущественно, смешанные кладбища, которые были освящены православными священниками и где хоронили вместе староверов, православных и единоверцев. Различное отношение властей к православию и старообрядчеству можно уловить даже на орфографическом уровне. Православие во всех документах писалось с большой буквы, староверов именовали не иначе как «раскольниками». По указу 1745 года было повелено «всех двуперстников писать в раскол» [Барановский 2000: 14]. Запрещалось называть их «староверами» или «старообрядцами», так как это означало принадлежность к поповцам, имевших в своих храмах рукоположенного священника, или еди-

---

¹ Де Паулуччи Филипп (De Paulucci Philipp, 1779–1849), маркиз, генерал-лейтенант, военный прибалтийский генерал-губернатор 17/X 1812–1/1 1830 [ИАЭ Ф. 297, оп. 12, д. 501, л. 16].

новерию, которое, по мнению власть имущих, должно было стать переходной ступенью для единения всех православных в лоне ортодоксальной православной церкви [Прозоров 2002: 144–149]. В 1847 г. министр внутренних дел сделал замечание эстляндскому гражданскому губернатору, назвавшему в отчете кладбище старообрядческим. «Я подтверждаю Вам на будущее время отнюдь не называть раскольников старообрядцами» [ИАЭ 29–7–325, 1].

Как гражданские, так и духовные власти прекрасно знали, что у староверов кладбища были важными духовными центрами. Вспомним Преображенское и Рогожское кладбища в Москве, Волково кладбище в Санкт-Петербурге [Прозоров 2002: 165–172]. Они попали в жернова российской репрессивной политики наряду с моленными, наставниками и простыми староверами. В роли гонителей чаще всего выступали православные священники. Так, в 1827 году в Санкт-Петербургскую Консисторию поступило донесение о ревельских раскольниках, которые имеют свою моленную и кладбище. В нем говорилось, что «в приходе Ревельской Градской Церкви издавна находятся раскольники, секты перекрещеванцев, кои имеют вне г. Ревеля свою моленную с кладбищем, где погребают умерших старики или раскольники, называемые наставниками, перекрещивая потаенно каждого умирающего пред кончиною» [ИАЭ 29–7–119, 37]. Моленная и кладбище находились в самом конце «форштадта» около Екатериненталя (нынешнего Кадриорга). Митрополит Новгородский и Петербургский Серафим, получив донос, обратился к военному прибалтийскому генерал-губернатору Пауллуччи и просил принять меры «касательно уничтожения раскольнической моленной с кладбищем» [ИАЭ 29–7–119, 37]. Только благодаря заступничеству тогдашнего эстляндского гражданского губернатора барона Б. В. Будберга¹ небольшую староверческую общину Ревеля оставили в покое, моленная и кладбище просуществовали до конца XIX века [ИАЭ 29–7–119, 28–39].

С начала 1830-х гг. ситуация со староверами осложнилась. В 1839 г. гражданский губернатор Эстляндской губернии получил несколько циркуляров из Министерства внутренних дел о «раскольниках». Среди них упомянутый выше высочайший циркуляр «относительно расколь-

---

¹ Богдан Вильгельмович (Васильевич) Будберг (Budberg gen. Bönninghausen Gotthard Wilhelm, 1766–1832), камергер, эстляндский гражданский губернатор 1818–1832 [DBL 1970: 120–121].

нических кладбищ и погребения умерших раскольников» [ИАЭ 29–7–62, 8]. В нем проводилась мысль о сближении раскольничьих кладбищ с православными, что, по мнению духовных властей, давало возможность «раскольникам», перешедшим в единоверие или православие, быть похороненными вместе со своими предками. Документ гласил: «Государь Император, принимая в уважение, с одной стороны, что по народному понятию, большая часть из умирающих желает быть похоронена в одном месте с предками своими, в удовлетворение каковому понятию весьма полезно сближать раскольнические кладбища с Православными, дабы обращающиеся к Православию или Единоверию могли иметь утешительную мысль, что они будут похоронены вместе с их предками» [ИАЭ 29–7–62, 8].

Мотивируя появление циркуляра необходимостью «подчинить погребение умерших раскольников общим правилам», правительство фактически полностью отдавало погребальный ритуал староверов под контроль полиции, которая должна была следить, чтобы он не производился «по раскольничьему» обряду. Хотя циркуляр о погребении был издан еще в 1839 году, министерство внутренних дел и в 1843 году вынуждено было пояснять эстляндскому гражданскому губернатору, что можно считать публичным доказательством ереси при погребениях: «Должно разуметь сопровождение тела на кладбище людьми в мантиях, клобуках или иных каких-либо особенных одеяниях, а равно гласное пение, и вообще всякое действие, подающее повод к какому-либо соблазну для Православных» [ИАЭ 29–7–62, 32].

Е. В. Рихтер в своей книге «Русское население западного Причудья» приводит случаи, когда дерптские староверы подкупали полицейских, чтобы провести запрещенное погребение по старообрядческому обычаю [Рихтер 1976: 241]. Иногда о нарушениях староверами закона узнавало начальство и заводилось гражданское дело. Так, в 1828 году было начато «Дело о раскольнике Давыде Никитине», из которого один документ был опубликован Е. А. Агеевой [Очерки 2004: 116]. Здесь упомянуты интересные подробности «самовольного» обряда похорон староверов в первой четверти XIX века в изложении архиепископа псковского Мефодия со слов чиновников Дерптской управы благочиния: «но раскольники и за предпринятыми мерами умершего из молитвенного своего дома того 5-го числа (июня. — Г. П. и Т. Ш.) вечером вынесли, и вперед умершаго отрока несли икону, за нею два отрока с местными свечами, потом с умершим гроб, накрытый не покровом, а

фатовой покрывкой,¹ пение же Святыи Боже произвели в одном месте, где нет строения; а что на границе уездной происходит могло, ему Полицмейстеру не известно» [ИАЭ 291–1–4659, 1]. Любопытно отметить, что барон Будберг, исполнявший на тот момент должность эстляндского гражданского губернатора, переслал письмо по назначению для непосредственного разрешения в губернский город Ригу, а оттуда было отдано приказание Дерптскому магистрату «поступить по законам с виновными». Дерптский магистрат отнесся к делу вполне формально, не придав ему особого значения. Это видно из нового доноса Псковского архиепископа от 8 марта 1834 года. В нем он упоминал уже новые случаи похорон староверов из дерптских мещан — Никифора Панова и Давида Никифорова Кондратьева, жалуясь, что ему до сих пор не послано решение Дерптского магистрата по делу о похоронах 1828 (*sic!*) года [ИАЭ 291–1–4659, 8–8 об.].

Профессор зоологии поляк Бенедикт Дыбовский, учившийся в Дерптском университете в начале 1850-х годов, вспоминал, как проходили похороны. Все городские кладбища находились на другой стороне реки. Через каменный мост перевозили тела дворян и чиновников. Деревянный мост служил для транспортировки тел городских жителей лютеран и православных. Умерших староверов перевозили на лодиях² городских жителей. Дыбовский восклицает: «Такие средневековые обычаи царили в университетском городе!» [Dybovski 1986: 217]. Старообрядческое кладбище в Дерпте было расположено рядом с еврейским кладбищем, что также свидетельствует о более низком социальном статусе староверов по сравнению с лютеранами и ортодоксальными православными.

Длительная секретная переписка об устройстве муствезского православного кладбища, длившаяся более тринадцати лет и составившая целое дело, сохранилась в архиве Рижского военного и Лифляндского, Эстляндского и Курляндского генерал-губернатора [ИАЭ 291–8–1323]. В ней отразились все сложные нюансы, связанные с выбором места для кладбища, например, удаленность и доступность, расположение вблизи храма, подходящий в санитарном отношении участок и пр. Анализируя

¹ Ср: «Саван только белый. Тюлевая, гипюровая покрывка кладется сверху савана» [Очерки 2004: 173].

² *Лодия* — арх. гребное судно вообще; небольшое судно для речного и прибережного плавания.

четыре возможные площадки для православного кладбища в Муствез, Лифляндский гражданский губернатор 30 декабря 1848 года писал по поводу одной из них, расположенной рядом со староверским кладбищем, следующее: «Третье место, состоящее из 140 кв. саженей пусто-порожной земли, примыкающей к южному краю кладбища раскольников, в юго-восточной стороне от деревни, у Чудского озера и у самой дороги, ведущей в деревню Кикиту, равным образом недостаточной величины» [ИАЭ 291–8–1323, 9]. Далее развернулась борьба вокруг одного частного сенокоса, принадлежавшего «раскольников» семье, который приглянулся местному православному священнику А. И. Лекареву для устройства православного кладбища. Несмотря на неоднократные прошения родственников, староверов, единоверцев и православных жителей Черного (Муствез), сенокос все равно отобрали. В тяжбу между местными общинами был втянут местный благочинный, дерптский протоиерей, профессор православного богословия местного университета Павел Петрович Алексеев, чье письмо о примирении всех сторон также присутствует в деле [ИАЭ 291–8–1323, 64; Царевский 1902: 36–37].

Долгие споры вокруг выбора участка для кладбища черносельскому православному приходу с целью привлечь жителей удобством его расположения, по сравнению со староверским, привели к печальным последствиям. В 1855 году для быстрейшего «устранения беспорядков относительно хоронения тел на Черновском раскольников кладбище» и общего исправления положения дел с кладбищами староверов П. П. Алексеев написал архиепископу Рижскому и Митавскому Платону рапорт о состоянии старообрядческих кладбищ в Дерптском уезде. Архиепископ переправил рапорт Алексеева в канцелярию начальника Лифляндской губернии на тот предмет, чтобы были приняты соответствующие меры в отношении «раскольников кладбищ» в Дерптском уезде [ГИАЛ 3–10–288, 7–8].¹ Из доклада следовало, что таковые кладбища были в городе при Успенском приходе, а также в уезде в деревнях Нина (Нос) и Варнья (два).

---

¹ Пользуемся случаем выразить свою благодарность доктору истории Л. В. Дубьевой, выявившей этот документ в Государственном историческом архиве Латвии и любезно предоставившей нам возможность ознакомиться с его содержанием.

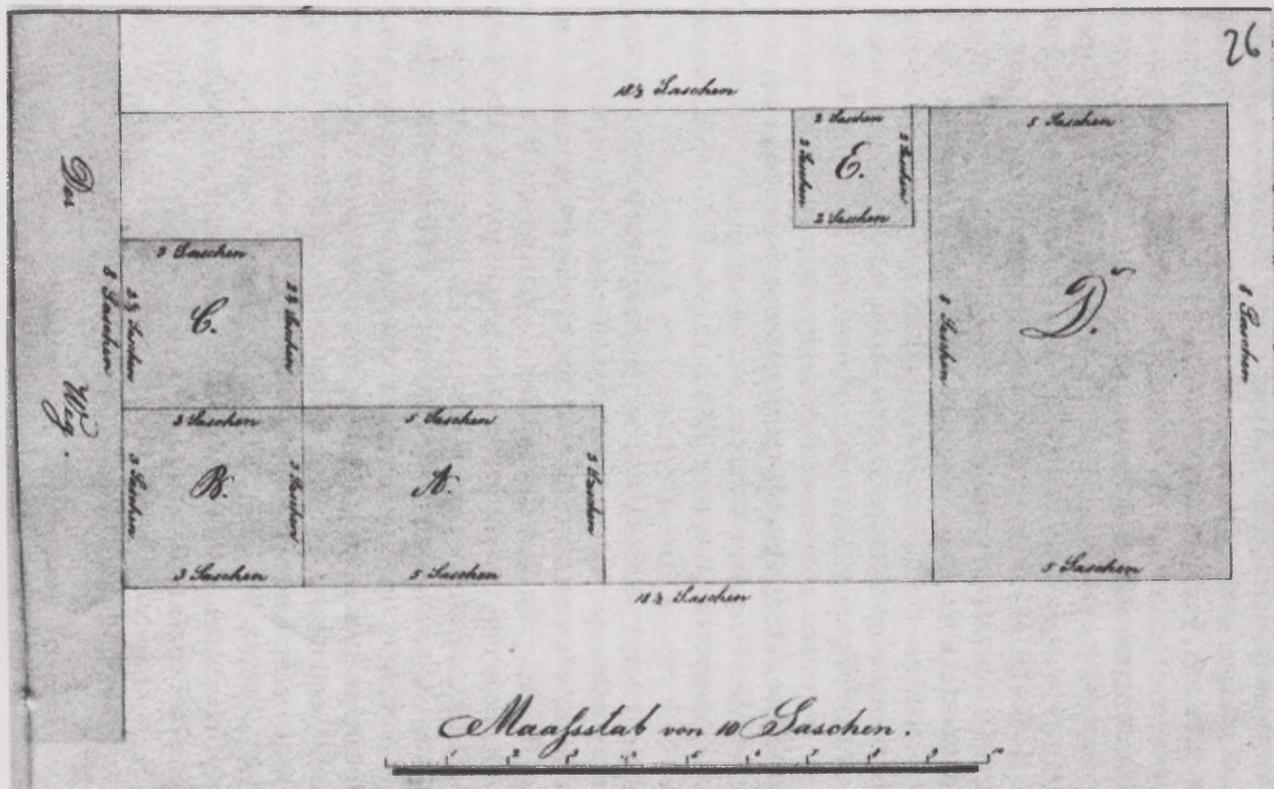

Рис. 1. План расположения сенокосов и кладбищ в Муствее (селе Черном), 1848. – ИАЭ 291-8-1323, 26.

Намного больше было смешанных кладбищ. Например, в уже упомянутом нами Муствез на двух кладбищах погребались вместе «раскольники», ортодоксальные православные и единоверцы. Так же дело обстояло в деревнях Нина, Варнья и на четырех кладбищах Пийриссааре. Хотя в рапорте Алексеева речь шла об уничтожении некоторых чисто старообрядческих кладбищ, все же он считал, что дерптское кладбище можно сохранить. Он писал: «Не представляется особой нужды уничтожить, ибо хотя очень полезно было бы, чтобы раскольники погребались на одном кладбище с православными, но их настоящее кладбище удобно, а теснота дерптского православного кладбища при умножении числа погребаемых может представить великое неудобство» [ГИАЛ 3–10–288, 8]. Далее Алексейев предлагал следующие меры для урегулирования вопроса староверческих уездных кладбищ. Прежде всего он рекомендовал уничтожить староверский погост в Красных Горах (Калласте). Кладбище это, по мнению протоиерея, «очень тесно и неудобно, ибо находится близ самого селения и на берегу озера Пейпуса, которое ежегодно подмывает берег и отрывает землю от кладбища. По близости Красных Гор к селению Нос очень полезно было бы, если бы красногорское кладбище было бы уничтожено, а красногорцы своих покойников погребали на носовском церковном, ибо это могло бы послужить некоторым средством к сближению раскольников с церковью» [ГИАЛ 3–10–288, 8].

Староверские кладбища в Казепяэ, Каргая, а также находящиеся на острове Пийриссаар в деревнях Межа и Желачка, Алексейев предлагал ликвидировать. Он советовал освятить древнее кладбище в деревне Тони, лежащее на самой границе Лифляндской и Санкт-Петербургской губернии, и погребать там всех жителей острова. Жителей деревни Сошнича предполагалось хоронить на кладбище в Лянице (эст. Lääniste). Гораздо мягче Алексейев относился к кладбищам, которые были освящены и где раскольники погребались вместе с православными.

К счастью, планы протоиерея не были воплощены в жизнь. Последовали возражения гражданских властей. В Красных Горах (Калласте) в отношении староверского кладбища повторилась муствезская «эпопея». Снова выдвигались веские аргументы в пользу того, что Красные Горы находятся слишком далеко от носовского кладбища. Весной и осенью дороги становятся непроходимыми, а лошадей у бедных жителей Причудья мало. Поэтому красногорцы будут по-прежнему тайком погребать своих покойников на прежнем месте. Тогда архиепископ со-

гласился оставить «Красногорское кладбище для погребения на нем безразлично православных, единоверцев и раскольников». В результате последовало решение архиепископа оставить староверческие кладбища в Тарту, Муствез, Калласте, в деревнях Вяльги, Нина, Кюкита и Тихеда, а также одно на острове Пийриссаар. Кладбища в деревнях Каргая, Казепяэ, Сосница, Варнья и три пийриссаарских кладбища было приказано уничтожить. Протесты казепяэских староверов об оставлении их кладбища не помогли. Архиепископ Платон увидел в их ходатайстве лишь желание «укрыться из-под надзора духовенства при погребении своих покойников» [ГИАЛ 3–10–288, 26].

Как мы уже показали, несмотря на пассивное, но постоянное сопротивление староверов, положение в середине 1850-х годов со старообрядческими кладбищами было таково, что без разрешения начальства нельзя было даже ограду починить. А начальство, получив прошение староверов на починку ограждения, сразу же начинало расследование о происхождении этого кладбища, стремясь либо его уничтожить, либо сделать церковным, как это видно из дела о раскольничьем кладбище на мызе Алацкиви [ИАЭ 291–8–1670].

Уже во время начала царствования Александра II, когда гражданские власти стали проверять рапорты православных священников, выяснилось, что священники часто фальсифицировали данные для ущемления интересов староверов. Например, указывали расстояние между деревнями меньшее, чем оно было на самом деле или неверно оценивали степень заполненности кладбища. Свою миссию они видели в борьбе с расколом, и уничтожение или вытеснение староверческих кладбищ входило в программу их миссионерской деятельности в Прибалтике.

Изменение государственной конфессиональной политики в сторону большей терпимости, в том числе и в отношении к старообрядческим кладбищам, стало заметно в последней четверти XIX века, хотя местная администрация всячески препятствовала любому начинанию в смысле улучшения их status quo. Об этом ярко свидетельствует дело «Об увеличении существующего в деревне Кольки второго старообрядческого кладбища».

В конце XIX века владелец имения Алацкиви барон А. Г. Нолькен подарил старообрядцам деревни Кольки (Колькья) участок земли рядом с существующим уже 200 лет старообрядческим кладбищем [ИАЭ 296–7–12876 4, 13, 27 об.]. В декабре 1895 года представители старообрядческого общества обратились к начальнику Юрьевского уезда с прось-

бой о расширении старого колецкого кладбища, так как оно «совершенно переполнилось могилами» [ИАЭ 296–7–1287, 33]. К ходатайству прилагался интересный план с обозначением места расположения кладбища и моленной [ИАЭ 296–7–1287, 32]. Власти мотивировали свой отказ тем, что кладбище находится слишком близко от селения и для погребения раскольников отводятся отдельные места при общих кладбищах [ИАЭ 296–7–1287, 4, 28].

В 1898 г. житель деревни Колькья тартуский мещанин Дмитрий Михайлович Суйцов, минуя волостное и уездное начальство, подал новое ходатайство о расширении местного старообрядческого кладбища [ИАЭ 296–7–1287, 24–24 об.]. Естественно, письмо вернулось назад к уездному начальнику, и все дело с разрешением открытия нового участка для кладбища затянулось еще на целый год.

Отметим, что к концу XIX века в Колькья насчитывалось около 500 жителей, примерно 400 из них были староверами. После долгих мытарств их упорство возымело действие, и на этот раз епископ Рижский и Митавский Агафангел не стал возражать против устройства кладбища для старообрядцев. 21 января 1899 г. он писал Лифляндскому губернатору генерал-майору В. Д. Суровцеву:

«Милостивый Государь!

На отношение от 15 сего января за № 442 имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что с моей стороны не встречается препятствий к устройству кладбища для старообрядцев в деревне Кольки на участке, смежном с старым старообрядческим кладбищем» [ИАЭ 296–7–1287, 37].

Конечно, приведенные нами примеры административного давления и межконфессиональных трений в отношении к старообрядческим кладбищам в XIX веке были характерны не только для Эстонии. Аналогичные примеры мы можем найти и в Латвии [Плотников 2005: 145–146; ИАЭ 291–8–366], и в Литве [Барановский 2000: 75–77]. В статье Ю. А. Карякина «Из истории взаимоотношений старообрядцев Гуслицы с господствующей церковью» говорится о том, что староверы Гуслиц Московской губернии тоже испытывали трудности в охране староверческих кладбищ, и православная церковь хотела отобрать земли староверов для нового православного кладбища [Карякин 2005: 72–77]. Общие проблемы староверов, копившиеся веками, требовали консолидации в отстаивании своих интересов, и в начале XX века им такая возможность представилась.

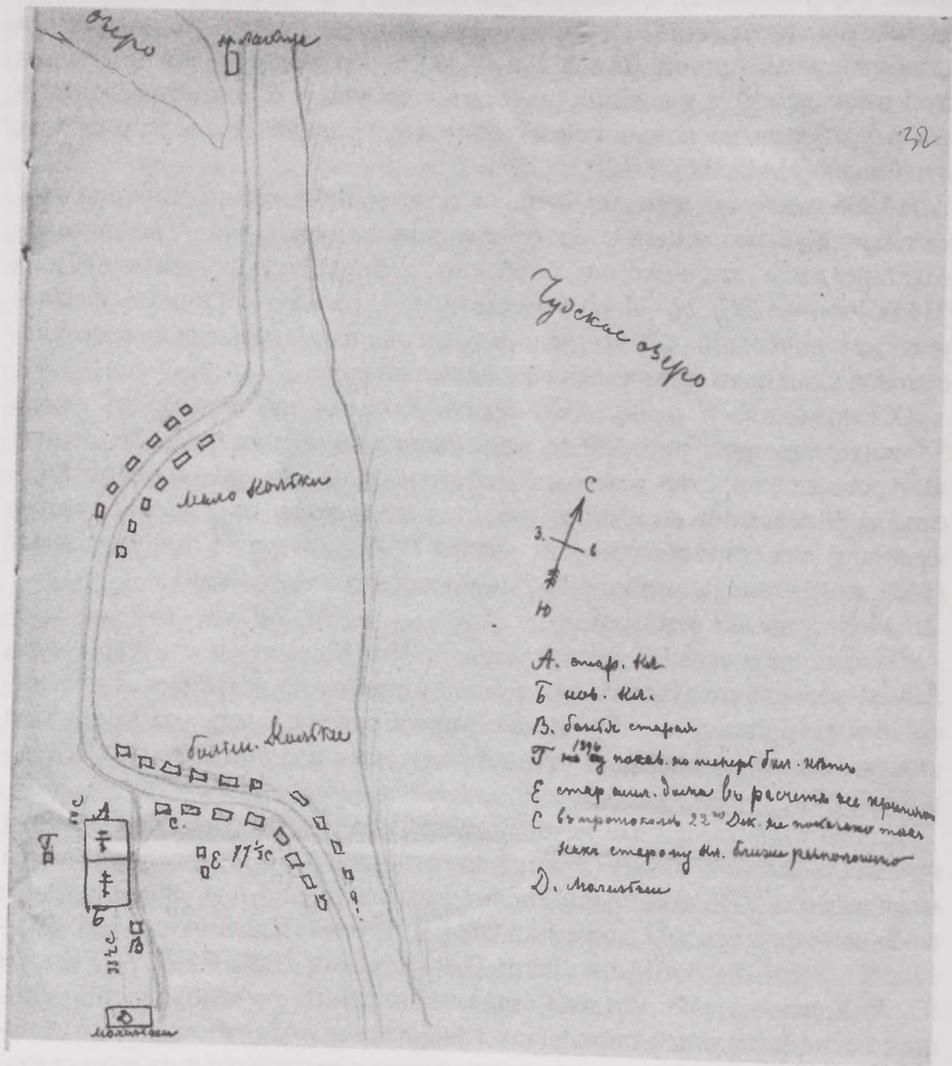

Рис. 2. План расположения Колецкого старообрядческого кладбища, 1899.
 ИАЗ 296-7-1287

ИСТОЧНИКИ

Исторический архив Эстонии (ИАЭ; Тарту)

- ИАЭ 29-7-62 — Дело фонда «Канцелярия эстляндского губернатора» о старообрядцах, проживающих в Эстляндской губернии. 1839–1846.
- ИАЭ 29-7-119 — Дело фонда «Канцелярия эстляндского губернатора» о старообрядцах и раскольниках. 1822–1832.
- ИАЭ 29-7-325 — Циркуляр Министерства внутренних дел о запрещении называть раскольников старообрядцами. 1847.
- ИАЭ 29-7-578 — Дело фонда «Канцелярия эстляндского губернатора» о предоставлении сведений в Министерство внутренних дел о раскольниках. 1865.
- ИАЭ 291-8-366 — Пршение и переписка с Министерством внутренних дел, Рижской управой благочиния и др. о постройке сарая на раскольничьем кладбище. 1831.
- ИАЭ 291-8-1323 — Дело из фонда «Лифляндский, Эстляндский и Курляндский генерал-губернатор» об устройстве Черносельского кладбища. 1848–1861.
- ИАЭ 291-8-1670 — Дело из фонда «Лифляндский, Эстляндский и Курляндский генерал-губернатор» об ограждении раскольничьего кладбища на мызе Алацкиви и о погребении раскольников. 1850–1860.
- ИАЭ 291-1-4659 — Дело из фонда «Лифляндский, Эстляндский и Курляндский генерал-губернатор» о раскольнике Давыде Никитине. 1828.
- ИАЭ 296-7-1287 — Дело канцелярии Лифляндского губернатора об увеличении существующего в деревне Кольки второго старообрядческого кладбища. 1898–1899.

Государственный исторический архив Латвии (ГИАЛ):

- ГИАЛ 3-10-288 — Переписка о раскольниках в фонде «Канцелярия Лифляндского губернатора».

ЛИТЕРАТУРА

- Барановский В. 2000 — *Хранители старой веры. Страницы истории Зарасайской старообрядческой общины*. Зарасай.
- Видякина С., Ковальчук С. 2004 — *Покровское кладбище. Слава и забвение*. Рига.
- Очерки 2004 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I*. Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту.
- Карякин Ю. А. 2005 — Из истории взаимоотношений старообрядцев Гуслицы с господствующей церковью. *Старообрядчество. История. Культура. Современность*. Т. I. Материалы. М. С. 72–77.

- Ковальчук С. 2005 — Рижские староверы в период гонений в 40–50-е годы XIX века. *Староверие Латвии*. Под ред. Иллариона Иванова. Рига, 280–289.
- Мельников Ф. Е. 1999 — *Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви*. Барнаул.
- Плотников В. 2005 — Старообрядческие кладбища Латвии: проблемы обследования, изучения и сохранения. *Староверие Латвии*. Под ред. Иллариона Иванова. Рига. С. 142–149.
- Прозоров Н. А. 2002 — *История старообрядчества*. М.: «Третий Рим».
- Рихтер Е. В. 1976 — *Русское население западного Причудья. Очерки истории, материальной и духовной культуры*. Таллин: «Валгус».
- Царевский А. С. 1902 — Алексеев Павел Петрович. *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет существования*. Том 1. Под ред. Г. В. Левицкого. Юрьев, 36–37.
- ЭГВ 1889 — Из газеты «Везенбергский листок». — Немецкая печать. *Эстляндские губернские ведомости*. Часть неофициальная. 29 июня. № 24.
- DBL 1970 — *Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710–1960*. Hrsg. von Wilhelm Lenz. Köln, Wien.
- Dybovski 1986 — Dybovski В. Poole sajandi eest. Mälestusi ülikooliajast. *Mälestusi Tartu Ülikoolist (17.–19. sajand)*. Tallinn: “Eesti Raamat”. 1986, 192–221.
- Ponomarjova G. 2001 — Arhiivimaterjalid Nikolai I ajastu vanausuliste kohta Eesti Ajalooarhiivis. *Akadeemia*, 11, 2304–2314.

В. А. Бобров — первый исследователь языка и фольклора русского населения эстонского Причудья

С. Г. Исаков

До конца XIX в. ученые не проявляли интереса к русскому, большей частью старообрядческому населению западного (эстонского) Причудья. Немногочисленные публикации на русском и немецком языках, посвященные причудским старообрядцам, как правило, не были научными исследованиями [о публикациях на русском языке см.: Пономарева 2000: 128–131]. Это относится и к главе о русском Причудье в книге известного прибалтийско-немецкого литератора Г. Ю. Шульца-Бертрама «Wagien» (1868) [см. Шор 2005].

Первым на строго научной основе стал собирать материалы о языке и фольклоре русских Причудья В. А. Бобров, интереснейшая личность с трагической судьбой, незаслуженно забытая. В данной статье на основе как печатных [Бобров Е. 1909, 1910; Иеропольский 1913 и др.], так и архивных — из фондов Исторического архива Эстонии [ИАЭ. Ф. 402. Оп. 1. Ед. хр. 2693, 2694, 2695; Ф. 404. Оп. 1. Ед. хр. 480] — источников мы постараемся охарактеризовать его жизненный путь и рассказать о нем как исследователе русского старожильского населения западного Причудья.

Владимир Александрович Бобров (брат известного историка литературы и философии профессора Евгения Боброва) родился 19 августа 1872 г. в Риге, где его отец служил землемером. Позже отец был перемещен по службе в Приуралье. В. А. Бобров учился сначала в Екатеринбургской гимназии (1883–1887), а позже в Пермской, которую он и закончил в 1893 г. Хотя у Владимира были большие способности к технике, увлечение литературой в старших классах гимназии привело его в том же 1893 году в Юрьевский университет. В августе этого года он

стал студентом отделения славяно-русской филологии историко-филологического факультета Юрьевского университета, в это время переживавшего сложный период своей истории — переход от немецкого Дерптского университета к русскому Юрьевскому. Часть лекций читалась уже на русском языке, часть — на немецком. С первого же года обучения В. А. Бобров привлек внимание преподавателей, как пишет его биограф, «дарованиями, редким прилежанием, научными интересами, работоспособностью и необычайной усидчивостью в труде» [Бобров Е. 1910: 74]. Уже на втором курсе В. А. Бобров был удостоен золотой медали на конкурсе студенческих работ за сочинение «Черты национального юмора в русском зверином эпосе». В отзыве на это сочинение профессор П. А. Висковатов отметил, что «автор показал не только прилежание и добросовестное ознакомление с материалом, но умение обращаться с ним и сознательное применение метода» [ИАЭ. Ф. 402. Оп. 1. Ед. хр. 2693. Л. 15 об.]. Позже из этой студенческой курсовой работы выросла монография В. А. Боброва «Русские народные сказки о животных» (1909). Почти все экзамены в университете В. А. Бобров сдал на оценку «отлично». В мае 1897 г. он блестяще заканчивает университет со степенью кандидата славяно-русской филологии, причем в качестве кандидатской работы ему с разрешения попечителя Рижского учебного округа было зачтено выше уже упомянутое студенческое конкурсное сочинение [ИАЭ. Ф. 402. Оп. 1. Ед. хр. 2694. Л. 13]. Завершив обучение на отделении славяно-русской филологии, В. А. Бобров прослушал еще ряд курсов на отделении истории.

Нет ничего удивительного, что по рекомендации известного литературоведа профессора Е. В. Петухова В. А. Бобров осенью 1897 г. был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, стал так называемым профессорским стипендиатом или магистрантом. Это вполне отвечало желанию В. А. Боброва посвятить себя научной деятельности, стать ученым. Е. В. Петухов, рекомендуя его в профессорские стипендиаты, писал, что В. А. Бобров за время пребывания в университете «обнаружил чрезвычайное прилежание, любознательность и вообще серьезное отношение к своим занятиям выбранной специальностью». Из него «при благоприятных обстоятельствах» может вырасти настоящий ученый. Ходатайство В. А. Боброва с просьбой оставить его при университете продиктовано «искренним желанием и неуклонной решимостью посвятить себя занятию наукой» [ИАЭ. Ф. 402. Оп. 1. Ед. хр. 2693. Л. 19 об.].

Еще до утверждения профессорским стипендиатом В. А. Бобров в августе 1897 г. обратился к учебному начальству с просьбой «о выдаче ему открытого листа для разъездов по Лифляндской губернии с научной целью собирания памятников народной поэзии и особенностей местных говоров русского языка» [там же. Л. 24]. Получение «открытого листа» в ту пору было делом непростым: его выдавал лифляндский губернатор по ходатайству попечителя Рижского учебного округа, к которому и обратился ректор университета. Это как будто предвещало длительную бюрократическую волокиту, но на самом деле разрешение было получено весьма быстро — менее чем за месяц [там же. Л. 29]. Известно, что В. А. Бобров совершил несколько научных поездок в Причудье с целью собирания материалов по языку и фольклору русских жителей региона [там же. Л. 47 об.].

Однако университет не мог материально обеспечить нуждавшегося В. А. Боброва (на его попечении находились престарелые родители и сестра), тем более что в первые месяцы пребывания в магистратуре он даже не получал положенной ему стипендии. С осени 1897 г. В. А. Бобров в течение четырех лет работал вольнонаемным лектором русского языка и литературы в Юрьевском ветеринарном институте. Там он читал студентам института курс истории новой русской литературы [ИАЭ. Ф. 404. Оп. 1. Ед. хр. 480. Л. 4–9], составивший, по воспоминаниям современников, «четыре обширных рукописных тома» [Бобров Е. 1910: 76]. По-видимому, В. А. Бобров намеревался издать его. С 1900 г. он стал еще давать уроки истории в старших классах Юрьевской женской гимназии имени А. С. Пушкина, где сразу же зарекомендовал себя отличным педагогом.

Несмотря на то, что педагогическая работа отнимала много времени, В. А. Бобров продолжал и свои научные занятия. Кроме собирания материалов о говорах и устном народном творчестве русских Причудья, в центре научных интересов Боброва теперь стало изучение под руководством профессора Леонгарда Мазинга «Изборника Святослава 1076 года», одной из древнейших дошедших до нас древнерусских рукописных книг. Петербургская Академия Наук поручает В. А. Боброву подготовить новое научное комментированное издание «Изборника», поскольку два предыдущих были явно неудовлетворительными в текстологическом отношении. Как можно предполагать, «Изборник 1076 года», его палеографический анализ, особенности языка, историко-литературный состав должны были стать темой магистерской дис-

сертации В. А. Боброва. Он проделал огромную работу по изучению этого памятника древнерусской словесности. Бобров совершил несколько научных командировок в архивохранилища и библиотеки Петербурга, Москвы, Казани, составил картотеку всех слов и встречающихся в тексте памятника грамматических форм (23 000 карточек!), выявил многие греческие и древнеболгарские источники книги, опубликовал ряд больших работ об «Изборнике», которые и до сих пор не потеряли своей научной ценности. Указания на них мы находим, например, в новейшем «Словаре книжников и книжности древней Руси» (Вып. I. Л., 1987. С. 196–197).

Но, несмотря на то, что в 1899 г. В. А. Бобров был оставлен в магистратуре еще на один год, правда, вначале без стипендии (ИАЭ. Ф. 402. Оп. 1. Ед. хр. 2693. Л. 59–64), он магистерской диссертации все же не написал. «Упорные и всесторонние труды не привели В. А. Боброва к исполнению его заветной мечты. Раскрывать все причины этого неисполнения мы считаем пока еще преждевременными. Скажем лишь, что вина лежала не на стипендиате, который работал, напрягая все силы», — загадочно замечает хорошо осведомленный биограф, его брат [Бобров Е. 1910: 78]. Известно, что у Юрьевского университета по формальным основаниям не было права приема магистерских экзаменов по русской словесности. Профессорские кандидаты вынуждены были сдавать их в других университетах, где отношение к «чужакам» было отнюдь не дружественным. Но все же это была не единственная причина неудач В. А. Боброва. О более глубоких причинах можно лишь догадываться. Е. А. Бобров замечает, что брат не нашел в Юрьеве «надлежащего признания и благожелательной поддержки» [там же: 79].

Между тем надо было как-то устраиваться: университетская стипендия прекратилась, заработки в Юрьеве были ничтожными. В. А. Бобров решает попробовать свои силы на педагогической стезе в роли штатного учителя в гимназии или реальном училище. В Тарту, к сожалению, вакантного штатного места не нашлось. С 1902 г. В. А. Бобров становится преподавателем истории и географии в Самаре — в реальном училище и женской гимназии. Сам он называл время работы в Самаре «тридцатичасовой каторгой» — у него было 30 часов уроков в неделю. И все же Бобров «втянулся в учительскую лямку и впоследствии находил даже время на свои ученые занятия» [там же]. Действительно, его научные публикации появляются в «Русском филологическом вестнике», в авторитетном «Archiv für slawische Philologie», в казанских «Из-

вестиях Пушкинского общества» [см. библиографию его печатных трудов — там же: 95–96].

Хотя В. А. Бобров в Самаре был любим учениками, пользовался авторитетом у коллег, его все же тянуло обратно в ставшую уже родной Прибалтику. В 1904 г. он перебрался в Ригу, где стал преподавателем истории и географии в местном реальном училище. Археографическая комиссия в Петербурге поручает Боброву заняться древними документами по истории Руси, хранившимися в Рижском городском архиве. В. А. Бобров мечтает о продолжении ученой карьеры, о работе в Юрьеве, печатается в сборниках Учено-литературного общества при Юрьевском университете. Вообще связей с Юрьевом–Тарту Бобров никогда не терял, тем более что там проживали его родные. По воспоминаниям брата, «в Риге характер В. А-ча стал заметно изменяться; он стал мрачнее, серьезнее, стал менее разговорчивым; стал более углубляться в себя» [там же: 83].

В 1907 г. оказались вакантными места в Юрьевской и Либавской гимназиях и В. А. Бобров обратился к учебному начальству с просьбой перевести его в Юрьев. Однако руководство учебным округом почему-то решило иначе: в августе 1907 г. Бобров получил назначение инспектором Либавской Николаевской гимназии. Либава (Лиепая) была в те годы одним из центров революционного движения в крае, вся деятельность гимназии была парализована левыми, радикально настроенными учащимися. Бобров пытается навести порядок в гимназии, вернуться к нормальной учебной работе. Местная организация эсеров вынесла ему за это смертный приговор, который, правда, не был приведен в исполнение [Иеропольский 1913: 38]. Год работы в Либаве окончательно подорвал здоровье и душевное равновесие В. А. Боброва. Как вспоминали современники, за один год, в 35 лет, он сразу весь поседел [Бобров Е. 1910: 85].

В 1908 г. В. А. Бобров был переведен на работу в Поланген (Паланга) заведующим и инспектором прогимназии. Здесь жизнь была как будто более спокойной, учебная нагрузка заведующего была невелика (он преподавал латинский язык). 29 августа 1908 г. Бобров женился на домашней учительнице Софии Юльевне Ганн. Этот брак увенчал его старую любовь, длившуюся около шести лет, но он же оказался и роковым для Боброва. В. А. Бобров принадлежал к тем людям, о которых немцы говорят: «*Jene Azra, welche sterben, wenn sie lieben*» [там же]. Между супругами произошел какой-то очень острый конфликт, в ре-

зультате которого София Юльевна бросилась из окна их квартиры на втором этаже и была доставлена в больницу в тяжелом состоянии. В. А. Бобров был безутешен и через два дня, в ночь с 20-го на 21-е ноября 1908 г. застрелился, перед смертью уничтожив почти весь свой архив [Драма русского инспектора 1908].

В некрологе отмечалось: «До самой смерти В. А. Бобров не покидал научных занятий, несмотря на то, что служба не оставляла ему досуга. Нельзя не пожалеть, что исключительно неблагоприятные обстоятельства не позволили ему всецело посвятить себя науке, тогда как он со студенческой скамьи готовился именно к ученому поприщу <...> Научные интересы его были весьма обширны и охватывали русскую этнографию, фольклор, диалектологию, лингвистику, историю, палеографию, лексикографию, древнюю русскую письменность, историю русской словесности, народной и искусственной, древней и новой. Некоторые труды его напечатаны, другие — и большинство — остались в рукописи» [В. А. Бобров (Некролог) 1909].

Евгений Александрович Бобров, брат и биограф нашего героя, писал: «Рассматривая жизнь В. А. Боброва в ее целом, нельзя не отметить, что она сложилась замечательно несчастливо и неудачно. Неудачи неизменно преследовали его всю жизнь, шли за ним по пятам; иногда эти неудачи представляли собою веление судьбы и непреодолимую *vis major* (*лат.* непоколебимую силу. — *С. И.*); иногда же неудачи его определялись просто желаниями и нежеланиями властных лиц...» [Бобров Е. 1910: 88].

Научное наследие В. А. Боброва не очень велико, но разнообразно.

Как мы уже отмечали, В. А. Бобров был автором монографии «Русские народные сказки о животных» (Варшава, 1909. 151 с.; формально — отдельный оттиск из «Русского филологического вестника»), опубликованной посмертно. Это была одна из первых работ обобщающего характера о данной разновидности русского сказочного фольклора. В основу анализа были положены не сказочные сюжеты, а представленные в них типы: дикие и домашние животные, птицы, насекомые; больше всего места уделено сказкам о лисе. Материал на протяжении всего труда рассматривается на фоне сказок о животных других европейских народов, но цель автора — не выявление заимствований, чем грешили фольклористы — предшественники Боброва, а наоборот, выявление различий между русскими сказками и сказками других народов. Как пишет В. А. Бобров, «заимствованность русских сказок ока-

залась весьма проблематичною; многие сказки свидетельствуют о своем происхождении из отдаленной древности, другие, хотя и не древнего происхождения, развились самобытно на русской почве» [Бобров В. 1909-а: 150–151; см. также разбор монографии: Иеропольский 1913: 40–44]. В конце автор монографии самокритично признавался, что ни в коей мере не считает свой труд исчерпывающим тему, законченным; предстоят еще новые исследования. Это очень характерно для В. А. Боброва.

Особый цикл составляют исследования «Изборника Святослава 1076 года» [Бобров В. 1902-а, 1902-б и др.]. О них уже шла речь выше. Заметим, что исследование этого важного памятника древнерусской словесности связано с большими трудностями, так как, в отличие от «Изборника 1073 года», это не список с какого-то одного более древнего оригинала. Источники текста, произведения, из которых составлена книга, надо было еще выявить. Изучение этого памятника до сих пор не может считаться завершенным.

Отдельную небольшую группу составляют работы В. А. Боброва по истории русской литературы: о баснях И. И. Хемницера, о «втором Державине» — обер-священнике Иване Семеновиче Державине и о Георгии Конисском, духовном писателе XVIII в., архиепископе Белорусском [см. Бобров В. 1909-б; ср. более ранний вариант: Бобров В. 1904]. Из них наиболее любопытны статьи о «втором Державине» — о выявленной исследователем «перекличке» двух Державиных — знаменитого поэта и скромного священнослужителя.

В. А. Бобров в течение ряда лет преподавал историю в реальных училищах и гимназиях. Он стремился сделать уроки истории интересными, занимательными для учащихся. Это чаще всего встречало непонимание у учебного начальства, следовало требование прекратить «эксперименты» и преподавать «как принято». Свои размышления о преподавании истории в школах и гимназиях В. А. Бобров изложил в специальной работе, в которой он исходил из собственного преподавательского опыта и старался дать практические советы учителям. Основопологающий тезис Боброва: «Преподавание истории имеет целью сообщить ученикам определенную программой сумму сведений, причем эти сведения сообщаются не только ради той прямой практической пользы, какую можно будет извлечь для себя из знания исторических фактов, но и ради проистекающего из осмысленного изучения истории умственного и нравственного развития. Гармоническое развитие юного

духа есть высшая цель всякой школы, а поэтому и преподавание истории должно подчиняться основному идеалу учения — содействовать образованию ума и сердца учащихся» [Бобров В. 1907: 157].

В статье В. А. Бобров выделял и более подробно рассматривал три стадии и вместе с тем три разных метода преподавания истории в зависимости от возраста учащихся: 1. Младшие классы — увлекательный рассказ «о великих людях и замечательных событиях родной страны», где главная цель — заинтересовать ребенка, обращаясь к его воображению. 2. Средняя ступень — более систематическое изучение истории, когда учащийся усваивает «скелет истории, т. е. хронологию, географическую основу, детали и подробности событий». 3. Высшая ступень, пора зрелости, когда уже накоплен достаточный запас фактов и когда следует, не ограничиваясь простым их усвоением, предпринять попытку связать воедино и систематизировать эти факты. «Обрисованные мною три метода преподавания истории соответствуют трем главным ступеням развития, какие пережила в своем развитии историческая наука» [там же: 159]. Далее следовали конкретные методические разработки уроков истории для всех трех «ступеней».

Остановимся более подробно на наиболее интересных для нас публикациях В. А. Боброва, в которых он к тому же выступает первооткрывателем, первопроходцем, на его работах, посвященных языку и фольклору русских из старообрядческого Причудья, хотя надо заметить, что он нигде не акцентировал момент старообрядчества, даже, пожалуй, скорее умалчивал о нем. В чем причины этого, не совсем ясно.

Речь пойдет о двух публикациях В. А. Боброва: «Материалы к познанию русских говоров Лифляндской губернии» в «Jagić-Festschrift» (Берлин, 1908) и «Народные песни русского населения Лифляндской губернии» в «Сборнике Учено-литературного общества при императорском Юрьевском университете» (1908, т. XIII). Кроме того, по-смертно был опубликован отрывок из уцелевших черновых рукописей В. А. Боброва, касающийся истории русских в Лифляндии [Бобров В. 1913: 127–128], но он особого интереса не представляет.

Обе вышеназванные публикации известны и в виде отдельных оттисков. Они привлекли внимание ученых, на них появились рецензии, все — вполне положительные. Один из отзывов принадлежал известному украинскому фольклористу и этнографу, в ту пору члену-корреспонденту Петербургской Академии Наук, а позже академику Украинской АН Владимиру Гнатюку [см. Гнатюк 1909]. Все рецензен-

ты подчеркивали, что это первые работы, посвященные языку, фольклору, этнографии русских Причудья. Один из рецензентов при этом отмечал: «Мы почти ничего не знаем об этом населении, заброшенном сюда Бог весть откуда и когда» [Булычев 1910: 303]. По-своему знаменательная фраза!

«Предлагаемые нами скромные материалы представляют извлечение из многочисленных наших записей и наблюдений, начатых нами около 1893 года» — писал В. А. Бобров в преамбуле к первой из названных выше публикаций [Бобров В. 1908-а: 389]. Из этого признания следует, что он начал собирать материалы о здешних русских говорах уже в первые годы пребывания в Юрьевском университете, будучи еще студентом. Но, конечно, основной массив материалов о языке и фольклоре местных русских собран позже, в экспедициях в Причудье, начиная с 1897 г. «Помещаемое ниже собрание записанных мною народных песен составилось постепенно — отчасти при изучении говора русского неинтеллигентного и коренного населения города Юрьева, отчасти на лингвистических экскурсиях, какие я предпринимал из Юрьева, преимущественно по реке Эмбахе — Амовже (*эст.* Эмайыги. — *С. И.*) и на остров Межу (*эст.* Пийриссаар. — *С. И.*), лежащий на Чудском озере», — отмечал В. А. Бобров в публикации народных песен [Бобров В. 1908-б: 76]. При этом он подчеркивал, что записи сделаны, главным образом, в деревнях; предпочтение отдавалось женщинам: «Мужское население, приписанное к деревням, живет по преимуществу в городах, а потому язык у них сбивается и не надежен для исследователя, желающего определить именно местные особенности. В виду этого я старался записывать произношение и диалектологические особенности, главным образом, женщин и девушек — и притом таких, которые не покидали никогда своих родных мест и не утратили диалектических особенностей» [Бобров В. 1908-а: 389].

Работы В. А. Боброва — это публикации собранных им материалов. Он стремился представить их читателю с максимальной точностью, используя фонетическую запись. Публикатор сознательно отказался от каких-либо обобщений, от анализа материала. «Я счел более осторожным не давать никаких общих выводов и характеристик, предпочитая выждать мнение лиц, более меня компетентных в общих вопросах русской диалектологии. Пускай они выскажутся по поводу собранных нами материалов» — писал В. А. Бобров в вводной части публикации образцов русских говоров Причудья [там же]. Здесь проявилась одна осо-

бенность В. А. Боброва как ученого, на которую обратили внимание и современники: «Выйдя из немецкой ученой школы, покойный как исследователь был очень осторожен, кропотлив, не увлекался широкими абстракциями. Его работы всегда строились на фактах и отличались ясностью», — писал К. А. Иеропольский [Иеропольский 1913: 51]. Он не совсем прав, относя В. А. Боброва как исследователя лишь к «немецкой ученой школе», но К. А. Иеропольский прав в своей характеристике научного «стиля» его работ, методической их стороны.

Все же кое-какие замечания общего характера В. А. Бобров в вводных частях своих публикаций делает, и эти его соображения представляются вполне справедливыми, заслуживающими внимания.

Прежде всего В. А. Бобров подчеркивает архаичность, древнее происхождение публикуемых текстов. Это объясняется тем, что местные русские были столетиями отрезаны от России, «они составляли собою особый мирок, затерянный среди инородного населения», изменения, произошедшие в русской культуре за последние столетия, до них попросту не дошли. Влияние же эстонской народной и немецко-прибалтийской культуры до сих пор было незначительным [Бобров В. 1908-б: 76–77].

Второе соображение В. А. Боброва: «История русской колонизации в Лифляндской губернии — дело не совсем ясное. К сожалению, и материалы для решения относящихся сюда задач редки и трудно находимы. Можно сказать лишь, что русские попадали в этот край в разное время (начиная с очень древнего периода) различными дорогами и из различных мест. Вот почему и лингвистический материал, собираемый здесь, отличается пестротой, трудно поддается единообразной характеристике и указывает на разнообразие своего происхождения и источников. То же разнообразие кидается в глаза наблюдателю и в отношении этнографическом, при изучении обрядов, одежды и пр.» [Бобров В. 1908-а: 389]. Эти выводы В. А. Боброва столетней давности верны и звучат весьма современно; к сожалению, они не всегда учитываются авторами работ наших дней.

Несколько слов непосредственно о названных выше двух публикациях.

В работе «Материалы к познанию русских говоров Лифляндской губернии» вначале фиксируются характерные черты фонетической системы причудских говоров, отдельно по гласным и согласным звукам; при этом выясняется, что в их фонетике есть и черты аканья, и черты

оканья. В целом фонетические особенности здешних говоров ведут к самым разным источникам — прежде всего к псковским и новгородским, но в то же время и к другим северорусским и среднерусским диалектам. За этим следует материал, фиксирующий морфологические (склонение существительных, прилагательных, местоимений; спряжение глаголов) и синтаксические особенности причудских говоров. Любопытны приводимые далее пословицы, поговорки, характерные выражения в речи здешних русских.

На наш взгляд, интересен и с научной точки зрения важен небольшой словарь причудского говора, насчитывающий около ста слов и кратких выражений (словосочетаний). В словаре обращают на себя внимание бранные слова и слова, связанные с рыбной ловлей — основным занятием русских Причудья.

В публикацию «Народные песни русского населения Лифляндской губернии» включены тексты 22 песен, записанных В. А. Бобровым. Это чаще всего песни женщин, относящиеся к разряду семейных и связанные «с наиболее важными в жизни женщины событиями: с выходом замуж, с игранием свадьбы, а также с положением новобрачной в чужой семье» [Бобров В. 1908-б: 77]. Некоторые песни явно литературного происхождения и восходят к новейшему, причем, скорее, городскому фольклору, в это время уже проникавшему и в деревню. Поскольку В. А. Бобров делал свои записи не только в деревнях, но и в городе, то вполне возможно, что не все песни можно отнести именно к причудскому фольклору. Двум текстам В. А. Бобров нашел аналоги в изданиях народных песен, собранных и записанных в Псковской губернии. Это вполне закономерно.

Публикации В. А. Боброва еще практически не использованы современными исследователями Причудья. Между тем они представляют безусловный интерес. Исследователи обычно оперируют записями языка и фольклора советского периода. В Эстонском литературном музее в Тарту сохранились отдельные записи, относящиеся к 1920–1930-м гг., но записей более ранних периодов, тем более конца XIX в., нет. Этим объясняется и особая ценность публикаций В. А. Боброва.

ИСТОЧНИКИ

- Исторический архив Эстонии (ИАЭ). Ф. 402. Оп. 1. Ед. хр. 2693. — Дело студента Тартуского (Дерптского / Юрьевского) университета Владимира Александровича Боброва 1893–1903.
- ИАЭ. Ф. 402. Оп. 1. Ед. хр. 2694. Дело кандидата славяно-русской филологии Тартуского (Дерптского / Юрьевского) университета Владимира Боброва 1893–1897.
- ИАЭ. Ф. 402. Оп. 1. Ед. хр. 2695. Дело профессорского стипендиата Тартуского (Дерптского / Юрьевского) университета Владимира Боброва 1899–1900.
- ИАЭ. Ф. 404. Оп. 1. Ед. хр. 480. Дело доцента Тартуского (Юрьевского) ветеринарного института Владимира Боброва 1897–1909.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобров В. 1902-а — *История изучения Святославова сборника 1076 г.* Казань.
- Бобров В. 1902-б — К исправлению печатного текста Сборника 1076 г. *Русский филологический вестник.* (Варшава) Т. 47. С. 243–258; Т. 48. С. 469–476.
- Бобров В. 1904 — Иван Семенович Державин (1755–1826). *Исторический вестник.* Август. С. 570–575.
- Бобров В. 1907 — Заметки о преподавании истории в реальных училищах. *Сборник Учено-литературного общества при имп. Юрьевском университете.* Т. XI. Юрьев. С. 157–178.
- Бобров В. 1908-а — Материалы к познанию русских говоров Лифляндской губернии. *Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića.* Berlin. С. 389–395.
- Бобров В. 1908-б — Народные песни русского населения Лифляндской губернии. *Сборник Учено-литературного общества при имп. Юрьевском университете.* Т. XIII. Юрьев. С. 76–93.
- Бобров В. 1909-а — *Русские народные сказки о животных. Исследования.* Варшава (Отдельный оттиск из журнала «Русский филологический вестник»).
- Бобров В. 1909-б — Очерки из истории новой русской литературы. *Сборник Учено-литературного общества при имп. Юрьевском университете.* Т. XIV. Юрьев. С. 191–222, 226–238.
- Бобров Е. 1909 — В.А. Бобров [Некролог]. *Русский филологический вестник.* Т. LXI. № 1. С. 165–180.
- Бобров Е. 1910 — В. А. Бобров [Некролог]. *Сборник Учено-литературного общества при имп. Юрьевском университете.* Т. XVII. Юрьев. С. 73–96.

- Бобров Е. 1913 — Дополнения к статье К. А. Иеропольского. *Вопросы педагогики*. (Варшава) № 2. С. 126–130.
- Бульчев П. 1910 — О говорах русского населения Лифляндской губернии. *Русский филологический вестник*. Т. LXIV. № 3–4. С. 303–309.
- В. А. Бобров (Некролог) 1909 — *Журнал Министерства народного просвещения*. Март. С. 45–47.
- Гнатюк В. 1909 — *Записки Наукового товариства імени Шевченка*. Т. ХСІ, кн. 5. С. 224–225.
- Драма русского инспектора 1908 — *Новое время*. 28 нояб. № 11752. С. 5.
- Иеропольский К. 1913 — Памяти Владимира Александровича Боброва. *Вопросы педагогики*. (Варшава) № 2. С. 35–51.
- Пономарева Г. 2000 — Старообрядцы Эстонии в русской литературе. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия IV. Русские староверы за рубежом*. Тарту. С. 128–138.
- Шор Т. 2005 — Мифы о русских Причудья д-ра Шульца-Бертрама. *Балтийские перекрестки: этнос, конфессия, миф, текст*. СПб.: «Наука». С. 48–63.

Староверы Причудья о душе

С. Б. Евстратова

современной лингвистике изучение вопросов, связанных с вербализацией культурных концептов, является весьма актуальным, что обусловлено активизацией научных интересов к проблемам взаимозависимости языка и культуры. О концепте *душа* написано очень много, достаточно назвать работы таких ученых, как О. Н. Трубачев [Трубачев 2003], С. Е. Никитина [Никитина 1993], С. М. Толстая [Толстая 1999], А. Д. Шмелев [Шмелев 2002], А. Вежицкая [Wierzbicka 1992] и др. В данной статье предпринята попытка приблизиться к пониманию этого феномена, опираясь на материал, собранный мною в деревне Колькья в августе 2006 года, и на «Очерки по истории и культуре староверов Эстонии» [Очерки 2004], изданные сотрудниками кафедры русского языка Тартуского университета на средства Фонда развития предпринимательства Эстонии в рамках программы местной инициативы, а также при поддержке Союза старообрядческих общин Эстонии, Общества культуры и развития староверов, кафедры русского языка Тартуского университета.

Сведя воедино различные описания концепта *душа*, можно выделить следующие универсальные моменты: 1) представление о душе возникло во времена язычества; душа — двойник человека, не имеющий материальной формы, но может принимать вид животных, нуждается в пище, как и человек; 2) в христианской антропологии человек имеет тройственное строение: дух — душа — тело — то есть душа, с одной стороны, тяготеет к духу как нематериальной субстанции, а с другой — существует несомненная связь между душой и телом, душой и сердцем. Занимая центральное положение в русской языковой картине мира, душа соединяет в себе свойства материального и идеального, больше тяготея к божественному, духовному началу. В церковной традиции

Дух — это сила, которой подчинена душа; Дух, в отличие от души, не связывается с личностью человека, он гораздо менее индивидуален; 3) когда человек умирает, душа расстается с телом; само слово тело чаще всего появляется в ситуации смерти, когда от него отделилась душа. О. Н. Трубочев отмечает, что душа у славян сразу после смерти не умирает, она бессмертна, и ранее это понятие употреблялось преимущественно как обозначение живой души [Трубочев 2003: 415]; 4) лексема *душа* принадлежит к семье слов от и.-е. корня *dheus- // *dhus- «разлетаться, рассеиваться» (об искрах, пыли, дыме), а также о дыхании. К этому же древнему корню принадлежит и лексема дух, что обеспечивает неразрывную связь соответствующих концептов в сознании носителей русского языка, основывающуюся на «семантическом синкретизме» корня; 5) слова *сердце* и *душа* могут быть синонимичны в узких контекстах, однако сердце — это и средоточие чувств, и анатомический орган, душа же прежде всего связана с Богом; 6) душа отождествляется с человеком и его действиями, она ходит, прощается, стонет, плачет; все человеческие действия и поступки — деятельность души, она за них в ответе [Евстратова 2005: 86–87].

Как эти представления соотносятся со взглядами староверов? Ведь самая главная особенность старовера — приверженность древлеправославной вере; она определяет духовную жизнь, влияет на язык и бытовое поведение, является доминантой жизни старовера. Переходя к душе, мы входим в сложную сферу народного миропонимания, связанного с довольно ощутимой трансформацией ортодоксальных христианских воззрений. По словам Е. Е. Королевой, «старообрядцы предстают как этноконфессиональная группа, для которой характерна самоидентичность» [Королева 2005: 58], — об этом свидетельствуют и их представления о душе. Каковы же они? Постараюсь ответить на данный вопрос, опираясь на собранный мною материал. Наши респонденты отвечали на вопросы, приведенные ниже. Структура опросника предполагает, что некоторые вопросы частично повторяют друг друга. На отдельные вопросы ответы не были получены.

Опросник включал в себя 14 вопросов:

1. Что такое спасение души? Как ее спасти?
2. Как можно «сдать грехи»?
3. Дух и душа — это одно и то же?
4. Как душа связана с телом? А с дыханием?
5. Может ли человек жить без души?

6. Качества души связаны с характером человека?
7. Сердце и душа — это одно и то же?
8. Что такое Молитва на исход души?
9. Что делали, чтобы покойник «не ходил»?
10. Можно ли было увидеть душу умирающего, умершего или спящего человека и в каком образе?
11. Как еще называется смертный исход?
12. Где находится душа и в кого может превращаться?
13. Душа — какая она?
14. Какие обычаи связаны с поминанием души?

На вопрос о том, как можно спасти душу, опрошенные нами староверы дали следующие ответы:

— Нельзя отрываться от корней, нельзя уезжать из родных краев. Отрыв от родных мест сильно бьет по состоянию души, по характеру. Уехавшие возвращаются, но возвращаются другими. Мы жили в Тарту 30 лет, и я другая. Мы — «отпадшие», как сказала моя бабушка. У нее всегда было трепетное отношение к земле, она святая. Многие вернулись, но это уже не те люди. Вера осталась, в высшую справедливость, в Бога, но они другие. Достойные люди, которые остались, они другие. Душа тесно связана с местом рождения. Чтобы сохранить староверскую душу, надо жить здесь. Земля наша намоленная предками, она другая. К старости все явятся, и все здесь нужны. В этом краю каждый человек — что-то необычное, все нужно здесь. Город их испортил. Есть, правда, у кого душа не испорчена. Очень сильные связи между детьми и родителями. Где родился, там и сгодился. Мало кто уезжает за границу, это — отрезанный ломоть. Хутора сеют разобщение, а мы друг за дружку. Есть и злоба, и зависть, но это редко. Ближний сосед лучше дальнего родственника. По забору скажешь, откуда человек. От скотины заборы были, но не от соседей. Есть забор, значит — что-то нехорощее за душой.

— Помирать собираешься, а рожь сей. Делать дело надо. Спасти душу — не забыть Бога; какие бы досады ни были, только Бог помогает. Господи, спаси ты мою душу грешную. А вера погибла. Что вы ее догоняете — это бесполезно, нам ее не вернуть. Даже трогательно говорить об этом. В школу — в брюках, в Божий храм — в брюках...

— К Богу обратиться, а иначе душу не спасешь, только Богом. С детства с Богом обращаюсь. Надо и добро людям делать, а только молитвой ничего не сделаешь. Душевно надо все делать: помнить стариков, память творить. [На мой вопрос о том, что будет, если добро делать, но не молиться, И. Б.

добавляет следующую фразу. — С. Е.]. Если добро делать, а не молиться, — там разберутся.

— Как душу спасти? Просишь Бога, помолишься, дашь подаяние; самое первое — подаяние. Прощай всех — а мы не хотели прощать, не обижай — а как не обижать?

Два года назад решили, давай дом перепишем, свой пай подарили дочке. Привели нотариуса. На дочь записали, а сын рассердился, обиделся. Сами себе не купляли, их не обижали — и «так ей и надо». [Словами «так ей и надо» обиженный сын отреагировал на известие о тяжелой болезни матери. — С. Е.]. Трижды проклят будешь, если лучшего ожидаешь.

Сравню данные ответы с высказываниями староверов, приведенными в «Очерках по истории и культуре староверов Эстонии»:

— Посты надо иметь. Каяться надо, исповедь надо иметь, в чем согрешил: може, что украл, може, кого убил. Покайся, Бог простит. <...> Ведь мы грешные — да Божьи люди! Везде Господь с нам и все видит. <...> А только надо по-правильному жить <...> Если ты от души, со стараньем со своим, так можешь делать, что ты хочешь <...> Батька согласен был, что это по-Божьи все, если ты от сердца все [Очерки 2004: 160–161].

— Паче молитв молитва и без дел вера мертва. Молись — хоть лоб разбей, но не сделай плохо. Я вспоминаю, у дедушки моего мужа была картина такая: грешника судят, и ён стоит, а дьяволы — языки выпячены на чашку, на вьсы — вешаются. И вдруг на другую чашку ложится доброе дело — и эти полетели в тартарары!

Кто же оказался ближний? Кто сделал доброе дело, а не тот, кто бежал молиться. <...> И я с этим всегда согласна, что доброе дело — паче молитв молитва [там же: 166–167].

Представления староверов о том, как можно «сдать грехи», нашли отражение в следующих ответах:

— «Сдать грехи» — это когда ходим на исповедь, очищаем душу, когда покаемся. Не забыть, а именно сдать грехи. Но ведь все равно за них кто-нибудь будет отвечать. Не зря говорят, что отдают грехи до седьмого колена. Не все грехи прощаются: убийство не прощается. Слова тоже убивают! «Не то грешно, что в рот, а то, что изо рта». Человека обидевшего простить можно, а забыть нельзя. Предать — страшный грех. Мало староверов выселяли в Сибирь, потому что сосед соседа не предавал.

— Грехи надо сдать от всей души, ничего не затаить. Раньше исповедь была откровенная. От батюшки ничего не скрывали. В коридоре после исповеди говорили «Господь вознаградит, что не утаили ни одного греха...».

— Ходим в церковь к Батюшке: для девочек, мальчиков, для женатых грехи. Надо и делом показать себя, не просто сдать грехи. Утром встану, помолюсь. Делом показать: нищим подать, помочь добрым словом, поговорить. Не так, что только мне хорошо. Это по-Божьи не разрешается, а до нас это не дошло.

— Человек должен покаяться. Слова — великий грех. Первое покаяние — не обсуждай никого и не советуй плохого. Смирение прощает всех грех. Господь все простит. 40 дней нужно переживать мытарства, водят, чтобы могла раскаяться. Нам уже не знать, как Господь распределит. Это Господь знает. Мы нарождаемся — и судьба определена. Без судьбы волос не погибнет. [На мой вопрос о том, можно ли простить убийство. — С. Е.]: Убийство — это его, убийцы, крест. «Не осуди — не осужден будешь». Если человеку плохо, надо помочь, а не смеяться над нищим душой. Это — его крест.

Как я уже отмечала ранее, душа, соединяя в себе свойства материального и идеального, больше тяготеет к высшему божественному, духовному началу, Духу, но в то же самое время объединяется с сердцем как средоточием эмоций [Wierzbicka 1992; Арутюнова 1998; Толстая 1999; Шмелев 2002 и др.]. Как различают данные понятия староверы?

— Душа — то, что в тебе, всегда; дух — то, что питает, что над тобой, вокруг тебя, привнесенное. Душа связана в теле посредством Бога: Бог в тебе — и душа есть, нет Бога — нет души. Есть вера — есть душа. Сердце и душа — одно и то же.

— Дух святой, а душа — это душа. Не могу тебе сказать. Душа связана с телом, еще и как. Почему был строгий режим? В третий день после смерти покойника надо предать земле, душа прощается с телом. До этого летает и плачет:

Душа убо плачущая идет,
Тело же к земли предается.

Душа ближе к сердцу, мы говорим «душа заболела», когда болит сердце.

— Они разные, а объяснить не могу. Нет, я думаю не одно и то же. Сердце сердцем, душа душой. Я думаю, душа ближе, «душа от человека отходит и идет на Божий суд». «Душа с телом разлучается». Как-то до меня не доходило. Насчет дыхания тоже не знаю.

— Сердце — орган, а душа... «Послушай сердце, но сделай, как подскажет душа». Душа выше, чем все остальное. Чистое, что остается. Душа счастливая, потому что все испытания надо принимать с достоинством. Сердце может быть злым, но не душа. Это Божья тайна, где душа находится. В живом теле — живой дух, и душа живая. Во всем теле. Нет, во всем теле.

На основании приведенных ответов можно сделать вывод о том, душа лишь изредка отождествляется с Духом, чаще всего слово *душа* используют как синоним сердца, подтверждение чему мы находим в собранных ранее материалах:

— Приходит дядя Миша (соседа так звали) и говорит: «Егор Тимофеич, что это у меня так болит душа, я никак не хочу из дому уязжать». — «А знаешь, Михаил, и мне что-то тяжело». <...>А сердце-то её, наверное, чувствовало... [Очерки 2004: 202–203].

— Мать все время носила это в сердце, что отец проклял его. Проклятье — ужасная вещь... [там же: 209].

Без души, как и без сердца, человек жить не может, и именно душа во многом определяет поступки человека — в этом староверы были единомышленники:

— Без души человек жить не должен. Может, но не должен. Люди-убийцы — те, у которых душа оставила тело. Хоть тоненькая душонка, а должна быть. Качества души связаны с характером человека обязательно. Душа развивается, от этого зависят и характер, и поступки. Хороший человек, плохой человек — кто что скажет. Мне все хорошие люди. Говорят, видят, что душа летит, умирает. А никто не видит, человек умер, души нет; без души — это уже не человек.

[Далее, продолжая отвечать на вопрос, моя собеседница рассказывает о своем сыне. — С. Е.]. Чужого будет пить сколько хошь, а на работу пьяный не пойдет. Парень хороший, а ночная кукушка [о невестке, с которой не сложились отношения. — С. Е.] перекуковала, с матерью ссориться стал. Во всем организме [душа. — С. Е.] находится. Организм работает — и душа работает. На сороковой день после смерти бес будет со своим документом стоять, а ангел — со своим. Сын себе плохо делает, не мне, что не ездит ко мне.

— Какая душа — такой и характер. Есть добрый, душевный, а есть наоборот. Судят по делам, душа должна трудиться. Какой человек — такая и душа. Ненавистный человек, злой — доброты мало в этой душе. Раньше старцы ходили и говорили: «Какая жадная / добрая / хорошая душа». У хорошего человека и душа хорошая, у плохого — плохая. На том свете Господь разбирает за хорошие дела и за плохие. Бывают пустышки — пустые люди, у которых нет души. Так что ж это за люди?

— Может, где и живут без души, а здесь нет. Душа и есть сердце. На сороковой день определяется, что с душой будет, куда она попадет. Да не попасть нам в рай, в ад в самый зад. Короткая душа — нетерпеливая, поели — и чаю. Душа болит за то, что творится вокруг.

Злая душа может быть, но без нее никак. Не думаю, что это с душой связано, плохой характер. Раз человек плохой — как черт пошавеливает человека. Душа — от Бога, а зло — от черта. [Противоречивость в ответе отражает противоречивость представлений о душе: с одной стороны, душа, добро — от Бога, а зло — от дьявола; однако допускается, что душа может быть злой. Дьявол искушает? — С. Е.]. Я из грешных грешная, не святая. Враг на каждом шагу соблазняет. Но духа святого не отнимет от меня. Такая торопа, такая горячка вокруг. Забыли про душу, греха нет: время так время. Каждый лишь за себя в ответе. Пустому маханию бесы радуются. Кресты превратили в брошки. Что бахвалиться? В душе надо иметь Бога, а не напоказ. Душе, с первых лет получившей впечатление от слова Божия, трудно забыть страх Божий.

Как продолжение приведенного ответа воспринимается цитата из «Очерков по истории и культуре староверов Эстонии»:

— Не стали знать теперь ничёго, худое время и худые люди. А е такие, что и Бога не знают. И не знают, и ругают, и смеются. Погляжь таперя: пьют, курют, яны не сознают ничёго. И страху Божьего нету в йих. <...> Кто кого обижал — попросют прощения и опять живут. Кто теперь попросит прощенья? [Очерки 2004: 163–164]; Вот, человек человеку розь. И будем говорить — вера. Вера без дел мертва [там же: 171].

Вера определяет духовную жизнь старовера, она не сочетается с пустословием и суетностью, позволяет достойно закончить жизненный путь. «Смерть страшна не только им не столько тем, что обрывает жизнь на белом свете, притягательную саму по себе, но тем, что внезапно своей отнимает у человека возможность покаяния и приготовления для перехода в мир иной» [Никитина 1993: 121]. Перед смертью обычно читают Канон на исход души, чтобы умирающий тихо и спокойно ушел из жизни.

— Человек отходит от души, прощается с миром, он не здесь. Тело с нами, а он далеко от нас. Около читают эту молитву перед смертью. Канон на исход души: за болящего, исход умершего. Смертный исход называем еще «ушел, преставился, отдал Богу душу».

— Об наших грехах. Муж болел, рак губы... Смолоду ходил на крыло-се. Говорю: зажгу свечу, распрощусь с тобой, почитаю тебе Канон на исход души. Его душенька терпела, пока я отчитала восемь песен. Смотрю, у него уста заградивши. Уста заградивши — язычок колом стал [ответ на мой вопрос о том, что такое «уста заградивши». — С. Е.]. Сейчас Канон на исход души не читают. А раньше — если человек на исходе, надо читать. Раньше

все было, а во время неверия исчезло. По нашей вере — крестное знамение надо соблюдать. Не соблюдают.

— «Душа от телу разлучайся — ужасна тайна и страшна есть». Это тайна. Никто не скажет, как там подземельная жизнь. Год будет — не вижу мужа покойного. Подаю всем, «нате ешьте», хозяин тоже хочет поесть. [Моя собеседница, задумавшись о своем, уходит от прямого ответа на вопрос о том, что такое Молитва на исход души. — С. Е.] Когда кто умирает, говорим «кого-то Бог не помиловал, отдал Богу душу».

— Много спрашивается в каноне, там все спрашивается: про грехи. По мнению моих собеседниц, когда душа расстается с телом, она отлетает в виде птички, но никогда не воплощается в образе животного:

— Птица вьет гнездо — бабушка с дедушкой явились, их души. Сделали кормушку для души брата. Ждем птиц: прилетают родные, увидеть.

— Не могу сказать [ответ на мой вопрос о том, можно ли увидеть душу и в каком образе. — С. Е.]. Если душу так не увидишь, только в образе святого. А в виде животного — нет. Птичечка прилетает — може, мой сынок прилетел. И всегда перед памятью [днями поминовения усопших. — С. Е.] птичка прилетит и постучит.

— Животное не увидишь, а птица будет: это душа прилетит. Птичка в окно стучит, просит подаяние.

Чтобы душа успокоилась, а покойник «не ходил», необходимо поминать усопшего, давать милостыню просящим:

— Чтобы покойник не ходил, надо давать хлебное подаяние, а если ходит, значит или забыли о душе человека, или давно не поминали. Раньше отвозили телегу хлеба, теперь — штрицеля и прочее. Девятый день — покойник еще в доме, сороковой — поднимается, годовая — все связано с душой. Во все эти дни нужно поминать покойного, чтобы не тревожить его душу.

— И свои, и чужие всегда все помянуты, никто не ходит. Приходил все время муж, пошла на кладбище, со слезами помолилась: приходи с добром, зачем болезни? И прекратил. Если Бога вспоминаешь, никто не потревожит.

— Я вот вам расскажу: когда муж у меня умер из-за пьянки, у меня была его сестра. И вот он ко мне ходил: придет и перевернет меня на свое место на кровати. Рассказываю золовке, что я на его месте лежу. Она отвечает: «Сделаю, что он не придет». С молитвой она пошла и клинышки забила в могилу, и больше не стал ходить. Это нехорошо, когда покойник ходит в

дом. Поминаю все время как исповедания умершего. Подаяние надо давать, но не деньгами, а едой: деньги быстро не доходят.

— Человека поминают до сорока дней, а душа — у Бога. Стол на Рождество и Успенские заговины не убирали, чтобы покойники пришли и заговели. [Вспомнив об умерших родных и погрузнев: — *С. Е.*] Чужое горе далеко лежит от сердца, а свое — это уже будешь помнить пожизненно: «Чужую беду рукой разведу, а как своя беда придет — и в обхват не охватить». Даруй Вам Бог душевное спасение и телесное здравие.

— Может, и грешно пересказывать, но расскажу. Свекор день и ночь ходил в моленну, должен был «обряжаться», идти за скотиной. А муж пьяный. Подошла, покормила. Вернулась — Киру [пришедшую в гости золовке. — *С. Е.*] трясет: прилетал дедка Федор — свекор, недавно умерший. Руки и крылья, а личность с бородой — дяди Федора. [Получается, что не только в виде птички может прилетать покойник, но это был единичный ответ. — *С. Е.*] А летал над выпившим сыном и плакал, весь в слезах: «Я на малость, посмотреть, что творится. Видишь, как лежит, а мне от этого очень плохо». Муж мой, как ему рассказала, сказал, что у нас с золовкой одинаковы фантазии. До сорока дней душа летает, а тот напился — дед и прилетел. Это было до сорока дней. Была ли Кира приснувши или в самом деле то было — не могу сказать.

Деньги не подобает подавать как милостыню, чтобы успокоить душу усопшего, а вот хлеб — да. Я подавала булки. Во сне увидела его, сидит и жадно ест хлеб. Булки наелся и говорит: хочу хлеба.

— [Одна из собеседниц начинает отвечать на вопрос издалека, вспомнив свой визит к городскому врачу. — *С. Е.*] Так и глядят, как чайки на рыбу, что у тебя в руках, что принесла в подарок. Душа остается в человеке, а дух летает по воздуху. «Беси с рогам» — это дух. Покойник не придет, это приходит бес в человеческом виде. [На вопрос о том, нужно ли подавать милостыню, пересказывает мне молитву мытаря. — *С. Е.*] Молитва мытаря. Фарисей сказал: я много молился, много подавал, Бог мне и так грехи простит. Мытарь сказал: Боже милостивый, грешен я, прости меня, чувствую себя виноватым. То есть перед Богом все равны. Но не гордись тем, что делал: милостыня подается в тайне, должна идти от души, в секрете. Милостыню напоказ давать — это не от души.

Начиная разговор о душе, мы входим в очень сложную сферу народного миропонимания. Представления староверов о душе тесно связаны с важнейшими ориентирами их духовной жизни. В чем-то они сходны с традиционными православными взглядами, но имеют свои особенности. Общим является представление о тройственном строении человека

(Дух — Душа — тело), о бессмертии души, которая может спастись, а может погубить себя; о том, что все человеческие поступки — это деятельность души, а расставание души с телом означает физическую смерть человека. Общепринятым является и то, что из внутренних частей человеческого тела как вместилище души чаще всего упоминается сердце. Душа прежде всего связана с человеческой личностью и Богом, а Дух — это высшая сила, которой подчиняется душа. Но тут и возникают различия, поскольку в зафиксированных нами высказываниях староверов Дух и душа противопоставлены не столь явно, как в текстах христианской литературы. Для староверов очень важна приверженность вере, спасение души, но вместе с этим — стремление делать добрые дела: вера без дел мертва, ближе оказался тот, кто сделал доброе дело, а не тот, кто бежал молиться: «Если добро делать, а не молиться, — там разберутся». Такие социальные процессы современного общества, как утрата духовности, разобщение людей волнуют староверов и осуждаются ими — в этом смысле они социально активны. Для староверов характерны особый пиетет перед людьми старшего поколения, стародавними временами, а также глубокая привязанность к родной земле, трепетное отношение к ней — качество, все более редко встречающееся в наши дни. «Чтобы сохранить староверскую душу, надо жить здесь» — эту фразу одной из моих замечательных собеседниц я выделила бы как ключевую для понимания такого важного ориентира в духовной жизни староверов, как душа.

В заключение я хотела бы поблагодарить А. С. Портнову, А. Ф. Лавягину, И. Ф. Белову, Е. Ф. Горину, О. П. Рижскую, Н. И. Баранину, не пожалевших своего времени на беседы со мной. Особая благодарность моей бывшей однокурснице, смотрительнице Музея староверов в Колькья Анне Семеновне Портновой, которая помогла мне встретиться с респондентами и была незаменимой помощницей и советчицей во время поездки.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. 1998 — *Язык и мир человека*. М.
Головановская М. К. 1997 — *Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка*. М.

- Евстратова С. Б. 2005 — Концепт *душа / hing* в русской и эстонской фразеологии. *Fenno-Ugristica 27. Phonetics, Grammar and Lexis*. Edited by Piret Klement. Tartu. Lk. 86–99.
- Королева Е. Е. 2005 — Портрет старовера с этнолингвистических позиций. *Староверие Латвии*. Рига. С. 56–65.
- Никитина С. Е. 1993 — *Устная народная культура и языковое сознание*. М. Очерки 2004 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии*. Тарту.
- Толстая С. М. 1999 — Славянские народные представления о смерти в зеркале фразеологии. *Фразеология в контексте культуры*. Под ред. В. Н. Телия. М. С. 145–158.
- Трубачев О. Н. 2003 — *Этногенез и культура древнейших славян*. М.
- Шмелев А. Д. 2002 — *Русская языковая модель мира*. М.
- Wierzbicka A. 1992 — *Semantics, Culture and Cognition*. New York.

II

ЯЗЫК СТАРОВЕРОВ

О различиях в грамматической системе глагола говоров Принаровья, Западного и Северного Причудья

И. П. Кюльмоя, Н. Н. Богданова, О. Н. Бурдакова

русские поселения на территории Эстонии издавна существуют в окрестностях Чудского озера. Географически это территория от верховья реки Наровы вдоль всего побережья Чудского и Теплового озер вплоть до северной границы Псковского озера.

Еще сохранившиеся русские говоры на территории эстонского Причудья в силу истории их формирования (по крайней мере, в большей своей части вторичного, переселенческого, островного характера) гетерогенны по своей основе. Непосредственное сравнение этих говоров между собой до сих пор не проводилось. В то же время, если судить по имеющимся исследованиям [Трусман 1895; Мурникова 1962; Хейтер 1971-а, 1971-б; Мюркхейн 1975, 1977], различия между группами говоров, несомненно, существуют.

С точки зрения речевых особенностей, противопоставляются: а) говоры русского (в основном старообрядческого) населения, проживающего на территории к западу от Чудского озера, в деревнях Рая, Кюки-та, Тихеда, Роотсикюла, Нина, Колькья, Казепяэ, Варнья, Березье, городах Калласте и Муствез и на острове Пийриссаар — условно говоры Западного Причудья; б) говоры русского православного населения деревень по северному берегу Чудского озера (Ремнику, Карьямаа, Алайыэ, Уускюла, Катазе) — говоры Северного Причудья и в) говоры русских православных жителей деревень в верховье реки Нарова (Васькнарва, Яма, Кароли, Пермискюла, Кунингакюла) — говоры Принаровья.

Грамматическая система говоров этих территорий описана еще недостаточно, хотя и имеются работы, посвященные отдельным грамматическим особенностям говоров [Хейтер 1971-а, 1971-б; Немченко 1974; Мюркхейн 1975, 1977; Бурдакова, Бурдакова 2002-а; 2002-б; 2004; Кюльмоя 2006 и др.] или описанию говора в целом [Мурникова 1962; Ровнова 2004 и др.]. С целью пополнить собрание диалектных материалов и исследовать русские говоры Эстонии кафедрой русского языка Тартуского университета, а также лекторатом русского языка и русской литературы Нарвского колледжа Тартуского университета были организованы экспедиции в деревни Принаровья (2001 г.), Северного (2002 г.) и Западного Причудья (1996–1997 и 2003–2007 гг.), в работе которых принимали участие авторы статьи.

Анализ материала показывает, что русские говоры указанных территорий в сфере глагольного формообразования имеют целый ряд **общих особенностей**, отличающих их от литературного языка (см. таблицу 1).

1) К таким особенностям среди **нефинитных форм** глагола относятся:

а) Формы инфинитива на *-сть / -зь*, которым в литературном языке соответствуют формы с ударным *-сти / -зти*: *несть* (*отнесть*, *принесть* и т. д.), *везть* (*довезть*, *привезть*, *свезть* и т. п.), *весть* (*вывезть*, *развезть*), *насть* и под.:

*Ну, я Виктора заставлю с крылец **принесть** [кофту] (Кунингакюла 2001); Пошла на станцию, шчо дятишкам воды **принесть** (Катазе 2002); И ён дал мне лошадь **довезть** туда всё; И яна заставила ей туда **свезть** (Алайызэ 2002); Ну, сено надо **привезть**. А на чём **везть**? Нечем! Сам не пойдёшь, саночки не возьмёшь... с Васькнарвы сено **везть**! (Уускюла 2002); Сямью **развезть** это не так лёгоко. Дети страдают! (Уускюла 2002); Октябрь, значит, может пастух ишо **насть**! (Уускюла 2002); Как он не хотел **несть** этих рыбок туда (Варнья 2003); Рыбы попада́ло много, что нам не **привезть** (Варнья 2003); Шчо **привезть** с магазина? (Калласте 2007).*

б) Формы инфинитива глагола *идти* и производных от него, осложненные добавочным элементом *-ть* (на *-тить*):

*Вот в тот дом можете еишо **сойтить**. Вот тут, рядом (Алайызэ 2002); Собака-то — чёрт наш! Зверь там. Ей надо убобрать, тогда только людям **пройтить** (Алайызэ 2002); Ну вот, сястра, наверно, вышла [замуж] в январь, а я вышла в мае. Ну мне было зимой сразу ня **выйтить** — шчо не собрать [приданое] (Уускюла 2002); И кверху можно **идтить**, кто хочет (Варнья 2003).*

в) Во всех русских говорах Эстонии широко распространены деепричастия в предикативной функции, известные также другим русским говорам и просторечию. В основном они имеют результативное значение (т. н. результативный перфект) и образуются чаще всего от непереходных глаголов совершенного вида (СВ), выражающих изменение в состоянии или пространственном положении носителя действия:

И платья всяки разны! Каких в мяня нету! Послевоенных, довоенных, правда, там шёлковы да бархатны оставиши (Кунингакюла 2001); *Они вси раньше помершии. Сястра умершии* (Кунингакюла 2001); *А теперь там наросиши был лес. А мы уже здесь с вакуации были приехавшии* (Кунингакюла 2001); *Бог знае, где дочка убежавшии* (Катазе 2002); *Там, наверно, баптисты приехадшии* (Катазе 2002); *Рано утром выгоняли стадо, ишо солнышко вставшии, другой раз и не вставшии* (Катазе 2002); *Во трава-то вся сгоревшии* (Алайызэ 2002); *Так лучше бы была помершии, чем сейчас така* (Алайызэ 2002); *Молоды все разошёдцы, кто куда; мы-то, наверно, тоже с Россеи пришёдцы, а когда уже?! Сколько там йих уцелевшии?* (Уускюла 2002); *Они, бывало, в руськи деревни ходили эстоньцы танцевать, гулять, девок надо им, вот. Это было в молодости, так они научившии порусски тоже* (Уускюла 2002); *С хозяином-то договорившии был* (Муствезэ 2003); *Наверно, поругавшии с кем-нибудь* (Уус-Казепяэ 2003); *А явоны дочки вышедцы замуж* (Уус-Казепяэ 2003); *Вся дяревня с йим перяругавшии, перядравшии* (Уус-Казепяэ 2003); *Я пробродившии тут всё озеро вдоль и поперёк* (Березье 2005); *Здесь заросшии всё было* (Калласте 2007); *Это мой дом, где я родившии* (Калласте 2007); *Теперь-то вовсе пустившии пить* (Пийриссаар 2004).

Реже встречаются деепричастные предикаты от глаголов несовершенного вида (НСВ):

Когда умершии был, тогда скамейка поставлена и были фотографировавшии мы трое: мать, я в серядинке маленька, а яны по бокам (Кунингакюла 2001); *Муж, наверно, на работы где-нибудь с рабочим фотографировавшии* (Алайызэ 2002); *Там, наверно, ёино гнездо ишо бывшии, ишо яна сразу нам и попадала* (Алайызэ 2002); *Эстонцы, може, и учившии-то русский язык* (Пийриссаар 2005); *Всего бывшии, всего делано в свое время* (Пийриссаар 2005); *Там почевавшии не раз* (Пийриссаар 2005); *Раньше все учившии, а таперь, наверно, и не учут* (Варнья 2003); *Она, наверно, уже погибшии* (Муствезэ 2003); *Он видит, что я боюся, и тогда попрощался и пошел пешком к речке. Много читавшии — его интересовал мост Каменный и речка наша* (Варнья 2003). Совсем редки предикативные деепричастия от переходных глаголов: *Это Дёмка помнившии, он теперь помёршии* (Варнья

2003); Я никогда не **пробовавши**, не знаю (Березье 2005); Эти кирпичные дома, что идут, это вновь **построивши** (Березье 2005).

2) В **финитных формах глагола** наблюдаются следующие особенности, общие для всех старожильческих русских говоров Эстонии:

а) Выравнивание основ при спряжении глаголов. У глаголов с инфинитивом на **-чь** *запрячь, лечь, истолочь, испечь, мочь* и др., а также у глагола *бежать*¹ по аналогии с формами 1 л. ед. ч. (*запрягу* и т. д.) и 3 л. мн. ч. (*запрягут*) при образовании личных форм отсутствует морфонологическое чередование *г // ж* и *к // ч* и наблюдается чередование твердых и мягких согласных *запря[г]ут – запря[г']ёшь, ля[г]у – ля[г']ешь*:

Коня запрягёшь в эту соху (Катазе 2002); *Под одеяло лягёшь* (Катазе 2002); *Она [нить] тада вот так бегёт. А эту вот так тянешь, еслив шерсть* (Катазе 2002); *Запас складывали. С лампочкой. То лучиночку зажгёшь, то маленьку лампочку зажгёшь, да попробуй темной разбирать запас!* (Уускюла 2002); *Могёшь делать, что ты хочешь. Она скудоумилась, бягёт топиться* (Уус-Казепяэ 2003); *Хлеб испекёшь, оставляем комочек теста* (Варнья 2003); *Картошку-то чищеную сварить, истолкёшь и молока туда вольёшь* (Варнья 2003); *Мне кто-то запрёг* (Калласте 2007); *Василий поможет* (Калласте 2007); *Теперь-то мало хто лампадки жгёт* (Калласте 2007); *Вода с крана бегёт* (Пийриссаар 2004).

б) Глаголы II спряжения в форме 3 л. мн. ч. имеют безударное окончание I спряжения *-ут*:

Обои в мяня есь на дом новы. А раньше сама всё клеила, а тяперь вот они не клеют (Кунингакюла 2001); *Ну покупают это всё и увозют, а куда они увозют?* (Алайызэ 2002); *Ну и сейчас огородец маленький держут, в кого есть, держут, для себя, для осени* (Уускюла 2002). *Службы отслужут, попросят прощения* (Уус-Казепяэ 2003); *А теперь, наверно, и не учут, аль не ходют* (Варнья 2003); *Теперь снарядят заморскую ёлку, поставют к окну* (Варнья 2003); *Грешника судют, и ён стоит* (Муствезэ 2003); *Это родители купют и ко мне принясут* (Пийриссаар 2004); *Девки промеж собой ладют* (Калласте 2007).

¹ Это наблюдается в тех случаях, когда личные формы разноспрягаемого в литературном языке глагола *бежать* образуются по I спряжению (примеры см. в тексте). При изменении по II спряжению наблюдается свойственное литературному языку чередование, ср.: *Убяжишь — побегаешь, прибяжишь, другой раз не успеешь сунуться, как уже хозяйка кричи: «Ве-ера! Карья вая минна! [эст. Надо идти (скот) пасти] В поле надо! Только в полях не усни!»* (Катазе 2002).

в) Глагол *быть* в 3 л. наст. вр. может употребляться в форме *е*. Такое употребление нерегулярно, часто у одного и того же респондента встречается и параллельная форма *есть*:

В меня и польта е, всяки разны е, после войны-то, дура, всё покупала (Кунингакюла 2001); *Слепни же были тогда. Теперь ня знаю, е слепни или нету* (Катазе 2002); *А теперь ни одной коровы в деревне. Там где-то на хуторе е одна и всё* (Алайыз 2002); — *А здесь соль где была вот, куда она делась? — Наташенька, где-нибудь и там в банках е. Без соли-то не живём* (Алайыз 2002); *Откуда вы-то е?* (Уускюла 2002); *Бог е на свете. Без Бога — не до порога. Вот. Надо признавать, и Бог не забудет наш* (Уускюла 2002); *А е такие люди, что и Бога не знают* (Уус-Казепяэ 2003); *Теперь, може, всякие машинки е да дробилки, а раньше не было* (Варнья 2003); *Кабаны-то е, а медведя тут не слышать* (Варнья 2003).

г) Постфикс *-ся* обычно не чередуется с *-сь* перед гласными:

Я и по-немецки уже училася (Кукингакюла 2001); *Я и осталася там. Всё потерялося* (Кукингакюла 2001); *Так я же где жила, хозяйка ня знала порусски ни слова! А договаривалася* (Кукингакюла 2001); *Война началася, всё осталося в поезде. Так пришлось жить* (Катазе 2002); *Чуть ня выругалася* (Катазе 2002); *И природа смянилася, и люди смянились — всё измянилося* (Уускюла 2002); *Надо, как говорится, вышел ты замуж — почитайте друг друга! Соглашайтесь!* (Уускюла 2002); *Я так спужалася. И в таку бяду попалася мы* (Уус-Казепяэ 2003); *Они сразу после школы пошли учиться в город и там осталася* (Варнья 2003); *Прописалася к отцу туда* (Калласте 2007).

д) В формах 3 л. ед. ч. глаголов наст.-буд. вр. может отсутствовать конечный *-т*:

Здесь их мать живё (Кунингакюла 2001); *Этот плямянник, он всё знае хорошо сделает. Лучше как баба сделае. Да! И сготови. Он вон на этой плитке готови* (Кунингакюла 2001); *Нихто печки не кладё* (Катазе 2002); *Девочка продаё. Ён сёдня не придё* (Катазе 2002); *Снег наляти.* (Катазе 2002); *Христос-то и не приходи* (Катазе 2002); *Рожь сеяли осенью. А тогда придё лето, яна готова, ей убирали. Своя лошадка была. Утром еде, вечером — обратно* (Алайыз 2002); *А Юра крочи: «Мамушка, родная ты моя! Не бей меня! Отдай в друго место, я в лясу боюся»* (Алайыз 2002); [о свадьбе] *А лошадей в друго, в богатого мужсика так семь-восемь лошадей — целый поезд идё* (Уускюла 2002); *Приедут, вядёрочко хотят рыбки, начальник разряши: «Ну дайте, что ж яны приехали»* (Варнья 2003); *Так дожидали, когда придё мясодь. Приехала ко мне бригадир и говори...* (Вар-

нья 2003); *Сын зимой живё в Таллине* (Калласте 2007); *Лук растё* (Пийриссаар 2004); *Туча скоро проходи, её пронесё* (Пийриссаар 2004).

Это архаичное явление нерегулярно, даже в речи одного и того же информанта встречаются как формы с *-т*, так и без *-т*. По предварительным наблюдениям, формы без *-т* несколько более частотны в говорах Принаровья и Северного Причудья, в Западном Причудье они встречаются реже. Условия их употребления еще требуют уточнения, пока можно сказать, что они не коррелируют с местом ударения и спряжением глагола. Лексикализация этого явления во вводном слове *може*, отмеченная О. Г. Ровновой [Ровнова 2004], наблюдается последовательно во всех трёх регионах.

Несмотря на географическую близость, несомненные контакты жителей Принаровья, Северного и Западного Причудья, сходство условий функционирования говоров, имеется ряд **различающих их особенностей** (см. таблицу 2). К дифференцирующим формам относятся формы инфинитива и формы 3 л. наст.-буд. времени.

Формы инфинитива в говорах Принаровья зафиксированы как с твердым, так и с мягким *-т* на конце:

— *С волости! Мне пятьсот дали денег на девяносто лет.*

— *Это пятьсот крон?*

— *Пятьсот крон, да-а! Потом ишо дали на дрова... пятьсот дали, двести дали! Ага, а теперь, а сичас ишчо опять сделали! Тут ишо одна есть такая. Значит, э-э, ей тоже девяносто один уже (я-то постарше всех), одна вот умерла соседка, ей девяносто было, ей... Она не поспела **получит**. Оны ко мне всё ездят **поздравлят!** И на Иван-день были! Привяли двести крон мне и тоже цвяты красивые привяли! Они все мяня и в волости-то знаю! (Кунингакула 2001).*

При этом в речи некоторых информантов инфинитив с конечным твердым *-т* представлен регулярно. В Западном и Северном Причудье инфинитив с твердым *-т* не зафиксирован. Исследователи допускают двоякое объяснение этой, по определению О. А. Черепановой [Русская диалектология 1998: 142], редкой формы.

Во-первых, «возможно, что твердое *-т* представляет собой результат отвердения *т* мягкого, ставшего конечным после редукции до нуля конечного *-и*» [Кузнецов 1954: 89].

Во-вторых, возможно, формы типа *получит* — это остаток старого супина [Кузнецов 1954: 89], который, как известно, употреблялся при глаголах движения в широком их понимании для обозначения цели, и в

русской традиции поэтому нередко назывался «достигательным наклонением» [Буслаев 1959: 376] или «инфинитивом цели» [Иванов 1990: 357].

Следует, однако, заметить, что условия употребления инфинитивных форм с твердым конечным *-т* в русских говорах Принаровья сегодня отличаются от условий употребления древнего супина. Твердый инфинитив в русских говорах Принаровья часто употребляется не только с глаголами движения: *Они ходили вчера платит. А я сама ня ездила последнее время-то смотрит* (Кукингакюла 2001), но и при модальных глаголах (*хотеть, мочь*): *А холодца-то я хочу заказать яму; А только я всё, я и писат могу по-эстоньски, и читат могу; я кваса могу сварит здесь* (Кукингакюла 2001), модальных безлично-предикативных словах (*надо, нельзя* и др.): *Мне вот теперь надо заплатить за свет; Думаю, помочу платье, тут е сколько платьев, постираю. А шшас половик там помочено, мне стират надо еще; Простая-то плитка в мяня есть, так на той нельзя варит* (Кукингакюла 2001) и в аналитических формах будущего времени: *От теперь за свет, и в сына-то нету денег, так я буду платит* (Кукингакюла 2001).

Две следующие характеристики касаются формы 3 л. наст.-буд. времени. Наличие твердого или мягкого *-т* в формах 3 л. глаголов, как известно, одно из тех грамматических явлений, которое лежит в основе деления диалектного языка на наречия («твердое *т* в формах 3 л. характеризует говоры северного наречия и окающие среднерусские, мягкое *т* — говоры южного наречия и акающие среднерусские» [Бромлей 1965: 162]).

В русских говорах Принаровья атематические глаголы в форме 3 л. ед. ч. могут сохранять древнее мягкое окончание, например:

Вот так и живём, детушки... А сколько проживу — поди знай! Сотенный живу, а сколько бог даст? Либо ешшо сотенный отживу?! (Кукингакюла 2001).

В говорах Северного Причудья наряду с единичными случаями употребления старого мягкого окончания в форме 3 л. ед. ч. глаголов *дать, есть* ‘кушать’ и производных от них (ср.: *Может, хто мешок картошки или два продасть, а так много не было*; Уускюла 2002) обнаружена особая вторичная форма 3 л. ед. ч. с твердым *-т*: *съестит, дастит* и т. п.:

А яны напаякут... така больша вот скамеечка широка и я сошшитала: у него семь хлебов ляжало! Я думаю: господи, когда он съестит их... ну, а ён почерстнее, шчыбы... поменьше съели. Жили-то всяко ведь люди... (Алайыз 2002).

Последняя форма образована путем присоединения окончаний глаголов II спряжения непосредственно к форме 3 л. ед. ч., выступающей в парадигме ед. ч. рассматриваемых глаголов в роли словоизменительной основы. Ср.:

Я говорю: «А шо ты так ня да́стишь, шо други придут, так ня да́стишь?» А от знаешь за шчо? Он воровал и в рожь, крал и носил в рожь! Шо он там носил в рожь? Прятал. И тогда увозили домой. Вот и ня даст (Уускюла 2002); [Диалог пожилой жительницы деревни Алайыз и ее внучки] — Включи огонь! Ты да́стишь нам кофяйку-то? — Да́стишь, да́стишь! Баба Фань! Кофейку? Так я вам уже чай налила (Алайыз 2002).

Ср. этимологически родственный глагол *продать*:

Хоть по пять копеек, хоть по десять, по пятнадцать, двадцать, по пять-десять килограмм. Как хочешь, так и прода́стишь! (Уускюла 2002).

Такого рода формы отмечаются в качестве характерных для гдовских (западных среднерусских) говоров [Русская диалектология 2005: 151]. Указанные особенности (форма 3 л. ед. ч. с мягким *-т* (*дасть*) и особая форма с твердым *-т*: *дастит*) нерегулярны: наряду с ними используются литературные формы глаголов нетематического спряжения. В форме 3 л. мн. ч. атематических глаголов конечное *-т* может вообще отсутствовать: *спасибо даду́* — «спасибо дадут» (Кунингакюла 2001).

В говорах Принаровья конечное *-т* отсутствует не только в формах ед. ч., как это наблюдается и в Северном и Западном Причудье, но и в форме 3 л. мн. ч.

I спр. мн. ч.:

Этот домик называется, мой домик. Ну а я уже называю «моя конюшня». Яна уже дряхлая, старая уже, она моя конюшня! Шчо уже там в этом доме коня надо ставит, а не человека, а люди живу́, детушки живу́... живу́, переживу́, уйду́ — баба одна останется, а одна живёшь... шчо детям-то надо, одёжка надо, всё...; В мяня и шшас, наверно, в подвале стоит там. Брусника, наверно, с сахаром стоит, больше полбадьи. Это давно набрана уже, и я всё запасала, шчыбы мне до смерти хватило, а сама теперь и не хочу. Ага! Всё стоит в подвале. Надо на вино им отдат, так они сделаю да вы́тью (Кукингакюла 2001).

II спр. мн. ч.:

На улицы выйдешь, туда-то я его не пускаю, шчо он маленький, схватя собаки ешиш, а иду: «Снежок, где ты? Ну-ка Снежок, учиться надо, возьми!» Он идё в ворота: «Ав-ав-ав-ав!» и обратно. С бабой спи ночью на кровати, я в головы, ён в ногах... Бабин хозяин! (Кунингакюла 2001).

Особенность носит нерегулярный характер, и наряду с формами без конечного *-т* употребляются литературные формы, ср.:

В ихх в Нарве дом. Они на этой на Паймары живут. Они, конечно, всё сделают (Кунингакюла 2001); Молоко я оттуда покупала. Сейчас молоко у них корова е, так они мне приносят литр каждый день молока (Кунингакюла 2001).

В Западном и Северном Причудье конечный *-т* в форме 3 л. мн. ч., как правило, имеется. Лишь в речи жителей деревни Алайыэ в Северном Причудье зафиксированы редкие примеры форм без конечного *-т*:

Ну и накладу туда [в горшок] мясца, картовочки, морковинку али шо и задвинут в печку, и ён там целый день выпряе за обед (Алайыэ 2002); Свои тут, так там собачышша такая. Да-а... Так яна наскочи скоро, человека чужого. Я сама да и то боюся, утром не выхожу, пока они не встану. Не познакомивши ешише, так знаешь... (Алайыэ 2002); Ягоды носили: клюкву. Ходили очень далеко — зато в мяня ноги боля: я не могу спать ночь (Алайыэ 2002); Вот свинью-то убьют, мясо это засоля, да ножки, да головку, холодец варили (Алайыэ 2002); Теперь всё больше со священником хороня, снесут в церькову (Алайыэ 2002).

В то же время говорам Западного Причудья присуща не зафиксированная в современных говорах Северного Причудья и Принаровья форма настоящего времени 3 л. ед. ч. глагола *быть* — *естя / ести*:

И сейчас естя такие певчие. На Пийриссааре тоже естя таперя люди (Варнья 2003); Вино ести — дадим, нету — не дадим (Варнья 2003); В нас всё время было и естя (Уус-Казепяэ 2003); В нас больные естя. Тут старик один естя (Пийриссаар 2004); Что у ней естя, там печёно или сварето, всё мне даст (Калласте 2007).

Напомним, что форма *е* встречается во всех говорах.

Анализ показывает, что диалектные различия между исследуемыми группами говоров наблюдаются не только в личных формах глаголов настоящего времени, но и в формах прошедшего времени.

Так, в говорах Западного Причудья и Принаровья встречаются формы одного из специфических типов русского северо-западного перфекта,

названного Ю. С. Масловым посессивным [Маслов 1949], и представляющего собой конструкцию *предлог у / в + существительное / местоимение в родительном падеже* (далее род. пад.) + *страдательное причастие СВ на -но / -то*. Страдательное причастие при этом не согласуется с существительным или местоимением в роде или числе, а «сочетание у + родительный обозначает не “обладателя”, а реального субъекта, то есть лицо, совершившее соответствующее действие» [Там же: 49]:

В Нарве дом у него был куплено тада. И поросёнок был в мяня тада сразу же куплено, привядёно. Я бы и рада теперь померет, в мяня ведь и гроб уже сделано себе! Да, стой на чердаке. Второй муж в меня в Ямах похоронено уже (Кунигакюла 2001); *Этот конь-то был забрано в немец в штаб. А у нас старый домик было обделано так красиво, что яво было разорять жалко* (Уус-Казепяэ 2003); *Теперь сделано всё моторы да моторные колёсные машинки, что в самих придумано. А раньше всё на лошадях ехато* (Варнья 2003); *В меня уж дети нажито* (Колькья 2005); *В ей или завет дано было или что* (Березье 2005); *В меня было чай согрето* (Калласте 2007).

В говорах Северного Причудья такое употребление зафиксировано лишь у одного респондента из 10 опрошенных (приблизительно 15 часов записей):

Это тоже каляндарь в Нади привядёно с Украины. Никола-угодник. Бабушка мяня на стол посадила, сама за печку спряталася. А немец пришёл, в печку залез... (а в ей суп был поставлено, шчо приедут, сямья-то с озера приеде, есть-то надо шчо-то), залез в печку с чугуна мясо вытянул и пошел. Ён вышел, а бабушка вышла с за печки: «Ай-яй-яй! А чем я сямью-то буду кормить?!» Да. Мясо-то съел (Катазе 2002).

Поскольку это единичный случай употребления в этом регионе, мы не считаем необходимым отражать его в таблице.

Небезынтересно отметить, что, по данным Х. Й. Хейтер, в русском говоре поселка Ийзаку, примыкающем к Северному Причудью, встречались «единичные случаи употребления застывшего причастия на *-но, -то* (у нас, как и в других акающих говорах, *-на, -та*) или на *-н, -т* независимо от рода и числа существительного» [Хейтер 1971-б: 79] (то есть конструкции несогласующегося посессивного перфекта): *в нас поросёнок с деревни принесёно*. В современном Ийзаку носителей русского говора, по нашим сведениям, нет, в деревнях же Северного Причудья несогласующийся посессивный перфект практически не встречается.

Явление несогласования причастий по роду и числу с существительным в русских говорах Западного Причудья и Принаровья наблюдается не только в посессивном перфекте, но распространяется и на пассивно-перфектные конструкции с неопределенно-личным значением. В Западном Причудье такие конструкции весьма частотны, в Принаровье встречаются значительно реже. В нашем материале имеется лишь два случая:

Муж-то был репрессировано. Пять лет он в России был (это был побогачее других). Ага! И вот он был взято и остался жив (Кунингакюла 2001); Окоп был сделано (Колькья 2003); Мост был взорвано уже (Варнья 2003); Там было, кёрта называли, такой суп с мукой сделано (Варнья 2003); Сделано ящик, в ящик накладёшь и рубишь (Варнья 2003); Два брата жило тут, зато дом разделёно пополам (Колькья 2005); Во дворе играю, а двор закрыто (Березье 2005); Весной взято боров и не плочено — вот за этого борова я неделю работаю (Казепяэ 2003); В советских-то деду была тростка сделана; так вот деду-то сделано подарочек был — была деду красивая такая тростка сделан (Казепяэ 2003); А была норма дана: с овцы — шерсть, свинью убьёшь — шкуру содрать — им отдать, и с коровы — скока-то, двести пятьдесят али больше литров молока, надо было сдать. А яна мне сдавала, и спийше сколько литров там, и цана какая и вот этим платили норм. Норм было дано молока (Алайбэ 2002);

А. <смотрит в чашку:> *Тут кофий положжты². В. Там чай это, а не кофе (Алайбэ 2002).*

В то же время встречается и согласующийся посессивный перфект, который в отличие от страдательных конструкций в литературном языке образуется как от переходных, так и от непереходных глаголов:

В его было завещание сделано. У меня печенье напечёно (Колькья 2005); В их разные хорошие вещи на телегу складжены (Уус-Казепяэ 2003); В Миронушки кожа хороша куплена (Уус-Казепяэ 2003); Ранние-то писатели все ученые в родителях, так в их написаны стихам страшным разные последние стихи, как будет свету конец (Уус-Казепяэ 2003); Ведь у нас-то здесь было хоть как-нибудь да заклёено, а у них прямо брёвны и пазы (Муствеэ 2003); В мяня переплакано и перяжито в меня (Калласте 2007); Там

² В говорах Северного Причудья встречаются краткие формы страдательных причастий прош. вр. глаголов *положить*, *загородить* на *-т*: *положста* (о; ы), *загорожста* (о; ы), которым в литературном языке соответствуют формы на *-ен*. Формы м. р. не зафиксированы. Ср.: *Раньше в эстонско время было, никаких воров не было! Вот палка к дьвери, от так положста — хозяина нет!* (Уускюла 2002).

в брата уже всё переделано: и в магазин в его схожено, и дрова переколоны³, перепилены. В матери были научены молитвы (Калласте 2007); В одной женщины написаны тут какие-то... Вот здесь ей мне какие-то стишки писаны (Катазе 2002); Ой, девчонки, только не пугайтесь, в меня всё раскидано (Катазе 2002); Там покосы были! Ну ситяс покосы, видишь, оны все убраны в хозяевах, може быть; Ой! Ты, ты кушай! В меня ведь не ложкомойна здесь наделана. Кушай! В мя хорошо всё сделано! (Уускюла 2002); Вот это Аляксандр был, так ён любил мать, отца. Ульи там были в его в отцовском-то хозяйстве поставлены... Всё обрабатывал! (Уускюла 2002); А свиньи были, так была там полянка така и в мужчынах загорожсто всё. А ряка кругом — им некуда было, так вот там на этой травы ходили (Алайыз 2002); Где-то в меня была в самих скручена верёвка еше, щас найду, так покажу (Катазе 2002).

К последнему типу примыкают немногочисленные конструкции, сходные с посессивным перфектом, но включающие не краткое, а полное страдательное причастие СВ: *в меня все внуки покрещённые* (Калласте 2007). В материалах, собранных в 1946 г. по программе ДАРЯ, тоже встречаются единичные случаи такого типа употребления:

Чатыре [котёнка], один, верно, унясённый в кота. Вдруг как будто я прихожу в избу, а у них втащённый боров в избу (Колькъя 1946)⁴.

Другой особенностью форм прошедшего времени говоров Западного и Северного Причудья является архаичная форма давнопрошедшего времени:

В нас батюшки не было, был старичок такой молился (Муствез 2003); Отец у нас был грамотей, он был на крылос ходил (Варнья 2003); Один [корреспондент] был, в момент сразу карточки, а другой был присылал (Пийриссаар 2004); Сястра страшно конфет хотела, так ела была — невозможно (Варнья 2003); Я помню, у меня была Таня родилась, так разного хламу было, тряпья нанесёно (Муствез 2003); Ну тогда была пошла в

³ Формы страдательных причастий от глаголов с инфинитивом на корневое *о*, в отличие от литературного языка, в говорах эстонского Причудья образуются при помощи суффикса *-н-*; ср. еще: *У невесты должны приколки ещё быть. Приколки заколоны внизу, под платьем (Катазе 2002); Когда пякли, перво время не было такой накваски, чтоб яна закисла, тогда самы корушки мочили хлебны, яны закиснут, и на этих корушках, воду льём, тёпленко чтобы было, и муку вот эта намолона, намелена (Алайыз 2002).*

⁴ Благодарим О. Г. Ровнову, предоставившую эти примеры из материалов 1946 г.

трудоустройство. Устроилась (Катазе 2002); *И шла одна была с магазина девочка ихна* (Алайыз 2002).

Две последние особенности нельзя считать частотными, однако они являются достаточно яркими показателями, характеризующими исследуемые говоры. Таким образом, даже на основе образования и функционирования глагольных форм можно утверждать, что современные русские говоры перечисленных районов компактного проживания русского старожильческого населения Эстонии сохраняют ряд черт, позволяющих провести границу между этими говорами.

Таблица 1. Особенности глагольного словоизменения в русских говорах Эстонии в отношении к литературному языку

Русские глагольные формы		
в литературном языке		
в говорах Эстонии		
1.	Инфинитив на <i>-сти</i> : <i>принести, вести</i>	Инфинитив на <i>-сть</i> : <i>принесть, весть</i>
2.	<i>Идти, прийти, выйти</i>	<i>Идтить, прийтить, выйтить</i>
3.	Чередование <i>з / ж, к / ч</i> в личных формах глаголов на <i>-чь</i> : <i>запрячь – запрягу – запряжешь, испечь – испеку – испечешь</i>	Отсутствие чередования <i>з / ж, к / ч</i> в личных формах глаголов на <i>-чь</i> : <i>запрячь – запрягу – запряжёшь, испечь – испяку – испякёшь</i>
4.	Позиционное варьирование постфикса <i>-ся / -сь</i> : <i>боялась – боялась; остаюсь, назывались, выругалась</i>	Отсутствие позиционного варьирования у постфикса <i>-ся</i> : <i>боялся – боялася; остаюся, называлися; чуть не выругалася</i>
5.	Деепричастие в роли «второстепенного сказуемого»: <i>договорившись с хозяином, он начал работать</i>	Деепричастие в роли «основного сказуемого»: <i>Он с хозяином-то договоривши был. Теперь оставши одна дочь. Дом наш уцелевши был.</i>
6.	Форма 3 л. ед. ч. Наст. вр. глагола <i>быть – есть</i> : <i>там есть слепни</i>	Форма 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола <i>быть – е</i> : <i>теперь ня знаю, е слепни или нету</i>
7.	Конечное <i>-т</i> в формах 3 л. ед. ч. глаголов наст.-буд. вр.: <i>кладёт, продаёт, может</i> (последнее также в качестве вводного слова).	Отсутствие конечного <i>-т</i> в формах 3 л. ед. ч. глаголов наст.-буд. вр.: <i>никто печки не кладё, девочка продаё, може не увидимся</i> (последнее в основном в качестве вводного слова).

Таблица 2. Особенности глагольного словоизменения в русских говорах Эстонии (с точки зрения диалектных различий)

	Принаровье	Северное Причудье	Западное Причудье
1.	<p>Формы инфинитива как с твердым, так и с мягким -т:</p> <p><i>Она не поспела полу-чит; Муж мой умел делат и гроба.</i></p>	<p>Формы инфинитива только с мягким -т на конце:</p>	
		<p><i>Шчо умеешь дэлат?</i></p>	<p><i>паспорт должна полу-чить; можешь делат, что ты хочешь</i></p>
2.	<p>Конечный мягкий -т в форме 3 л. ед. ч. наст.-буд. вр. атематических глаголов:</p> <p><i>Сотенный живу, а сколько бог дасть?</i></p>	<p>Конечный твердый -т в особой форме 3 л. ед. ч. наст.-буд. вр. атематических глаголов: <i>У него семь! хлебов ляжало! Я думаю: господи, када он съестит их...</i></p>	<p>Конечный твердый -т в форме 3 л. ед. ч. наст.-буд. вр. атематических глаголов: <i>умрёт какая-то старушка беденькая — она отдаст свою одежду</i></p>
3.	<p>Отсутствие конечного -т в форме 3 л. мн. ч. наст.-буд. вр.:</p> <p><i>в этом доме люди живу, детушки живу; спасибо даду</i></p>	<p>Конечный -т в форме 3 л. мн. ч. наст.-буд. вр., как правило, есть:</p>	
		<p><i>Старики тока живу; Чулочка-то да носочка не было, таку тряпочку каку стару дадут, яны завернут.</i></p>	<p><i>Соседи молока принясут, картошки дадут; четыре сестры живу в Тарту</i></p>
4.	—	—	<p>Форма 3 л. ед. ч. наст. вр. глагола быть — естя: <i>и сейчас естя такие певчие; на Пийриссааре тоже естя таперя люди.</i></p>
5.	<p>Формы посессивного перфекта:</p> <p><i>в Нарве дом у него был куплено тада.</i></p>	—	<p>Формы посессивного перфекта: <i>этот конь-то был забрано в немцев в штаб; в меня уж дети нажито.</i></p>
6.	—	<p>Архаичная форма давнопрошедшего времени:</p>	
		<p><i>Ну тогда была пошла в трудоустройство.</i></p>	<p><i>В нас батюшки не было, был старичок такой молился. Отец был на крылос ходил</i></p>

ЛИТЕРАТУРА

- Бурдакова О., Бурдакова Н. 2002-а — Особенности глагольного словоизменения в русских говорах эстонского Принаровья. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. VI*. Тарту. С. 61–67.
- Бурдакова О., Бурдакова Н. 2002-б — Особенности образования видовых форм в русских говорах Эстонии. *Материалы XXXI Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*. Вып. 3. История русского языка. Русская диалектология. Язык и ментальность. *Часть 2*. СПб. С. 35–44.
- Бурдакова О., Бурдакова Н. 2004 — Функционирование глаголов движения в русских говорах Принаровья и Причудья. *Acta et commentationes collegii Narovensis. III*. Нарва. С. 23–40.
- Буслаев Ф. И. 1959 — *Историческая грамматика русского языка*. М.
- Иванов В. В. 1990 — *Историческая грамматика русского языка*. М.
- Кузнецов П. С. 1954 — *Русская диалектология*. М.
- Кюльмоя И. П. 2006 — О «русском перфекте» в говорах Западного Причудья. *Humaniora: Lingua Russica. I. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. IX*. С. 173–183.
- Маслов Ю. С. 1949 — К вопросу о происхождении посессивного перфекта. *Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук*. Вып. 14. Л. С. 76–104.
- Мурникова Т. Ф. 1962 — Описание русского говора острова Пийриссаара. *Учен. записки Тартуского гос. ун-та*. Вып. 119. Тарту. С. 345–363.
- Мюркхейн В. В. 1977 — Об оформлении родовой принадлежности имен существительных в русских говорах Эстонской ССР. *Учен. записки Тартуского гос. ун-та*. Вып. 425. Тарту. С. 92–100.
- Мюркхейн В. В. 1975. — О соотношении возвратных и невозвратных глаголов в одном из русских говоров Эстонской ССР. *Учен. записки Тартуского гос. ун-та*. Вып. 375. Тарту. С. 107–113.
- Немченко Е. В. 1974 — Из наблюдений над синтаксисом русского говора с. Мехикоорма Тартуского района Эстонской ССР (к вопросу о проницаемости системы говора при возможности иноязычного влияния). *Диалектологический сборник. Материалы IV диалектологической конференции по изучению говоров и языковых контактов в Прибалтике*. Вильнюс. С. 125–131.
- Ровнова О. Г. 2004. — О современном языке староверов Западного Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I*. Тарту. С. 144–154.
- Русская диалектология 1998 — *Русская диалектология*. Под ред. В. В. Колесова. М.
- Русская диалектология 2005 — *Русская диалектология*. Под ред. Л. Л. Касаткина. М.
- Трусман Ю. 1895. — Исацкие полуверцы в Эстляндской губернии. *Временник Эстляндской губернии 1894 год*. Кн. II. Ревель. С. 3–38.

- Хейтер Х. Й. 1971-а — Некоторые замечания о категории вида в русском говоре Ийзаку ЭССР. *Учен. записки Тартуского гос. ун-та*. Вып. 275. Тарту. С. 69–76.
- Хейтер Х. Й. 1971-б — Формы причастий и деепричастий в русском говоре Ийзаку на территории ЭССР. *Учен. записки Тартуского гос. ун-та*. Вып. 275. Тарту. С. 77–83.
- Черепанова О. А. 1998. — Глагол. *Русская диалектология*. Под. ред. В. В. Колесова. М. С. 122–146.

Безличные обороты в северных говорах и литературном языке

(*травы́ накошено вдоволь ~ травы́ накошено ~
траву накошено ~ трава накошен*)

В. П. Щаднева

данной статье автор возвращается к залоговой проблематике, которая ранее разрабатывалась в рамках глагольных форм несовершенного вида (с постфиксом *-ся*). Стимулом для обращения к формам совершенного вида (причастным формам) стал диалектный материал, по синтаксической структуре отличающийся от литературной нормы.

1. ДИАЛЕКТНЫЕ ФАКТЫ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В русском диалектном синтаксисе отмечены такие односоставные предложения с кратким страдательным причастием, которые построены нехарактерным для литературного языка способом. Это конструкции вида *У соседа травы́ накошено ~ У соседа траву накошено ~ У соседа трава накошен(Ø)*. Подобные факты встречаются в ряде северных и северо-западных говоров, в том числе в диалекте причудских староверов. Эти факты подробно описаны и неоднократно обсуждались в научной литературе [Шапиро 1953; Трубинский 2004; Кюльмоя 2006 и др.]. Тем не менее вопрос о связи этих диалектных явлений с общерусской синтаксической системой не является полностью проясненным. Хотя общая причина возникновения таких конструкций выяснена, механизм их порождения не установлен.

2. ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕСТАНДАРТНЫХ ОДНОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

2.1. Pro & contra: о подходе В. И. Трубинского

По поводу оборота *трава накошен* В. И. Трубинский пишет: «В русском языке вообще и в русской разговорной стихии в особенности проявляется ... тенденция к развитию неизменяемых сказуемых (предика-

тивов, или, как их еще называют, стативов) — тенденция, дающая о себе знать, как обнаружилось, и в сфере глагола. А это, в свою очередь, связано с еще более общей тенденцией, наблюдаемой в славянских языках, с движением их в направлении аналитического строя» [Трубинский 2004: 138]. С такой иерархией причин можно согласиться. Но следует отметить, что русский язык, несмотря на аналитические сдвиги в грамматическом строе, остается в целом языком флективным. А для таких языков рассогласование глагола с именными членами конструкции нехарактерно.

Труднее согласиться с другой мыслью В. И. Трубинского. Объясняя конструкцию *Там закрыто*, цитируемый автор пишет: «Особенность этого оборота состоит в том, что он образуется обязательно от переходного глагола и обязательно в его непереходном значении. То есть переходность и непереходность — эти явные антиподы — в данной структуре как бы сосуществуют. Между ними достигается своеобразный компромисс. И благодаря этому компромиссу рождается страдательно-безличный оборот» [Трубинский 2004: 139]. Данное рассуждение представляется искусственным. Во-первых, *закрыть* здесь употребляется в своем обычном — следовательно переходном — значении, поскольку семантика названного действия предполагает объект. Во-вторых, отсутствие выраженного объекта не означает того, что такой объект не подразумевается (как в обычном неполном предложении) или не является неопределенным, как в предложении *Там уже закрыли*. Ср. *Ребенок читает сказку* и *Ребенок читает / Ребенок читал*, но: **Ребенок закрывает / закрыл что?* Иными словами, глагол *закрыть* употребляется только с тем или иным распространителем: *закрыть книжку, коробку, дверь* и т. п.).

По этим причинам диалектное выражение *Шкуру содрано*, вопреки сомнениям названного автора, является страдательно-безличным. Страдательное оно потому, что пассивная форма глагола управляет прямым объектом в винительном падеже, то есть глагол во всех отношениях ведет себя как переходный. А безличное оно потому, что субъект (агенса) семантически не выражен, нет и формального подлежащего (в именительном падеже) как грамматического члена предложения. Проблема здесь заключается в другом: как могло образоваться такое выражение? В чем причина рассогласования страдательного причастия переходного глагола и существительного, выражающего прямой объект?

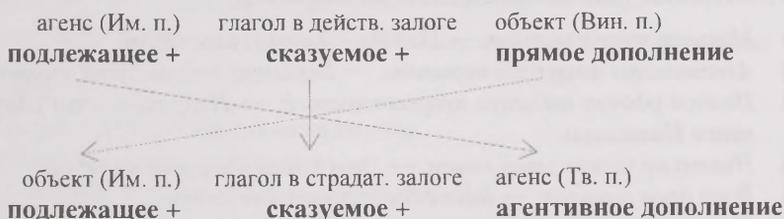
2.2. ВНУТРИЯЗЫКОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЛИ ИНОЯЗЫЧНОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ?

Сами по себе указанные диалектные конструкции достаточно обоснованы с точки зрения семантики и употребления. Вполне понятны и причины их появления, особенно если не забывать неоднократно высказывавшуюся мысль о влиянии на синтаксис русского Севера со стороны финно-угорского языкового субстрата. Однако о простом заимствовании здесь не может быть и речи, поскольку в данном случае мы имеем дело не с лексикой, которая заимствуется достаточно легко и активно, а с грамматикой, заимствование которой нельзя признать типичным. Можно думать, что при отсутствии внутренней тенденции иноязычное влияние не проявило бы себя в такой сильной форме. Поэтому следует выявить предпосылки появления несогласованных страдательных оборотов, коренящиеся в самой русской речи. Без этого механизма образования интересующих нас синтаксических единиц остается неопределенным.

3. ОБЩЕРУССКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ НЕСОГЛАСОВАННЫХ СТРАДАТЕЛЬНЫХ ОБОРотов

3.1. Стандартные пассивные трансформации

Как известно, в синтаксической системе русского языка страдательный залог образуется путем пассивной трансформации активных конструкций с переходным глаголом. Схема стандартной (типичной) трансформации выглядит следующим образом:

В процессе пассивизации форма действительного залога глагола заменяется формой страдательного залога, а существительные обязательно меняют падежную форму: винительный падеж прямого дополнения преобразуется в именительный падеж подлежащего пассивного (страдательного) предложения, а подлежащее исходного активного предло-

жения становится агентивным дополнением и выражается творительным падежом. Например:

- (1) *Рабочие* (Им. п.) *строят* (действ. залог) *дом* (Вин. п.) → *Дом* (Им. п.) *строится* (страд. залог) *рабочими* (Тв. п.)
- (2) *Ягоды* (Им. п.) *наполнили* (действ. залог) *стакан* (Вин. п.) → *Стакан* (Им. п.) *наполнен* (страд. залог) *ягодами* (Тв. п.)

Следует особо подчеркнуть, что при этом глагол меняет не только форму залога, но и другие грамматические показатели, согласуясь в категориях числа, рода и лица с подлежащим. Таковы основные закономерности.

3.2. ОСОБЫЕ СЛУЧАИ УПРАВЛЕНИЯ ДРУГИМИ ПАДЕЖАМИ

Однако в известных случаях переходный глагол управляет не винительным, а другими падежами. Значение прямого объекта довольно часто бывает выражено **родительным** падежом (*не знал покоя; налить молока; нарвать цветов; достигнуть вершины; избегать неприятностей*), а в исключительных случаях — **творительным** (*управлять государством*). Существует также описанная В. Н. Сидоровым конструкция с дистрибутивным объектом, в которой переходный глагол управляет сочетанием предлога *по* с **дательным** падежом (*Мама положила в каждую тарелку по котлетке*) [Сидоров, Ильинская 1949].

Весьма показательно, что и в этих случаях пассивная трансформация обычно формирует страдательные предложения описанного выше типа: Подлежащее (Им. п.) + Согласуемая форма страдательного залога + Агентивное дополнение (Тв. п.). Например:

- (3) *Мальчик вытщ молока.* → *Молоко вытщено мальчиком.*
- (4) *Альпинисты достигли вершины.* → *Вершина достигнута альпинистами.*
- (5) *Иванов удачно избегнул неприятностей.* → *Неприятности удачно избегнуты Ивановым.*
- (6) *Никто не читал этой книги.* → *Эта книга никем не читана.*
- (7) *Вася дров наколол.* → *Васей были дрова наколоты.*
- (8) *Народ управляет государством.* → *Государство управляется народом.*

3.3. НЕСТАНДАРТНЫЕ ТРЕХКОМПОНЕНТНЫЕ ПАССИВНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Кроме обычных страдательных предложений описанных выше типов, пассивная трансформация может формировать и безличную конструк-

цию, что сформулировано в качестве правила в работе Ю. С. Кудрявцева [Кудрявцев 1983], откуда и был заимствован ряд примеров. Однако данная особенность силы правила все-таки не имеет. Наблюдения над текстами показывают, что грамматический стандарт пассивного преобразования соблюдается не всегда. Нестандартные конструкции порождаются в трех случаях.

А. При неопределенных условиях в **отрицательных предложениях** может сохраняться Род. п. прямого дополнения (в исходном активном отрицательном предложении прямой объект выражен не Вин. п., а Род. п.):

- (9) *В сочинении мы не обнаружили орфографических ошибок.* → *В сочинении нами не было обнаружено орфографических ошибок.*
 (10) *Сведений об обвиняемом прокуратура пока не обнарудует.* → *Сведений об обвиняемом прокуратурой пока не обнаружится.*

По поводу условий такого сохранения в журнале «Вопросы языкознания» состоялась дискуссия между Ю. Д. Апресяном и Е. В. Падучевой [Апресян 2005: 5–7; Падучева 2005: 84–98]. Ю. Д. Апресян считает, что такое сохранение является лексикографической приметой соответствующих глаголов; Е. В. Падучева выступает за примат ситуационных и семантических факторов. Думается, что окончательное решение вопроса еще впереди.

Б. При **глаголах с собирательным** (кумулятивным¹) значением, если наличествуют выделительные частицы или некоторые виды обстоятельственных членов (в исходном активном предложении прямой объект выражен не Вин. п., а Род. п. со значением партитива):

- (11) *Ягод-то, ягод набрали дачницы!* → *Ягод-то, ягод набрано дачницами!*

Аналогично:

- (12) *Грибов дачницами набрано достаточно.*
 (13) *Дров мною нашлено на всю зиму.*
 (14) *Мною платьев нашито на три сезона вперед.*
 (15) *Петровым на старом месте работы наворочено дел.*
 (16) *Тобою за три года наделано долгов!*

В. **Дистрибутивный объект** не может изменять свое грамматическое оформление, и в пассивном предложении он сохраняет статус дополнения:

¹ См. [Шелякин 1983: 183].

- (17) *Мама положила на каждую тарелку по котлетке.* → *Мамой было положено на каждую тарелку по котлетке.*

Группы А, Б и В свидетельствуют о том, что в русском языке результатом страдательного преобразования могут быть формально безличные предложения. Синтаксическими признаками безличности здесь являются а) отсутствие формального подлежащего, то есть именительного падежа, а также б) рассогласование глагольных компонентов с именными членами конструкции. Морфологическим признаком выступает безличная форма личного глагола, то есть единственное число и средний род (если род имеется): *не было обнаружено, не обнаружится, наворочено, было положено* и т. д. Принадлежность к безличному пассиву ясно видна из сопоставления с личными пассивными конструкциями, возникающими при пассивной трансформации таких предложений, в которых прямой объект выражен винительным падежом. Ср.:

- (18) *Сведений об обвиняемом прокуратура пока не обнаружит* → *Сведений об обвиняемом прокуратурой пока не обнаружится.*
 (19) *Сведения об обвиняемом прокуратура пока не обнаружит* → *Сведения об обвиняемом прокуратурой пока не обнаружатся.*

В связи с заявленной темой важнейшим свойством указанного вида безличного пассива выступает **отсутствие согласования** глагольной формы с актантами, выраженными существительными или местоимениями. Это сближает факты литературного языка с диалектными несогласованными конструкциями типов *травы́ накошено ~ траву накошено ~ трава накошен.*

3.4. О ДВУЧЛЕННОМ ПАССИВЕ

Сложнее обстоит дело с двучленным пассивом. Ю. Д. Апресян считает конструкции типа *Мороза не чувствовалось* пассивными с переходным глаголом, но не указывает, каковы активные исходные конструкции. Более определенно высказывается Е. В. Падучева, которая признает, что Род. п. прямого объекта может являться унаследованным от исходных активных конструкций. Но и она не сосредоточивает внимание на характеристике таких исходных предложений.

Можно предположить, что *Мороза не чувствуется* является пассивным преобразованием определенно-личного предложения *Не чувствую мороза*, в то время как параллельная конструкция *Мороз не чувствуется* может восходить к обобщенно-личному (*Сегодня на улице мороз не*

чувствуешь. Еще один кандидат на исходное предложение для интересующих нас конструкций — неопределенно-личное: *Книги <подходящей> не нашлось* ← *Книги <подходящей> не нашли* (Ср. в положительной конструкции: *На улице продают апельсины* → *На улице продаются апельсины*).

Выявление исходных активных предложений двучленного пассива не безразлично для нашей темы, поскольку в диалектных несогласованных конструкциях отсутствует Тв. п. агентивного дополнения. Вместо него фигурирует оборот *у + Род. п.* в аналогичном значении. Вряд ли такой оборот просто замещает вытесненный Тв. п. Скорее всего, он является расширителем двучленного пассивного предложения.

Сказанное выше демонстрирует наличие в русском синтаксисе исходных предпосылок диалектных предложений вида (*У Иванова*) *травы накошено*. Это вполне литературные (нормативные) двучленные пассивы, происходящие из активных конструкций с Род. п.:

(20) *Травы накошили вдоволь* → (*У Иванова*) *травы накошено (вдоволь)*.

Добавление предложно-падежного выразителя агенса или посессора и опущение специфических обстоятельственных членов способно породить интересующие нас диалектные синтаксические факты. Отсутствие привычного согласования порождает далее контаминацию либо с активной конструкцией (*косить траву*, Вин.п.), либо с согласуемым двучленным пассивом (*трава накошена*). Однако память о контаминации выражается в том, что полного согласования избегают, см. [Русская диалектология 1972: 216–217]. В первом случае получается (*У Иванова*) *траву накошено*, во втором — (*У Иванова*) *трава накошен*.

Особого замечания заслуживает конструкция *трава накошено, двор закрыто*. Она синтаксически двусмысленна. Именительный падеж здесь может употребляться в функции прямого дополнения, как в известном обороте *земля пахать*. Такую трактовку И. Б. Кузьмина и В. И. Трубинский [Трубинский 2004: 139–141] принимают для северных говоров в узком смысле (олонецких, поморских и т. д.) Для наших же северо-западных говоров исследователи предлагают считать *трава, двор* в данных оборотах подлежащим. При таком понимании это разновидность северо-западного перфекта, по синтаксическим связям сходная со случаем *трава накошен*. Сходство заключается в отсутствии согласования.

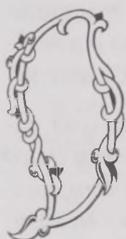
Нельзя не признать, что в некоторых северных и северо-западных говорах, в том числе наших старообрядческих, указанные выше чисто синтаксические изменения перерастают в морфологические. В одних из этих говоров страдательные формы появляются у непереходных глаголов, в других указанная конструкция превращается в т. н. северо-западный перфект. Такие процессы могут находиться в генетической связи с финно-угорскими несклоняемыми причастиями и с эстонским перфектом (*täisminevik*). Однако не следует забывать о возможности рассогласования компонентов предложения и в самом русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. 2005 — О Московской семантической школе. *ВЯ*, № 1. С. 3–30.
- Кудрявцев Ю. С. 1983 — Выражение прямого объекта в русском языке. *Функциональное описание языковых единиц в учебных целях*. Таллин. С. 48–57.
- Кюльмоя И. П. 2006 — О «русском перфекте» в говорах западного Причудья. *Humaniora: Lingua russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц*. Тарту. С. 173–183.
- Падучева Е. В. 2005 — Еще раз о генитиве субъекта при отрицании. *ВЯ*, № 5. С. 84–99.
- Русская диалектология 1972 — *Русская диалектология*. М.
- Сидоров В. Н., Ильинская И. С. 1949 — К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке. *Известия ОЛЯ АН СССР*. Т. VIII. Вып. 4. С. 343–354.
- Трубинский В. И. 2004 — *Русская диалектология*. СПб.
- Шапиро А. Б. 1953 — *Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения*. М.
- Шелякин М. А. 1983 — *Категория вида и способы действия русского глагола*. Таллин.

Оценочный компонент в устных рассказах староверов Причудья

Є. И. Костанди

Оценочный, или так называемый аксиологический, компонент является важнейшей составляющей языка, речи, картины мира человека, общества. Оценивая что-либо как плохое или хорошее, полезное или вредное, красивое или безобразное, человек соотносит это со своей системой ценностей, выбирает что-то для себя, соответствующим образом действует. В рассказах жителей Причудья [Очерки 2004] о своей жизни, вере, быте, традициях привлекает внимание в целом сравнительно нейтральный тон повествования, слабая выраженность оценки. Особенно очевидной эта нейтральность становится при сопоставлении данного материала с текстами иного рода. В настоящей статье предполагается рассмотреть оценочный компонент устных рассказов староверов на более широком фоне, с учетом материалов, анализировавшихся ранее в ряде работ автора статьи [Костанди 1987, 2004, 2005, 2006]. Разумеется, в рамках одной статьи невозможно проанализировать самые разнообразные тексты, поэтому в качестве фона будут приведены лишь отдельные примеры, дающие представление о специфике оценочного компонента в рассказах староверов. Остановимся выборочно на краткой характеристике некоторых примеров.

Высокой степенью оценочности, как известно, отличался советский политический язык (газетно-публицистические тексты, политические речи, официальные заявления), хотя в разные периоды и в различных типах текстов эта степень оценочности могла быть, соответственно, также различной и передавалась разными языковыми средствами. Так, приводимые ниже примеры отражают общую тенденцию, характер со-

циально и политически обусловленной оценки в текстах выступлений на политических процессах 1930-х годов и в газетном языке 1950-х и 1980-х годов:

- (1) морально ничтожные, морально растленные; проклятая пометь лисы и свиньи; цветущие сады социализма; светлая и лучезарная жизнь; чудовищные преступления; фарисейски, лицемерно, двурушнически; бесстыдство отравителя; заговорщическая банда; шайка грабителей; поганые псы; проклятая гадина (А. Я. Вышинский. Судебные речи);
- (2) огромный политический и творческий подъем; трудовая доблесть и самоотверженность; светлый образ нашего героического современника; предательское поведение отщепенца Б. Пастернака; политическое и моральном падение Б. Пастернака; чистота советской идеологии; гневно осуждают; международная реакция; предательское поведение (газетн., 1950-е гг.);
- (3) марионеточный режим; подрывная деятельность; недружественная акция; закулисная кампания; искренние чувства дружбы и пролетарского интернационализма; неуклонное укрепление дружбы и сплоченности; конструктивный вклад; идти вразрез; пропагандистская кампания; тенденциозная информация; некий «новый демократический порядок»; подобная деятельность (газетн., 1980-е гг.).

Следующие примеры (4, 5), относящиеся к самым разным областям жизни, дают общее представление о характере оценки в современных русскоязычных средствах массовой информации Эстонии — в газетных и телевизионных текстах:

- (4) негативные демографические тенденции; хороший полицейский; зловонный дым; вкусный кофе; сложная задача; увлекательный сюжет; «сладкая отрада»; оптимистическая нота; великолепный праздник; золотые голоса; лживые показания; дурные наклонности; удобная ручка; льготное предложение; элементарные рекомендации; благополучное завершение; выгодный контракт (газетн. Эст., 2002–2005 гг.);
- (5) неприемлемая идея; серьезные социальные проблемы; наиболее удачный вариант; эффективные шаги; весьма недешево; соответствие канонам; максимальное внимание; неблагоприятная экологическая обстановка; наиболее удачный вариант; эффективные шаги; полезно; наш диковатый капитализм; великолепная троица; скотская жизнь; чудо (телевизион., Первый Балтийский Канал, «Новости Эстонии», 2005 г.).

Приведенные выше примеры (1–5), несмотря на существующие явные различия между ними, все же однотипны, так как относятся к сфере массовой коммуникации, следующий же материал характеризует индивидуальную оценку. Это примеры из книги воспоминаний Т. П. Милютиной [Милютина 1997], человека христианского мировоззрения, с трудной судьбой, прошедшего сталинские лагеря. Несмотря на все пережитые автором испытания, книга поражает доброжелательностью, позитивным мировосприятием и, соответственно, доминированием в ней положительных оценок, что очевидно и в следующих примерах:

- (6) *добрые и верные чувства; необычайная семья; атмосфера доброжелательности; праведница; добрый гостеприимный дом; бесконечная доброта и доверие к людям; вдохновенная любовь к поэзии; душевная чистота; умные гости; совершенно очаровательная жена; наш добрый и верный друг; красивая, умная, добрая; чуткий, деликатный, нежный и внимательный; достойнейшие архипастыри; особая сияющая доброта; врожденная интеллигентность; очаровательный мальчик; родной и близкий человек; удивительной душевной прелести человек.*

Приведенные выше группы примеров различаются не только степенью оценочности, но и характером оценочных значений. Как известно, существует несколько классификаций оценок, нами будет использована классификация Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1998], которая выделяет прежде всего значения двух типов: общеоценочное и частнооценочное. Первый тип представлен прилагательными *хороший* и *плохой*, а также их синонимами, выражающими, по словам автора, своего рода аксиологический итог, при котором оценка не обосновывается, а представляется как изначально заданная. В классификации частнооценочных значений учитывается характер основания оценки, ее мотивация. Основными типами частнооценочных значений являются следующие: 1) сенсорно-вкусовые, или гедонистические (*вкусный, ароматный*); 2) психологические, в которые входят: а) интеллектуальные (*интересный, банальный*); б) эмоциональные (*радостный, грустный*); 3) эстетические (*красивый, безобразный*); 4) этические (*добрый, злой*); 5) утилитарные (*полезный, благоприятный*); 6) нормативные (*нормальный, корректный*); 7) телеологические, базирующиеся на принципе целесообразности (*целесообразный, неудачный*).

Различные оценочные значения на практике зачастую с трудом разграничиваются или даже не разграничиваются вовсе, тесно переплета-

ясь, и в одном слове или словосочетании может одновременно присутствовать несколько частнооценочных значений. Как отмечалось нами ранее при анализе соответствующего материала [Костанди 1987, 2004], для советского политического языка было характерно доминирование общих оценок, при котором мотивация оценки часто отсутствовала, оценка представлялась в тексте как уже заданная, что объясняется, в первую очередь, социально-политическими, идеологическими факторами, воздействием на адресата, навязыванием ему единственно «правильной» точки зрения. В современных СМИ Эстонии [Костанди 2004, 2005] преобладают частные оценки, наиболее регулярными из которых являются так называемые рационалистические оценки (нормативная, утилитарная, телеологическая), что, очевидно, можно объяснить общей целевой установкой современных СМИ. Индивидуально-авторские оценки могут быть чрезвычайно разнообразными, например, в упомянутых выше воспоминаниях Т. П. Милютиной регулярно появлялись этические, эстетические и психологические (интеллектуальные и эмоциональные) оценки [Костанди 2006]. Таким образом, характер оценочности соотносится с различными социальными, политическими, экономическими, индивидуальными и т. п. факторами.

На этом общем фоне проявление оценки в устных рассказах староверов имеет свою явную специфику. Во-первых, как уже отмечалось выше, оценочность выражена слабо, оценочной лексики очень мало, что подтверждается и статистическими данными. Рассматриваемые записи содержат 47571 слово, из них около 38000 — это полнозначная лексика, из которой лишь примерно 600 единиц в той или иной степени оценочно маркированы. В последней группе оценочными являются либо отдельные слова, либо целые словосочетания или описательные обороты, при этом многие слова повторяются, то есть следует говорить не о числе единиц, а о количестве их употреблений. В проанализированном материале встречается и косвенное выражение оценки, что увеличивает общее число оценочных единиц, однако незначительно. Можно привести множество примеров рассказов о трагических или, напротив, радостных событиях, однако оценка в них не выражена вовсе или выражена слабо, как в следующем фрагменте:

(7) *Ну, всё как-то понемножку образовалось. Три года были немцы здесь, папа стал снова выезжать. И в Таллин ездил: то одно там с барахолочки привядёт, то другое. И так мы помаленечку жили, и сытые были. Продукты*

были, поросят держали. И так мы прожили три года. Правда, на чужой квартире уже, в чужом доме жили. Люди уехали как раз оттуда в Россию (много у нас семей уехало в Россию).

Тут началась по новой бомбёжка. Уже стали немцы отступать, и русские стали бомбить. Когда русский первый налёт был, мы были все дома. Пятнадцать самолётов налетело, еще больше! Ой, всё посыпалось так — эти бомбили. А тогда на горе родилась ещё и сестрёнка-то маленькая: мама была беременная как раз, как мы сгорели. Сестрёнка родилась, так и завянуть не во что было сестрёнку. А тогда мамина двоюродная сестра одна жила за городом (по этой Тартуской улице туда, за городом). Стихло когда, папа говорит: «Вы возьмите, Матрёша, и бягите туда. Я лошадей запрягу и приеду».

Мы добяжали с мамой до школы — а там пожар. Там как раз тоже бомбы упали, где тюрьма была и гробовщик жил, и почта. И там тоже горело. Мама меня вернула обратно: «Доченька, бяги обратно и скажи папе, что он здесь не попадёт, здесь пожар большой». А надо было мимо русской школы ехать: там такая дорога на каменную гору в лес и там она сворачивает на Киви-улицу, где больница. Вот там он должен бы был выехать и тогда приехал бы к нам. Ой-ой...

Как мы видим, оценочных слов в приведенном фрагменте крайне мало, что характерно и для большей части проанализированных текстов. Тем не менее, такая лексика в рассказах есть, представление о ее характере дают следующие примеры:

- (8) *Божьи люди; жили хорошо; книги радостные; приятно было; доброе дело; невидимая красавица; путевые хозяева; хороший парень; было ничего; хорошо, складно жил; хорошие стихи; самое страшное; земная грязь; великий грех; худое время; горе; сон дурной, худой бригадир; нячистая доля; мазурик; наказчик этакий; жизнь собачья, злые да худые.*

Анализ выявленных маркированных единиц показывает, что положительно и отрицательно отмеченная лексика количественно представлена примерно одинаково, с небольшим преобладанием первой. Среди позитивно-оценочной лексики наиболее частоты слова *хорошо, хороший/ая/ие*, что также свидетельствует о сравнительно низкой степени выраженности оценки (ср., примеры 1–6). Контекстуальные значения этих слов могут варьироваться, передавая как общую оценку (*хороший парень*), так и частную, например, нормативную (*хорошие деньги*). Менее частотны, однако также регулярно повторяются такие слова, как *добрый, красивый*. Среди негативно-оценочной лексики нет явного

преобладания каких-то конкретных слов, они разнообразны. Обращает на себя внимание то, что отрицательно маркированная лексика часто более экспрессивна, выражает оценку в большей степени, чем позитивно-оценочная, что свидетельствует о сближении позитивной оценки и нормы, не требующей особого выражения. Подобное сближение отмечалось исследователями и ранее [Вольф 2006: 19], наш материал подтверждает эту общую закономерность. Следующие примеры дают представление о наиболее частотной позитивной (9) и о многообразии негативной (10) лексики, использовавшейся в проанализированных записях:

(9) *хорошо было; жили хорошо; хороший брат; хорошие деньги; хорошо ловили; мастыра хорошие; работал хорошо; хорошо живут; хорошая поминка; хорошая рыба; рыжики хорошие; хороший крестьянин; хорошо себя держать; хорошее войско; добрая тетка; с людям добрым; доброе дело; красиво; красивое место; кака красивая жизнь; было красиво; такая красивица;*

(10) *окаянные; великий грех; худые люди; страшное дело; ужасно; очень тяжелая; ужасная вещь; жуткое дело; прямо ужас; хамов век — сатанинский век; тошнехонько; антихрист; нячистая доля; чухна-юрка некрещеный; злые люди; ужасающее пустое место.*

Часто оценка передается косвенно, с помощью описательных оборотов, особенно с различными модальными значениями (необходимости, долженствования, невозможности), характеризующими норму или отклонение от нее. В данном случае еще раз подтверждается отмеченная выше закономерность: то, что соответствует норме, воспринимается как позитивное. Таким образом, в речи отражается определенная система ценностей, стремление соответствовать сложившимся правилам, устоям, о чем свидетельствуют и следующие примеры:

(11) *посты надо иметь; каяться надо; надо по-правильному жить; пускать нельзя иноверцев; нельзя было с голой головой; ни в коем случае нельзя; когда можно было выходить замуж и когда нельзя; сверху можно идти; не надо стесняться; не может быть крестным; мясо нельзя есть; на строго запрещено; как будто так и надо; не знают как правильно жить; схоронить так, как положено.*

Говоря о том, что именно чаще всего вызывает оценку, является предметом оценивания, можно отметить, что прежде всего это жизнь в це-

лом (*хорошо, мирно, складно, весело, плохо жили*), отдельные события (особенно связанные с войной), человек, его характеристики, эмоциональное состояние, вера, обычаи староверов, природа, например:

(12) *хорошо, мирно, складно, весело, плохо жили; хорошо, просто, сознательно, весело, красиво, ужасно тяжело, ничего, страшно было; люди были простые, сердечные, как свои; молодец, хороший мальчик; сильный характер, на все руки мастер; спокойная, уравновешенная, нескандальная; золотой человек; вси горазд умные; переучивши вси чересчур; святое слово; божьи люди; божье дело; великий грех; красиво; плодородная; красивое место.*

Наконец, говоря о типах оценок, можно отметить, что в рассказах староверов присутствуют почти все виды названных выше оценочных значений, однако среди них есть частотные и, напротив, редкие. К первым относятся общая оценка, нормативная, эмоциональная и этическая, например:

(13) *хорошо, неплохо* (общая оценка); *по-правильному, как положено, надо..., нельзя..., можно...* (нормативная оценка); *горе, беда, ужас, радость, весело, кошмар* (эмоциональная); *злые, дурные, добрые* (этическая).

Другие оценочные значения встречаются реже, единичны случаи интеллектуальных оценок и телеологических. Такое соотношение свидетельствует о целостном восприятии действительности и заданности оценки (общая оценка), о значимости для рассказчиков нормы, морали, нравственности (нормативная и этическая оценки), чувств (эмоциональная оценка).

Таким образом, анализ материала показывает, что языковое выражение оценки в речи староверов имеет явную специфику, которая, очевидно, соотносится с целым рядом неязыковых факторов, с мировосприятием, системой ценностей, устойчивыми заданными нормами.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. 1998 — *Язык и мир человека*. М.
 Вольф Е. М. 2006 — *Функциональная семантика оценки*. М.
 Костанди Е. И. 1987 — *Языковые средства выражения прагматической направленности газетного текста (на материале хроникальной информации)*. Дис. ... канд. фил. наук. Тарту, 1987.

- Костанди Е. И. 2004 — Оценка как отражение социальных факторов. *Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XIV*. Daugavpils. С. 219–224.
- Костанди Е. И. 2005 — Прагматика новостного дискурса. *Languages and Cultures Interaction: Russian Language in the Cultural and Communication Space of the New Europe*. Rīga. P. 191–199.
- Костанди Е. И. 2006 — Характер оценочности как отражение личностного мировосприятия. *Кирилло-Мефодиевские чтения. I*. Даугавпилс. С. 68–78.
- Милютина Т. П. 1997 — *Люди моей жизни*. Тарту.
- Очерки 2004 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I*. Тарту.

Некоторые староверские названия грибов (этимологический анализ)

•Ю. С. Кудрявцев

Русская культура сбора и потребления грибов является сугубо народной — в отличие от книжной западноевропейской. Сведения о съедобных грибах передаются в семье в устной форме от старших к младшим на протяжении не поддающегося счету количества поколений. Вместе с ними, естественно, передаются и названия грибов, которые благодаря данной форме наследования оказываются нередко очень и очень древними. Сказанное в полной мере относится к микологической терминологии говоров Западного Причудья и других русских старожильческих говоров Балтии. Настоящая публикация посвящена происхождению и внутренней форме нескольких слов этого семантического и географического круга.

БЛИЦЫ ‘грибы’ [Материалы 1963: 29; Фасмер I: 176]. Это диалектное слово, по-видимому, является более древним обозначением макромицетов, чем утвердившаяся в литературном языке лексема *гриб*. Относительно происхождения и внутренней формы имеется ряд версий.

Сейчас полностью отвергнуто предположение [см., напр., Преображенский 1959: 30] о заимствовании из нем. *Pilz* ‘то же’. Такому предположению противоречит широкое распространение рус. слова *блицы* в народном (диалектном) языке, достоверное наличие в русском и инославянских языках родственных слов, которые не могут быть возведены к такому немецкому прототипу (см. ниже). М. Фасмер указывает также на несовпадение в фонетическом облике нем. *Pilz* и рус. *блицы* и отсутствие контактной географической зоны для предполагаемого акта заимствования [Фасмер I: 176].

Блицы можно было бы трактовать как родственное имеющемуся в наших говорах сущ. *абыльнюк*, *абыльняк*, *быльнюк* ‘растение, крупка

весенняя' [Материалы 1963: 17, 40], далее общерусскому *былье* 'трава', *был*, *быть* 'esse'. Указанные слова восходят к индоевропейскому корню со значением 'расти', ср. греч. φύτον 'растение', φύλον 'род' и т. д. [см. Кудрявцев 2002: 135–136]. В таком случае по первоначальной внутренней форме слово означало бы просто 'растение'.

Но наличие в западнославянских языках лексем польск. *bedla*, диал. *bdla*, чеш. *bedla* со знач. 'гриб' делает более вероятной другую версию происхождения слова [Фасмер I: 176; ЭССЯ 3: 110]. *Блицы* очевидно имеет суффикс *-иц-* и происходит от незафиксированного др.-рус. *бъла ед.ч. ж.р., а эта форма точно соответствует (в компаративном смысле) приведенным зап.-слав. словам. В рус. упростилось сочетание *dl и выпал в слабой позиции редуцированный гласный. Т.о., слово имело общеслав. характер и выглядело до суффиксации *бъдла. Далее сравнивают со швед. *pita* 'надуваться, набухать', др.-инд. *budbudas* 'пузырь' и др. В конечном счете по этой версии основой наименования выступает ономатопоэтический глагол (ср. редупликацию в др.-инд.) со значением 'набухает, раздувается', что хорошо описывает быстрый рост и упругую мякоть плодовых тел макромицетов. Ср. другое наше диалектное слово *пухарка* 'полевой гриб, дождевик' [Материалы 1963: 267].

Г Р И Б '1) древесный паразит, трутовик; 2) губа' [Материалы 1963: 71–72; см. также Фасмер I: 457–458, ЭССЯ 7: 126–128]. «Анатомическое» значение данного слова не является для наших говоров случайным. В этом значении *гриб* выступает как производящая основа для других слов: *грибчатый* 'с большими губами', *грибиться* 'плакать, скривив губы' [Материалы 1963: 72]. Поэтому окказиональный перенос названия с 'трутовика' на 'часть тела' исключен.

Понимание многозначной структуры слова в подобных случаях возможно при учете результатов этимологического анализа. В специальной лексикографии единого толкования происхождения термина *гриб* нет. Но можно согласиться с О. Н. Трубачевым, что из предлагавшихся этимонов безупречным с фонетической стороны является лишь тот,

который в 1952 г. выдвинул Р. Якобсон — от глагола *гребу, грести* < *grebti¹ [см. ЭССЯ 7: 127].

Однако семантические обоснования этой версии разноречивы и не очень убедительны. Р. Якобсон: гриб — «то, что высовывается, выбивается из-под земли»; О. Н. Трубачев: «В основе данного названия лежит сходство гриба (или кучки грибов) и грудки, кучки, которую нагребли»; см. [там же]. Мы полагаем, что значение исходного глагола можно сформулировать более общим образом: ‘сгребать, собирать, схватывать’. Ср. авест. grab- ‘хватать’ и с нулевой ступенью аблаута, как в *гриб*, др.-инд. gr̥bhāti ‘хватать, схватывать’ [ЭССЯ 7: 110]. Такое допущение позволяет провести связь как со значением ‘губа’ (часть тела) (ср. первичную физиологическую функцию губ — захват пищи), так и со значением ‘плодовое тело макромикета’ — поскольку грибы это то, что собирают.

См. также *подгреб*.

О Б А Б О К ‘подберезовик’² [Материалы 1963: 183; зафиксировано в письменности уже в XVII в., см. СлРЯ 12: 8: *Продали ... обабковъ на 30 на 5 р<уб>*]. Должно быть опровергнуто неудачное толкование М. Фасмера [см. Фасмер III: 97], противоречащее фактам и свидетельствующее об отсутствии у автора знаменитого словаря практического опыта грибного сбора и о недостаточном знании реалий³.

Фасмеровский анализ данного слова являет собой пример чисто филологического подхода к этимологии, без должного учета свойств обозначаемого словом предмета. Автор сосредоточил внимание на сходстве морфемного состава слов *о-баб-ок* и *о-пен-ок* и наличии среди многих значений слова *баба* также значения ‘пень’. Не называя прямо данные слова синонимами, М. Фасмер приписывает им одинаковую внутреннюю форму, с чем по ряду причин нельзя согласиться.

¹ У В. Махека — *grib* < *krip*-; у Х. Петерссона наше слово родственно сущ. *горб*, и разное положение гласного по отношению к плавному *r требует дополнительных объяснений; у Ф. Славского *grib* < *glib*-.

² В «Материалах», судя по описаниям в приведенных там примерах, — подберезовик болотный, *Leccinum holopus*.

³ Макс (Максимилиан Романович) Фасмер родился в Санкт-Петербурге в обрусевшей немецкой семье. Профессорствовал в Саратове и Дерпте (Тарту). Репатриировался в 1921 г. К работе над словарем приступил после 1945 г.

Опенок (настоящий *Armillariella mellea* и ложный *Kuehneromyces mutabilis*, оба съедобные) произрастает на стволах деревьев, на пнях и на различных древесных остатках вокруг пней, чем и мотивируется его название. Приставка *о-* имеет в данном случае пространственное значение. Подберезовик, в отличие от этого, образует микоризу с живыми деревьями, и произрастание его плодовых тел никак не связано пространственно с пнями. Префикс не может здесь иметь аналогичное *опенку* значение еще и потому, что синонимом к *обабок* в русских говорах выступает однокоренное сущ. *бабка* [см. Балахонова 1974: 106 и далее]. Таким образом, внутреннюю форму номинации следует искать в данном случае не в словообразовательной модели, а в семантических характеристиках производящей основы.

Предметные области терминов *опенок* и *обабок*, *бабка* не пересекаются. В то же время необходимо отметить, что *обабок* в различных русских говорах называют не только подберезовик, но и другие бороновые грибы — подосиновики и белые, иногда — в арх. говорах — маслята. Эти трубчатые макромицеты, различные по окраске, местам произрастания и пищевым качествам¹, подобны друг другу по форме, имеют округлые шляпки, а в молодом возрасте также слегка или сильно бульбозные формы ножек. Этот общий признак и может быть положен в основу анализируемого названия. Праслав. **boba/baba* акад. О. Н. Трубачев считал «отражением общего архаического звукокомплекса ... с чертами древнего полисемантизма» [ЭССЯ 2: 142], «из значений которого ... целесообразно обратить внимание на такое как 'не-что круглое'» [там же: 148]. В [Королева 2000, 2: 3] информант специально подчеркивает плотность, округлость ножки *обабка* (при различии им *обабка* и *подберезовика*): *Обабок как подберезовик, только подберезовик на тонкой ножке, и он мягче.*

При таком понимании внутренняя форма слова *обабок* заключена в его корне *-баб-*, а приставка *о-* имеет значение наделения признаком, перехода в некоторое качество (здесь — качество округлости). *Обабок* может быть произведено от одного из значений глагола *обабиться* — 'округлиться'.

¹ При промышленной заготовке белый относят к первой категории качества, подосиновик ко второй, а подберезовик — к третьей [Все о грибах 1986: 199].

ГОРЯШКА ‘сыроежка’ [Материалы 1963: 70; Королева 2000, 1: 133 под *настоящий*]. Это диалектное название группы сходных видов из рода *Russula* является трудной этимологической проблемой. При ясности формального элемента -’ашк- производящая основа должна указывать на один из многочисленных омонимических корней вида *гор-*.

Поскольку среди сыроежек имеются горькие на вкус и даже умеренно ядовитые виды, например, *Russula emetica*, можно было бы думать о производстве термина от *горе*, старая сравн. степень к *горький*. Ср. *горчак* *Tylophilus felleus*, *горькуша*, *горькуха* *Lactarius rufus*. Эта гипотеза опровергается характером употребления слова в народном говоре — из приводимых в «Материалах» примеров очевидно, что речь идет о съедобных и даже предпочтительных грибах, напр., *Я нравлю горяшки, и рябяты ядут* [там же].

Гор- в глаголе *гореть* давно отделилось от предыдущего и представляет собой в настоящее время омоним к нему. Слово с этим корнем могло бы представлять собой цветное название (красный, оранжевый, желтый гриб). Ср. *загорястый* ‘ярко-красный’ [Королева 2000, 1: 79]. Такой принцип номинации широко применяется при создании названий грибов (*белый*, *зеленушка*, *лисичка* и под.). Однако род *Russula* включает в себя съедобные виды самой разнообразной окраски. В словарных материалах на ограничения по цвету не указывается. Приходится отвергнуть и это предположение.

Третья очевидная возможность — произведение *горяшка* от *гора* (к смягчению основы ср. *горянка*). Видовое разнообразие сыроежек приводит в частности к тому, что эти грибы встречаются на различных типах почв, в разных лесах, в т. ч. и в подтопленных. Таким образом, значение *гора* ‘высокое место, сухое место’ не подходит в качестве внутренней формы анализируемого термина. В славянских языках *гора* имеет еще значение ‘лес’, пригодное для нас в семантическом аспекте (ср. *боровик*, которое обычно производят от *бор* ‘лес’). Но это значение — праславянский диалектизм с четкими границами (изоглосса совпадает с изоглоссой неполногласия, см. [ЭССЯ 7: 29]). По лингвогеографическим и хронологическим причинам приходится отвергнуть и это толкование.

Менее очевидной является возможность сопоставления *горяшка* с общерус. *горсть*, диал. *гортать* ‘сгребать, складывать’, *горнуть* ‘сгребать, собирать и под.’ [ЭССЯ 7: 212–215]. В отличие от предыдущих версий внутренняя форма естественна для названия массово плодоно-

сящих макромицетов. Выше было отмечено, что *грибы* — общее современное литературное название царства Fungi — происходит от слова с аналогичным значением (*гребу, грести*).

Существуют формальные трудности для такого толкования сущ. *горяшка*. Членение *гор-сть*, основанное на сопоставлении с греч. ἀγείρω ‘собираю’, ἀγούστος ‘горсть, рука’ [Фасмер I: 444], принимается далеко не всеми специалистами (ср. против О. Н. Трубачев [ЭССЯ 7: 213]). С нашей точки зрения, общеславянский глагол II класса *gьrŋoti следует реконструировать без *t, а гораздо менее распространенный *gьrtati естественнее понимать как вторичный экспрессив на *-tati, типа *хлестать, хлобыстать, кудахтать, квохтать*.

Поскольку глагол со значением ‘сгребать’ относится к группе глаголов движения, у него мог существовать итератив IVa класса с закономерной качественной ступенью в корне: *gor’o, gor’iši, goriti. Предположительно от этого итератива и было образовано сущ. *горяшка*. К сожалению, данный глагол остается незасвидетельствованным¹. Это снижает достоверность нашей версии, но все равно она оказывается наиболее правдоподобной из вышеизложенных.

ПО Д Г Р Ё Б ‘съедобный гриб, груздь’ [Материалы 1963: 226; Королева 2000, 2: 32: *На грузди похожи эти подгребы и на свинухá*].

Как мы уже отмечали [Кудрявцев 2002: 143], это слово дополнительным образом подтверждает этимологию Р. Якобсона для общего термина *гриб*: *гриб* — *подгреб* — *гребу*. Обнаруживается редуцированная ступень аблаута, удлинением которой выступает гласный первого слова (*подгреб* < *подьгрѣбъ* < -*grĭb-; *гриб* < *grĭb-).

Для внутренней формы в данном случае важное значение имеет не корень слова, а его приставочное оформление. Префикс *под-* в названиях русских грибов используется двояко: 1) в пространственном смысле — *подберезовик, подосиновик*, в нашем говоре *подореховик* [Материалы 1963: 229]. Исторический разбор, проведенный Л. И. Балахоновой на материале первых двух названий, дает основания полагать, что такое использование префикса вторично. В обоих случаях более ранние словарные фиксации выглядят как *березовик (березник), осиновик*, то есть термины являлись ранее бесприставочными [Балахонова 1974]; 2) в значении ‘сходный; низшей степени качества’: *подгруздок* — *гриб*,

¹ Ср., однако, блр. диал. *горыць* ‘бить, колотить’.

похожий на груздь, используемый таким же образом (в засол), но не являющийся груздем: *Russula delica* подгруздок белый, он же сухарь, *Russula nigricans* подгруздок чернеющий — в отличие от всех видов груздей, относящихся к роду *Lactarius*.

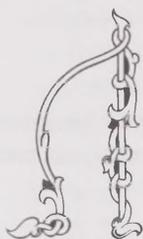
Именно во втором смысле используется морфема *под-* в составе диалектного слова *подгреб*: подгреб — это гриб более низкого качества. Если это 'груздь' [Материалы 1963: 226] — то по отношению к боровикам (трубчатые грибы из-за меньшего урожая ценятся больше), если 'похожи на грузди и свинушки' [Королева 2000, 2: 32] — то по отношению к названным грибам.

ЛИТЕРАТУРА

- Балахонова Л. И. 1974 — Подберезовик или березовик? (К истории названия гриба *Boletus scaber* в русском языке XIX–XX вв.) *Диалектная лексика* 1973. Л. С. 102–112.
- Все о грибах 1986 — *Все о грибах*. М.
- Королева Е. Е. 2000 — *Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области)*. Ч. 1–2. Даугавпилс.
- Кудрявцев Ю. С. 2002 — Архаичная лексика в местных староверческих говорах. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VI. Проблемы языка диаспоры*. Тарту. С. 134–144.
- Материалы 1963 — *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. Рига.
- Преображенский А. Г. 1959 — *Этимологический словарь русского языка*. М.
- СлРЯ — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1975–.
- Фасмер М. — *Этимологический словарь русского языка*. М., 1986–87.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков*. М., 1974–.

Лексика староверов Западного Причудья в этимологическом аспекте

А. В. Штейнгольд

лексикон прибалтийских староверов разнообразен в отношении своих истоков. Он включает слова общеславянские, исконно русские, заимствованные из славянских и неславянских языков. Из славянских заимствований в речи староверов Прибалтийского края достаточно типичны полонизмы. Из неславянских преобладают эстонские, финские, немецкие и балтийские включения. Разумеется, плотность литовских, латышских и эстонских заимствований всегда выше на территории соответствующего локального русского говора, однако определенный интерес представляют те случаи, когда заимствование, например, из балтийских языков обнаруживается в речи староверов Эстонии.

В настоящей статье будет сделана попытка этимологического объяснения некоторых «темных» прибалтийских русских диалектизмов, до сих пор не получивших достаточной разработки. Особое внимание будет уделено лексическим фактам, почерпнутым из речи староверов Западного Причудья. Параллельные лексические образования из других прибалтийских регионов также будут привлекаться к анализу, особенно при необходимости прояснения семантических взаимосвязей. Вне рассмотрения окажутся диалектизмы, отмеченные исключительно на территории Латвии и Литвы.

СКАЗНИТЬЬ 'уничтожить'. Ср.: *Скази'ила йа свайу' кур'ицу, толку ат йой ма'ла бы'ла* (Эст.) [Материалы 1963: 294].

В речи русских старожилов Эстонии этот глагол употребляется только по отношению к живым существам. В русских говорах на тер-

ритории Литвы зафиксирован возвратный глагол *сказниться* с близкой семантикой 'погибнуть', ср.:

Ана́ <жена> хац'ит, што́бы муш сказ'н'илс'а [там же].

В других прибалтийских регионах употребление глагола *сказнить* не детерминировано одушевленностью / неодушевленностью грамматического объекта:

С'ич'ас н'эт тр'ино́жжк, сказн'ил'и йих, дз'эльйут то́лка пр'имусы (Лит.); *Стаф <'пруд'. — А. Ш.> сказ'н'или, ста́рый, фс'о равно́ н'аго́жый* (Лат.) [там же].

Совершенно очевидна генетическая производность указанных глаголов от слав. **kazнь* (ср. ст.-сл. *казнь* 'наказание' [ССС: 280], рус. *казнь* 'физическое наказание', словен. *kâzên* 'наказание', польск. *kazń* 'наказание, заключение' и т. д.)¹. Выяснение дальнейших истоков причудского диалектизма, по сути, сводится к установлению этимологии славянского слова **kazнь*. Существующие на настоящий момент гипотезы происхождения этого слова не могут быть признаны ни бесспорными, ни исчерпывающими. Позволим себе их краткое изложение с добавлением собственного этимологического комментария.

Версия И. Э. Бернекер, А. Брюкнер, М. Фасмер, Фр. Славский возводят наше существительное к общеслав. глаголу **kazati*. При этом большинство ученых полагает, что исходным для этой лексемы было значение 'указывать, показывать, говорить'. Семантика производного имени, по их мнению, оформилась на основе семы 'нечто произнесенное'. Ср. по А. Брюкнеру: «[*Kazń*] первоначально означало 'приказ, приказание', 'наказание, взыскание', 'бедствие, несчастье'» [Brückner 1957: 224]; аналогичное мнение обнаруживаем у Фр. Славского: «Прасл. **kazнь* — первоначально *nomina actionis* к **kaz-a-ti*, пол. *kazać*. Исходное значение 'указание, поучение (жестом или словами)'. Значение 'наказание, кара' развилось из хорошо засвидетельствованных промежуточных семантических стадий: 'упрек, выговор, порицание' <'приказ, команда'» [Sławski 1958: 113]. С некоторой долей сомнения этой же точки зрения придерживается М. Фасмер, ср.: «Возм. первонач.

¹ Наиболее полное представление о варьировании семантики этого слова в разных славянских языках можно получить, ознакомившись с соответствующей статьей в [ЭССЯ 9: 172–173].

как “распоряжение”, см. *казать*» [Фасмер 1986–1987 II: 161; см. также Berneker 1908–1913: 496].

О. Н. Трубачев, поддерживая формальную сторону деривации **kazнь < *kazati* (точнее, от основы **kaz-* до тематич. расширения *-a-ti*) [ЭССЯ 9: 173], не соглашается с предшественниками относительно семантики производящей основы. Он утверждает, что первообразным для **kazati* следует признать не значение ‘говорить, приказывать’, а ‘показывать, делать знак’ [там же: 169]. Таким образом, развивая идеи О. Н. Трубачева, можно подойти к следующему выводу: на заре своего появления слав. **kazнь* должно было означать результат нанесения метки, клеймо, которым метили преступников (сам ученый семантику интересующего нас имени не обсуждает).

Версия II. Ф. Миклошич, Ю. Голуб, А. Г. Преображенский (к ним отчасти присоединяется и М. Фасмер) понимают форму **kazнь* как результат стяжения **kajazнь < *kajati* (ср. ст.-сл. *кагазнь, покагазнь* ‘покаяние’), тем самым вводя данную лексему в круг новых сопоставлений [Miklosich 1886: 107; Преображенский 1959: 283; Фасмер 1986–1987 II: 161; Skok 1972: 69 и сл.]. Наиболее полное и современное изложение этой этимологической версии можно обнаружить у П. Я. Черных [Черных 1994: 368–369]. О. Н. Трубачев, не объясняя, считает данную этимологию менее убедительной, чем предыдущую [ЭССЯ 9: 173].

Версия III. П. Скок лаконично указывает на возможность **kazнь < *kaziti* [Skok 1972: 69].

Суммируя изложенные точки зрения, прежде всего надо отметить, что широко представленная в научной литературе версия II, действительно, вслед за О. Н. Трубачевым должна быть отклонена по причине значительного набора формальных и семантических признаков, роднящих **kazati* / **kaziti* с **kazнь*. Вслед за этим встает очевидная необходимость выбора между двумя паронимическими глагольными основами **kaz-a-ti – *kaz-i-ti*. Несмотря на то, что первая основа «поддерживается» большим числом ученых, предпочтение стоит отдать второй, которая ранее как одна из возможностей отмечалась у П. Скока. Обоснуем это утверждение.

Несмотря на то, что словообразовательная цепочка **kazati > *kazнь* выглядит практически безупречно, в существующем семантическом обосновании такого словопроизводства обнаруживаются некоторые погрешности. Так, например, как справедливо отмечалось уже первыми исследователями глагола **kazati*, для его основы (**kaz-a-ti*) на слав.

почве характерен широкий разброс значений ('показывать', 'говорить', 'читать проповедь', 'называть', 'велеть', 'видеть', 'быть видимым', 'учить', 'воспитывать' и др.), до сих пор не обнаружены истоки такой семантической неоднородности и не установлена последовательность возникновения этих значений (все они отмечаются уже на самой ранней письменной стадии [SJS: 3]). Ср.: рус. *показывать*, *наказывать*, *доказывать*, *казаться*, укр. *казати* 'говорить', болг. *кажа* 'сказать', 'назвать', 'распорядиться, приказать', в.-луж. *kazać* 'приказывать, требовать' [ЭССЯ 9: 168–170]. В равной степени все эти глагольные значения далеки от семантических истоков «производного» слова *kazнь 'наказание, мука, побои, смертная казнь и др.', и практически каждое из них с известными натяжками может быть принято в качестве мотивирующего. Таким образом, диффузность значения предполагаемой производящей основы препятствует непротиворечивой этимологической трактовке сущ. *kazнь.

Важно также подчеркнуть, что все существующие значения (а их более 20 в 30 слав. языках и говорах [см. там же]) не связаны напрямую с юридической сферой и почти не содержат указаний на идею кары, физического увечья. Исключение составляет чеш. *kázati*, для которого как второе отмечено значение 'карать, судить', кстати сказать, легко объяснимое аналогическим влиянием со стороны *kaziti или *kazniti.

Объяснение О. Н. Трубачева (см. выше) содержит попытку преодоления зазора между значениями 'показывать' – 'говорить' – 'наказывать', что согласуется с его общей интенцией возвести *kazнь к *kazati. При этом без внимания оказываются два существенных момента: для *kazati практически нерелевантно значение 'наказывать, казнить', а также абсолютно отсутствует значение 'ставить метку, отмечать'. Указанные элементы семантики «позаимствованы» исследователем у паронима *kaziti.

Таким образом, семантическое основание, на котором зиждется вся система доказательств О. Н. Трубачева по данному слову, оказывается очень слабым.

Еще меньше общего в отношении внутренней формы прослеживается у слав. *kazati и прибалтийско-русских диалектизмов *сказнить*, *сказниться* 'уничтожить', 'погибнуть', восходящих к *kazнь, что также кажется неожиданным, если принять традиционное объяснение.

Полагаем, что возникшее затруднение можно разрешить, если вслед за П. Скоком возводить слав. *kazнь не к *kazati, а к формально близ-

кому глаголу **kaziti*. При этом следует опираться на семантическую близость слов **kazнь* ‘физическое наказание’ и **kaziti* (‘губить’, ‘уничтожать’, ‘вредить’, ‘заражать’, ‘портиться’, ‘получать вред’). Ср.: ст.-сл. **казити** ‘портить, вредить’, с.-х. *казити* ‘уничтожать, губить, портить’, чеш. *kaziti* ‘портить, разрушать, вредить’, словин. *kāzēs* ‘разбивать, разрушать, губить’, укр. *казитися* ‘приходить в бешенство, сходить с ума, беситься’ [ЭССЯ 9: 171]., др.-рус. *казитися* ‘повреждаться, портиться, получать вред, развращаться’ [Срезневский 1989: 1176; СДрЯ: 187], *казити* ‘приводить в негодность, портить, калечить, увечить, оскотлять’, ‘наводить порчу, исказить, извращать, развращать’ [там же], рус. диал. *казиться* ‘кривиться (о человеке)’, ‘шалить, беспокоиться, вести себя буйно’ [ЭССЯ 9: 171]. С идеей гибели, болезни, искажения, порчи органично связан ряд соотносительных дериватов: рус. *проказа* ‘шалость; болезнь’, укр. *каз* ‘бешенство, неистовство’, *скажений* ‘бешеный, бесноватый’, с.-х. *наказити* ‘заклеймить, метить (о божьем наказании)’. Вероятно, исходно данный глагол имел семантику нанесения физического урона, а именная производная **kazнь* понималась как ‘физическое увечье, ущерб’ (например, как результат отсечения какой-нибудь части тела или клеймения). Прозрачнее всего эта семантика сохранилась в ст.-сл. **казити** ‘портить, кастрировать’ [SJS II: 4; CCC: 280], др.-рус. глаголе *казитися* ‘повреждаться, портиться, калечиться и др.’ и ст.-слав. **каженикъ** ‘евнух, кастрат’ [там же: 2; CCC: 279]. В дальнейшем идея физической порчи метонимически переросла в идею морального увечья, порока, что находит яркое отражение в фактах украинского языка (ср. значения типа ‘бешеный, бесноватый’), а также в идею порчи вообще (ср. значения типа ‘разломать, разбить’). Связь с говорением и проповедью у *казнь* — вторичного характера (ср. ст.-сл. **казнь** 1. ‘наказание’; 2. ‘решение, предписание’), возникает как результат паронимической аттракции со стороны **kazati*.

Таким образом, русская прибалтийская лексическая изоглосса *сказнить / сказниться* ‘уничтожить, погибнуть’ выступает как деривационное наследие слав. **kaziti* (через ступень имени **kazнь*) и сохраняет архаичную семантическую составляющую, что особенно отчетливо заявляет о себе в отнесенности *сказнить* к живым объектам.

КОТУЛЬ ‘мешок, кулек’.

В «Материалах для словаря русских старожильческих говоров...» слово не содержится, но его диминутивная форма зафиксирована в ре-

чи А. Ющинской, жительницы дер. Колькья Западного Причудья (июль 2005 г.):

Бывало мать наложит котулёк мне такой продуктов (хлеб и всё...), и я ходила за город — двадцать пять километров за город ходила — в лагерь к отцу.

Несмотря на слабую представленность в современных диалектных записях (ср. пск. *котули* — собир., экспресс. ‘большое количество тяжелых вещей, много багажа’, а также образованное от той же основы прозвище *Котылиха* [Королёва 2000: 103]), в недавнем прошлом эта лексема и ее варианты находили активное применение в речи русских крестьян (особенно северо-западных губерний), что хорошо подтверждается диалектологическими материалами конца XIX–начала XX вв. Ср. *котуль*, *котыль* ‘кошолка или котомы, заплечная плетенка’ [Даль 1986–1987 II: 179], *котуль* ‘сума путников и пешеходов’, ‘мешок для провизии’ (пск., твер.) [СРНГ 15: 114] (именно в последнем значении это слово выступает в речи А. Ющинской), *кутуль* ‘сумка через плечо, в которой носят посуду с молоком’ (яросл.), ‘связанный концами платок, кусок ткани и т.п., в который что-либо завязано; узел’ (моск.), ‘узел, котомка’ (краснодар., кубан.) [там же 16: 175]. Написание через *у* может отражать определенное диалектное явление, а именно, произношение в слове *котуль* под влиянием слова *кѣт* на месте *о* — закрытого *ѡ*, или даже дифтонга *уо* (ср. самар. *кутышка* — фольк. ‘кот’, перм. *куты* — фольк. ‘кот’ (в обращении) [СРНГ 16: 176–177]. В любом случае, такое произношение имеет вторичный характер.

Ареал распространения словообразовательного варианта на *-ыль* (ср. *котыль* ‘сума пешеходов и пастухов’) охватывает не только Псковскую и Тверскую, но также Костромскую и Саратовскую губернии [СРНГ 15: 117]. Как и в предыдущем случае, с формой *котыль* в севернорусских областях соседствует *кутыль*, совпадающее с ней по значению (ср. олон., волог. ‘узел, в который сложено что-либо’) [СРНГ 16: 176].

Поскольку зоны географического распространения форм *котуль* / *котыль* перекрываются только на территории псковско-тверских говоров, есть смысл принять эту область за эпицентр исторического распространения интересующих нас лексем.

Отечественные этимологи почти не касались вопроса происхождения слова *котуль*. А. Г. Преображенский поместил формы *котуль*, *ко-*

тыль в словарную статью *КОТОМА* и выдвинул предположение об их заимствованном характере [Преображенский 1959: 370]. М. Фасмер при разборе ограничился отсылкой к *котама*, но, как и его предшественник, снабдил свое краткое замечание знаком вопроса [Фасмер 1986–1987 II: 354 и 353].

Более детально, однако также связывая *котыль* с *котама*, выстроил свою этимологическую версию Я. Калима в классической работе «Прибалтийско-финские заимствования в русском языке» [Kalima 1919: 132–133]. Спустя восемь лет он подтвердил высказанное мнение в статье о зырянских заимствованиях [Kalima 1927: 40]. Этот ученый постулировал возможность генетической зависимости *котама*, *котуль* от прибалтийско-финских фактов в лице эст. *kott*, вод. *kotti* ‘мешок, мешочек, кулек’. Непосредственную зависимость от фин. *kontti* ‘заплетенная сумка, плетенная из бересты’ он отклонил в силу наличия в фин. основе *n*. Также совершенно справедливо, на наш взгляд, Я. Калима указал на словообразовательные трудности в отношении *котама* (невозможность исторического выделения суф. *-ома* и исключительную редкость суф. *-ма*, если предположить исконное *котма), позднее этим аргументом воспользовался М. Фасмер.

Не поддерживая тезис о генетическом родстве *котыль* с *котама*, попытаемся возвести интересующий нас диалектизм, особенно в огласовке *котуль*, *хотуля*, *хотулька* [Kalima 1919: 132] к фин. *kotelo* ‘ящик, футляр’. Прямая этимологическая зависимость от эст. *kott* ‘мешок’, видимо, должна быть отведена по лингвогеографическим соображениям (тверяки не могли воспринять это слово непосредственно от эстонцев), а также по фонетическим причинам: форма *хотуля*, сохранившаяся в твер. говорах, значительно легче выводима из финского, чем из эстонского. Предположить, что было заимствовано эст. *kott*, к которому присоединился суф. *-уль*, затем перешедший в *-уля*, сложнее, поскольку *-уля* — суф. более редкий, участвующий в деривации наименований лиц и одушевленных существ (*мамуля*, *косуля*). Слово *котуля* называет неодушевленный предмет. Выделение исторического суф. *-уля* в диал. наименовании одежды *кошуля* ‘овчинный тулуп, рубаха’ необоснованно по причине его поздней оформленности (через сложное славянское посредничество *кошуля* совершенно определенно восходит к народно-латин. *casula* ‘плащ с капюшоном’) [Фасмер 1986–1987 II: 361–362].

Словообразовательный вариант на *-уль* (*котуль*) обусловлен аналогическим воздействием со стороны слова *куль*.

СОШІЛО ‘рыболовная снасть для подледного лова, по виду напоминающая рогатину или ухват’.

Данное слово не отражено в «Материалах», нет его ни в одном из этимологических словарей рус. языка. В монографии Е. В. Рихтер «Русское население Западного Причудья» *сошилом*, видимо, ошибочно назван рыболовецкий багор [Рихтер 1976: 83], который реально у местных рыбаков носит название *сяг*.

Диалектизм *сошило* относится к архаичному слою славянской лексики. На синхронном уровне в нем выделяется корень *сош-* и суф. *-ило*. Исторически *сош-* выводимо из **soch-* в позиции перед гласным переднего ряда *i* (ср. рус. *соха* ‘соха, развилок, подпорка, ограда’, укр. *соха* ‘подпорка’, болг. *соха* ‘палка с развилком’ и т.д.). Производящая основа осложнена историческим суффиксом *-ило* или *-идло*. Более точно установить характер суффикса невозможно в силу отсутствия западнославянских параллелей.

Различные значения на славянской почве слов *соха*, *сошило* объединены общей семьей ‘кол, дерево с развилком’ [Фасмер 1986–1987 III: 729]. Именно последнее значение как наиболее аутентичное для слова *соха* и его и.-е. соответствий, представлено во внутренней форме причудского диалектизма *сошило*. Интересно, что на северном побережье Чудского озера *сошилом* называют также деревянную часть сохи, которая по-другому именуется также *сошное дерево*, *дерево*, *кривина* [Рихтер 1976: 59]. Приведенные синонимы по-разному указывают на раздвоенную структуру описываемого сельскохозяйственного орудия и его генетическую связь с деревом, суком, ветвью.

Другие и.-е. языки и говоры подкрепляют наблюдаемую в причудских говорах семантическую связь ‘соха’ – ‘дерево (ветвь) с развилком, сук’ (ср. лит. *šakà* ‘ветвь, сук, развилина’, лтш. *saka* ‘разветвление’, др.-инд. *çākhā* и др.).

ПОВАРЁШКА, ПОВАРЁШКА ‘головастик’.

Лексема (в обоих вариантах) зафиксирована на всей прибалтийской территории. Ср.:

Дз’эц’и ф сáжълк’и пьвар’эшигк лóв’ут (Лит.).

Ф прутк’и многа пьвар’эшигк, спас’иба гус’ам, што гус’и выльв’или (Лат.).

Бывáла, нъб’ар’ош цэлы пр’игърин’и л’гушиатъ-пъвар’ошигк — вот см’эху-та была (Эст.) [Материалы 1963: 222].

Более раннюю фиксацию этого диалектизма обнаруживаем в словаре В. И. Даля, однако без географической пометы: *поварёшка* — ‘головастик, хвостатый, неполный лягушонок’ [Даль 1981–1982: 141].

Наиболее доказательным является объяснение данного зоонима как результата метафорического переноса с наименования кухонной утвари (*поварешка*) на личинку лягушки на основании внешнего сходства. Половник, называемый в разговорной речи *поварешкой*, состоит из круглого черпака и прямой или несколько изогнутой рукоятки. Форма тела головастика подобна половнику: у него круглое туловище, нередко наивно принимаемое за крупную голову (что хорошо отражено во внутренней форме слова *головастик*), и небольшой подвижный хвост. Главным аргументом в поддержку этой версии является обилие типологических параллелей. Во многих родственных и неродственных языках в названиях головастика доминирует именно эта словообразовательно-семантическая модель ‘половник’ > ‘головастик’ [Livejournal 2006: 1–3]¹. Ср.: блр. *апалонік, палонік*, ‘разливательная ложка’, ‘головастик’ [ЭСБМ: 120], а также аналогично блр. диал. *палоньнік, палойнік*, брян. *полоник* [там же; Носович 1870: 462], укр. полесск. *полон'ік*, укр. диал. *ополоник*, болг. *попова лъжичка* [ЭСБМ: 120], бурят. *шанага хорхой* (при *шанага* ‘ковш, поварешка’, *хорхой* ‘червь’).

В других языках преимущественно конкурируют две другие модели: ‘дубинка, валец для стирки’ > ‘головастик’ и ‘голова’ > ‘головастик’ [Livejournal 2006: 1–3]. Иногда наблюдается их контаминация в пределах одной номинации.

Ср.: польск. *kijanka* (при *kijanka* ‘валец для стирки белья’, фин. *niijarää* (от *niija* ‘дубина’, *pää* ‘голова’), лит. *buožgalvis* (от *buožė* ‘утолщение на конце палки’, *galvą* ‘голова’), груз. *tavkombala*² (от *tavi* ‘голова’, *kombali* ‘пастуший посох с толстым набалдашником’), тат. *чукмарбаш* (букв. «дубинка-голова»). Вторая номинационная модель в «чистом» виде хорошо представлена чеш. диал. *hlavač*, в.-луж. *hlowač*, блр. диал. *главач*, болг. *главоч*, лит. *galvóžis* (от *galvą* ‘голова’), англ. *tadpole* (от *tadde* ‘жаба’ — ср. совр. англ. *toad* — и *pol* ‘голова’ —

¹ Автор приносит благодарность Ю. С. Кудрявцеву за указание на этот интернетный источник.

² Грузинские лексемы приводятся в транскрипции из-за невозможности их воспроизведения в оригинальной графике.

ср. англ. диал. *poll*, ср.-н.-нем. *pol* 'голова') [Partridge 1966: 509], фр. *têtard* (от *tête* 'голова').

Любопытно отметить, что один раз в эст. материалах слово *поварешка* во множественном числе употребляется как определительная часть сложного композита *лягушата-поварёшки* 'головастики' (восстановливаемая форма ед. ч. — *лягушонок-поварёшка*). Видимо, определительная часть не всегда является самостоятельной и может присоединяться к главному слову *лягушка*, *лягушонок* для уточнения его семантики. Узуальная востребованность подобных композитов объясняется экстралингвистическими факторами — наблюдениями носителей языка над биологическими стадиями формирования лягушки и стремлением выделить головастика в особый разряд как «неполного лягушонка», «недолягушонка» (см. дефиницию В. И. Даля).

Приводимое выше объяснение происхождения *поварешка*, *поварёшка* 'головастик' как вторичного лексического образования, возникшего на метафорической основе, имеет лишь один контраргумент: случаи метафорического переноса с наименования бытового предмета на живое существо встречаются крайне редко (аналогия: *коромысло* > *стрекоза-коромысло*).

С В Ё Р И Т Ь 'значить, иметь вес'. Ср.:

Твайё слóва н'ич' авó н'а св'эр'ум (Лит.).

Штó твай паклóны св'эр'ум? (Эст.) [Материалы 1963: 288].

Этимологическое объяснение данного диалектизма, видимо, находится в тесной связи с проблемой установления истоков севернорусского (арх., олон.) диалектизма *варя* 'вес' [Фасмер 1986–1987 I: 83–84]. Разбирая его, М. Фасмер ограничивается изложением точки зрения Я. Калимы, отрицавшего в данном случае финское заимствование (ср. фин. *vara* 'copia, opes, subsidium, providentia, admonitio'), но допускавшего сближение на рус. почве с *в́аря* 'толпа, куча, тьма, множество' (тамб., ряз.) [Kalima 1919: 84–85]. М. Фасмеру слово представляется «темным».

Оставляя в стороне вопрос о генетической связи *сверить* с тамбовско-рязанским диалектизмом, сопоставим упомянутые западно- и севернорусские лексемы с лтш. *svars* 'вес', лит. *svāras*, лтш. *svarīgs* 'важный', *svērt* 'поворачивать, класть'. На индоевропейской почве корень, лежащий в основе всех этих фонетических образований, известен в

двух аблаутных вариантах: *ver-* // *var-* (ср. рус. *вертеть*, нем. *schwer* 'тяжелый') [Karulis 1992 II: 332, 335–336]. Полагаем, что к латышской глагольной основе в *e*-огласовке восходит диалектный вариант типа *сверить*, а номинативные формы типа *варя* 'вес' являются наследием соответствующих балтийских образований с исходным и.-е. *o*. При этом на рус. почве основа пережила йотацию, а префикс *s-* утратился, видимо, при необходимости «развести» паронимы *сваря < *svarja 'вес' и *свара* 'ссора'. С другой стороны, невозможно полностью отрицать отсутствие т. н. подвижного *s-* уже в производящей основе в силу параллельной распространенности префиксальных и беспрефиксных образований: ср. лтш. *svars* : *vērt* : *varstīt*.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Даль В. И. 1981–1982 — *Толковый словарь живого великорусского языка*. М.
 Королёва Е. Е. 2000 — *Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области)*. Ч. 1. Daugavpils.
 Материалы 1963 — Немченко В. М., Сеница А. И., Мурникова Т. Ф. *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. Рига.
 Носович И. И. 1870 — *Словарь белорусского языка*. СПб.
 Преображенский А. Г. 1959 — *Этимологический словарь русского языка*. Т. I. М.
 Рихтер Е. В. 1976 — *Русское население западного Причудья (очерки истории материальной и духовной культуры)*. Таллин.
 СдрЯ — *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Под ред. Р. И. Аванесова. Т. IV. М. 1991.
 СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. М.–Л. СПб., 1965–.
 ССС — *Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.)*. Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
 Срезневский И. И. 1989 — *Словарь древнерусского языка*. Т. I. Ч. 2. М.
 Фасмер М. 1986–1987 — *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.
 Черных П. Я. 1994 — *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. I. М.
 ЭСБМ — *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Рэд. В. У. Мартынаў. Т. I. Мінск. 1978.
 ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков*. М., 1974–.
 Berneker E. 1908–1913 — *Slawisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I (A–mor). Heidelberg.
 Brückner A. 1957 — *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa.

- Kalima J. 1919 — Ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. *Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia*. T. XLIV. Helsinki.
- Kalima J. 1927 — Syrjänisches Lehngut im Russischen. *Finnisch-ugrische Forschungen*. Bd. XVIII. Helsingfors. 1–56.
- Karulis K. 1992 — *Latviešu etimoloģijas vārdnīca*. S. II. Rīga.
- Livejournal 2006 — *Entry tags: derivación, semántica, léxico*. 27.09.2006. Беб-печыпс: <http://rousseau.livejournal.com/218691.html>
- Miklosich F. 1886 — *Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen*. Wien.
- Partridge E. 1966 — *Origins. A Short Etymological Dictionary of Modern English*. London.
- SJS — *Slovník jazyka staroslověnskiého*. D. II. Praha. 1973.
- Skok P. 1972 — *Etimologijski rječnik hrvatskog ili srpskog jezika*. Kn. II. Zagreb.
- Sławski Fr. 1958 — *Słownik etymologiczny języka polskiego*. T. II. Kraków.

Говоры староверов Западного Причудья по материалам 1946 г. и 2003-2007 гг.

О. Г. РОВНОВА

Наука художбы не сдeлает.

Матрена Богданова.

Калласте, 1946 г.

число населенных пунктов, обследованных для Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) в середине 1940-х гг., входило 8, находящихся на территории Эстонии. В 1946 г. были обследованы г. Калласте, деревни Большие Кольки, Воронья, Березье, в 1947 г. — деревни Логоза (Lohusuu), Олешницы (Alajõe), Ременик (Remniku) и Новая Деревня (Uus küla). Здесь работали студенты Ленинградского (теперь Санкт-Петербургского) государственного университета по «Программе соби- рания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка» [Программа 1947]¹. Собранные ими ответы на вопросы про- граммы хранятся в рукописном и электронном виде в диалектологиче- ском архиве Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы сравнить мате- риал из старообрядческих поселений середины 1940-х гг. с современ- ным, полученным во время экспедиций 2003–2007 гг. в Западное При- чудье, и выявить динамику некоторых языковых процессов. Кроме све- дений, собранных для ДАРЯ, в статье использованы диалектные дан- ные 1930-х гг., опубликованные в [Морозова, Новиков 2007], а также [Материалы для составления словаря 1963].

---

¹ В 1946 г. студенты пользовались первым изданием Программы, опублико- ванным в 1945 г. Ярославским государственным педагогическим институ- том.

ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ И ИНФОРМАНТОВ

Согласно рекомендациям, ответам на вопросы программы ДАРЯ должны были предшествовать предварительные сведения о населенных пунктах, в которых собран материал, и информантах (или «объектах», как их тогда называли). Исторический и конфессиональный аспект этих сведений заслуживает внимания.

В 1946 г. старообрядческие поселения Западного Причудья выглядели следующим образом.¹

Калласте. «<...> городок III разряда, насчитывающий 200–250 домов. <...> Русское население бежало сюда с восточной стороны Чудского озера, спасаясь от военной службы и церковных преследований (старообрядцы) в XVII в. Раньше почти вся земля была барской, крестьянам же принадлежали небольшие “пурные” места (3 пуры = 1 десятина). Положение не изменилось и в период буржуазной демократической республики Эстонии. Поэтому сельское хозяйство всегда стояло здесь на втором плане. Население же занималось (и сейчас занимается) рыбной ловлей, мурным делом. Рожь не сеют, покупают у эстонцев. Молодежь ходит работать к эстонцам в поля. Калласте внешне мало пострадало в период немецкой оккупации, но почти в каждой семье есть кто-либо убитый белозстонцами. Имеется школа из 6 классов, народный дом, 1 раз в месяц бывает кино».

Большие Кольки. «<...> Деревня Б. Кольки расположена на самом берегу Чудского озера. Некогда здесь был дремучий лес, куда бежали, как рассказывают старики, от религиозных гонений, барщины и солдатчины русские с той стороны Чудского озера. Деревня, которая здесь возникла, почти полностью состоит из русских. <...> В деревне около 100 домов. Избы расположены по обе стороны одной улицы. Избы большие (6–8 окон), деревянные, на каменных “фундаментах”, крытые лучинкой, шиндарем или черепицей. Земли у населения мало. В прошлом они арендовали приусадебные участки. Хлебов не сеют. Почти вся земля занята под лук. Выращивают его пудов по 100–200, а затем меняют у эстонцев на хлеб, картошку и др. продукты. Лошадей в деревне мало, в случае надобности обращаются к эстонцам. Коз, овец, гусей не держали. Вся сельскохозяйственная работа лежит на

¹ Тексты приводятся с незначительными купюрами, обозначенными знаком <...>. Здесь и далее указания на конфессиональную принадлежность информантов к старообрядчеству выделены разрядкой.

женщине. Мужчины — каменщики (мурники) и рыболовы. Раньше они летом разъезжались по городам, занимаясь каменным — мурным делом, зимой же ловили рыбу. Но сейчас мало кто уходит в город на заработки, предпочитают ловить рыбу и летом. В деревне имеется школа-семилетка, библиотека при военисполкоме, но при немецкой оккупации советские книги были уничтожены, и народный дом, где 1 раз в месяц бывает кино и спектакли. Здесь можно встретить прозвища. Так, русские зовут эстонцев чухнами, а эстонцы русских — тиблами».

Воронья. «Деревня Воронья расположена на берегу Чудского озера и имеет около 300 домов. В центре и в северной части деревни население русское, а в южной части — эстонское. <...> Название Воронья идет от лежащего неподалеку в озере знаменитого Вороньего камня.¹ Большинство жителей по профессии каменщики, или “мурники”. Сейчас, однако, каменным делом не занимаются. До 1917 года они ездили летом на заработки в Россию, а зимой занимались рыбной ловлей. Сейчас в деревне имеется рыболовецкая артель. Земли русское население имеет всего по 1–2 га на хозяйство, поэтому хлеб не сеют, а почти весь приусадебный участок идет на продажу и в обмен на хлеб эстонскому населению. Молодежь летом работает “батраками”. <...> Почти все — старообрядцы. Кроме старообрядческой “моленны” имеется и небольшая православная церковь, но служб в ней нет давно. Православных всего 3–4 семьи. В Воронье имеется русская школа — теперь 7 классов, при школе весьма бедная библиотека. В клубе один раз в месяц бывает кино, по воскресеньям — танцы. Об истории Вороньи жители не помнят ничего, кроме того, что их деды бежали сюда от религиозных притеснений и от солдатчины. Каменных домов в деревне немного. До начала Отечественной войны 1941–45 гг. имелось автобусное и пароходное сообщение с Тарту. У молодежи, имеющей среднее образование, учившейся в период Эстонской буржуазной республики на эстонском языке, наблюдается характерный акцент. У старшего поколения и у неучившейся молодежи этого нет».

Березье. «<...> Деревня на самом берегу озера (Псковское озеро). Почва болотистая. Крестьянам земли не хватает, особенно для корма скота. Многие участки весной заливаются водой. <...> Незначительный процент эстонского населения (3 двора). Среди русских поч-

---

¹ Студенты передают местную легенду.

ти половина — старообрядцы. Русские живут обособленно от эстонцев. Общаются с ними очень редко. Старики эстонского языка не знают совсем. Молодежь в связи с частым посещением городов Эстонии и в связи с тем, что уходила на работы в Эстонию, эстонский язык знает; среди молодых многие свободно разговаривают по-эстонски. Основное занятие населения, кроме земледелия, — рыболовство. Сеют много луку для продажи. Раньше приезжали за луком в деревню купцы из эстонских городов. В деревне есть уполномоченный сельсовета. Хозяйства единоличные. Уполномоченный рассказывает, что название деревни происходит якобы потому, что вокруг деревни был большой березовый лес. Школы и других культурных учреждений нет. Начальная школа в 4 км в деревне Любницы. <...> О давности существования пункта никто точно сказать не может. <...> В прошлом крестьяне принадлежали помещикам. Сейчас в деревне 33 двора».

Таким образом, в характеристике всех обследованных населенных пунктов содержатся указания на конфессиональную принадлежность их жителей (старообрядцы), трех, кроме Березья, — сведения о прошлом характере населения¹. Родом его хозяйственной деятельности — не хлебопашцы — определяется отсутствие в материалах лексики, связанной с выращиванием и обработкой зерновых. В этой связи становится понятным рифмованное выражение *Эстонцы вам покажут и соху, и борону, и кобылу ворону* (Калласте).

Заслуживает внимания сообщение о том, что русская молодежь знает эстонский язык — это поколение наших современных информантов, родившихся в 1920-х гг. К сожалению, студенты не указали, в чем именно выражается «характерный акцент» (эстонский), который они услышали в речи воронейской молодежи, — в современной речи тех ее представителей, которые дожили до наших дней, есть эстонизмы, но акцента точно нет.

В 1946 г. студенты записали ответы на вопросы программы ДАРЯ от 15 жителей Западного Причудья. Сведения о них удобно представить в виде таблицы:

¹ О связях Березья со Псковщиной см. в характеристиках информантов, а также в статье [Ровнова 2006].

№	Нас. пункт	Имя, отчество, фамилия	Возраст, год рожд.	Характеристика информанта
1	Калласте	Анастасия Ивановна ГОРЮНОВА	63 года (1883 г.р.)	«Малограмотная, местная жительница, бывала в Петрограде, Риге, живет одна, трое взрослых сыновей убиты в период оккупации. «Дедушка мой был стар о в е р, а баба не»».
2	Калласте	Матрена БОГДАНОВА	67 лет (1879 г.р.)	«Неграмотная, местная жительница».
3	Калласте	Анна Петровна КРУГЛОВА ¹	85 лет (1861 г.р.)	«Неграмотная, местная жительница».
4	Калласте	Анна Николаевна ПЕРСИДСКАЯ	90 лет (1856 г.р.)	«Неграмотная, местная жительница».
5	Б. Кольки	Екатерина Семеновна ФИЛИМОНОВА	56 лет (1890 г.р.)	«Родилась в Б. Кольках. Была в Петрограде, Пскове, Риге, Таллине, Острове по 1–2 недели. С 1919 г. живет в Кольках безвыездно. Вдова. Живет одна».
6	Б. Кольки	Марфа Никитевна РАТМАН	68 лет (1878 г.р.)	«Неграмотная. Родилась в Б. Кольках. Никуда не ездила».
7	Б. Кольки	Евдокия Федоровна КАЯЛИНА	76 лет (1870 г.р.)	««Раньше знала церковные книги читать». Родилась в Б.Кольках. Нигде не была, кроме Тарту».
8	Воронья	Маланья Ефимовна ЖУКОВА	76 лет (1870 г.р.)	«Место рождения — Воронья. Никуда, кроме Тарту и Валги, не ездила. Живет с маленьким внуком. Хорошо знает содержание Евангелия и очень любит его излагать».
9	Воронья	Евдокия Семеновна РЕМЕЦ («Сысоиха»)	65 лет (1881 г.р.)	«Неграмотная. Место рождения д. Каргово — 2 км. на юго-запад от Вороньи. В Каргове жила до 17 лет. С 17 лет, после замужества, жила с мужем в Воронье. В молодости была с мужем в Риге, Москве, Серпухове, Бологом по

¹ В памяти современных жителей Калласте не сохранилось сведений о семье с такой фамилией.

				несколько дней. Последние 40 лет живет не выезжая из Вороньи. Теперь живет одна, т. к. муж убит в Отечественной войне 1941–45 гг.»
10	Березье	Анна Савельевна БОТКИНА	68 лет (1878 г.р.)	«Всю жизнь прожила в деревне Березье; здесь родилась и состарилась. В молодости бывала во Пскове (еще при царизме), в Юрьеве. Теперь она никуда не ездит уже очень давно. Старообрядка, строго соблюдает свои обычаи. Сын ее 33-х лет, не курит, ходит с бородой. Грамоте, т. е. читать, выучилась самоучкой, писать не умеет. Читает церковнославянские тексты. Знает наизусть духовные стихи, которые она поет».
11	Березье	Елена ЧУБАЕВА	60 лет (1886 г.)	«Приехала в Березье лет 18 с одного из ближайших к деревне островов Псковского озера. В городах (Юрьев, Печоры) была только в молодости. Теперь нигде не бывает, живет с сыном 16-ти лет. В Юрьеве живет ее дочь».
12	Березье	Анна Михайловна КРИВОВА	80 лет (1866 г.)	«Неграмотная. В Березье вышла замуж с восточного берега Псковского озера. В Березье живет 60 лет. Выглядит бодро, помогает в домашних работах, полет огород, нянчит внуков. Православная».
13	Березье	Дмитрий Игнатьевич НИЛИН	36 лет (1910 г.р.)	«Уроженец Березья. Года полтора служил в Красной Армии. Окончил 3 класса начальной школы. Грамотный. Знает эстонский язык. Уполномоченный сельсовета по деревне. Старообрядец. Соблюдает все старинные старообрядческие обычаи. Интересны имена его маленьких детей: Манефа, Феофан».

14	Березье	Маланья Филипповна НИЛИНА	31 год (1915 г.р.)	«Родилась и все время живет в Березье. Окончила 2 класса начальной школы. Бывала в Юрьеве и Пскове».
15	Березье	Крестьянка деревни Березье	60 лет (1886 г.р.)	Сведений о ней нет.

Итак, из 15 информантов 11 являются староверами, на что прямо или косвенно указано в их характеристиках; большинство фамилий содержится в «Именном списке раскольников, жительствующих на мызах Дерптского уезда» за 1855 г. [Очерки 2004: 27–103], их носят и современные жители. Это дает основание утверждать, что собранный в 1946 г. диалектный материал отражает действительно говор староверов Западного Причудья.

При анализе диалектных данных 1940-х гг. используется ретроспективный подход, который опирается на наблюдения над современным говором староверов Западного Причудья, обобщенные в работах [Ровнова 2004; Ровнова, Кюльмоя]. Основное внимание уделяется наиболее существенным, типичным чертам говора староверов, а также редким или утраченным диалектным явлениям.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Гласные

1. По материалам 1946 г. единственным типом вокализма после твердых согласных в говоре Западного Причудья является сильное (неддиссимилятивное) аканье: не зафиксировано ни одного случая окающего произношения. Этим в данный период прибрежный говор староверов отличался от говора острова Пийриссаар, где в речи некоторых стариков Т. Ф. Мурникова еще в начале 1960-х гг. отмечала неполное оканье [Мурникова 1962: 348–350], что объясняется заселением острова в том числе выходцами с Гдовщины — территории с системой вокализма, переходной от оканья к аканью.

2. Вокализм после мягких согласных представлен в материалах 1946 г. двумя типами — сильным яканьем и иканьем, которые сосуществуют не только в говоре каждого из обследованных населенных пунктов, но и в идиолекте многих информантов. Сочетание яканья и иканья является устойчивой, типичной чертой и современного говора

староверов Западного Причудья; пока нет оснований говорить об усилении тенденции к смене одного типа вокализма другим.

3. В современном говоре только формы прошедшего времени глагола *идти* широко употребляются с протетическим гласным *и* ([и]шла, [и]шли), другие примеры ([и]ржи от *рожь*, [и]лгут, [а]двор) единичны. В более раннее время протеза *и*, *а* присоединялась к более широкому кругу слов. Так, кроме многочисленных примеров с [и]шли, в материалах 1946 г. отмечено: *прежны годы* [и]ръём (от *рей* 'овин') *молотили*¹, [и]ржани^ише (*ржанице* 'сжатое ржаное поле'), [а]хлев, *корова в [а]хлеве стоит* (Калласте); [и]ржани^иша, *раньше [и]ръям молотили* (Б. Кольки); *если ржаное поле, так называют [и]ржани^ище, конь [и]ржёт* (Воронья); *пуд-два [и]ржи* (Березье). Частотность данного явления, видимо, послужила основанием для включения ряда слов с протетическими *а*, *и* в [Материалы для словаря 1963], см. словарные статьи на *авторок* 'вторник', *адвор*, *альняной*, *аржани^ице*, *аржаной*, *ахлев* и уменьш. *ахлевок*, *илгать*, *илгун*, *ирвать*¹, *ирвать*², *ирваться*, *ирвота*, *иржаветь*, *иржавчина*, *иржать*, *иржица*, *иструб*. Таким образом, в течение прошедшего периода явление протезы гласных в говоре пережило процесс утраты, сохранившись лишь в лексикализованном виде в формах прошедшего вида глагола *идти*.

4. В говоре староверов в его и более раннем, и современном состоянии сохраняется рефлекс фонемы /Ѣ/ в виде гласного [и] в ограниченном круге слов: местоимении *вси* и его падежных формах (*всих*, *всим*, *всими*), наречии *совсим*, а по материалам 1946 г. еще и в формах творит. падежа местоимений *кто*, *что* — *ким*, *чим*, в форме 2 лица ед. числа глагола *есть* — *йишь* и единично в наречии *здись* (*здися*). И без того небольшая группа слов, в которых лексикализовано данное фонетическое явление, за прошедший период уменьшилась.

5. Для говора староверов середины 1940-х гг. характерна широкая употребительность существительного *огурцы* и его производных с начальным гласным [у], что сейчас встречается лишь спорадически: *Вовка ишыплет* [у]гурцы, [у]гурешна *мятина* (Б. Кольки); *они пойдут в*

¹ В сочетаниях *молотить ирьём* и *молотить ирьям* (Б. Кольки) творит. падеж имеет значение места. Приведенные примеры показывают известное и современному говору расширение круга существительных, способных в этой падежной форме выражать то или иное грамматическое значение, в данном случае пространственное. См. об этом [Ровнова, Кюльмоя].

[у]гурцы *клявать* (Воронья); *свёкла, морковка*, [у]гурцы, *горох-то ня сеем* (Березье).

Согласные

1. Типичной фонетической чертой современного говора староверов является произношение твердого [ч]: так его произносит большинство информантов. Данное произношение, однако, не является единственным: в речи одного и того же лица этот согласный может произноситься и твердо и мягко, а для идиолектов некоторых информантов характерно произношение только мягкого [ч']. В материалах 1946 г., на основании которых составлена карта 45 ДАРЯ «Согласный на месте ч» [ДАРЯ 1986], сосуществование [ч] и [ч'] отмечено в Калласте, Воронье и Березье, а в Б. Кольках, согласно этому материалу, последовательно произносили [ч'], что и отражено на карте. Эти сведения нуждаются в уточнении. В 2007 г. мы вместе с К. Кару и О. Паликовой провели направленные наблюдения над речью некоторых пожилых жителей этой деревни и убедились еще раз, что их речи, как и речи староверов из других старообрядческих поселений, свойственно произношение твердого [ч]. Тогда же мы записали очень интересные воспоминания А. С. Портновой, хранителя старообрядческого музея в Б. Кольках, о своей бабушке-староверке. Воспроизводя ее характерные высказывания, А. С. Портнова произносила [ч] подчеркнуто твердо.

Следовательно, сосуществование твердого и мягкого ч характерно для говора староверов и середины 1940-х гг., и современного. Так же, как и в случае с вокализмом после мягких согласных, нет оснований говорить о том, что в прошедшие десятилетия усилилась тенденция к мягкому произношению ч.

2. В современном говоре староверов Западного Причудья аффрикаты *ц* и *ч* различаются, а следами их бывшего неразличения (цоканья) являются, как и во многих северо-западных говорах, предикативные деепричастия с корнем *-шед-* и суффиксом *-чи*, в котором на месте [ч] произносится [ц]. Параллельно с формами *ушѐд[ц]ы, пришѐд[ц]ы* в говоре употребляются гораздо менее частотные *ушѐд[ч]и, пришѐд[ч]и*. Следовательно, можно говорить о грамматикализации цоканья, сочетающейся с его лексикализацией.

Точно так же обстояло дело и в середине 1940-х гг.: на отсутствие цоканья указывают все собиратели, работавшие в четырех обследованных старообрядческих поселениях. Вместе с тем тогда еще, по-

видимому, можно было изредка услышать в речи пожилых людей отдельные слова с твердым [ц] на месте исконного ч. Так, в 1946 г. от 76-летней М. Е. Жуковой из Вороньи записаны примеры *тут всё [цысты] староверы; фсё [цысть] белые*, от 63-летней А. И. Горюновой из Калласте — пример *а от тут был [цысты] лес*.

Ниже приводится дополнительный материал, подтверждающий существование в прошлом цоканья в говоре староверов Западного Причудья.

Косвенное указание на это находим в книге Е. В. Рихтер. Говоря о свадебном обряде в Западном Причудье, она пишет, что в 1870-х гг., «когда парень приходил свататься, девушка вскакивала на лавку и, бегая по ней, приговаривала: “Хоцу скацу, хоцу не скацу”. В настоящее время помнят об этом выражении и старые женщины Калласте» [Рихтер 1976: 209]. Правда, речь идет о деревне Нина с православным русским населением, однако многие элементы свадебного обряда в этой деревне и селениях староверов оказываются сходными [Морозова, Новиков 2007: 12], а ее говор, как показывают предварительные наблюдения, не отличается от говора староверческих поселений сейчас и, возможно, мало чем отличался в прошлом.

В [Материалы для словаря 1963] с пометой *Эст.* включены глаголы *пецкать* ‘пачкать’, *пецкаться* ‘пачкаться’, *выпецкать* ‘испачкать, загрязнить’, *выпецкаться* ‘испачкаться’: *Н’и п’эцкый ад’ожыну, хто мыт’ и чыст’ит’ буд’и; Йон з’эфс’агда п’эцкыйца на свайой работы; Н’а трон’, рук’и ф’т’аб’а вып’эцкны; Вып’эцкыс’с’а в гр’адх за д’эн’, страм ад’ин* [Материалы для словаря 1963: 216–217, 59–60]. Глаголы *выпечкаться* и *выпичкаться* (с произношением как [ч’], так и [ц]) употребляются и в архангельских говорах [АОС 1993: 75, 84]. Тем не менее, усматривать в этих словах лексикализацию цоканья следует с известной осторожностью. Данные глаголы — не только с мягким, но и с твердым [п] — отмечены также в старообрядческих говорах Литвы: *Зач’им ты с’ц’ены п’эцкыйш?*; *Гдз’э ш ты так рук’и вып’эцкъл?*; *С’этый машыный вып’эцкъл’а в’эс’ как ч’орт* [Материалы для словаря 1963: 216–217, 60]. В эти говоры они могли проникнуть из белорусского языка, ср. бел. *пэчкаць* ‘пачкать; мазать’. Возможно, что в восточнославянских языках и их говорах рассматриваемые глаголы с корневым [ц] являются заимствованиями из польского языка, см. об этимологии украинского *пецькатися* в [ЕСУМ 2004: 363].

Нельзя обойти молчанием и следующий факт. В 2006 г., собирая материал по фольклору староверов Эстонии, Н. Морозова, Ю. Новиков и М. Романова обнаружили в фольклорном архиве Литературного музея им. Ф.-Р. Крейцвальда (Тарту) единственный текст, в котором получило отражение цоканье, — старинную свадебную опевальную, или величальную, песню. Она записана В. Егоровым в 1936 г. от жительницы д. Кольки, 58-летней Анны Дмитриевны Лавягиной (родившейся, следовательно, в 1878 г.).

Песня, бесспорно, новгородского происхождения. В пользу этой атрибуции говорит прежде всего близость ее содержания к двум вариантам текста, обнаруженным в [Фольклор Новгородской области 2005].¹ Наиболее ранний из них записан в 1869 г. от крестьянки Старорусского уезда, более поздний — в 1964 г. от жительницы Демянского района Новгородской области, родившейся в 1891 г. См. эти варианты:

1869 г. Старорусский уезд Новгородской губернии	1936 г. Д. Кольки	1964 г. Демянский район Новгородской области
Прилетал млад ясен-сокол. Он садился на окошечко, На раскрашенный наличничек. Никто сокола не видели, Видела родна матушка, Увидевши, слёзно всплакала: «Моё милое дитятко, Приголубь ясна сокола, Ясна сокола залётного, Доброго молодца заезжего». [Фольклор Новгородской области 2005: 135]	Что при вецери, вецери, При потайнием вецери Прилетал вот ясен сокол, Ясен сокол, соловеюшко. Ён садился на окошечко, Что на золоту прицеленку; Окошечко отворилося, Прицеленка обломилася. Что нихто ни сдогадаеся; Сдогадалась ронна маменька, Побежала по новым сениям, Закричала громким голосом: «Ты дитя, цядо милое, Цядо милое, доць любимая, Выходи с новой горенки,	При последней поры времечке, При Натальином девичничке, Прилетал и тут ясен сокол. Он садился на окошечко. На серебряный наличничек, Чтобы его никто не видал. Не увидал не родный батюшка, Усмотрела родна матушка. Закричала громким голосом: «Ты сердешно, мило дитятко, Не совсем ли ты собралася?» «Не совсем еще собралася, Я забыла красу девичью Красу девичью, волю вольную,

¹ По заключению исследователей фольклора Западного Причудья, «структура свадебного обряда, целый ряд обрядовых действий, многие песни близки к записям с восточного побережья Чудского озера (север Псковской губернии), хотя и не дублируют их» [Морозова, Новиков 2007: 12].

Залуцй ясного сокола,
Ясного сокола залётного.
Доброго молодца заез-
жего,
Что заезжего, что захо-
жего.

[Морозова, Новиков
2007: 176–177]

Волю вольную, негу неж-
ную».
«Не горюнься, мило дитят-
ко,
Приголубь ясного сокола,
Ясного сокола залетного
Ну, ты Ивана да Петрови-
ча».

[Фольклор Новгородской
области 2005: 153–154]

Очевидно, что говорить о фонетических диалектных особенностях новгородских текстов не приходится: если они и были отражены в записях, то при подготовке к публикации устранены. Обратимся к характеристике цоканья в нашем тексте.

Память А. Д. Лавягиной сохранила весьма архаичный с точки зрения фонетики вариант. Цоканье является для исполнительницы не живым явлением, а приметой глубокой старины, что со всей убедительностью показывают способы графической передачи собирателем этого явления. Цоканье не является последовательным, о чем говорит форма *на окошецко*. Слово *окошецко* отражает твердое цоканье, а примеры *закрицяла*, *цядо* (дважды), *доць*, *залуцйй* — мягкое (примеры *при вецери*, *на прицеленку*, *прицеленка* непоказательны для определения типа цоканья). Неожиданное преобладание в тексте случаев мягкого цоканья заслуживает особого внимания. На карте 47 ДАРЯ, посвященной различению или совпадению согласных на месте *ч* и *ц* [ДАРЯ 1986], есть несколько небольших ареалов с мягким цоканьем, однако они находятся к югу от Пскова, то есть довольно далеки от территории, примыкающей к восточной и юго-восточной части Псковского озера. К северу же от Пскова, включая всю территорию, примыкающую к восточному берегу Чудского озера, ареалов с мягким цоканьем нет. Если верить собирателю В. Егорову, то перед нами уникальный текст, отражающий древнейший, мягкий тип цоканья, свойственный древненовгородскому (до XV в.) диалекту.

От А. Д. Лавягиной записано еще восемь фольклорных текстов, ни в одном из них цоканье не отражено, что подтверждает его «цитируемый» характер. Каким же образом величальная песня в цокающем исполнении могла попасть в репертуар жительницы Колек А. Д. Лавяги-

ной? Не зная ее лингвистической биографии, ответить на этот вопрос можно лишь предположительно.

Она носит местную старообрядческую фамилию: в «Именном списке раскольников, жительствующих на мызах Дерптского уезда» за 1855 г. среди жителей деревни «Малый Кольк» значатся «Захар Максимов Лавягин» и «Яков Ильин Лавягин» [Очерки 2004: 51]. Однако некоторые особенности ее идиолекта говорят о том, что она не коренная колецкая жительница. Во-первых, в ее речи один раз отражено ударное ёканье (другими словами, оканье после мягких согласных): *за твоё доброе сердце* (текст 413). Во-вторых, в ее речи представлена не свойственная говору д. Кольки система форм глагола в 3 лице, а именно система с отсутствием конечного *т* во всех формах 3 лица (в ед. и мн. числе; в глаголах I и II спряжения; в ударных и безударных окончаниях). Приведем лишь по одному примеру на каждый случай: 3 лицо ед. числа — *размахнё, заманивае; говори, напусти*; 3 лицо мн. числа — *несу, плачу; говоря, поставя* [Морозова, Новиков 2007: 174–175, 176, 242–243, 258]. Комплекс двух названных диалектных особенностей позволяет связать идиолект А. Д. Лавягиной с говором острова Пийриссар, а следовательно, учитывая историю его заселения, — с восточным побережьем Чудского озера. Ее предки были носителями окающего говора, которому, возможно, когда-то было свойственно древнее новгородское мягкое цоканье. Исчезнувшее из живой речи, оно сохранилось в старинной величальной песне.

Вопрос о времени и причинах исчезновения цоканья в речи староверов Эстонии относится к компетенции исторической фонетики и связан с недостаточно исследованной проблемой истории цоканья в новгородско-псковских говорах в целом. Цоканью на Псковщине посвящена очень интересная и полемичная статья В. Н. Чекмонаса. Он отмечает, что здесь «цоканье начало интенсивно исчезать с тридцатых годов XX ст. под влиянием литературного языка <...>; в то же время <...> цоканье вряд ли было сплошным, “тотальным” уже к концу XIX века, а это означает, что отход от цоканья вряд ли осуществлялся только под влиянием литературного языка» [Чекмонас 1997: 187]. Заслуживает внимания и его предположение о том, что «в некоторых местностях различие /ц/ и /ч/ имеет более длительную традицию, чем это обычно предполагается» [там же: 186].

Очевидно, что в говоре староверов Западного Причудья цоканье было утрачено раньше, чем во многих говорах Псковщины¹. Интересно отметить, что оно также несвойственно старообрядческим говорам Литвы [Морозова 2007: 62–63]. Видимо, в среде староверов как людей, приобщенных к книжной культуре, рано была осознана «неправильность», непрестижность цоканья, почему эта диалектная черта и стала устраняться из их речи. Вполне вероятно, что отход от цоканья произошел (или начал происходить) еще до массового переселения старообрядческого населения в эстонское Причудье — тогда становится понятно, почему ни один из наших информантов в 2003–2007 гг. не ответил утвердительно на вопрос, говорили ли их родители или бабушки-дедушки [ц]ай, не[ц]ка, до[ц]ка.

3. И в современном, и в старом материале широко представлено произношение долгих согласных [нн] и [н'н'] на месте сочетаний [дн] и [д'н'] в результате регрессивной ассимиляции по назальности: бѣ[нн]ость, голо[нн]о, ро[нн]ыѣ, за[н'н']ей, [н'н']и, пере[н'н']ик, се-го[н'н']я и многие другие примеры 1946 г. из всех населенных пунктов. Это фонетическое явление, таким образом, относится к числу устойчивых в говоре староверов. Явление же, которое представляет собой результат того же процесса, а именно произношение долгих согласных [мм], [м'м'] на месте сочетаний [бм], [б'м'], полностью исчезло в современном говоре и в середине 1940-х гг. находилось в процессе утраты. В материалах 1946 г. отражено всего несколько примеров: о[мм]орок, о[мм]ываем (Б. Кольки), о[мм]олоют (Воронья), о[мм]аном, о[мм]анул (Березье).

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Комплекс морфологических явлений, представленный в материалах 1946 г., в целом совпадает с тем, который характерен для современного говора староверов. Однако есть диалектная черта, которая нуждается в

¹ Приведем для сравнения данные из псковских деревень Красиковщина (Бела) и Троицкая Гора (Черемша), собранные соответственно в 1941 и 1946 гг. Эти деревни находятся неподалеку от д. Подклинье, со староверами которой имели родственные и хозяйственные связи староверы д. Березье, см.: [Ровнова 2006]. В обеих псковских деревнях в речи представителей старшего поколения (70–80 лет) собиратели зафиксировали твердое цоканье.

специальном обсуждении, — распределение форм без конечного [т] в системе личных форм глагола.

В современном говоре формы 3 лица ед. и мн. числа глаголов независимо от спряжения и места ударения имеют конечный согласный [т]. Такое употребление является преобладающим. Более редкими, но все же достаточно распространенными являются формы без [т], но только в ед. числе глаголов обоих спряжений. Материалы 1946 г., на основе которых составлены карты 80 и 81 ДАРЯ [ДАРЯ 1989], свидетельствуют, что говорам разных населенных пунктов были свойственны разные системы. Рассмотрим их отдельно для ед. и мн. числа.

Так, отсутствие [т] в форме 3 лица ед. числа во всех позициях было свойственно говорам г. Калласте и д. Березье: *ста́не, несё́; ходи́, сиди́*. К этой системе близок говор д. Б. Кольки, для которого характерны формы *ста́не, ходи́, сиди́*, но *несё́*[т]. В говоре д. Воронья формы без [т] зафиксированы лишь в безударных окончаниях глаголов I спряжения, т.е. *ста́не, бывае́, выливае́, знае́, ломае́*, но *несё́*[т], *ходи́*[т], *сиди́*[т].

Для понимания динамики морфологической системы существенно то обстоятельство, что говорам некоторых населенных пунктов было свойственно отсутствие конечного [т] и в формах мн. числа. По материалам 1946 г., оно наблюдалось только у глаголов II спряжения. В говоре Калласте отсутствие [т] не зависело от места ударения: *ходя́, сидя́*, в говоре Березья — зависело и встречалось только под ударением: *сидя́, крича́*. Говорам же деревень Б. Кольки и Воронья были свойственны личные формы глагола 3 лица мн. числа только с конечным [т] во всех позициях.

Текст 246 «Свадьба в Черном Посаде», записанный в 1938 г. и опубликованный в [Морозова, Новиков 2007: 162–164], дает возможность реконструировать систему личных форм глагола в говоре Муствез. В тексте отражены формы без конечного [т] в ед. и мн. числе во всех возможных позициях. В ед. числе: *дае́, складё́, кладё́, спры́сне, бу́де, плаче́* (I спряжение); *да́ри, про́си, сиди́* (II спряжение). Во мн. числе: *запрягаю́, приезжаю́, сажая́, беру́, несу́, пою́* (I спряжение); *приводя́, ладя́, принося́, говоря́* (дважды), *стуча́* (II спряжение). Следовательно, в говоре Муствез в 1930-е гг. существовала система, свойственная гдовским говорам и, в частности, говору острова Пийриссаар. Интересно, что следы ее в виде лексикализованного *говоря́* — вводного слова и сказуемого — обнаруживаются в речи сестер Д. Я. и Е. Я. Фокиных (соответственно 86-ти лет и 81-го года), живущих в д. Воронья, но ро-

дившихся на Пийриссааре, см. записанные от них в 2006 г. тексты 43, 89, 232 в [Морозова, Новиков 2007: 58, 75–76, 139].

Все эти факты свидетельствуют о том, что, во-первых, в прошлом говоры старообрядческих поселений Западного Причудья различались по признаку наличия / отсутствия конечного [т] в личных формах глаголов 3 лица ед. и мн. числа, а во-вторых, за прошедший период формы мн. числа с конечным [т] получили развитие в говорах Калласте, Муствеэ и Березья.

Наконец, в материалах из д. Березье отмечено несколько примеров с мягким [т'] в формах 3 лица мн. числа глаголов I и II спряжения: *вязу*[т'], *свяду*[т'], *захотя*[т'], *хóдю*[т'] и разноспрягаемый *даду*[т'], а также единичные *прилятя*[т'] (Б. Кольки) и *еду*[т'] в речи А. Д. Лавягиной [Морозова, Новиков 2007: 268]. Эти сведения нуждаются в дальнейшем осмыслении, для чего требуются и специальные наблюдения над современной речью староверов.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

1. В материалах 1946 г. нашли отражение типичные для современного говора синтаксические явления. Это прежде всего:

1) конструкции с предикативными деепричастиями: *старушка, у ней уже голова повесивши, рассказала* (Калласте); *твой Лупан померши раньше, чем я замуж вышедцы* (Б. Кольки); *сямьям приехаччи всим* (Воронья); *ладья-то* ('лодка') *ваша яшишо не ушёдцы* (Березье);

2) пассивно-перфектные конструкции с несогласованным причастием: *Матрёна, поросята кормлено?* (Калласте); *к торбе ушки приделано; дровца на себе ношено* (оба примера из Б. Колек); *теперь и чужих довольно кладено; скирда — хлеб-то складено* (Воронья).

Особо следует сказать о конструкции посессивного перфекта, состоящей из существительного в род. падеже с предлогом у (в) и краткого страдательного причастия (типа *у меня печенье напечено* 'я напекла печенье'). В современном говоре староверов подобные конструкции встречаются реже, чем конструкции с предикативными деепричастиями, однако являются его типичной синтаксической чертой. В работе [Кюльмоя 2006] показано, что в таких конструкциях причастие а) образовано преимущественно от переходных глаголов совершенного вида, б) может быть согласованным и несогласованным, в) в единичных случаях образовано от непереходных глаголов несовершенного вида. Интересно, что в записях 1946 г. соответствующий материал представлен

крайне скупое, а в Калласте не зафиксирован вовсе. «Классическая» трехкомпонентная конструкция посессивного перфекта представлена лишь в трех примерах, причем в последнем причастие образовано от глагола несовершенного вида: *полѣв у нас нету, мало у кого небольшой шмат посеяно* (Б. Кольки); *в кого како имя тьялёнку положено* (Воронья); *очень много у мяня вина пино* (там же). Отмечена двухкомпонентная конструкция с опущенным: а) семантическим объектом: *может, в добрых людях вытягано* (Воронья); *думала, у них взято за собой* (там же), б) семантическим субъектом: *давно белого хлеба не пачоно* (Воронья). Наконец, есть «минимизированная» пассивная конструкция только со сказуемым — кратким причастием от переходных и непереходных глаголов обоих видов: *нонича только не съел, а то кажыный год съедено было; много пето, и танцовано, и пето; всюду побыто, в Москвы быто* (все примеры из Вороньи); *раньше-то хожено* (Березье); *хожано по грядам* (там же). Редкость конструкций с посессивным перфектом в материалах 1946 г. можно объяснить либо недостоверностью материала, либо тем, что эта конструкция в последующие десятилетия получила в говоре дальнейшее развитие.

2. Конструкции с им. падежом существительного в сочетаниях с предикативным наречием *надо*, редкие в современном говоре, так же редко встречались в прошлом: *можжа, надо грябцы?* (Березье); *сколько рыба надо поймать тебе-ка?* (Калласте).

3. Наконец, в материалах 1946 г. отмечены синтаксические явления, не встретившиеся во время экспедиций 2003–2007 гг. Во-первых, в материалах из д. Воронья зафиксировано известное многим русским говорам употребление им. падежа объекта при переходном глаголе: *рай-дуга это така, она притягает вода к себе, починить дырка еслив, а там ахлев, коровы дяржать, борова и коня.*

Во-вторых, в материалах из д. Б. Кольки отмечены противительные конструкции, в которых в соответствии с повторяющимся противительным союзом *то ли... то ли...* литературного языка используются другие союзы — *инши... инши...* и *невесь... невень...: инши спать, инши плакать; невень к доктору веть, невень што*. Присущее этим производным союзам модальное значение неопределенности, неуверенности обусловлено их связями с производящими словами. Первый союз мотивируется употребляющимся в говоре неопределенным местоимением *инший* 'иной, некоторый', второй союз восходит к древнерусской форме 3 лица ед. числа глагола *въдѣти* 'знать' в соче-

тании с отрицанием — *не вѣсть* ‘не знает’. В современной речи староверов конструкции с этими союзами не попадались.

В-третьих, в говоре д. Воронья отмечены примеры с не встретившимся в материалах 2003–2007 гг. предлогом *гли* (*гля*) ‘для’: *а тятерь гли яды не носят; гли зярно амбар; с жардей изгорода гля крупной скотины*. Этот предлог включен в [Материалы для словаря 1963].

В целом же в материалах 1946 г. отражен тот комплекс синтаксических явлений, который свойственен и современному говору староверов Западного Причудья, см. [Ровнова, Кюльмоя].

ЛЕКСИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Диалектная лексика, получившая отражение в материалах 1946 г., включает много слов, употребляющихся в современной речи староверов и вошедших в «Список диалектных слов и выражений», опубликованный в [Очерки 2004: 292–307]. Вместе с тем есть слова, которые не встретились нам при обработке экспедиционных материалов 2003–2007 гг. и, что важно, не включены в [Материалы для словаря 1963]. Публикация этой части словарного состава особенно важна, поскольку дает возможность начать исследование диалектной лексики в аспекте синхронии / диахронии. Вот неполный список примеров:

Балчушный. Избалованный. *Дети здесь такие балчушные, назови как хошь, балчушные или баловные* (Калласте).

Бадворок. Участок земли с домом, огородом и хозяйственными постройками (Березье).

Влад. Способность действовать. *Картошки не могу тоже резать, в этом пальце нету влада* (Б. Кольки).

Вреши́ться. Напиться (о спиртном). *Ён был вряши́вши* (Воронья).

Втрапиться. Вонзиться, впиться. *Вилка в ногу втрапилася* (Воронья).

Вязель. Сырое вязкое место, болото. *Тропиною пройтить можно, нету тако-го места — вязель* (Б. Кольки).

Гадость. Змея. *Гадости нету* (Березье).

Грабитва. Действие по глаг. *грабить* ‘грести, сгребать в кучу’. *Грабитвы нету; не была спрашивать грабитву?* (Березье). *Дожидают, што, можа, у кого грабитва будет* (Березье).

Гуменный. Мягкий (о хлебе). *Тогда хлёбы што гуменный, ну мягкий такой, што гуменный у нас называют* (Б. Кольки).

Детятница. Курица, которая сидит на яйцах или водит цыплят. *С цыплятам там уже дятница, на яйцах сидит тожа дятница* (Березье).

- Дровосёк.** Молодой лес на месте вырубленного. *Молодой лесок — это дровосёк, с маленьких дровосеков веники ломаем* (Б. Кольки). *Дровосёк — лес вырублен, там молодой лес растёт, так не дают, што молодые деревья растут* (Б. Кольки).
- Загадина.** Загадка. *Загадаю загадину, вытяну с жопы ягодину, оближу, опять назад положу* (о малине) (Калласте).
- Карать.** Вводить в заблуждение, обманывать. *А я-то нарочно там яму караю, аз, буки, а мне и смешно* (Б. Кольки).
- Квохтуха.** Курица, собирающаяся садиться на яйца. *Квохтуха — которая хочет детей высиживать* (Б. Кольки).
- Кланочка.** Дверная щеколда. *Дверь-то только на верхнюю кланочку* (Б. Кольки).
- Колеть.** Замерзать, мерзнуть. *День колел, ноч колел* (Березье).
- Корчевина.** Выкорчеванный пенёк. *Ляжи корчавиной, раз не хошь работать* (Б. Кольки). *Ляжи корчавиной, не тронь чужого* (Б. Кольки).
- Костыга.** Кость, мосол. *Лук высушим, што как костыги крепкий* (Воронья).
- Крайна.** Крайняя степень чего-либо. *К зимы бочки, и квашонки, и подпола вси полны, а к вясны — ну, крайна* (Б. Кольки). *Вы за няво постарайтесь, до крайне* (Б. Кольки).
- Кринняк,** собир. от *кріна* 'льдина'. *Кринняк — это кріна така, попали на крину, так живы будем, ну так маленький кринняк* (Воронья).
- Куричь.** Топиться, дымя (о плите). *У мяня плита завсягда куричь* (Воронья).
- Лесенка.** Лестовка. *Молются с лесенкам* (Березье).
- Лысоха.** Порода диких уток. *Лысохи ярные утки таки, самы чорные, а перяносицы белые* (Березье).
- Месячно,** безл. предикатив. О лунном вечере или ночи. *Смотрю на звёзды, а месячно так, лунно* (Калласте).
- Мускорадный.** Брезгливый. *Мускорадный человек. Говорят некоторые: он какой мускорадный* (Воронья).
- Мутосветить,** неодобр. Безобразничать. *Всё-таки сын любит тябя, только мутосветит* (Б. Кольки).
- Надозлить.** Сделать много зла кому-либо. *Яна как яму надозлила жана много, за то ён так хулит яё* (Воронья).
- Напеклевать.** Наговорить на кого-либо, оклеветать. *Зато добро на тябя напеклевала* (Воронья).
- Обильё.** Урожай овощей (Березье).
- Осёлка.** 1. Точильный камень в виде бруска. *Осёлка — это косы точут* (Воронья). 2. Средство проверки, испытания кого- или чего-нибудь. *Бес всё знает, только бабьей осёлки не знает* (Воронья).
- Папорсть.** Папоротник. *Не, говори[т], я прятался в папорсти, это такая кустами, я с этой папорсти* (Калласте).

- Переогодовать.** Прожить год. *И бить жалко, што молодые, может, переогодуют этот год* (о курах) (Б. Кольки).
- Повой.** Головной убор замужней женщины. *Повой — замужние женщины носят* (Березье).
- Помял.** Помело. *Помял — которым печку пашут, а двор — это метла* (Калласте). *Помял — это бабу гонял, а баба забоялась — в печку забралась* (Калласте).
- Почтарь.** Почтальон (Березье).
- Пучина.** Большое непроходимое болото. *В лясах есть такие пучины, туды попадёшь и вон не вылезешь* (Б. Кольки).
- Сикляшник.** Муравейник (от сикляха 'муравей') (Березье, Воронья).
- Слетье.** Овощи. *Девять полёв имеется в жихаря, горох и всякая слетья* (Воронья). *Слетья — эта естя разной разности посеяно* (Воронья).
- Спешное время.** Уборочная пора, страда. *А у нас называют ишо спешная время* (Воронья).
- Стекольный.** Сделанный из стекла. *Под ягоды стякольные банки купляли* (Березье).
- Сточка.** Ссора. *Ни ядиной сточки, муж ходил по мурницкой* (по каменному делу) (Воронья).
- Трудник.** Муж, хозяин. *Двадцать год прожила без трунника, и голонная спать не ложилась* (Б. Кольки). *Он трунник плохой, старый* (Воронья).
- Тысяка.** Тысяча. *Две тысяки* (Березье).
- Флюгарка.** Флюгер. *Эта флюгарка ветер показывает* (Калласте).
- Цыплятница.** Курица-наседка. *Это называем цыплятница, и сидят три недели, зачнут в яичках чивкать, а яны слухают яну, цыплатки маленькие* (Воронья, Березье).
- Черемнушки.** Красная сыпь на теле. *Черямушки — это осыпь такая красная* (Воронья).
- Чубарычки.** Тапочки. *Чубарычки эво такие, как у меня на ногах* (Калласте).
- Чумичка.** Половник, поварешка. *А поварёшка и чумичка называют* (Калласте).
- Шерень.** Мелкий плавучий лед на озере. *Шерень называют, шерень такая плавает, вот, говорят, лёд будет пропадать* (Воронья).
- Шляча.** Сырая погода с дождем и мокрым снегом, слякоть. *Такая шляча, такой мокрый снег лятит* (Б. Кольки).
- Ярный.** Крупный, плодовитый. *Лысохи ярные утки таки, самы чорные, а перяносицы белые* (Березье).
- Ярить.** Гореть, жечь (о теле). *Когда стрякавой-то (крапивой) напаришься, тогда всё тело и ярит* (Б. Кольки).

Во время экспедиции в 2007 г. мы вместе с К. Кару и О. Паликовой провели небольшой опрос информантов с целью определить знание

ими некоторых слов из этого списка и их значений. С одной стороны, опрос помог уточнить значения ряда слов (*вязель, карать, корчевина, мутосветить, пучина, ярить* и др.), с другой — обозначил проблемы, которые нужно учитывать при дальнейшем изучении диалектной лексики и составлении «Словаря говора староверов Эстонии». Во-первых, часть лексики могла перейти в разряд архаизмов или утратиться (например, *гуменный, мускорядный, тысяка, ярный*). Во-вторых, следует иметь в виду наличие фонетических и словообразовательных вариантов слова, сосуществующих в говоре одного или не одного населенного пункта. Например, *квохтуха* (Б. Кольки) и *квоктуха* в [Материалы для словаря 1963: 119], *папорсть* (Калласте) и *папортъ* в [Материал для словаря 1963: 207], *лесенка* (Березье) и *лествиночка* от *лествинка* в [Очерки 2004: 297], *корчевина* (Б. Кольки) и *корчак* в [Материалы для словаря 1963: 130], *повой* (Березье) и *повойник* (Калласте). В-третьих, в разных населенных пунктах для обозначения одних и тех же реалий могут использоваться разные слова. Так, участок земли с домом, огородом и хозяйственными постройками в Воронье называется *бадворок*, в Калласте — *грунт*; курица, которая сидит на яйцах, — *цыплятница* в Воронье и *детятница* в Березье. Уточнение территориального распространения лексики помогло бы ответить на вопрос о диалектных различиях между старообрядческими деревнями в прошлом.

Наконец, приведем поговорки и фразеологизмы, отраженные в материалах 1946 г.: *один час так и замуж вышедцы, только не попадешь в девичий след; ни вдова, ни мужа жена; характер не визнаешь друг друга, покуда мешок соли не съешь; ён пройди-земля; сшит ни ёлко глазам ни колко (о бывалом человеке); денежки переведутся, как водица в решете; такую лепёху в два дня не съестъ; без хозяйки дом сирота; эти подметки богом подбиты на век (о ходьбе босиком); с ким пьешь, с тым и спать идешь* (Б. Кольки, все приведенные примеры записаны от Е. С. Филимоновой); *бес, чухна и бык — три года вари, а всё пахнет; у богливой ('бодливой') коровы бог роги отнял* (Калласте); *змяля любит навоз, господа любят поднос* (Воронья); *горько не выпьют, сладко не съедят; у луна ноги коротки* (Березье).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнение языкового материала, записанного в старообрядческих поселениях Западного Причудья с временным интервалом около 60 лет, показывает прежде всего устойчивость ряда диалектных черт, являю-

щихся наиболее типичными для говора староверов. К ним относятся сильное яканье, твердый согласный [ч], грамматикализация цоканья в формах деепричастий с корнем *-шед-* (*пришед[ц]ы*), долгие согласные [нн] и [н'н'] на месте сочетаний [дн] и [д'н'], глагольные формы 3 лица ед. числа без конечного [т], конструкции с предикативными деепричастиями и несогласованными причастиями. Некоторые диалектные явления утратились или заметно сузили употребление (слова с протетическими гласными *а, и*, группа слов с лексикализацией *ѣ*, долгие согласные [мм] и [м'м'] на месте сочетаний [бм] и [б'м']), противительные союзы *инши... инши, невесть... невесть*). И наоборот, можно предполагать, что конструкция с посессивным перфектом получила развитие в прошедший период.

В настоящее время говор сохранился в г. Калласте в меньшей степени. В середине же 1940-х гг. он обладал комплексом диалектных черт, типичных для других населенных пунктов Западного Причудья.

Видимо, в прошлом говоры разных старообрядческих поселений имели диалектные черты, отличающие их друг от друга. Это бесспорно относится к распределению глагольных форм 3 лица с [т] и без [т], а также к некоторой части лексики. Вопрос о том, сохраняются ли эти отличия в настоящее время, требует специального изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- ДАРЯ 1986 — *Диалектологический атлас русского языка*. Центр Европейской части СССР. Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М.
- ДАРЯ 1989 — *Диалектологический атлас русского языка*. Центр Европейской части СССР. Под ред. С. В. Бромлей. Вып. II. Морфология. М.
- Кюльмоя И. П. 2004 — О влиянии эстонского языка на говоры Западного Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I*. Тарту. С. 155–159.
- Кюльмоя И. П. 2006 — О «русском перфекте» в говорах Западного Причудья. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц*. Тарту. С. 173–183.
- Морозова Н., Новиков Ю. 2007 — *Чудное Причудье: Фольклор староверов Эстонии*. Тарту.
- Морозова Н., Чекмонас В. 2007 — Говоры старообрядцев Литвы: особенности и проблемы происхождения. *Фольклор старообрядцев Литвы. Тексты и исследование. Том I. Сказки. Пословицы. Загадки*. С. 51–70.

- Мурникова Т. Ф. 1962 — Описание русского говора острова Пийрисаара. *Ученые записки Тартуского университета. Вып. 119. Труды по русской и славянской филологии. V.* Тарту. С. 345–363.
- Очерки 2004 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I.* Тарту. 318 с.
- Программа 1947 — *Программа собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка.* М. 220 с. [Электронный ресурс] http://iisaev.narod.ru/data/voprosnik_atlas.pdf.
- Ровнова О. Г. 2004 — О современном языке староверов Западного Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I.* Тарту. С. 144–154.
- Ровнова О. 2006 — Староверы Западного и Восточного Причудья: проблема конфессиональных и языковых связей. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц.* Тарту. С. 244–270.
- Ровнова О. Г., Кюльмоя И. П. — Говоры староверов в современной Эстонии *Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов.* М. (в печати)
- Рихтер Е. В. 1976 — *Русское население западного Причудья (Очерки истории, материальной и духовной культуры).* Таллин, 1976.
- Фольклор Новгородской области 2005 — *Фольклор Новгородской области: история и современность.* По материалам фольклорного архива Новгородского университета за 30 лет. Сост. О. С. Бердяева. М.
- Чекмонас В. Н. 1997 — Особенности реализации согласных /ц/ и /ч/ в говорах Псковской области. *Псковские говоры. История и диалектология русского языка.* Осло. С. 182–208.

СЛОВАРИ

- АОС 1993 — *Архангельский областной словарь.* Вып. 8. М.
- ЕСУМ 2004 — *Етимологічний словник української мови.* Т. 4. Київ.
- Материалы для словаря 1963 — В. Н. Немченко, А. И. Сеница, Т. Ф. Мурникова. *Материалы для словаря старожильческих говоров Прибалтики.* Рига.

III

СТАРОВЕРЫ
ПИШУТ И РАССКАЗЫВАЮТ:
МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Старообрядчество в Эстонии и жизнь староверов Тартуского уезда в 1940-1991 гг.

В. Л. Гришаков*

1940 году 12 действующих общин Эстонии насчитывали более 9 тысяч прихожан: 10 общин поморского и 2 общины федосеевского согласия. В границах современного Тартуского уезда действовало 7 молитвенных храмов с 5363 прихожанами. За годы первого периода независимости Эстонии приходы объединились в союз, имели свой Центральный совет и Духовную комиссию. У староверов были тесные связи со своими единоверцами в Латвии, Литве и Польше.

На престольные праздники съезжались родственники и друзья из других приходов. Действовали кружки, и в приходах велось обучение церковно-славянской грамоте.

Со вступлением советских войск на эстонскую землю в июне 1940 г., а несколько позже и с оккупацией жизнь изменилась. Была запрещена деятельность общественных организаций и предпринимательская деятельность. В июле 1940 г. началась национализация предприятий, магазинов, лавок и частично домов. Репрессии и массовая высылка эстоноземельцев 14 июня 1941 г. не обошли стороной и староверов.

Началась война, и одна оккупация сменилась другой со своими репрессиями. Больше всего пострадали староверы острова Пийриссаар. По приказу немецкого командования, силами «*Omakaitse*»¹ поздней осенью 1941 года в считанные часы основная часть русского населения была выселена с острова. С собой разрешалось взять только то, что

---

¹ *Omakaitse* — добровольческая военизированная организация в Эстонии в 1941–1944 гг.

можно было унести на себе и в руках. Часть людей была вывезена на пароходе в Печорский край, другие добирались до берега на лодках. Кого-то отправили на работу в Германию, кого-то приютили на эстонских хуторах, у родственников и знакомых. Обратное можно было вернуться только после войны.

Закончилась война, в огне которой сгорели молитвенные дома в Тарту, в деревнях Рая, Межа и Кикита, где погибли веками хранимые бесценные иконы и книги. Уменьшилось и число староверов: кто был в ссылке, кто остался на полях боев по обе стороны фронта, некоторые были расстреляны, утоплены в Чудском озере, бежали на Запад.

Потрепанная войной власть временно ослабила свою безбожную политику, хотя поддержки в восстановлении храмов от нее ждать не приходилось.

В 1947 году началась коллективизация. Лошадей надлежало сдать в создаваемые колхозы, а это был основной вид транспорта в сельской местности.

Более 90% населения деревень Колькья, Казепяэ, Варнья, Межа (Piiri) и Желачек (Saare) составляли староверы¹. Привыкшие к индивидуальному или артельному труду, староверы всячески уклонялись от вступления в колхозы. Жизненная необходимость вынуждала вступать в рыболовецкие колхозы.

Вместе с красноречивой пропагандой власти использовали всевозможные репрессивные меры, чтобы «загнать» людей в колхозы: хозяйства единоличников облагались налогами, составлялись списки подлежащих выселению кулаков, вводились ограничения на пользование землей. Так, у семьи единоличника могло быть в пользовании 0,15 га, а у колхозников-рыбаков — до 0,6 га земли. Если в середине 1950-х годов в каждом хозяйстве были корова, один-два поросенка, куры, изредка овцы и гуси, единицы держали козу, то к началу «перестройки» на каждую деревню приходилось 1–2 коровы, редко поросята и куры. В каждом доме жили одна-две кошки, редко собаки, которых в жилые помещения не пускали.

---

¹ Согласно обнаруженным спискам, община староверов-поморцев деревни Большие Кольки насчитывала к 1955 году 581 человек (в 1930 году — 505), а община деревни Казепяэ к 1960 году 144 семьи — 613 чел. (в 1930 г. — 807).

Для выпаса коров сообща нанимали пастухов, которым платили молоком и деньгами.

Основным доходом было огородничество. Подготовка к копке гряд начиналась осенью, сразу после уборки урожая. В качестве удобрения использовали только навоз. Копать гряды начинали сразу после «донника» (донник — посеянный на дно ледяной пласт, который всплывает весной, когда верхнего льда нет). Междугрядья («межугрядка») делались глубиной 50–60 см. Для копки огородов организовывали «толоку» — 2–3 пары. Задачей хозяев было накормить «толочан» 3 раза в день. Если хозяева не принимали участия в «толоке», то расплачивались и деньгами. Большую часть на грядах занимал лук, там же сеялась морковь («баркан»), по краям гряды — свекла, брюква («калика»), на торцах — картофель.

Основная часть картофеля закупалась на хуторах, где он выращивался на бороздах.

С появлением полиэтиленовой пленки стали выращивать больше огурцов — на продажу. Основными местами реализации овощей стали ленинградские рынки. Первым на продажу шел зеленый лук с головкой — «зеленок». Для его транспортировки из тонких жердей сколачивали специальные ящики-решетки. В 1950-х годах продавцы ехали вместе с товаром в кузовах грузовых машин-такси, заказывавшихся на автобазе № 4 города Тарту. Выезжали вечером, чтобы к утру быть уже на рынке. С середины 60-х годов через деревни начал ходить маршрутный автобус Тарту – Ленинград, и товар начали отправлять на грузотакси с сопровождающим, а остальные продавцы ехали автобусом. Реализовывали овощи также через заготконтору.

Сразу же после того, как Чудское озеро освобождалось ото льда, рыбаки сетями-«ризцами» ловили снеток. Оставшиеся после сдачи на рыбпункт колхоза снетки жарили на сковородке, с ними пекли пироги, сушили, чтобы потом варить суп-снетовицу. Была еще одна знаменитая рыба — ряпушка, которую жарили, коптили, солили и вялили. Ловили также окуня, щуку, леща, меньше — судака и сига. Плотва («плотка») интереса не вызвала.

В деревнях Колькья, Казепель, Воронья и на о. Пийриссаар были 7-летние, позднее 8-летние школы. Не все классы были укомплектованы, поэтому создавались комплексные классы. Здания школ были небольшими, и часть учеников ходили во вторую смену. Эстонский язык преподавали на самом низком уровне, и основная вина за это лежала на

отделах образования Тарту и Таллина, а не Москвы. На школьниках одновременно с учебной нагрузкой лежали и обязанности по домашнему хозяйству. Родители, как правило, не имели столько знаний, чтобы проверять домашние задания своих детей, но за оценками следили и наказывали, предупреждая: «Учиться не будешь — в пастухи пойдешь». Учителя пользовались уважением и родителей, и учеников. После окончания сельской школы только единицы продолжали учебу в средней школе, хотя по одаренности это могли бы делать многие. Причиной была недостаточная материальная обеспеченность семей и потеря рабочих рук.

Несмотря на изменившуюся советскую действительность, староверы в причудских деревнях еще в 1950-е годы продолжали жить по своим строгим законам: соблюдали посты, невест искали только своей веры, детей нарекали строго по святцам. Крестили обычно после 40 дней от рождения: тогда и мать могла прийти в моленную, до этого она считается «нечистой». Крестили в озерной, реже в колодезной воде без предварительного подогревания во все времена года. На покаяние все, в том числе и школьники, ходили ежегодно; в период Великого поста мужчины и женщины ходили в разные дни. Если в школе в это время учителя спрашивали об отсутствии ученика, одноклассники отвечали: «Пошел грехи сдавать». Учителя относились к этому сдержанно.

В каждом жилом помещении дома или квартиры старовера было не менее одной иконы или креста, нередко в красивых киотах. В большинстве домов имелись богослужебные книги. Мытье полов начиналось с «большого» угла, где стояли иконы.

В канун церковного праздника или в субботу к вечерне удар колокола прекращал все работы на огороде, дома делали только необходимое: готовили пищу, «обряжали» скот (ухаживали за скотом). Около икон зажигались лампы, хотя в моленную в обычные воскресенья и небольшие праздники приходили не более 10–15 % жителей.

С непокрытой головой на улице можно было встретить только детей. Существовал обычай: после получения повестки о призыве в армию рекруты прикрепляли к картузу или кепке красную ленточку с небольшим бантиком, и тогда все встречные с ним прощались и давали свои напутствия. Старших боялись и уважали. Из женщин шаровары носили только школьницы на уроках физкультуры.

В деревне Колькья живут две общины — поморцы и федосеевцы, или, как их в деревне называют, «рабские». Внешне они отличались

только тем, что приходили в гости со своей чашкой: обычай угощать гостя чаем существовал всегда.

В каждом доме старовера хранилась хорошая, чистая, но «мирская» посуда, которую ставили перед иноверными. Все ведра, кастрюли, тазы делились на «чистые» и «поганые».

Около большей части домов староверов — баня, где не только мылись по субботам или перед большими праздниками сначала мужчины, потом женщины, но и стирали белье, сушили лук, коптили мясо.

Несмотря на то, что в послевоенный период поощрялась продажа водки, а в части деревни Колькья, называемой Софией, даже был открыт шалман, злоупотребляющих алкоголем были единицы.

Представителей новообрядческой церкви называли «никониане», и очень осуждающе говорили, что они «щепоткой крестятся». О лютеранах-эстонцах отзывались и уважительно: «В свою кирху ходят», — и осуждающе: «В избу придет — шапку не снимет». Проживающих на противоположном берегу называли «русманами».

Почти до 1960 года по большим праздникам на правом клиросе во всех храмах были мужчины, а на левом — только женщины. В те годы мужчин, знающих церковную грамоту, было больше, чем стояло на клиросе, но действовало правило: не допускать на клирос брадобрицев, курящих, двоеженцев и тех, кто часто бывал во хмелю.

До середины 70-х годов во всех приходах были наставники, получившие от прихода жалованье, зарегистрированные у власти как «служители культа». Львиную долю своих доходов наставники отдавали в виде налогов в госфинотдел, но трудового стажа им не начисляли, а считали трутнями.

Хотя официально никакого объединяющего органа у старообрядческих приходов Эстонии не было, наставники встречались между собой и обсуждали канонические вопросы путем переписки. Жизнь ставила новые и новые вопросы о замищении, отношении к браку с иноверными, крещении детей от смешанных браков, миграции и смене духовного отца, допущении в клирос и т.д. Все это требовало одинаковой трактовки. Наставники Эстонии имели также связи с рижской Гребенщиковской общиной — неофициальным центром поморцев всего тогдашнего СССР. Некоторые старообрядческие деятели вели переписку с Василием Николаевичем Хвальковским из Москвы, а в 1980-е годы — с Олегом Ивановичем Розановым из Невской общины в Ленинграде. В целях конспирации все записи о посещениях исповеди и кре-

щениях велись наставниками в тетрадах или на отдельных листах, — в результате большая часть их на сегодняшний день не сохранилась.

Иноверные к ремонту храмов не допускались. Все работы и материал на ремонт производились силами и средствами общин. В крайних случаях обращались за помощью в другие приходы. Так, 19 мая 1955 года председатель Тартуской общины А. Л. Мурников и ее секретарь И. Ф. Капалинов разослали по всем приходам Эстонии просьбу о помощи в восстановлении храма. К сожалению, тогда не было получено разрешение на его полное восстановление, хотя был готов архитектурный проект и подготовлен строительный материал.

Если в 1920–1930-е годы в Эстонии было несколько выдающихся иконописцев, то в послевоенный период в Эстонии жил единственный иконописец Марк Григорьевич Солнцев († 1957 г.).

Арестованный вскоре после советской оккупации Эстонии в 1944 году тогдашний председатель Центрального совета Союза старообрядческих приходов Эстонии Л. Е. Гришаков был освобожден из застенков тюрьмы №3 НКВД 25 июля 1945 года, но ограничен в правах, поэтому вести дела старообрядчества Эстонии был уполномочен П. П. Баранин (см. приложение 1). Власти по-своему истолковали функции уполномоченного и соответственно использовали (см. приложение 2). После окончания Второй мировой войны правление Союза старообрядческих приходов, находившееся в Тарту, ул. Валликраави 24-2, выдало удостоверение Петру Петровичу Баранину, проживавшему в г. Таллине, ул. Соо 8–2, в том, что он «уполномочен выступать в правительственных учреждениях ЭССР с различного рода ходатайствами и заявлениями, а также закупать для Старообрядческой Церкви необходимые предметы».

12 июля 1949 года уполномоченный Союза представил уполномоченному Совету по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Эстонской ССР проект об управлении Старообрядческой Церкви в ЭССР, а 10 декабря 1949 года — дополнительные пояснения к нему. После этого 4 июня 1950 года председатели 11 приходов отправили запрос, а также просьбу «не прерывать функции уполномоченного до создания коллегиального органа». Но это обращение староверов осталось также без внимания властей, поскольку староверы воспринимались как сектанты.

11 марта 1955 года наставники Федор Ноев, Михаил Абаканов и член «двадцатки» Александр Мурников были приняты уполномочен-

ным по делам религиозных культов по вопросу созыва «законного, правомочного совещания старообрядческих общин поморской Христианской Церкви в ЭССР». Беседа была «обстоятельной и всесторонней». Было предложено разработать Устав органа управления с помощью юрисконсультанта, согласуя Устав с законами Союза ССР. Эта попытка также результатов не дала.

Наступила хрущевская «оттепель»: вернулись из ссылки оставшиеся в живых. Это дало смелость наставнику Казепельской общины Лаврентию Ефремовичу Гришакову созвать небольшой съезд под видом своего благословения. Прибыли наставники и другие представители из большинства приходов Эстонии.

Произошедшее стало известно властям. В этот период готовилась антирелигиозная кампания. 13 июня 1959 года в Москве было проведено Всесоюзное совещание по вопросам научного атеизма. Все газеты запестрели антирелигиозными статьями. «Атеистическую пропаганду вести наступательно» — так озаглавили свою статью в газете «Советская Эстония» ее корреспонденты Н. Швыров и М. Венделин.

А тут еще научные сотрудники ИРЛИ АН СССР в газете «Молодежь Эстонии» от 31. 12. 1958 года лестно отозвались о Л. Е. Гришакове, который помогал им во время научной экспедиции по Причудью. Во время экспедиции были обнаружены Минеи четырехвековой давности и вывезено более 30 рукописных книг XV–XVIII веков. Положительный отзыв ученых о Гришакове вызвал негативную реакцию властей. Много антирелигиозных и клеветнических статей печаталось в газетах «Советская Эстония» и «Edasi». Когда статьи должного результата не дали, то Л. Е. Гришакову было предъявлено обвинение в уклонении от уплаты налогов.

В этот же период шло наступление на частное сельское хозяйство. В результате начался массовый отток молодежи в город. Это привело к тому, что к середине 1970-х годов были закрыты школы в Казеляэ, Варнья и на о. Пийриссаар.

Миграция нарушила вековые устои староверов. С каждым годом стало увеличиваться количество смешанных браков, отчего прерывались традиции и утрачивались обычаи. Подсобные хозяйства староверов беднели, а количество продуктов питания в магазинах уменьшалось, зато увеличивалась продажа алкоголя.

За полвека было обучено церковной грамоте лишь несколько крылошан.

«Перестройка» принесла некоторое облегчение. Староверы начали свободно посещать храмы, ходить на исповедь, открыто крестить детей, составлять списки прихожан. Но прошлое дало о себе знать: во второй половине 1980-х годов в половине приходов Эстонии не было наставников, основной частью прихожан и клирошан стали женщины.

24 июля 1988 года оргкомитет в составе Л. Е. Гришакова, М. И. Баранина, Т. Ф. Мурниковой, В. Д. Сельгитского и М. Канюшина организовал торжественное празднование 1000-летия Крещения Руси в храме Муствез. В праздновании приняли участие представители всех старообрядческих приходов Эстонии, а также наставник Рижской Гребенщицкой общины Г. М. Подгурский.

К 1991 году, то есть времени восстановления независимости Эстонии, число старообрядцев, посещающих молитвенные дома, не превышало 1 тысячи человек. В большинстве храмов не проводили уже полного круга богослужений, а сами храмы потеряли свой боголепный вид, их активные деятели ушли в мир иной или находились в преклонном возрасте.

Приложение 1.

VANAUSULISTE USUÜHINGUTE LIIDU EESTIS JUHATUS

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ОБЩИН ЭСТОНИИ

„ „ ..... 194... а.

TARTUS, Vallikraavi tän. 24-2

VOLITUS

ENSV Vanausuliste Usüühingute Liidu Juhatus volitab kod. Peter Petri pg. Baranin, elukoht Tallin Soo t. 8-2 toimetama kõik Vanausuliste Usüühingute Liidu poolt ette tulevaid tehinguid, vajaduse korral astuda kontakti ENSV riiklikkude asutuste ja ettevõtete, ning lahendama V.U. Liidu huvides olevaid küsimusi ja neid seadusepäraselt kaitsma.

ENSV Vanausuliste Usüühingute Liidu Juhatus e s i m e e s

(L. Grischakov)

Sekretäri k. t.

(S. Kusnetsov)

Приложение 2.

3 мая 1946 г.

№ 37

Наставнику Казепельской Стар. Общины

9 мая предстоит Всесоюзное празднование «Дня Победы». Предлагаю всем общинам отметить этот день следующими богослужениями.

3 мая вечером отслужить панихиду по павшим в боях и без вести пропавшим воинам.

9 мая — в 12 часов дня благодарственный молебен Кресту Животворящему за дарованную победу над врагом.

Желательно было бы, чтобы перед началом панихиды и молебна было сказано соответствующее слово.

Уполномоченный Союза Стар. Общин ЭССР
П. Баранин

3 ноября 1948 г.

№ 73

Наставнику Казепельской Старообр. Общины

7 и 8 ноября предстоят государственные праздники годовщины «Октябрьской Революции». Все граждане и организации Советского Союза должны принять участие в этих праздниках и как-то их отметить.

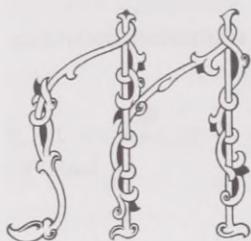
Вам, как духовному руководителю общины, предлагаю 7-го ноября, в 9 час. утра отслужить молебен в молитвенном доме Животворящему Кресту Господню о благополучии и благоденствии Родины и ея Правительства.

Желательно, чтобы перед началом Богослужения было сказано несколько слов о значении праздника.

Уполномоченный Союза Старообрядч.
Общин Эстонии П. Баранин

Нужна ли нам «книжная справа» старообрядческих сборников?

П. Г. Варүнин

Можно предположить, что уже в ближайшем будущем на одной из конференций, посвященной старообрядчеству, прозвучит выступление об истории проведения старообрядческих конференций, в котором будет представлена их подробная хронология, состав участников и анализ докладов. За последнее десятилетие некогда узко научные семинары по проблемам истории и культуры староверия переросли в традиционные конференции с участием не только ученых, но и самих старообрядцев. География этих мероприятий затронула все места компактного проживания данной этноконфессиональной группы, а само старообрядческое сообщество часто выступает либо организатором, либо соучредителем таких встреч. В программах конференций, тематике докладов и содержании издаваемых впоследствии сборников уже сложились определенные традиции. Безусловно, формы проведения конференций во многом заимствованы из научной среды.

Ни для кого не секрет, что все чаще на старообрядческих конференциях звучат доклады самих староверов, посвященные отдельным аспектам истории и этнографии, археографии и иконописания. Не буду судить об их профессиональном уровне и ценности, а также их значимости для старообрядчества и науки. Естественно, само по себе это обстоятельство не может не радовать, так как, на мой взгляд, оно является лишним подтверждением того, что в старообрядческой среде немало интеллигенции, отличающейся широким кругом интересов и знаний. К тому же это еще и позитивный пример сотрудничества староверов с

представителями научных кругов. Разумеется, доклады староверов посвящены не только вышеназванной тематике, но и современному положению дел как в отдельных общинах, так и регионах в целом. Как правило, в выступлениях поднимаются проблемы духовной жизни и общественной деятельности старообрядческих сообществ на текущий момент.

При хорошем стечении обстоятельств, не без настойчивого давления со стороны представителей науки, по материалам конференции издается очередной сборник. За счет «экзотичности» темы и малого тиража данные издания довольно быстро становятся библиографической редкостью и весьма востребованы научными работниками и всеми интересующимися историей и культурой старообрядчества. Но сейчас хотелось бы не останавливаться на судьбе этих книг в научном мире, а рассмотреть их значение для староверов.

Попадая в старообрядческую среду, эти издания, как правило, пользуются большим уважением из-за авторитетности научной части и традиционного почтения книжности. Эти издания приобретают в глазах староверов дополнительную ценность, если публикуемые материалы связаны с их родными местами и известными им личностями. Вместе с тем возникает ряд вопросов, особенно в тех случаях, когда организаторами конференций и последующих изданий выступают с а м и с т а р о о б р я д ц ы.

Обратившись к оглавлению любого издания, подготовленного староверами, можно увидеть стандартную структуру «типового» научного сборника, когда вначале помещается либо вступительная статья организаторов, либо приветственная речь какой-либо важной персоны. Конечно, возможны и другие варианты: от введения, написанного большим «авторитетом», до излюбленного — «от редактора». Опубликованные доклады также следуют сложившимся «канонам» и правилам. Все это в большинстве случаев «разбавлено» вкладышами с фотографиями предметов материальной культуры староверов, их портретами или снимками участников мероприятия. Для придания староверского «колорита» название сборника печатается стилизованным под устав или вязь шрифтом.

Но в какой мере данный сборник можно считать староверским и выполняет ли он те задачи, которые мог бы выполнить? Отдаю себе отчет в том, что критика без какого-либо собственного предложения, тем более в таком щекотливом вопросе, как изменение сложившихся и «кано-

ничных» правил, выглядит по меньшей мере несерьезной. Поднимая же вопрос о необходимости «книжной справки» сборников материалов староверских конференций, маловероятно рассчитывать на всеобщую поддержку. И все же, на мой взгляд, сложившееся положение требует некоторых изменений, но еще раз повторяю, что это касается прежде всего материалов, издаваемых староверскими обществами.

Переходя к сути своего предложения, начну с обзора участников конференции «от старообрядцев». В основном на такие мероприятия приглашаются наиболее авторитетные и инициативные лидеры общин, представители старообрядческой интеллигенции, а также люди, имеющие определенный вес и влияние в конфессии. Что же доносит до собравшихся на форуме, а затем до читателей эта своего рода старообрядческая «элита»? Фактически получается так, что по своей тематике и направленности доклады староверов ничем не отличаются от докладов ученых, но из-за разницы в «весовой категории» выступления староверов часто существенно проигрывают. Бесспорно, многие работы по краеведению, современному положению старообрядчества, истории отдельных общин необходимы и интересны; возможно, что на некоторые вопросы профессионалы даже не стали бы тратить время или не заостряли бы на них внимания. Намного досаднее тот факт, что чей-то доклад ограничивается рамками регламента конференции и изданием только в сборнике статей, хотя качество и актуальность представленного в нем материала свидетельствуют о том, что эта работа достойна отдельного издания. Похожая ситуация складывается и с докладами духовных лиц, когда выступление либо связано с сетованиями на падение нравов и снижение числа прихожан, либо замыкается на констатации догматических основ вероучения. В результате иногда получается так, что в книгу попадает статья, которая более уместна для ежегодного церковного календаря или периодического старообрядческого издания.

Еще одна черта, характерная для такого рода сборников, — это их «всеядность». Тематический и географический диапазон зачастую настолько широк, что в сборнике могут оказаться и результаты экспедиции археографов в Верхокамье, и анализ особенностей лексики староверов Латгалии. Понятно, что подобные публикации расширяют кругозор староверов, но насколько такое издание будет интересно общине староверов где-нибудь на Украине или в Эстонии и востребовано ею?

Очевидно, что сборник, составленный по правилам научного мира, вряд может служить образцом для составления старообрядческих сборников. Как мне кажется, в данном случае разумнее делать издания, связанные или общей проблемой, или одним регионом. Возвращаясь к тематике докладов староверов, следует отметить практически полное отсутствие статей полемического характера, определяющих направление развития общины, предостерегающих от ошибочных увлечений, распространяемых в обществе, и о действиях, несущих вред староверию. Иначе говоря, старообрядческая «элита» в своих докладах не задает вектор развития сообщества и не регулирует его идеологию ни в религиозном, ни в социальном плане. По сути, сборник материалов очередной конференции служит в основном интересам научного мира. Думается, если частично изменить тематику докладов староверов и побудить их авторов включать в выступления вышеназванные проблемы, издание вызовет намного больший интерес у тех же ученых и одновременно станет выполнять более существенные задачи в среде староверов. Сложившаяся на сегодняшний день ситуация не идет на пользу старообрядчеству и требует изменений. На мой взгляд, предпочтительнее издание сборника, в который, наряду с докладами ученых, с учетом региона или освещения заданной проблемы, будут включены статьи, обсуждающие насущные и определяющие развитие староверов вопросы. Думаю, что такое предложение не несет никаких революционных изменений и не будет во вред старообрядчеству. В качестве примера достаточно обратиться к староверским сборникам прошлого, которые составлялись, переписывались и имели большую популярность в старообрядческой среде.

Не менее важным мне представляется и характер оформления этих изданий. За редким исключением в оформлении книг используется традиция и стиль староверской книжности, а вводимые инновации ограничиваются простым набором шаблонных приемов. К большому сожалению, в иллюстративном ряду никак не представлены работы современных старообрядческих иконописцев и рисовальщиков. Не призывая к возвращению иллюминирования книг миниатюрами, все же не вижу ничего положительного в низведении оформления книги до банального набора документальных фотографий. Здесь так же, как и в случае с содержанием, хорошим примером могут служить образцы книжности прошлого. Пересмотр нынешнего отношения к оформлению современной старообрядческой книги будет только способствовать развитию

самобытной традиции староверской книжности и даст возможность читателю познакомиться с современными образцами творчества и его исполнителями.

Считаю, что предложенная мной «книжная справа» современных старообрядческих сборников является своевременной, полезной и крайне необходимой.

Староверы Белоруссии (путевые заметки)

С. Б. Евстратова

В августе 2007 года мне посчастливилось в составе руководимой проф. Яниной Курсите экспедиции Латвийского университета побывать в белорусском Полесье с целью изучения духовной и материальной культуры жителей этого края.¹ Основную часть пути я проехала с коллегами из Латвии, но, поскольку предполагаемые встречи с живущими в Белоруссии староверами были запланированы только мною, в Калинковичах пересела на рейсовый автобус и дальше двигалась самостоятельно. Не уставала удивляться гостеприимству и доброжелательности белорусов, хотя была много слышана об этом. Впечатления от этой двухдневной поездки стали незабываемыми, и мне хотелось бы поделиться ими со всеми, кого интересуют культура и язык староверов.

Прежде всего мой путь лежал в Ветку, а затем в Гомель. По обочинам дороги расстились полесские болота, мелькали плакаты с забытыми надписями «Здоровье людей — наша забота» или «Береги родную природу», мои попутчики с удовольствием вступали в беседу. На вопрос о том, далеко ли находится поселок Ветка, одна из женщин ответила: «Близко. Только это не поселок, а город. Вы наших поселков не видели».²

Для староверов название города Ветка говорит о многом. Ветка образовалась в конце семнадцатого века пришедшими из Московии старообрядцами. Бежали сюда из России люди, которые пытались сохранить не только свою физическую, но прежде всего духовную жизнь.

¹ Поездка состоялась благодаря поддержке проекта „Eesti ülikoolide akadeemilise personali enesetäiendussüsteemi loomine” и софинансированию из гранта кафедры русского языка Тартуского университета („Vanausulised Eestis: identiteet ja rahvuslik mälu kakskeelses keskkonnas”, projekti juht prof. I. Külmoja).

² В Ветке в настоящее время проживает девять тысяч человек.

Здесь были и поповцы, и беспоповцы. Несли сюда прежде всего книги и иконы. В этом удаленном от центральных губерний, труднодоступном уголке земли люди имели возможность жить так, как жили их предки, свято чтя старообрядческие традиции. Долгое время, вплоть до начала XX века, Ветка обладала особой притягательной силой, имела особое значение для староверов.

После Чернобыльской аварии район практически не существует, многие были переселены. В самой Ветке живут сейчас трое староверов, но они уже своей веры не очень придерживаются. К сожалению, ни с одним из них лично мне встретиться не удалось. Удручающее впечатление производит и кладбище, где на протяжении столетий хоронили старообрядцев, — запущенное, с разваленными надгробьями: ухаживать за ним некому, только иногда посылают заключенных приводить в порядок эти захоронения. Зато о музее старообрядчества знают все и с удовольствием показывают дорогу к нему. Музей поражает богатством своей экспозиции и находится в прекрасном состоянии, во многом благодаря усилиям его сотрудников и, в частности, директора Светланы Ивановны Леонтьевой. Здесь хранятся украшенные разными типами орнамента рукописные книги, которые написаны местными мастерами-староверами; бисерные шитые и жемчужные оклады, многочастные иконы, богатая коллекция одежды. Ветка поражает необычайным разнообразием и колоритом растительного орнамента, излюбленный мотив здешних художников — райский сад. Люди жили в этих местах, как в райском саду, они получили свободу жить так, как жили их предки, и это давало мотивы для творчества, потому что вольную жизнь, любовь к Богу и добро нужно было демонстрировать. И само появление Ветки описывается как чудо.

После посещения Ветки автобусом добралась до Гомеля, где попала на службу в Ильинскую белокриничную церковь. Было это на Яблочный Спас, и ощущение праздника было во всем: нарядно одетые женщины в белых платках и с подносами, на которых лежали самые разные плоды: яблоки, груши, виноград и даже бананы; степенные мужчины и притихшие дети. Разговор поддерживали охотно, но записывать свою речь на диктофон отказывались категорически, несмотря на мои, как мне казалось, убедительные доводы о том, что в записи не будут упоминаться чьи-либо фамилии и они не будут опубликованы в газетах (к газетам у моих собеседников отношение очень настороженное). Что касается диктофона, то, по наблюдениям С. Е. Никитиной, старообряд-

цы, молокане и духоборцы относятся к записывающим устройствам опасно, поскольку голос воспринимается в их культурной модели как ипостась человеческой души и средство общения с Богом; отторжение голоса от человека и передача его машине считается делом опасным и дьявольским. В описываемой ситуации мои респонденты вели себя в соответствии с этим правилом, хотя так бывает далеко не всегда. Я воспроизведу лишь то, что мне позволено было записать.

Из диалога с женщиной шестидесяти девяти лет, назвавшейся Натальей; по причине болезни ног она не могла стоять, и мы беседовали, сидя в укромном уголке моленной.

— Давно ли вы живете в этих краях?

— Староверы — они всегда здесь были, и деды мои, и прадеды. Все мы этой веры, хотя по мне так и в православную церковь идти можно. Бог один, но не все так думают. Это как в правительстве сейчас, один перед другим выдвигаются. Румянцев, Паскевичи — те много для этой земли сделали: школы строили, больницы. И за что князей уничтожили?

Мы и во время войны здесь были. Война — это ужасно. Немцы зверства творили, но и наши обиженные им прислуживали. Вот моего отца расстреляли за что? Откуда знали, что он коммунист? Это свои же сказали. Партизаны дороги взрывали, а рядом деревни стояли. Каратели их уничтожали. Кто поумнее партизаны, те дальше в лес уходили, там диверсии устраивали. Про Зою слышали? Это крестьяне ее сдали, потому что она их дома поджигала.

Мама не знаю, как и спаслась. Трое детей и муж погибли, а она со мной в гестапо сидела. Каждые полчаса кого-то расстреливали, пули над головой свистели. А потом полицейский сказал: «Беги!» — она и побежала. Его потом на проволоке повесили — оказалось, связной у партизан. Мы с мамой потом в России некоторое время жили. Русские тоже разные бывали. Кто-то помогал нам, по-доброму относились, а кто-то наоборот. Одна хозяйка, у которой мама на прополке работала, дала маме ботву и сказала: «На, жри!». Люди — они разные бывают. Да, только бы не было войны...

К нам подошел старик с длинной бородой и спросил у меня:

— У тебя яблочка немає? На, возьми.

— Спасибо!

— Спасибо нельзя говорить. Бо — это бог язычников. Говори: «Спаси, Христос». Как имя твое святое?

— Светлана.

— *Со многолетием тебя, Светлана, и во славу Божию. Будь в законе Божиим, не хулиганничай. Пребывайте вовеки в законе Божиим. Аллилуйя.*

Довольный тем, что наставил нас на путь истинный, он отходит, а мы продолжаем разговор.

— *Скажите, Наталья, а как по-Вашему, что такое душа?*

— *Душа — это какое-то сознание внутри. Трудно сказать. Это как любовь, или ненависть. Нельзя объяснить.*

— *А как называются эти два треугольничка?*

— *Лестовка. Лестовка — это считать молитвы, а четыре уголка — это четыре апостола.*

Сестра Наталья, подойдя и поздравив нас с праздником, помогает женщине подняться и уводит ее, а я выхожу за ворота храма. Служба закончилась, и народ расходится по домам. Около выхода стоят достаточно молодые мужчины, явно не страдающие отсутствием здоровья, и просят милостыню. У многих из них в руках уже целые пачки денег. Одна из идущих рядом со мной старушек в сердцах говорит:

— *Работать надо! Стоят балбесы, у старух просят.*

На что ее спутница отвечает:

— *Лучше давать, девочки, чем брать...*

Совсем недалеко от Ильинской белокрыничной церкви находится древлеправославный Спасо-Преображенский храм. Войдя вовнутрь, я обратила внимание на женщину с необыкновенно одухотворенным лицом и подошла к ней. Она охотно рассказала мне о церкви.

— *Любовь Яковлевна Ткачева мое имя. Эту церковь я сама основала, сама открывала. Здесь было просто Институт леса. Я ходила по всем властям и выбивала, чтобы мне вот это вот дали здание. Это было очень трудно, очень сложно, и слёз пролила, и всего, и много работы проделала, ну просто разломанное, разваленное здание мне дали. Потом я ходила по предприятиям на деревообрабатывающий комбинат, у нас такой есть. Он мне и дерева дал, и всего. Двенадцать кубометров вагонки он мне дал, которой обшито унутри, и дал десять кубометров половой доски, и брусков восемь кубометров, это лаги на полу и вот это всё, что я сделала. После этого мы уже ходили на завод в Зелин: дали мне блоки, дали мне кирпич, дали мне всё. Это всё давали безвозмездно.*

— *То есть Ваше звание какое?*

— *Никакое, просто я прихожанка. Мне священник спрашивал, что вот это вот здание можно сделать церковью, а он, священник сам из*

Новозыбкова, старший у нас, патриарх. И вот я взялась за это дело, и я ходила пятнадцать лет. И когда я пришла в исполком и стала просить это здание, мне значит ответили так: «Не молилась ты, матушка, семьдесят лет — не помолишься ещё тридцать». Я так вроде как оскорбилась. Матушкой меня назвал. Взялась за это дело — и всё. И думала: заплакать — не заплакать. Там сидит вся эта мэрия, и весь областной центр, это ж все были. И мне дали слово. «Знаете что, на то, что вы мне сказали “матушка”, то я вас благодарю; я ещё не была матушкой. А то, что я не молилась семьдесят лет, вы ошибаетесь. Я молилась, но дома. А сейчас газеточка вот у меня такая была, и в газете написано: “Вернуть храм верующим с прилегающими к ним территориями”. Вот этой вот землёй». И было это двадцать лет тому назад, вот когда это было.

Представляете? Это вот было всё завалено. Как я ходила убирала мусор, просила службу, которая мусор возит. Где могла, стеклила. Мужа мово брала и стеклила. Я одна. Плакать хочется.

А другие не помогали, потому что не было никого. Мне, во-первых, сказали, что надо собрать двадцать человек. Я пошла по области, нашла не двадцать, а семьдесят. И сделала таким образом приход. А если прихода нет, то мне церковь эту не отдадут. Из этих людей написала списочек, сходила в исполком записала приход, и мне дали это здание. Ой, сколько я ходила... А вначале мне сказали: «На что тебе эта церковь? У нас есть Ильинская, вот туда и ходим и там будем молиться. Ну зачем тебе это?». Но мне вот почему-то хотелось. Не знаю, как объяснить, но вот такой был у меня порыв. Вот эти дорожки, вот это всё сделано этими руками.

Живем мы здесь с давних пор. Мои родные, они очень богатые были, и их расстреляли. Рассылали всех-всех, кого куда. Они в Ерёмине, у них там имение было, очень большое. Их раскулачили и сослали. А уже мама моя вышла замуж за простого мужчину, такого как колхозника, такого никчемного, и её не сослали. Семья, создали они такую семью, и вот я осталась тут жить.

Ерёмине — это большое имение, да. Когда Вы выезжаете за Гомелем, там такой сад на две стороны. Это мамин сад. И когда мы пошли просить, чтоб нам дали хоть кусок, участочек этой земли, потому что мы ж предки, мы ж наследники, они сказали: «Мы внукам не даём, даём только невесткам. Невестки если б были или зятья, мы им бы дали, а таким мы не даём». А сейчас разделили и совсем чужим отдали. Нам не дали,

а им отдали. Вот и всё. Там мой дедушка похоронен, там могилу разрыли, раскопали. Они ж были богатые. И всё это достали оттуда. И с крестами он был похоронен, всё как положено. Но когда раскулачивали, он разрыв сердца сразу получил. Он так прямо и умер. А уже бабушка, она осталась жива, и её сослали далеко, в Сибирь. Тринадцать детей и всё. Но детей отдельно, а её отдельно. А ей только дали девочку, которой было полтора годика, а девочку, три годика, отправили на лесосплавный Енисей с девятилетним мальчиком. Это плакать надо, вот это всё рассказать. Вот такое я вам рассказала. А вот эту церковь, это я сделала.

Как я это делала... Я вот это поставила у дверей, была такая колонка. Идут люди мимо, колонки платьями цепляются. Думаю: надо ж сделать. Нашла людей. Люди, слава Богу, отзывались хорошо. Мне вот это строить здание, а там строители. Я их позову, они мне делают. Плачу там. Надо ж где-то руки мыть, а слива нету, попросила опять хлопцев, чтобы сделали. Делали, делали — сделали вот эту яму, лунку. Опять заплати. Нет, вам это рассказывать, это плакать надо, как это всё делается. Как вы на меня навалились, не знаю.

Вот столько лет, а вначале я ездила молиться в Новозыбково, там наша церковь. Не австрийская, а беглопоповская называется. А нам не разрешали туда, надо только в свою. Вот я свою и сделала. А люди говорят, зачем тебе эта церква, у нас есть куда ходить. Но я вот сделала. Та старинная, Ильинская, а потом уже образовалась эта.

О душе всегда нужно помнить. Ну, вы знаете, я говорю, душа — это что, душа? Ну то, что у тебя внутри. Не это, что платье красивое надето. Надето, болтается, — нет. Что в тебе внутри — вот чем... Про себя я могу сказать, ну например, стоит мальчик, и он хочет купить мороженое. Я его очень жалею, даже плачу. Дала б деньги, купила. Но как меня поймут, если вижу бабушку-старушку, стоит, ей не хватает денег купить что-то. Натё — натё, неправда, есть деньги, есть. Душа — это именно чем ты там внутри дышишь, а не то, что там платье надела красивое — и ты уже красивая. Нет, это не то. Что у тебя внутри, что внутри у тебя. Хорошее заложено что там — вот это душа. А это всё прах.

...Войну я была маленькая, мне было восемь лет. Я помню, всю-всю помню войну. Я войну не могу сказать, что она мне просто досталась.

У Белоруссии тех, что своих грабили и сдавали, этого не было. Это Украина была такая. А в Белоруссии было очень патриотический народ. Он любил свою родину и за родину отдавал всё. Даже очень много людей

погибло на войне, и которые здесь остались, они были самоотверженные люди, они не щадили ничего, они жизни своей не жалели, нет. А белорусы добряки, что вы не представляете. Это добрейшие люди... Это вот простой — простой народ, такой добрейший. А русские — это наши родные братья. Русские — это наши братья. Не, русский — то же самое, что белорус. У нас, например, в доме перемешались русские и белорусы. Я, например, белоруска, а по-белорусски не могу говорить. Я говорю только по-русски. А белорусский язык я не люблю. Но я белоруска. От русских я научилась, и я говорю, как они. Они не замечают, что они живут в Белоруссии, но они — всем нравится Белоруссия, всем. Вот к нам приехало много людей с России, много. Стараются прописаться, купить домик какой, зацепиться. Русский народ, русские люди — это братья наши, наши родные. Мы их никогда не разделяли.

— Любовь Яковлевна, скажите, пожалуйста, а Чернобыль?

— Сами видите, как сейчас много больных людей у нас. Очень много. Но и приезжих много. Дело в том, что там Чернобыль у нас получается как образец. Чернобыль в этом центре, эпицентре, но они здоровее нас. Оно пошло всё вокруг, а в центре осталось. На всех поделили, и всё в порядке. Живём. Сколько лет уж Чернобыль, а живём же.

— А что Вы о правительстве нынешнем думаете?

— На свою правителя мы молимся Богу, чтобы он, сколько он может, чтоб работал. Мы все молим Богу, чтоб его оставили. Вот когда я храм открывала этот, ну вот тут я всё делала, на престол была заложена капсула. И там написано было, чтоб надолго остался этот царь. Чтобы способствовал всему хорошему.

Так как же живут русские староверы в Белоруссии? К сожалению, поездка в Полесье была слишком кратковременной для того, чтобы я могла дать полный ответ на этот вопрос. Первое впечатление — живут трудно, но свято чтят свою веру и соблюдают традиции, а главное — хранят в душе тепло и доброту. К этим людям хочется возвращаться снова и снова.

«В храме и в обществе я служу»:
автобиография
Амбросия Ивановича Сидорова

Публикация и комментарии А. В. Штейнгольд

Нстоящая автобиография интересна по своему содержанию, языку и графическому оформлению. Она написана одним из старейших жителей Западного Причудья, старовером Амбросием Ивановичем Сидоровым (род. 1911 г.). Много лет А. И. Сидоров был наставником старообрядческой общины в Казепяэ.

Встреча исследователей Е. А. Агеевой и А. Штейнгольд с А. И. Сидоровым состоялась 15 апреля 2003 г. Тогда же была сделана двухчасовая диктофонная запись беседы с Амбросием Ивановичем и был получен от него этот документ. Текст написан от руки в 2001 г., незначительно дополнен в 2002 г.

Автобиография представляет интерес не только для специалистов в области русской диалектологии и истории старообрядчества¹. Прежде всего, этот текст интересен как документ, отражающий личность человека на фоне истории. Перед читателем предстает человек, прошедший непростой жизненный путь и при этом сохранивший верность традициям древлеправославной церкви. Служение Богу и людям понимается им как смысл и основа жизни, вот почему автобиография завершается словами: «В храме и в обществе я служу».

Ниже приводится фотокопия оригинала автобиографии и публикуется ее незначительно отредактированный текст. Для облегчения чтения разбивка на предложения несколько изменена, но при этом сохранено его лексическое и грамматическое своеобразие. Публикатор счел необходимым привести орфографию и пунктуацию документа в соответствие с современными нормами.

¹ Автор публикации не ручается за историческую точность событий и фактов, отраженных в автобиографии.

АВТОБИОГРАФИЯ А. И. СИДОРОВА

Я, Сидоров Амбросий Иванович, родивши в 1911 г. 12 декабря по нов. ст. День моего ангела — 7 дек. по ст. ст. Родивши я на Причудье, на берегу Чудского озера, в Причудской волости Юрьевского уезда — ныне Тартуского уезда — в деревне Казепели у отца Иоанна Мокеича Сидорова в многодетной семье.

Было нас 6 братьев и 2 сестры. Отец и мать верующие были, соблюдали закон Божий и соблюдали посты и праздники. Мамаша моя была грамотная, меня выучила азбуку, часовник и псалтырь до школьного возраста — до 9-и лет, а там пошёл зимой в начальную школу, 4-хклассную. Зимой учился, а летом уходил в поля к крестьяном с 9-и лет. 6 лет я отходил в поля и 2 лета отъездил с дядей Леонтием Мокеичем Сидоровым на будары¹ — на паруснике. Возили дрова в Тарту и продавали для топлива города.

Послив начальной школы 4-х кл. меня отдали в школу к учителю Алексею Мефодьичу Лашкову доучиваться дальше и повторять, что старое было забыто.

Лашков Алексей Мефодьич был в нашем храме головщиком, сумел всё — и солевое пение². Нас всех учеников сразу ввёл в клирос и давал нам по очереди читать, и в утреню давал нам запевать кафизму³ вторую и прочее — кто что сумел уже. А потом Алексея от нас увезли на остров Пийриссаар наставником. Там он на старости и умер.

Я в клирос ходил до начальной службы, а послив службы пришлось крепко поработать. Летом с отцом уезжали на строительство, а зимой — на рыбном промысле на озере, но храм Божий не забывали.

В 1932-м году я женился. Взял девицу в жёны — певицу <из храма> [зачеркнуто], внучку, <Вассу Т.> [приписано сверху], Феодора Петровича Савосткина, грамотную. Умела всё запеть — и солевое пение прекрасно.

¹ *Будара* — большая лодка для перевозки дров.

² *Солевое пение* — в старообрядческой традиции: пение по крюкам или знаменам.

³ *Кафизма* — одна из двадцати частей, на которые разделена Псалтырь для чтения по восточнохристианскому обряду.

Жена моя, Васса Тимофеевна, всю жизнь ходила в храм Божий в клирос с молодых лет и не дожила одну неделю своих 60 лет. Умерла 27 августа по нов. стилю 1978 г.

Я остался один. Дети все по своим местам, а я жил — храм посещал. После смерти жены попросили опять меня в клирос помогать. Я в храм ходил, помогал. Были наставники в то время: 1-й — Савин Кириллович Шлендухов, потом Сахаров и Феоктист Афанасьевич Цветков, и Толстов Пимен Иванович. Эти все умерли.

После смерти Пимена меня попросили служить за наставника в нашем храме. С 18-го ноября 1989-го года и по сей день служу в храме Господу Богу и обществу по силе возможности. Выполняю всё необходимое.

И вот пошёл 2001-й год <и 2002> [приписано]. В храме и в обществе я служу¹.

---

¹ Весь документ написан синей ручкой, последние два слова — «Я служу» — красным цветом.

Я Сидоров Амбросий Иванович
Родивши в 1911-2-12- декабря по Нев-Ст-
День Моего Ангела- 7-декабря, ст, ст,
Родивши я на Пригуде на берегу
чудского озера- В пригудской
Волоости- торвевского уезда
ныне- Таратуского уезда-
В деревне Казанели- у отца
Иоанна Макаева Сидорова
в многодетной семье-
было нас- 6- братьев и 2 сестры
Отец и мать верующие были
Воблюдали закон Божий и
соблюдали посты и Праздники
Мамаша моя была грамотная
меня выучила- азбуку- таблицы
и псалтырь- до школьного
возраста- до 9-и лет- а там
пошла зимой- в начальную школу
4-х классовую, зимой учил ся
а летом уходил в поля
К крестьяном с 9-и лет.

6- лет я от ходил в поля и
2- летта от ездил- с дядей
Леонтием мокеичем Сидоровым
на будары- на паруснике
Возили дрова в тарту и продавал
для топлива городе-
Тоели в начальной школе 4, х кл.
меня отдали в школу- купителю
Алексию Мирозичу Лашкову
до учителя дальше- и по вторять
это старое было забыто.
Лашков Алексей Мирозич
был в нашем Храме Тосовицком
Сумел всеи солевое пение
Нас всех учеников- сразу в вой
в клирое, и давал нам по
очереди читать- и в утреню
давал нам запевать кафизму
в тарту и прочее- кто что
сумел уже- а потом- етлекия
от нас увезли на остров Пирнея,
наставником- там он на
старости и умер,

Я в клирос ходил до начальной
службы - а после службы
пришлось крепко поработать.
Летом с Отцом уезжали
на строительство ст. во, а зимой
на рыбном промысле на озере
на храм божий извозывали.
в 1939-м году - Я женился
взяв девицу в жонку - невицу -
~~из храма~~. Внучку ^{внучку} ^{внучку} ^{внучку}
Петровича Вовосткина
Трамонтную у меня везиенть
и солевое пенние прекрасно
Нюска моя Васса Тимофеевна
Всю жизнь ходила в храм божий
в клирос с молодых лет -
и не дожидая одну неделю
своих 60-лет - умерла
27 августа по нов-стиию 1978 г.
Я остался один - дети все
поехали млетам - а Я жил
Храм посещал - после смерти
жены, попросили отять меня
в клирос помогать.

Я в храм ходил помогая -
были на етавники - в 1949 г.
1-й Вавин Кириллович Шлендухов,
потом - Сахаров - и Феофанцев
Афонасьевич - Цветков - и
Аполетов Фимян - Иванович
эти все умерли - после
смерти Фимяна - Меня по
просили служить за етавника
в нашем храме - с 18-го ноября
1989-го года - иносей день
служу в храме - Господу -
Богу - и обществу по
силе возможности
Выполняю всё необходимое;
(и вот нашол - 2001-й год - 2002)
В храме и в обществе,
Я служу -

«Нетү такого сплочения и мира, как раньше люди жили»

Об особенностях говора жительницы
деревни Малые Кольки
(рассказ староверки)

И. П. Кюльмоя

Диалектный текст, который приводится после небольшого комментария, записан 11 июля 2005 г. в деревне Малые Кольки. Респондент — женщина 74 лет, староверка, образование — 7 классов, всю жизнь прожила в этой деревне, вдова, двое детей. В ее речи представлено множество характерных для местного говора черт. Не претендуя на полное описание, отметим наиболее яркие из них, услышанные в рассказе женщины о своей жизни, о традициях и обычаях староверов, о ее восприятии и оценке современности.

Из фонетических особенностей, присущих говорам староверов Западного Причудья, у нашей информантки наблюдаются недиссимилиативное (сильное) аканье и сильное яканье: *умярла, на деряве, сляпой*. Обе особенности соседствуют с иканьем. Из явлений консонантизма наиболее ярко выражено произношение твердого ч: *маль[тш]ик с дево[тш]кой, закан[тш]ивается, формо[тш]ки, ни[тш]аго*. На месте долгого мягкого шипящего [ш'ш'] литературного русского языка употребляется долгий твердый шипящий [шш]: *ве[шш]и, е[шшо], кре[шш]ение*. Мягкие губные на конце слова произносятся твердо в существительных *любо[ф], свекро[ф]*. Наличествует также архаичное произношение прилагательных с твердыми согласными [к], [г] в исходе основы: *польский, голландский, строгый, на другый день*; реже такое же произношение наблюдается в глаголах: *история умалкывает*. Имеется довольно много слов, отличающихся от литературного языка ударением в той или иной грамматической форме: *была, бычок народится*.

Среди морфологических особенностей речи нашего респондента представлены следующие: существительные женского рода на *-а* в формах дат. и предл. падежей единственного числа имеют окончание *-и* (*-ы*): *пошла к сястры, он жаны писал, дядя в тюрьмы погиб*. В родительном падеже ед.ч. те же существ-

вительные получают окончание *-е*: *у сястре*. В творительном падеже мн. ч. употребляется окончание *-ам*, совпадающее с окончанием дат. падежа: *с пирогам; рассказу, но с ошибкам; по деревне с песням*.

В системе склонения местоименных прилагательных представлены стяженные формы: *каку-то, како-то*. Встречается и такое архаичное явление, как т. н. членные формы прилагательных, имеющие двусложные окончания во множественном числе: *здесь два пьяных утонули*.

Личные местоимения *он, она, они* имеют начальный *й*, который сохраняется в косвенных падежах: *ён, яна, яны*.

Глаголы, оформленные в литературном языке суффиксом *-ти*, в говоре имеют *-ть*: *несть, весть*, глаголы 2 спряжения в 3 л. мн. ч. — безударное окончание *-ут* (*ют*): *пялют, пустют, не верют*.

Наблюдается характерное для причудских говоров употребление предлогов: *в мяня муж любил очень хорошо поесть, в озеро ходили*; повтор предлогов: *ходил отца встряхать на пункт на рыбный, я должна за эту за верёвку тащить*.

Среди характерных синтаксических черт отметим употребление северо-западного перфекта (*в ей было мамы наказано, в меня уже дети нажито; дятям-то в мамах такие банты раскрасивые сделаны*), деепричастий в функции предиката (*народ весь сбёгши на берег; я уже одевши; начальники, они особо не сработавши*), плюсквамперфекта (*мама была тоже ходила в моленную*). В прикомпаративных предложениях вместо союза *чем* употребляются союзы *как* и *что*: *В Эстонии мы больше яиц ели, как вы мороженой картошки; у меня больше, как у тебя; народ был совсем другой, что сейчас*. В качестве причинного союза чаще всего выступает союз *что*: *бедные пенсионеры чуть не на колесечках обрабатывают, что пенсия очень маленькая; уже головка настоящая не может быть, что жара непомерная*.

Используется много диалектной лексики: *тюшка* 'прурубь', *прогон* 'бокoвая, не главная улица', *задырбенеть* 'о земле: затвердеть', *старый малец* 'холостяк', *варуши*, *по-раннему*, *расснарядиться* 'переодеться', *скопляться* 'собираться', *корец* 'ковшик' и др. Наблюдается характерное для причудских говоров неразличение глаголов *водить* — *возить*, проявляющееся в их совпадении в обоих значениях в глаголе *водить*. Речь информантки богата пословицами и поговорками: *Век жить — не мех шить; Дал Бог детище, даст и пицу; Корец — в доме хозяин; Близко видать, а далече мигать*.

* * *

Школу я закончила эту же самую, семь классов тогда у нас было после войны. В войну мы ещё в школе в колодках ходили. Выдавали нам ко-

лодки. Обувь такая, называлась колодки. Они на дереве, такая была подошва и ремяшки, такие не кожаные, а как парусинные такие. Это мы удовольствие имели. Сямья у нас была огромная. И всем папа не мог купить это, и из школы нам тоже выдавались эти колодки. Кто их делал, я вам не могу сказать.

Папа у меня был строитель самый лучший. Вот в Тарту банк большой, это стройка яго, рынок у няго, много таких и не в одном Тарту, они даже по всей республике нашей, в Печорах¹ строили, под Таллином там мяста были... много-много, а потом к старости стал рыбаком, это всё отстранилось, пожилых людей не надо было на стройки, так он закончил свой путь рыбаком, старость была нерадостная, ампутировали ногу, заболел очень, от этого, считай, скончался. Мама от инфаркта умярла. Восемьдесят лет в больнице исполнилось, мы все съехались в Тарту, все поздравляли, сямья у нее тоже была большая, несколько сястер, брат-то погиб. 80 лет четырнадцатого марта исполнилось, а 31 марта скончалась. Повторился инфаркт. Вот такие невясёлые дяла. А папа-то рано, на семьдесят сядьмом году скончался, мама всё-таки до восемьдесят дотянула.

Дятей было шесть живых и близняцы, мальчик с девочкой, умерли, а так было бы восемь. А шесть живых, но вот теперь уже двоих нет, сястра умярла, брат умер, год исполнился, а сястре уже три года как умерла. Самая моя лучшая сястра. Она в Таллине жила, работала на железной дороге, и вот в пятьдесят один год и жизнь прервалась, и тоже от инфаркта умярла. А брата парализовало, семь лет, тоже он всю жизнь был рыбаком, мотористом, и, видимо, ему что-то на зрение подействовало, он семь лет был сляпой. 7 лет и три месяца, а потом его парализовало, был в сознании, но без языка и без всяго, помучился, помучился и тоже...

Другие здесь не живут, в Тарту живут, а на выходные приезжают. Теперь нас осталось четыре сястры. Раньше же семьи были большие, это теперь только один-два, от силы два, а так уже на одном заканчивается история. А раньше наши мамы ведь не имели права никаких, даже про аборты не было и в помине, никто даже об этом не разговаривал. Раньше говорили так старые люди: «Дал Бог детище, даст и пищу». И

---

¹ В 1920–1940 гг. в соответствии с Тартуским мирным договором Печоры входили в состав Эстонской Республики.

тяжело было, а всё равно все росли. Кому срок приходил, маленькие тоже умирали, тогда с врачам было сложно.

Расскажите, что за школа была?

Ну, золотце, я вам только то скажу, что школа была прекрасная, учителя были прекрасные, народ был совсем другой, что сейчас. Сейчас же у всех зависть, какая-то ересь, како-то вот всё уже не то. У нас было всё согласно. Без ЧП, как говорят, тоже не бывало, дети-то были тоже разные, но это было очень редко, мы как-то боялись своих учителей, стыдились. У нас совсем было что-то другое, у нас были формочки, хоть мы и бедно жили, у нас было платице однотонное, фартучек, мы были похожи на школьников, а что теперь творится, золотце? Это один ужас, когда видишь, что они идут в школу, перядрагивает всё тело, с ног до головы. Это такие молоденькие, у них уже там и кольца, и серьги, и пупки, можно сказать так, простите за выражение, навыворот. Никакой ни формочки, ничего не имеют, и у каждого уже табакерка¹ в зубах. Ну какой же это школьник? А у нас была дисциплина, ой, дисциплина была. Школа была в красном кирпичном доме, где сейчас волость. Вот ту школу мы заканчивали. Там классы были не особо, один только класс был большой, где мы учились, а другие классы такие были равномерные, но всё равно был порядок, учителя настолько были добрые, они так в душу тебе и залязали. Если ты что-то не умеешь, оставят, а то домой пригласят, где на квартиру жили, и говорят: «Тебе нужно подтянуться, ты слабенькая, подтянуться нужно, приходи сегодня и завтра ко мне». И вот вдолбят, разъяснят. И ученику легко и учителю хорошо.

Тяперь в мяня учеников уже нет давно, я в чужие дяла не касаюсь, но я вот просто вижу, какое повядение, вот дявятый класс кончали здесь около меня, ходили, я даже вышла на улицу посмотреть, покачала головой и даже немного сказала: «Рановато вам так, вы еще только дявятый класс окончили». Меня, конечно, обхамили: не ваше дело и всё. Раннее с этим никак не сравнишь, никак.

И главное то, что раньше ведь вера у нас была очень крепкая, и вот родители, в меня выучена и эта вот грамота, божья. Родители ни в коем случае не пустют на праздник ни в кино, ни на танцы, если, допустим, как сейчас всё время в субботу, будь Пасха, будь Успение, будь всё

---

¹ *Табакерка* — здесь, вероятно, имеется в виду сигарета.

равно какой годовой праздник, с этим уже не считаются, танцы открыты, музыка играет. Так раньше хоть какая была музыка, за душу брала, только если за километр её услышишь, а если вблизи, то вообще, а сейчас это бум!, бум!, и от этого бума можно ума помяшаться. Вот у меня двоюродный брат играет очень хорошо на аккордионе и на баяне, так это можно сутки кругом слушать, спокойно сидеть и никогда тебя ничего не раздражит, а эти бумы... Вот у меня рябята другой раз включают, я только кричу: тише! Ради Бога тише! Я эти бумы не переносу. Особенно старинное всё очень красивое и такое более менее.

А Ваша семья всегда в этом доме жила?

Как я сюда вышла, а так у меня дом родительский вперяди, ближе от школы, а это мужа. Три сямьи жили. Огород большой был, тяперь, конечно, немножко меньше, но всё равно ещё тяжело. С огорода мы теперь ничего не получаем. Никто и не интересуется нашим огородом, в нас продукт самый натуральный, самый чистый, мы же его ничем не ворбжим, не посыпаем, не поливаем. С нашей грядки можно скушать за милое почтение. Так теперь ведь в моде польский, голландский, всё только импортное. А наши бедные пенсионеры чуть не на колесечках обрабатывают, что пенсия очень маленькая, никак не прожить, и всё хотим, чтобы это от нас кто-нибудь забирал. В этом году соваршенно никто не забирает. Ещё в прошлом годе ещё немножко зелянок шел, в Таллин водили кто там закупал, так мы продавали. А в этом году всё, история умалкывает. Никому наш товар не нужен. И вот теперь засажено в людях очень много и очень густо и с его уже головка настоящая не может быть, что жара непомерная, дождя нет. И вот как бедные люди будут жить, и будет ли кто ещё брать эти головки, а може быть вообще...

Тяжело стало на сельском хозяйстве, ужасно тяжело. Об нас вообще никто не думает. И каких бы мы депутатов ни выбирали, ни русских, ни эстонцев, соваршенно об нас вообще, они об этом Причудье только, наверно, смяются, что люди, как дураки, работают. А чтобы заботу какую-то иметь, ни соваршенно никакой. А здесь люди привыкли, они всю жизнь трудятся, всю жизнь. Здесь если б теперь посмотрели б наши дяды и прадеды, как вот эти ходят ополченцы спившиеся, и работать негде, они уже до ручки дошли, как говорят, так они что бы подумали и что бы вьяви сказали, глядя на этих людей. Раньше никого так не уви-

дишь. Все трудились, все что-то изобрятали, все что-то делали, вообще таких не было.

А кто такие ополченцы?

Это я так назвала по-своему, деревянному. Спившие уже люди, которые никуда не устроились, об их никто не позаботился, как-то промышляют себе на водочку, где какой час поработают у кого-то, кто-то им что-то даст или заплотит, ну, они, конечно, уже не стараются на кусок хлеба, а сразу... Вот так и дошли.

Во дворе у Вас поленница очень интересная (в форме конуса). Мы здесь таких больше не видели.

Это мои дети. Здесь нет, только если там на Новой Казепели встретишь такое, а так здесь у нас в деревне ни у кого. У мяня примерно плямянник такой трудолюбивый. Где он такое ухватил и такое сумел? Он показал, вернее, первый год сам клал нам, а теперь мои дети уже навяре́ли¹, так удобнее, меньше места занимает и больше входит дров. Вот этот, он полностью набитый, от низа до верьха, чтобы больше некуда было класть, а этот складено очень так просто. Так теперь водить будут во двор, они сухие, хорошие, пока дождя нет, надо во двор.

Научился он так не именно в наших краях, это уже во многих такое было. Он такой смышлёный, взял всё во внимание и у себя уже такая сложена, потом другой соседке сложено такой и нам. Нам каждый раз зимой помогает, тогда рябятам долбит, что не кладите костры, давайте, так ловчей. Так в прошлом годе экскурсия ехала мимо, даже фотографировали, сказали, что впрямые видим такое.

Они так лучше сохраняются?

Когда дождём, тогда у нас исстари сохранились два брезента, так мы их вярхушку накроем, тогда серядина не промокает, тогда это для нас очень выгодно, а там вот между дубов там простые костры сложены, те уже никак не накрыть, столько нет товара, чтобы накрыть.

А как вы их снимаете?

Сверьху снимаем, только кладем снизу, а разбираем сверьху. Это стожки называются, а те — костры. Дровяной стог. Есть стог из сена, а это

¹ *Навиреть* — научиться какому-л. делу, приобрести навыки.

дровяной стог. Не у каждого такое место есть, чтоб их поставить, кому как понравится, тот так и делает.

* * *

В саду у нас яблони, несколько молодых кусточков, слабенькие. Только чёрная смородина, в соседки много всякой смородины, хороший сорт. В огороде вот только лук, морковка, свяклá, немножечко чёрной редьки, всего понемножечку. Теперь у нас парник, огурчики растут, это в этом году первый раз.

А раньше вы не выращивали огурцы?

Выращивали на открытом грунте, грядку для себя сажали или две самое большое, чтобы заделать на зиму в баночки, а теперь жизнь подошла такая тяжелая, лук вообще никому не нужен, ну, у нас родственник хороший, в Раюше, он нам рекомендовал, что пробуйте делать парник. Огурец хоть 3 кроны, но он всегда в ходу, а лук вообще никто не спрашивает. Мы первый опыт делаем. Старший сын — истопник, новую школу топит, ну, а теперь сезон уже кончился топки, так дома помогает.

Сколько у Вас детей?

В мяня два сына, третий умер. Третьему, наверно, не суждено было жить. Совсем маленький умер, на девятом дне рождения скончался, его в больнице простудили: двухстороннее воспаление легких. Домой привязли и даже ещё домой выписали, надо было немножко там оставлять, лечить, а домой привязли, на следующий день и скончался.

А скот у Вас был?

Без скота ни один дом не служил, и это если кто-то чаго-то не имел, это считался уже не хозяин. Имели и лошадь, имели и коровку, а мои родители чище всех, они даже по две коровки имели и отростёлков ещё. Если бычок наро́дится или тёлочка тоже рóстили, как смену новой коровке. Везде в каждом дворе, у нас был пастух всегда, дрявня большая. Трубит в свою красивую трубу, торопился скорее подоить и выгнать коровку в поле, потом в обед в час дня ходим доить в поле. Бедные коровки мучались, если годы были тоже жаркие, сляпни, мухи кусают, она брыкается, доить не дает, но всё равно люди все держали, а теперь? Теперь их и выпустить некуда, везде всё заросло, таперь нас здесь мало

работает, только пенсионеры, старухи, нам уже не подоить, ничего не сделать своими руками. Раньше всё было.

Кто это — отростёлок?

И в дереве есть отростёлки, и в цвяхах есть, если посадишь в горшочек, дальше больше появляется.

* * *

А в школе Вы эстонский язык учили?

Учили. Да. Такой был строгий учитель, Дубковский вот фамилия, помню, но забыла, как яго звать. Он настолько был... Другие учителя такие были более мягкие, сердечные, ну, были в другой раз, когда мы их немножко раздразим или вынудим, там покричат, а этот был ужасно! Если только, а мне эстонский как-то никак не давался, зато я его и не выучила. Какое слово неправильно скажу, а у няго вот этот палец был настолько длинный, и вот так загнувшись, он как придёт к парте, как ткнёт пальцем и начинает меня спрашивать задание. Ну, вроде бы, я ему всё расскажу, но с ошибкам. Ну, тогда опять здесь меня, да, но за это раз не выучил, надо тяпеть. Возражений права не имели сказать.

А на эстонских хуторах — «в эстонцах» — не работали?

Нет. Папа мой с сями лет пас свиней и ему очень хорошо досталось, и он сказал: «Буду биться изо всех сил, но вас я туда не отдам». Ну, вот мы так в дяревне, сямья большая, так кому грядки скопать, кому пополоть, тоже всё время работали, вот поэтому мы привыкли работать и привыкли уважать и чужой труд. А теперяшние девочки приедут на каникулы, ногти покрашены в ногах и в руках, сами уже мер не представляют, делаются взрослыми. Они тебе и в жизни никогда в огород не пойдут. Лучше ты и не проси и не обращай внимания, делай сам, а мы это всё делали. Мы не сидели так чтобы, делать нечаго, так лягем и загораем, всё равно у нас каждый день была работа. И когда новое платьице папа купит, или матерьяльчику на платьице, мы это так берягли, только по праздникам надявали, а так на игру или на улицу, когда разряшат, это всё равно в чём, а так все вещи очень берягли.

Какие Вы платья носили?

А вы знаете, как было красиво смотреть, что все люди в юбочках, платьицах, кофточках — это изумительная красота. Но теперь ведь,

поймите, мужчин-то всех раздели. Даже новорождённому уже скорей плятют эти брюки. Но ведь как было бы красиво из стороны смотреть: девочка в платьице пошла в школу, любоваться, а то ещё эти джинсы, еле они ногу туда втиснут, ну как вот, я вчара одной говорила: «Как ты, милая, на жаре спасаешься в этих брюках». Нет, что свет был, совсем иначе. Это даже по-божьему, это вяликий грех. Вот книга даже, я могу вам прочитать, если я нападую на..., где мои очки?

«Иоанн Златоуст в объяснение этих слов говорит...» *<Читает о различиях между мужчиной и женщиной, в том числе в одежде>*. Разобрались? Вот так. А теперь это кому ни скажешь — всё это бред, никто не верит. Здесь ещё пишут: «Вот почему и существует древний обычай в нашей святой церкви при крещении младенцев надевать кресты на них неодинаковой формы: для мальчиков и девочек, то есть в духовном смысле это указание на различные их нравственные и семейные обязанности между собою и во исполнение слов Божиих: да не будет утварь мужска на жане». Не должна быть утварь мужска на жане. У нас разные кресты для мужчин и для женщин. Так не бывает, чтоб одному и другому, тот и другой, не. Мужчине свой, нам свой. Вот это женский, вот такой покрой, это женский.

Вы часто ходите в моленну?

Каждый праздник, пока здоровье еще немножко позволяет, если когда я уж очень заболею, тогда, конечно, не иду. А когда, если Бог дает еще немножко, то раз я уже посвятила этому делу, а теперь мне уже не поддаваться на танцы да в кино. Моя уже жизнь закончилась. Народу мало ходит. Раньше народу у нас было так много, и дети, дятей водили, дети уже к чаму-то приучались, вот теперь плохо, что ни одна бабушка, ни одна мама не бярёт с собой детей в храм. Это очень плохо. Они ничего не узнали, ничего они не слышали, а нас же обучали. Мы еще ничего не знали, нас уже учили молиться, учили, чтобы с вядра не пить, с корца¹ не пить, чтобы специально была кружечка, в которую наливаешь и пьёшь, назывался: корец — в доме хозяин. А тяперь всё подряд: приедёт нивесть какой человек, раз! с корца, а так нехорошо, ведь гигиена тоже должна быть. Корец — это ковшик, а раньше всё назывался корец. Мы так и привыкли к корцам, а ковшик — хозяин. Мало ли он не допь-

¹ *Корец* — ковш

ёт эти обливки, а кто потом будет их пить, эти обливки? А эта молодежь уже ничего не знает, родители молодые, тоже не знают, им не внушают, и они очень-очень отстали от духовного мира. Ужасно. Вот, единственно только в Пасху. На Пасху у нас очень много людей, там яички в какой-то момент подают женщины. Тогда и такие, и такие, все привядёны. Им так нравится. Они наперябой всё в кулёчках собирают эти яички, и вслух говорят: «У меня больше, как у тебя». Забавно детям. И только и всё. А чтобы в Вербницу у нас очень красивый праздник... Мы стоим с вербой, к вербенке бантики делаем, свеча горит, ведь это как забавно. Этого они уже ничего не знают. Ни одна мама, ни одна бабушка их уже в храм не привязла. Это очень обидно. И прямо другой раз зло бярёт, что говорят, что это всё наше возрождается. Это неправда, наоборот, погибает. Никто никого не учит, никто никому ничего не говорит, никакой памяти не оставляет, а откуда они это возродятся и будут всё делать, нет, бесполезно.

Покажу вам вербу со службы. Обычно надо вот такие сучки, чтобы и бант мог бы где-то висеть и свеча гореть. Тяперь таких сучков очень мало, вообще почти нет. Она висючая, уже устарела, и она вся свисла. Это маленькая, что у меня теперь руки горазд ломит — я не могу большой держать. А сучки большие держут, хорошие, пышные. Это я из-за своей немоготы такой сучок выбрала. Да сколько она бедненькая постоит, нет смысла особо-то хранить. Раньше-то полный храм был народу да много дяттей. Дятям-то в мамах такие банты раскрасивые сделаны, свеча горит. Это так красиво стоять в храме, а теперь стоим только старушки, дяттей ни одного человека. Вот, золотце, помешало это неверие-то, было ведь сколько лет. Оно помяшало. Это всё в кровь людям входило, тяперь они не верют, и всё какие-то сомнения их берут. Доказывать им очень сложно.

На Рождество обычно красивая служба, там же мы Христа славим. Службу отвядём, тогда сколько народу там собралось, мы тогда вначале храму служим, поём, а потом уже людям, которые посятили храм. Что раньше мы ходили с дома в дом, были молодые, сила была, в каждый дом мы ходили в Рождество, поздравляли, называлось это христо-славы, шли Христа славить. И все люди были нам очень довольные, все благодарили, а теперь, конечно, нам уже не под силу, нас осталось пять человек. Раньше сразу от заутрени с батюшкой ходили в каждый дом, и нас уже ждали. В некоторый дом уже стучаться даже не нужно было, свечи горели. Хозяин с хозяйкой даже со слязами нас встрячал, так ца-

нился этот праздник. Мы отславим, поздравим с праздником и тогда уходим в следующий дом.

Это по-божьи, как дар Божий, что человека надо поздравить. Чтобы у каждого человека в душе остался этот праздник. Опять зависит от состояния человека. Были люди такие, как говорят, хорошие хозяйки: паченья своего напачёно, конфетки какие-то, угощение вот такое. Все мы молоденькие были, они нам по пястке конфет или даже у кого пирог спячёный, пирогом угостят, а нету — чай согреют, что садитесь, попейте, голосок свой промойте с пирожком. Это было нам молодым очень отратно, ведь это-то что-то получить. Это сейчас на каждом шагу магазин, и какая-то копейка в кармане, ты пошел что-то вздумал, купил, а раньше это не давалось так.

Папа заработает и всягда едет домой, его уже тройка при кармане на куда-то в сторону в другой карман, чтобы не отдать маме всё, иначе мы останемся ни с чем. А он нам всем по пятьдесят центов, так раньше, милые мои, можно было что-то за пятьдесят центов купить. И вот мы шесть человек гурьбой, а рядышком был метров только пятьдесят магазин, лавочка тоже называлась, а дед этот уже знал, который торговал. «Наверно, Филипп Артемьич приехал с получкой: дети бягут в магазин». Так мы уже дома согласуемся, что кто купит. У него были такие красные конфетки, круглые, сахаром посыпаны, но вкусные и барашечки были. А тогда барашечки-то были диковинка. Мы уже дома согласуемся, чтоб нам там не ссориться, не драться, что кто хочет конфет, покупает конфет, кто хочет барашков, чтобы потом у нас не было скандалов. Вот, бязим, а конфетки-то быстро подсосём, а тогда у кого барашки и говорим: «Ну, дай ты мне тоже барашечка, я так хочу барашечка». А дай сейчас рябёнку пятьдесят центов, коробки спичек не выйдет. Главное, что мы не были сваженные, свольничные¹, нам что дали, мы были довольны, и мы должны были ещё отца поцеловать и благодарить. Вот, бывало, привядёт нам на платье, нам это вообще не нравится. И говорит после меня сястра которая: «Ну, куда нам такое говно привез! Мы не хотим», но не смели сказать, всё равно должны были поцеловать, отблагодарить и быть довольны. А сейчас, если купила мама платье, если не нравится: «Я только один раз надену, другой день отдавай другим, я не буду их носить». А мы так не смели сказать. Вот по-

---

¹ Свольничные — избалованные.

этому мы привыкли к хозяйству и привыкли к работе и ко всяму. А с теперяшним народом тяжело.

Мы называли их красненькими конфетами. «Мама, мы побяжим за красненьким конфеткам», но зато зубы болели, ведь нельзя же столько сласти, а я, грешница, любила сласть. Бывало, люди идут на танцы, а у мяня щёки распухли от сласти, наверно. Горазд¹ любила сласть. Был общий врач, не зубной. Меня в детстве собака кусила, он зашивал мне. И если уж очень болит зуб, ну каким принадлежностям, всё-таки выдирывал зуб, чтоб человек не мучался.

* * *

Бабушка была очень богобоязная, ужасно, в ей было маме наказано: «Дочушенька, всё делай, но только не стирайся по праздникам. Делай под крышей, чтоб люди тебя не видели». Мыться надо было до пяти часов в субботу, так как считалось, что Господней кровью моемся, если уже после, солнце за лес, и пошли в баню.

Вот случай такой был с моей мамушкой. Пока бабка в моленну, я как самая старшая, я была должна на окне постялиться, а стяна у нас широкая была, и караулить, когда бабка покажется в наш прогон², придёт с моленны. Тогда я должна быстро сбегать в баню и маму предупредить, чтоб она закончила стирку, а то попадётся. Мама бедная еще не закончит, быстро-быстро раз на раз. И вот один раз я заигралась в куклы и прокараулила бабку, и бабка-то и застала маму как есть. Ранние люди матюгам не ругались, таким плохим словам, она ей сказала так: «Ай, вируша, вируша, ведь ты меня всё-таки не послушала. Лучше б ты что-то делала, в тябя дел по горла, что-то под крышей делала, чтоб тебя люди не видели, у тебя дети будут болеть, зачем ты вышла в праздник стирать?» Мама умела прощения попросить, извиниться и продолжать дальше жизнь. Хотелось детей-то смянить чистенько.

Мой свёкор уедет на озеро, дети зимой, я им масло на хлеб, колбаски, что-то получше. А свёкор скажет: «Отрежь мне два ломтя, помажь постным маслом, посыпь солью и завярни, а запивать буду с тюшки».

---

¹ Горазд — очень.

² Прогон — боковая, не главная улица.

Это прорубь, а называлась тюшка, «с тюшки буду запивать» и до восьмидесяти пяти лет дожил. А мы теперь, нам семьдесят исполнилось, мы радуемся изобилию, а изобилие нас губит, потому что всё химия. И природа вся отравлена, ведь это они перемяшали этот космос теперь вместе с зямлём, поэтому уже все трещины, вся эта катавасия, всё идёт теперь только на плохие дяла. И теперь настолько задярбенела матушка-зямля, что...

Задярбенела — Вы сказали, твёрдой стала, да?

Да, ужасно.

А вот вы сказали прогон. Что такое прогон?

Прогон (улица) — к лесу, не проспект, зелёная. Вот эта улица, вот что она идёт от начала и до конца <сквозь всю деревню. — И. К.>, вот это проспект, а то, что вот к лесу туда, это уже прогоны, или зелёная улица. Просто зелень, трава.

* * *

Расскажите, пожалуйста, как к праздникам готовились.

После того, как нас поздравят христославы, пойдём в моленну, у нас называется к часам, и тогда вот приходим и уже стол всей компанией накрываем, маме помогаем. Делали еще свою колбаску, кишки наполнялись, картошка, чеснока очень много, лука очень много, перец и соль. И картошка, и крупа перловая, может сечка, не крупная, а сечка и тогда это водой вместе отваривалось, и жарились до румяной корочки.

Как назывались эти колбаски?

Ро[жж]ественская колбаска...

А ворстики не называли?¹

Сестра: Нет, это с кровью. У нас не принято это делать, это в эстонцах. В нас нет. Я знаю, что вот у нас Зоя дружила с Украины, девочка. Так оттуда она привозила эти кишки на одном мясе, мясные колбасы, вяле-

¹ В следующем диалоге участвует вошедшая сестра хозяйки (52 года, не носитель говора, есть отдельные диалектные вкрапления, иногда наблюдается яканье).

ные и всякие, но вот, может быть, это привычка. Это такая кропотливая работа была, потому что кишку от поросенка надо было всю очистить, потом опять вывернуть, промыть. Такая работа была. Вот мне, например, сейчас знакомая достает. А это ж все надо было выскоблить, это ж остатки пищи всё. Тогда рогатка или как там она называлась.

Хозяйка: Да, да. Специальные приспособления были. Раньше расширяем, а этой пятачкой туда заполняем, а теперь у нас даже есть трубочки, в мясорубку сунешь. Так быстро. Трубочку сунешь.

Сестра: Вот эту картошку сечкой рубили, и тогда крупу немножко отваривать, тогда делали огромные тазы. Да, настолько вкусно!

Хозяйка: А вкус-то ведь у брата остался. А я когда наделала, понясла яму. Он покушал и говорит: «Знаешь, сестра, не обижайся, но всё-таки мои были вкуснее, у тебя луку не должно и Таня приводит вкуснее. У тебя луку не должно, ты мало луку кладёшь». Да, он такой был открытый. Он сразу скажет. Вот не будет нарочно меня хвалить, что вот, вкусно, а скажет: «Сестра не обижайся...».

Сестра: Но масленица когда. Это считалось так, что масляная неделя начинается с понедельника. Ну, в понедельник и вторник особых праздников не было, в среду ехали в Варанья, это воронейская масленица. Тогда машин не было, на лошадях.

Хозяйка: Лошади с колокольчиками. Папа запрягал самую лучшую лошадь и с мамой...

Сестра: В четверг казепельская масленица, в пятницу — колецкая, суббота — муравьёвская, это туда Сипельга¹ деревня в лес идет. А воскресенье тогда уже как Прощёное воскресенье, общее. Кто куда не успел сходить, тот туда и шуровал.

Хозяйка: Надо навярстать. И вы знаете, не было ни водки так чрезмерно, как сейчас. У нас вот в доме родительском скопилось до тридцати человек, одна бутылка и было веселье: и песни, и вот как они пели, как плясали.

А пища была очень простая: дерявенская, в печке русской. Это чудесно! Мясо и картошка, и она настолько... Вот. Также капуста тушёная, рыба — это первым долгом, любая рыба.

Сестра: Ряпушку ловили, ее в бочки такие засаливали, а потом ее отмачивали и в маринад.

---

¹ *Сипельга* — название деревни (от эст. *sipelgas* 'муравей').

Хозяйка: Объядение, вот. И так весело и спокойно проходили праздники. Это вам не пересказать. Ни драки не было, ни упрёков никаких. Вот сидят, шутят, опять выпьют и опять закусывают. Так один у нас родственник, теперь он давно умер, дядя Дянис. Мы ещё с сестрой Лизой, нам задание в мамы дано. Мама уезжает с папой, а мы должны здесь стряпать, а эти шпингалеты нам мешают, а мы всё равно должны сделать задание. Вот только уже пирожки сделаем, на противень и варенье уже накладём и начинаем украшать. Смотрим, он <знакомый> уже идёт к нам. А Лизавета говорит: «Ой, господи, уже идёт, ну что таперь мы будем делать?!». Я говорю: «Лизавета, только спокойно, ён, мужчина небуйный. Он будет сидеть, лясы точить, а мы будем слушать и своё дело исполнять». Да, и понимаешь, вот придет и говорит: «Девочки, я ведь знаю, что я вам мяшаю, а я постарался пораньше, потому что, если я не пришел бы сейчас, тогда, я к Филиппу не попал бы, а мне надо ещё у Филиппа побывать и податься с ночлегом в Муравейку, иначе я завтра уже не попаду туда». Так вот, не так, чтоб он в одном месте пил бы и допил бы до основания. Он мог везде побыть и нигде не напиться. Только с шуточкам и тогда у нас, может быть, посидит часик, не больше, отправляется пешадралом¹ в Муравейку, а нам-то хочется, чтобы нас никто не видел, мы стряпали только самостоятельно. Ну, а в нас уже посятители.

Иванов день праздновали тоже, собирали всё, костры. Ведь тогда не было ни машин, ни шин, ничего, или лодки старые жгли, или всю рухлядь, все опорки из дома соберут.

И русские?

Сестра: А как же, русские и праздновали, всё на костер. Просто выходной день. А Янипйав... Иванов день, это Иванов день, а вот теперь, завтра, Петров день. И это на Пийриссаар надо. А так принято было, каждый праздник справляли где-то вот. Там очень гостеприимный народ, там вот не надо быть ни родственником, ни знакомым, ты приходи и тебя примут, накормят. Я когда Радио-4 слушаю, я говорю: «Почему Сааремаа? Ну, съездите на Пийриссаар, ну поговорите с людьми там». Их там мало осталось, их наверно человек восемьдесят сейчас осталось там.

---

¹ *Пешадралом* — пешком.

Хозяйка: Так это и то, наверное, с молодыми?

Сестра: Ну, как там, молодые, которые спившие, возвратились, кому жить негде. Но там всё-таки есть ещё.

Хозяйка: А в молодости мы ездили... Мы там были почти ежегодно в Петров день. У них был такой народный клуб, такая обстановка, рядом сразу этот сосновый бор. Там тишина. Там не волнуешься, что тябя кто-то по дороге собьёт или кого-то надо остерягаться, подаваться к канаве. Идёшь спокойно. А жара бывала, ой, только к озюру торопишься. И там настолько вот такой душевный народ.

Ой, весело было! Молодёжи! Туда ведь съезжались несколько моторок, даже пароход с Тарту ходил и «Ракета», я уже «Ракету» не застала, это уже потом было. А мы на моторках. Уже народ весь сбёгши на берег встрячают гостей. Они нас не знают, и мы их не знаем. Мы, конечно, ездили в определённое время, у нас там старик был родственник, по дальней роды¹ уже родственник, но он такой был добрый, он назывался «старый малец²», он не жанат был. Вот, но он был от души человек и очень был гостевой. Сколько у него было гостеприимства, это я не знаю. И вот он что, мужчина. Готовить особо не знал, а у няго вот такие лящи пойманные. Сам ли он поймал, мы ж яго не пытали. Ну до чего они крупные и жирные, и так красиво скóпчены, что мы еще их не пробовали, а слюнка уже тячет. Да, и вот он (люлькой³ у нас это называлось с двум ручками), он эту люльку нам преподносит сразу же с ходу: «Вот, девки, вам эта люлька, рыба и вот здесь, в мяшке, мука, сами пяките, что хотите: хотите пирогов, хотите пышек, всё стряпайте сами». Лишь бы в меня была бы вам рыба приготовлена. Ну, мы как сядем к этой рыбы, вот одно объядение. И тоже без всяких водок, без всяких напитков. Сразу, конечно, он нам греет самовар. Это теперь ведь мы ленны⁴ и все с чайников пьем. А раньше ведь всё самовары. Ой, красота! Самовар шумит, и мы шумим. И сидим, балдим и разговариваем. Это такая красотища! А потом уже на другый день, тогда уже конечно мы начинаем, утром рано встанем и пячём пироги. Раньше ведь мы всё были научены, и мы всё умели. Но заставь ты сяйчас какого-нибудь

¹ *Рода* — родня, родственники.

² *Старый малец* — холостяк (калька с эст. *vanapoiss*).

³ *Люлька* — большая плетеная корзина.

⁴ *Ленной* — ленивый.

пацанёнка... Напьем и так даже ему-то оставим, он одинокий, старый человек. И он ещё говорит другой раз нам, сообщает, что «спасибо девкам, я ещё две недели их ел пироги». Да какие ж там две недели — это уже сухарки! Но он всё равно в чаю размачивал, и яму было очень от-радно. Салатик, ещё что-то сделаем. Сами ели и еще человек наш был обихожен.

Рыбку мы жарили. Раньше в маринаде тоже делали, но у нас с собой никаких приспособлений не взято, так мы только наваливали на копчё-ную. Нам хватало этой, а так рыбу мы в печке жарили. Очень вкусная рыба получается. Она прожаривается свёрху, и очень вкусная. И жар-кое всягда ставили в печку. Газов не было, ничего не было. Ну, а на плите варили, конечно, простую картошку и в мундирах, и очищивали, делали пюре. А большинство по праздникам всё жаркое было...

И вот, когда были *варуши*¹. К маме моёй приходили её приятельни-цы, приносили... вот такой обычно. Всягда было модно, вот такой, круглый пирог, на круглый противень. Красиво получалось! Умели очень красиво украсить. Да, кто как умел. И вот придут. И тогда уже мама свой не пякла, знала, что всё равно придут с пирогами, куда ж его напечешь. Так вот чай, первым долгом папа сразу брался за самовар. Надрязался этот пирог. И вот, если когда что было у мамы сготовлено, то давала на стол, а другой раз бывало, что и рябёнок заболевши или сама плохо себя чувствует, тогда только отводились *варуши* с пирогом и с чаем.

А теперь вина-то надо сколько, Господи... Это неизвестно, что ещё с ребёнка выйдет и как это будет. Особенно как крестишь, никакого даже и запаха нельзя брать. Ещё неизвестно, чем Господь этого рябёнка наградит и наградил. Да, а мы его уже заливаем неведомо каким напит-ком на скрестьбины. А этого не должно быть.

И также и похороны, в нас похороны никогда в жизни и в понятии не было, чтобы вот собрались на обед... это сейчас по столовым да по ресторанам, а раньше эта церемония проходила вся в доме. Вот унесут покойника, в это время уже которые люди попрошены, они столы рас-ставят, скатертям покроют, всё необходимое уже поставят заблаговре-менно, пока мы на кладбище подпываем. И тихо, спокойно... Теперь похоронить человека — это ужасно! А теперь вот модно <поминки с

¹ *Варуши* — женский праздник по случаю рождения ребёнка (от эст. *varrud*).

водкой», хоть не так много. У нас запрящено, бутылки на столе чтобы по покойнику не были. А тогда в кувшинчики или сливочнички наливают и с этих как бы не заметно, как будто чай разливают. Но это же обман! Людей-то обманешь, а Бога-то не обманешь! Теперь уж так, жизнь мянется, ничаго не сделаешь. Люди стали немножко зажиточнее и богаче. И есть такие люди одиночки, что им одним, конечно, не состряпать это всё. Теперь заказывают ресторан, школьную столовую. В нас очень школа большая столовая, вмещает очень много людей, так что там за раз можно накормить неведомо сколько людей, и готовят тоже хорошо. Конечно, надо и уплатить хорошо. Но зато уж, как говорят, без канители.

А какие блюда раньше готовили?

У нас, как по раннему... Теперь-то готовят, может быть, до тридцати блюд. Это ни к чаму, ведь это же всего не скушаешь, и у человека ведь желудок-то не рязиновый: он не растянется. А раньше у нас было только так, это я вам про раннее скажу. Раньше варился суп. Это уже обязательно. Это было в обязательном порядке. Первое блюдо — суп. Если это было постное время, тогда из сухих грибочков. Если у кого-то не было, не случилось грибочков, тогда постный горох, гороховый суп варили. Второе, это была обязательно рыба жареная, или всё равно в каком виде и картошка отварная. Если тоже был пост, тогда же были посты, что даже рыбу не разрешалось. Такой день совпадался, что в этот день рыбу нельзя, тогда только вот картошка, подлива грибная или даже жаркое грибное, что-то из двух. Потом была рисовая каша с изюмом, густая рисовая каша с изюмом, потом был компот. Это уже включительно всё было. И к компоту подавались сладкие пироги. А к рыбы подавались с морковкой пироги. Да, это уже у нас в деревне так модно. Как морковочка поспявает, так наши бабки все пякут с морковкой пироги. А теперь новая опять мода: теперь с зялёным луком и с яичком. Да чаго вкусные пирожки, но мы маленькие пирожки пякем. Вот, когда только свеженькое пёрышко поспявает и тут же мы его мелко крошим, отвариваем вкрутую яички, кладём туда сливочное масло, пока яички горячие и всё это вот размяшаем. Тесто уже начеку. И такие пирожки особенно горячие — объядение. И заключительный у нас подавался кисель. Густой клюквенный кисель. Люди называли «разгонщик». Уж если кисель подался, значит за столом ты не будешь долго чваниться. Освобождай место для другой партии. А теперь и сыру нарежут и кол-

басу нарежут. И чего только там. И такая рыба, и скумбрии ящё накупят и сялёдку поставят и это можно сосчитать до минимума, может, двадцать — двадцать пять блюд. Но все же блюда никак не испробуешь, никак. Особенно, тяперь мы старенькие, придём с кладбища, когда и холодно, сразу стараешься горяченького супчику. Горяченького супчику поешь, да если картошину возьмёшь с чем-то, уже почти ты сыт, никак уж больше не лезет. Это надо же всё силой. Ну, вот так теперь народ. Один перед одним: раз у няго было много, я ещё больше поставлю. Это ни к чаму.

А когда поминают за столом, что говорят о покойном?

Доча, говорить нужно, сидеть так тихо, чтобы слышно было, как муха пролятит. Но теперь этому не подчиняются. За столом ряшаются всякие проблемы. Это очень грешно. И покойнику от этого пользы никакой. Ведь в действительности мы пришли яго за поминальной трапезой помянуть, посядеть спокойно, вспомнить о нём. Ну, не о каких-то наших хозяйственных дялах, особенно луковых. Всех здесь волнует это луковое горе. И тогда вот начинается обсуждение. Это тоже очень нехорошо. Ну, нет, теперь таких старых людей, которые могли бы поставить это всё, как было и как надо. И кто-то и скажет, возразит, никто никому уже не подчиняется и не верит.

А раньше люди сидели... даже как. Вот в чём хоронили, никогда не мянялася одежда. С кладбищ или пяхком приходили, раньше не было подвозки, теперь машина нас водит. В чём хоронили, в том мы должны были прийти за поминальный стол сесть. Это было так красиво видеть! Все в нас рясы чёрные, платки чёрные, рясы длинные. Это можно было видеть и понять, что да, действительно, поминальный стол. Теперь и пожилым и молодым эта ряса, это обмундирование всё мяшает. Теперь все быстро в кельях раздяваются, всё вешают на свои мяста и выходят вот просто так, как я сяйчас. Кто, в чем одевши. Садятся за стол, это уже не походит на поминальное, не походит. И будешь говорить, будешь худой, лучше не говори. Вот я за свой век, я ещё ни разу не сняла и ни разу не расснарядилась. Как мне Бог дал, чтобы я шла в этом. Я прихожу, отведаю всё, что надо, и также ухожу домой. Домой прихожу, хоть догола раздявайся, никто не подозрит, никто не скажет, а это всё уже ушло. Это в городе простительно, там нужно в автобусах ездить, в трамваях. С этим я согласна. Но в деревне кого бояться? И все же знают, что мы служим, у нас такой закон. А вот... свет переменялся. А

наши бабки и прабабки, и мамы, они не раздвигались и не снимали в храме одежду, как пришли, так и уходили. И вот какую дрявню? Я вам Софию назвала? Там очень много старичков набожных, они каждую службу ходили в моленну или в церковь. Но они свою одежду никогда не снимали и довольно далеко идти. Всё равно они знали, что весь мир знает, что сядо дня праздник. Сядо дня законно так идти, они не снимали.

А за столом о покойнике уже не говорили?

Ну, есть, конечно, такие покойнички, что они же очень... Вот у мяня одна женщина недавно, может быть три месяца уже и есть, как она всё говорила: «Не волнуйся, я тебе помогу, когда полоть надо или когда огурчики убирать, я помогу тебе». И прошло буквально два или три дня, как соседка приходит, говорит: «Ты слышала новость?» — «А какую?» — «А твоя помощница умярла».

У мяня так всю и пробрало, что вот, два абсолютно дня говорили. И всё. И вдруг ей нет. Так, конечно, уже о таком покойнике, тогда уже не до... Судят, рязут как человек мог так быстро и что такое причины. Если хороший человек умирает, его долго не забывают. Очень долго. Ну, конечно, если безродный или такой вот спивший... ещё так скажут, чтоб Бог его собрал, чтобы ён это делал...

А дявятьый день у нас панихида, поминовение. Раньше молились и в двадцатьый день, а теперь это давно уже. Уже батюшки отмянили, стало очень, как сказать, не постоянно. В двадцатьый день не молятся, а в дявятьый и сороковой это в обязательном порядке. В сороковую также у нас в моленной весь свет зажигается, к каждой иконы свяча и годовую... А это смотря какой народ и какая жалость. Примерно мы своих родителей, вот папы уже двадцать лет как ён скончался, мамы — пятнадцать. И каждую годовую¹ мы не пропускаем и память² не пропускаем, вот когда они умерли. Папа умер двадцать шастого мая восемьдесят чьтвёртого года, а мама умярла тридцать первого марта восемьдесят дявятього, по-моему, года. И мы каждую память молимся, нас много, мы скопляемся и пока мы ящё ни одной годовой не пропустили. Вот тяперь по брату молились годовую. Вот сястре было три года, тоже молились. Одному, может быть, было тяжело все эти памяти соблюдать. А нас

---

¹ *Годовая* — годовщина смерти.

² *Память* — зд. то же, что годовая, годовщина смерти.

всё-таки еще осталось четверо. И родители нас очень берягли, много научили. У нас никого не было такого, как спустился, ещё что-то такое, недоброе дело. У нас все пошли в хорошую сторону.

А если человек сам решил уйти из жизни? Как тогда поминают?

Нет, нет ни в коем случае, тогда пишется так по-божьи, что яго могилку даже нельзя ни цвятка, ни вянка, совершенно ничаго. Он не дождался своего срока, он раньше время сябя загубил. Тогда же могилку нужно сровнять и затоптать, но этого у нас не делается. Каждый своего плохого или хорошего жалко. Хорошего жалко, а плохого ещё больше жалче. Так и памятники ставят. И такое там украшение, что даже и не следовало бы, но всё равно делают. Вот сейчас, если один единстванный сын у матери так сделал. Ну, как она может ровнять эту могилку? Делают, прибирают... но поминки уже по яму никакой. Совершенно никакой! Их хоронить нужно как — без похорон, без всяго. Их просто нясут на кладбище молча. Но даже умудрялись люди побогаче которые, так даже музыку заказывали. Ну, он и так с музыкой скончался. Да, даже музыку заказывали. А факт тот, что их нужно несть не так, как нясут обычного покойника. Ну, пока до кладбища-то нясут так, как и всех. А в ворота кладыбищенские их должны повярнуть обратно не так. Нас нясут ногами вперед, да? А яго должны, даже не в ворота, в ворота нельзя было при батюшках, а через ограду и вот обратно. Нет, так подавать через ограду... Под крест их нельзя носить, а на воротах же крест частной. А сйчас всё пошло по-другому. Сйчас, вот именно, что они не ходят в храм, они не слышат этого слова, которое читают, они ничаго не понимают, они гнут на своём: «Он крящёный, он такой же человек и всё!». Некоторые просят: «Ну, попойте вы по яму, он такой же бедный...». Так просишь Христовым Богом, что нельзя, не положено, — может быть, он будет в Бога лучше нас. Но раз закон не позволяет, мы не можем этот закон перяйти. Всё равно всё надо всем говорить, доказывать.

* * *

Я как наверно, старинного, подела человек, я верю, в эти, в разные... как мне и сон приснился, как покойница свякровушка, моя свякровушка, я с ней, конечно, не жила. А только я вот в этот год за яго вышла, когда ёна умярла. Она мне пряснилась во снях. Я, конечно, и на самом

деле по ей читала. У нас по покойнику читают псалтырь. Вот и я читала по ей псалтырь, а я тогда ещё в молодости, очень боялась покойников. Ой! Для меня это было читать! Это что-то ужасное! Вот смотрю, догорает свеча. А покойник у нас лежит как раз напротив иконы. Да, догорает свеча, а у мяня уже дрогуніца¹ не знаешь какая по телу. Мне надо идти справить, иначе она, может, упадёт, загореться может. Да, никак. А старушка такая была, Марья Осиповна, она спала рядышком на кровати. Я приду, говорю: «Марья Осиповна, свеча догорает, ну, будь ты добрая, справь». А она мне и скажет, она любила ещё шутить и говорит: «Ну что ты боишься? Она не тронет тебя». Ещё наоборот, говорит: «Иди от свечи, поправь, да и улыбнись ей и бояться не будешь». Мне еще хуже. Ну, представьте себе?! Опять прошу: «Марья Осиповна, ведь я чем-нибудь в жизни с тобой разбярюсь, что ты мне помогаешь. Ну иди ты!». Свячу справит, немножко почитаю, пописать захочу, опять: «Осиповна, пойдём, сходим со мной на двор!». Вот она впоследствии (она уже тоже была хиленькая) и говорит: «Ну, ты мне и надоела: и свячу справь, и пописать свяди, и всё, всё. Ну, сколько ж я могу тябя обслуживать?» А я ей говорю: «Да может быть, дальше больше я не буду бояться покойников, я тогда сама буду ходить». А она и говорит: «Нет, по-моему, ты никогда не станешь такой смелой, ты всё будешь бояться». И вот вижу сон: читаю, читаю... и вдруг ей не понять, наверное, кто читает, вот моёй свякровушке бывшей. Она начинает голову поднимать, а такой с моленны налой принясёно, на котором всё мы читаем. И она начинает заглядывать, кто читает, а мне уже ужасно страшно. Но всё равно, я еще продолжаю читать. И вдруг вижу, она уже одну ногу спустила. Она начинает садиться. Это во снях. Ой, милые мои, я бяжать! Она сзади. Это было как наяву, на совяршенную яву. И вот я прибяжала, на той стороне ещё жили, на северной. Я прибяжала, вот так в угол-то втиснулась. А вот тяперяшний мой деверь, яму уже восемьдесят шастой год, сидит со своёй хозяйкой, пьют чай. Он сидит как раз в большом углу, а хозяйка яго напротив. А я вот вбилась туда, и вот так стою, а свякровь уже передо мной. Я вот так махаю и говорю: «Угоните вы ее, что она с мяня хочет? Ну что это?». А она мне так явственно вот сказала (вот тяперь я уже сорок восемь лет в этом доме) и она мне сказала, говорит: «Доченька, не брыкайся, — раньше такие

---

¹ Дрогуніца — дрожь.

слова, говорит, — всё равно, этот угол твой, и ты будешь здесь. Не надо так...». А когда я проснулась, меня вот так колотило, я так была испугавши, я орала на весь дом: «Покойник взади бяжит!». И в основном, я же всё-таки читаю. Так я, мяня долго это было не разбудить, я горазд¹ кричала и мяня всю трясло. А бабкам интересно. А бабки-то ещё накануне вечером шутили со мною, что вот свёкор этот холостяк, здесь ещё парень только с армии, тоже холостой. И вот такая-то Осиповна и говорит: «А мы, знаешь, схороним Катеринушку, да здесь и останемся, ты — с молодым, я — со стареньким. И им хорошо будет, и нам хорошо». А я в драку, толкаю и говорю: «Мне не надо и дарма́ такие женихи». Вот и видишь сон-то, что не надо и брыкаться, ты всё равно будешь здесь... Так я им боялась сказать, что они меня разводили, оставляли уже заранее, спрашивали: «Ну, скажи, что ты так, что ты видела во сне?». А я закрывшись глуху, я только взглянула, что ляжит ли она или убёгши? Сон-то мне ведь такой же соснился. Так я взглянула, что она всё-таки ляжит, тогда я говорю: «Сяйчас от мяня ничаго не спрашивайте, я потом вам расскажу». И уже и отчитали, схоронили, и я им так и не сказала. Потом только, долго сгодя уже жила здесь, так тогда Марьюшке сказала: «Марьюшка, ты меня оставляла, и так ты мне и на-пророкола²».

И вот все равно, несладко было, а всё равно сорок восемь лет отжила и всяго пережила. А вот такой в нас был закал, что нам было, родителей мы боялись, людей стыдились. У нас не было так, что сразу и развод. Вот теперь шикарные свадьбы отыграют, уж какие захотят свадьбы, что таких и не надо бы. Я без свадьбы, просто стол был накрыт, вот в моёй снохи, которая... она уже умёрши. Котлетки были нажарены, рыбка была нажарена и картошка, ну и капуста была стушёна. И весь стол. Чай попили, кому нужно было, там немножко, бутылка или две было водки какой-то. Выпили сваты-то мои, да вот родствянки. И на этом дело и закончилось... И наутро мне уже приходилось сразу встать... и за хозяйство, и корова была, и борова были, и два мужика было. И я должна была это уже брать всё в свои руки. И до сих пор. А эта свадьба: подарков надарят неведомо сколько, а жизнь-то не склады-

¹ *Горазд* — очень.

² *Напророкать* — напорочить.

вається. И это всё идёт не так как надо, так я считаю, если человек попал задушевный, и если всё у вас хорошо, на что эта свадьба?

С мужем вы хорошую жизнь прожили?

По-разному, да слушай, трезвый был он исключительный человек, он был и чисто плотный, и работающий. И особанно как он рьят любил, по нему можно было еще десять штук. Очень хороший семьянин. Они, бывало, другой раз и проштрафятся или что-то провинятся. Ну уж он не давал мне пальца на их положить. Или видно, знал, что у яго судьба такая короткая. Вот, но рыбаки, они часто изрядно поддавали. Ну тогда, конечно, характер неумолимый. А так нельзя сказать, что... всегда мы были поевши, всегда у няго дрова были заготовлены. По хозяйству он был очень хороший.

А Вы на родителей не обижались, что они Вас так выдали?

Знаете, мы как-то воспитаны совсем по другому, нам, видишь, стыдно было отойти, стыдно было что-то такое...

И понимаете, жалко так всё, когда мама на меня смотрела, она, может быть, от того больше подхватила болезнь. Она «Изауру» смотрела, а ведь мы тогда все... Она долго шла, и мы все были заражены фильмом этим. Это я не знаю! Вот в огороде масса миру¹. Весь мир в огороде. Лопатки, вилы, грабли — у кого что. Как только эта пара начинается, как бурей всех смоеет, никого в огородах больше нет... А он, при ём (при муже) мы как-то старались не убегать, он как уйдёт куда-то к бане или там что-то на берег делать, и мы бягом скорее, у соседов не работает телевизор — соседи ко мне. Вот он приходит и говорит: «Да, бури не было, урагана не было, и грозы не было, но народ смывши весь. Как настоящим ураганом». Да, а мы это вот всё ведь смотрим и смотрим, а тогда в нас рассуждений: «Вот бы она лучше так сделала, убязала бы и сопряталась». Наши-то мнения не годятся к этому фильму. И вот мама попала моя, я даже не помню, досмотрела она эту «Изауру». И вот она меня сравнивала с этой Изаурой.

И когда мы к ней на день рождения поехали в палату, мы долго сидели, там такие нелюдимые эстонцы ляжали. Они прибрали мою маму, прибрали. Это одна так, четыре коечки было, две койки так и мама так... Одна эстонка первая ляжала, мама — вторая. А тогда ещё мамы

¹ Мир — народ.

вот так койка была... тоже эстонка, русских не было вообще... одна была очень хорошая эстонка. А одна и говорит: «Почему вы сюда поехали, ваши лекари за озером, уязжайте туда!». А в мамы ещё сохранились паспорта, папин и свой, тогда ещё не подпись была, а палец, чёрный паспорт. Ну вот, и мама так плакала и объясняла: «Я в Эстонии родилась и в Эстонии умирать буду, и куда вы меня посылаете?». Она пожаловалась даже врачу, что сил нет, что всё время только упрякают и только гонят за озеро. Ну, врачиха пришла, и конечно, поговорила по-хорошему, что так нехорошо, что она старше вас здесь всех и эта бабушка такую сямью вырастила, что ей перяд смертью надо дать покой. Всё равно донимали. Тогда мама позвонила и говорит: «Доченька, найди наши с отцом паспорта и найди все мои старые документы». И даже раньше были ведь книжки — «Мать героиня». Если пять детей, так уже «Мать героиня». И эта книжечка у няё цёла. Вот и я нашла и с этой сестрой я послала. И она тут же говорит, как Таня вынула с сумочки, и я им сразу всем дала посмотреть, что вот не отсылайте мяня туда, куда мне совсем не нужно, а посмотрите. Вот тогда она немножко стала молчать, она убядилась, что действительно, документ показывает, какие мы. А когда вот восемьдесят-то лет, все приехали с гостинцами, у кого что. Одна тётя моя Акилина, тоже уже покойная, всех обносила, мама и говорит, а мама моя зла не помнила ни от кого, хоть кто ее обидит, она по-божьи всё прощала, она и говорит: «Сястрица, обняси их всех, пусть они на мяня не гневаются, ведь мне навязли столько, ведь я же всё равно не скушаю. А угости всех». Так они ни за что не брали. Ни в какую не брали. Что они считали, отравят их или что? Ну, ведь мир — море, каждый своё мыслит. Вот, но всё-таки Акилина всё время всем им клала около подушки: «Хотят — бярут, хотят — нет, были бы угощённые».

* * *

Да жизнь, может быть, была бы прекрасная, а в нас дом был такой бес-толковый. Вот эту половину, здесь были бездетные муж с женой, не имели детей никогда. Так в немецкое время была сдана эта половина и патрулям, и немцам, даже бедненькие эти пленные... Баня у нас большая, старая, на берегу, так там были пленные загнаты, издывались над ним эти немцы и эстонцы. А этой пользовались вот чины, начальники

этих патрулей, да всякие пограничники. А там все три сямьи. Ну вот, сами представьте, как жить. И вот уже подпоследки, когда меня сюда привяли, тогда уже эта половина была, они уже особенно стали не ладить, так разделились, бездетные сюда пришли, они здесь жили самостоятельно. А там всё равно оставались, считай, другой брат и мы, это две сямьи. В одной печке шастнадцать лет я отстряпала. Она была, господи прости её, о покойниках плохо нельзя говорить, правая сторона моя печки, левая — её. Большая там русская печка, там всего ведь никак, и она была настойчивая и настолько злая. Она этот весь угольный жар приграбит себе, у неё всё кипит, и рыбка кипит и что там у неё в горшке варится, всё кипит, а моё и не закипает. И вот я нажимала всю жизнь только на слёзы. Пожалуюсь свёкру, муж-то с раннего с утра на озере, яму и нужды нет, яму только вечером подавай на стол, а что сварено — и сварить негде. А я с фонарём, была у нас такая, сушильня называлась, в подвале. Раньше мы цикорий выращивали и вот на таких больших печках... это целую до полночи на улице цикорий этот мыли, потом она чахнет от воды, пока не стекёт, а потом мелко крошили и сушили и тогда на кофе его ведь принимали. Потом он уже с моды вышел, тогда мы стали морковь сеять, а по первости это были наши барыши — цикорий, а он вырождался вот такой! Его никак так не вытащить, так всё или лопатой или вилам. Это вначале завязишь¹ его, немножко стронешь с места, тогда только вытаскивался. Теперь этого ничего не стало, я теперь и говорю мужу: «Давай ты как-нибудь... Ну, мне совершенно негде сварить, она меня в могилу раньше время вгонит. Давай эту печку выломаем, она ведь нам совершенно не надо». И когда стали уже лук сушить там, так это надо по печке на колесечках кувырком там поднимать эти кошалины, делали поладше. Ну долго я ему говорила, никак не соглашался. «Попробуй ты это всё разорить!» Никакой беды, я буду помогать тебе, только дай согласие. Так вот мы эту печку выносили всю на улицу. И тогда старикашку такого, который умел сделать плиту, сделал нам плиту. Так тогда-то я немножко спокойно вздохнула, так опять света-то тогда ещё не было. С фонарём... Фонари такие, знаете, были с ручкой? Да.

И вот я там готовила. И один прекрасный вечер сварила суп, фонарь повесила на руку, а кастрюлю нясла. То ли я фонарём зацапила лестни-

---

¹ *Завязить* — поддеть, подцепить (?).

цу, то ли я это поскользнулась, я эту кастрюлю всю вылила на себя. Ой, это что было! Это я вам не могу предсказать. Теперь уже не видно как, а то было долго. Вот так всё мне здесь, всё было в пузырях. И я сойтить не могу, и я кричу, и суп весь — по лестнице. А тогда ещё свёкор был жив, он такой для меня был добрый. Он скорей налил мне в таз холодной воды. Так вот пока я в холодной воде держу эти пузыри, тогда вроде так мне не больно, ну как стоит только мне вынуть с холодной воды — ой, это ужасно! Ну, а когда вот эта сноха всё-таки, наверно, пожалела, постного масла бутылку мне принесла и говорит: «Как невозможно намазывай, как невозможно больше, даже наливай. Потом мне откупишь это масло». Ну, а потом уже утром он отпросился, на озеро не поехал, так повёл меня к врачу. А врач тоже, наверно, не понимал ничаво особого от ожога, и он мне только эти пузыри срывал и выпускал эту вот... дурь-то там накопится с этого. Ой, вы знаете, мне корову было не подоить.

Сколько я перяжила! А потом идёт одна старушка с деревни, с нашей улицы, а в ей здесь огородец был, и говорит: «Доченька, а что это ты, стоя, корову доишь?» Обычно ведь надо присесть. А я заплакала — ноги-то ведь в меня все забинтованные — и говорю: «Знаешь, тётя, мне большое горе». — «Какое тебе горе?». Я говорю: «Я ведь обварилась: суп вылила на себя». — «Ай, тошненько! И как это тебе помогло?». А я говорю: «А очень просто: в меня нету таких... как ты встала утром, затопила плиту и знаешь, что она твоя и варишь, а у меня таких удобств нету. Я в сушильне варю, в подвале». — «Ах, ты бедная!». И вот она мне дала ряцепт. И вот я по сей день ей благодарна. Теперь она уже много-много лет в подзямелье. Она и говорит: «Ты ж коровушку свою держишь. У тебя, это... творог. Ты делаешь творог?». Я говорю: «А как же! Самая наша вкусная пища — творог свеженький». — «Вот, сделай самого свежего творога и самое настоящее это... подсолнечное масло. Так его размяси, растолки, чтоб никакого клочка не было. И тогда влей туда постное масло и тоже опять всё как тесто размяси, чтобы всё соединилось масло с творогом. И тогда уже ничаво больше не делай. На одно стуло сядь, на второе положи ноги. И на марлечку и накладывай вот на это на всё этот творог».

И вы знаете, через, может быть, десять минут настолько было температура в ногах, что творог этот делался прямо — корки! Момянтально высыхал! И я момянтально опять накладываю. Уже работать мне никак. В огород я вовсе не могу войти: там грязь попадёт и совсем бу-

дешь готов без ног. Так я только вот так сама себя всё время обслуживала. И ведь залечила ноги. И говорит она мне: «Завтра пусть Петя тебя больше не вядёт к врачу, он тебя угробит. Как это он всё время только выпускает эту гадость и ничем не лечит». Только я вот перястала к яму ездить. Он даже сам один раз приехал и говорит: «А что вы больше ко мне не появились?». А я говорю: «А, господин доктор, мы уже справились». Да. И вот посмотрел, но не помню, сказала ли я яму этот ряцепт или не сказала — не помню. Но удивился, что как это вы так быстро могли всё поправиться.

Так это я теперь вот сколько я испытала. Я никому не посоветую жить двум медведям в одной берлоге. Это так ужасно! И так тяжело! Это, считай, нервы остались уже там... Теперь уже и памяти нет, и головушка болит каждый день. Хоть бедно живи и плохо живи, но живи один. Когда и поспоримся, так же никто не отживёт. Всягда ведь что-то какие-то бывают перяплясы. Но ты один, тебя никто не слышит. И со своей сямьёй. А эта... если сказал кому-то пожаловался — так разведёно вот так. И всё время одни неприятности.

* * *

Пасху пякли. К нам когда Пасха приходит, у нас столько забот! Мы ведь пячём — у нас не куличи называются, а пасхи. Ну и вот, в меня две круглых противени: одна немножко поменьше, а другая ещё больше. И вот я уже приблизительно знаю, я столько растворяю теста. На ночь растворяю: по-божьи нужно на ночь растворить, чтоб это тесто немножко бродило-ходило. А утром я тогда яё мяшу.

Я туда вливаю семь яичек разбиваю и взбиваю очень хорошо, пачечку сливочного масла, пачечку маргарина и обязательно этого постного масла. От постного масла она никогда не застывает, не чарствует — всё время тесто очень хорошее. Ну в общем, туда разные сдобы: и ванилину, и потом ещё есть... в трубочках такой этот... Забыла... Не, корица — не. Корицу не кладём. А душистый этот... Булки-то ещё есть такие продаются. Ну вспомним, это прилятит в голову. И вот такая сдоба, и тогда печечка топится. Мы их раскладываем по меры. Туда намажем яичком, тогда изюм с этим. Тогда опять ляпёшечку делаем. И так по семь ляпёшечек каждая пасочка, семь дней Пасхи празднуется, и семь ляпёшечек должно быть. А наверх тогда там кто как умеет укра-

шает. Кто цвяточкы делает, кто просто «Христос воскрес» буквы ставит — кто как. Это — по жаланию каждого пекаря.

И тоже это такой святой праздник, так с душой его... Вот яички красим. Яички должны быть всё красное, красной красочкой. К Троице красим в луковой шелухе, что эта краска-то ведь тоже всё химия. Хорошо, если они не треснут, тогда не вредят. А большинство яичек как-то они очень нежные такие, тонкие такие, так трескаются. Тогда нужно эту краску вырезать. Ну, а как вот когда первый раз «Христос воскрес» пропеют, идут старушки подают — это так отраднo видеть и слышать, и красивая служба. У нас очень красиво поют в любую службу. Ну, а теперь у нас уже голоса не те стали. Уже вот в Троицу я немножко простыла, и уже у меня голос страдает. А так я пела очень... Не хвалюсь, но голос у меня, хоть я уже и старая-престарая, но голос выдавал. Вот теперь барахлит. И у нашей бабушки такой голос яркий, хороший. У нас так с ней всегда хорошо получалось. Ну, а годы ведь тоже своё берут.

И вы все 16 лет готовили все вместе эту пасху?

Да. А детей росла в одном. Потом мне уже так надоело. Я стала плакать, сказала: «Уйду и уйду. Больше я не буду с вами. Надо дядиться». А свёкор меня всё тешил, пока не умер, всё тешил: «Не волнуйся, доченька, только меня не бросай. Всё будет в порядке. Вот заправим и кирпич, и материалов — всё-всё сделаем». И так и не сделал. Пока люди добрые меня саму научили. А от моего тоже помощи я не могла ждать. Он тоже всё говорил: «Ой, такая огромная печка, как ты яну разоришь да как ты сложишь, да кто тебе будет ложить?!». Но впоследствии я всё-таки набралась сил, взяла в свои руки. Раньше ведь было при советской власти как: с кем родитель жил, тому автоматически всё и переходило. А мы жили, хоронили, и он всё время числился с нами. Ну и в яго, конечно, было и завящание сделанное, тот сын его очень обижал. Всё было нам.

Теперь я поехала, научили меня ездить к адвокату. Я к адвокату поехала, а адвокат всё... И попала на русскую женщину. Мне так повязло! Я обратно ехала и времянами так шла от адвоката даже плакала, думала, это уже Бог мне за моё страдание помогает. Да. Что не надо было ни переводчиков, она так всё выслушала и так всё хорошо! Она говорит: «Золотце, а что вы приехали к нам? Зачем вам лишние деньги платить?» (Я и с документами была, я ей всё показала). Она и говорит: «Так вы ведь — полная хозяйка. Ваш муж — полный хозяин. Что вы приеха-

ли здесь от нас пытаться?». Она меня всё поднавострила, поднаучила. Я домой приехала, как шалко́вая и говорю: «Вот ты теперь сиди и ещё страдай, а я бяру дело в свои руки». Я тут же пошла, людей нашла. Всё плакал, что яму будет печку не разорить. Я говорю: «Корабль какой!». Два мужчины таких самостоятельных, трудолюбивых. Пока я вот в город ездила за принадлежностям, они мне всё разобрали. Я приехала на часовом автобусе днём, у них и комната подмятёна, весь мусор уже, весь кирпич на улице. И кафель весь уже сложено попорядочку, что делили кафель: половину — йим, половина — нам. Так вот на той стороне со старого кафеля сложена.

Ну, печничок такой уда́лся очень хороший старичок. Так и со старого сложил не хуже, как с нового. Тяпла было там очень хорошо. И так всё сделали. Но, понимаешь, она настолько была такая... ножо́вая и нахра́тная¹, что уже начартили и дверь, что им отдельный ход, чтоб коллдор отдельно. Мы ж с коллдора отдельно ходили как хозяева, а они — через двор. Но они так устали за день. Они успели за день мне все заборки² забрать, что я уже слышала, но их уже больше не видела. И хоть мне ещё и варить негде было — печек ещё не было — да, но я уже душеньку отводила спокойно. И вот сяду чай пить — вот войдите в моё положение — я сяду чай пить и говорю: «Господи! Это, наверно, всё-таки я тебя, грешная, но умолила.» А бывало вот мою, мы мыли местные комнаты две по очереди: вот сегодня она моет в субботу, вторую я должна уже мыть. Потом она сбилась с очереди, перястала мыть. Ну, а мы так не приучены были, мы в грязи не могли быть. Это вот теперь в меня непорядок, что у меня нет в руках ладу, руки уже отказывают, а раньше я была очень чистоплотная. Мне тётя, когда мы в одном кабинете жили, в одной комнате, приедет с Тарту, придёт меня навеситить и говорит: «Ой, я даже удивляюсь! Ну как ты можешь?! В тебя совершенно одна комната — ни кровать не помятая!». У меня дети настолько были дисциплинированы, оны не смели на кровать, как сейчас я смотрю: такая воля дана! Вот прыгают по кровати — пылища! Не продохнуть! А они уж, наверно, как говорят, и Богом и судьбой обижены. Вот на полу одеяло старое растялю, они сидят дням играют и даже на кровать и не мыслили! Только когда спать, тогда я раскладывала. И

¹ *Нахра́тный* — нахальный.

² *Заборка* — перегородка в помещении.

люди добрые мне пожертвовали кроватку деревянную старую. Одному я поставила кроватку, а второй уже был побольше, уже с дедушкой за руку ходил отца встряхать на пункт на рыбный, и всё-таки Бог мне дал, чтоб перебилась. А старичка такого достала печника, дай Бог бы всех таких были б печнички! Теперь он давно уже умер. Он и говорит: «Не волнуйся, что знаю, всё сделаю и будешь ты в тепле, как серябре». И вот вначале он сделал нам круглую железную печку. «Это — говорит, — быстрая кладка. Это я тебе быстро сделаю. Так что уже можете с Сашей и спать уже в своём кабинете, никуда не ходить». А так мы сюда к старухе ходили ночавать. И потом плиту сделал со щитом и нас обиходил, и мы — слава Богу. Конечно, тоже всяго было, но всё-таки мы... За столом нас никто не видел, что мы ели, что мы пили, ругались ли мы. Конечно, она придумывать придумывала, что мы там ругались и всё... Но это всё было сплетни. Бог помог.

А теперь-то ещё лучше Бог помог. У меня ведь там только комната и кухонка. А здесь у меня, можно сказать, три больших комнаты. Так теперь здоровья опять нет. Когда я могла и просила Бога, вот как стану пол-то мыть, никого нет. Как пол начну мыть, так через меня и начнут прыгать: то они есть захотят, то пить захотят, то в йих там ещё внуки были, на скамейках полезут. Опрокинут скамейку кверху дном и вот по полу. И чаго только я не перяжила! Наверно, за то, что я ещё не бросила этот дом и до сих пор посящаю, так я ещё всё-таки живу. А может, другой на моём месте уже давно был бы в могилы, а Бог помог, что я всё-таки все тяжести перяжила.

Вы говорили, что частушек много знали... Может, вспомните какие-нибудь?

Теперь, доча, с головы это всё уже улятело. Ну некоторые, ну очень мало... Так они не такие уже и хорошие. Были такие маленько просмишливые¹. Вот помню, как с Пийриссаара ехали. Так мужики поднапились и начали спорить. А буря на заходе, волны уже так и играют — так страшно! А которые меня бабки знали, и говорят: «Ведь ты столько знаешь частушек, дак пой ты им, бесам, пусть они замолкнут. Может быть уснут, так не будет драки». Вот один такой начал что-то такое хочет высмеять меня, хочет что-то такое мне сказать, а я встала да яму и

¹ *Просмишливые* — насмешливые, высмеивающие.

пою: «Стоит милый у ворот, / Широко разинув рот. / И никто не разъярёт, / Где ворота и где рот». И он и сел. Ну, оказалось, что это дело касается яго, что у няго рот большой. Через малое время, не успели маленечко проехать, опять начинает возникать. Тогда я опять яму пою: «Сидит дроля на крыльце / С удивленьем на лице, / А у дролечки лицо / Занимает всё крыльцо». Все бабки — в покаточку, что откуда это бабка бярёт такое и всё это...

И вот так я до самой Вараньи. Сюда моторка не шла, только в Варанья. И я вот забавляла всех таким своим прибауткам. И они кто спал, кто уже успокоился. Так бабки Вороньи чуть мне в ноги не кланялись, говорят: «Ну не ты б, мы были б утонувши все. А — говорят, — ты сумела всю банду развеселить». Так кто спал, кто подпывал, кто что делал.

Я и танцорша была — ой, это ещё Бог меня накажет. Так это зато так ноги болят, что ужас! Я не ждала, что кто-то меня пригласит. Если музыка заиграла, мы с подругой уже пошли вокруг. Весело было. Ой, хорошо было! В нас так было весело, что в нас были гармошки, аккордеоны, баяны. Никто не спивался. Никто никак не дурил. Танцы было танцы, кино было кино. И всё как-то всё дружно и умно. Ну, конечно, рот не затискался¹. Если мы с кино выходили, мы уже по деревне с песням. Уже люди знали, что сумасшедшие идут с кино. Веселье было сколько хошь. И подруги были не теперешним чата. Вот у меня две закадышных подруги: одна в Таллинне, другая в Кохтла-Ярве. Вот с ним можно и подялиться, и пожаловаться, и открыться, это уже вот как этому столу. А теперешние люди вот и среди наших уж таких-то поколений только одни сплетни, одна клеветя. Ну, к чаму она приводит? Со всем ни к чаму не приводит. Ну, нету дружбы и нету такого сплочения и мира, как раньше люди жили. Раньше ведь люди в основном боялись Бога. Лишнее прегряшение оставляли уже позади. Людей стыдились. Знали, что люди тоже не похвалят, что-то скажут. А теперь идёт сплошное всё теперь это уже...

---

¹ Затиска́ться — закрываться (?).

* * *

Брат ослеп. Совсем. Совершенно ничего не видел. Семь лет в нас был в темноте. А исполнилось яму шестьдесят пять, когда он умер. Семь лет отбыл. И три месяца отбыл вот этот парализованный. Три месяца отжил. Ишо с Тарту приводили в Калласте. Как бы мне вам теперь не напортачить... В общем, сколько-то дней отдержали в Тарту, но видят, что безрезультатно, тогда — в Калласте. Так они содрали с нас неведомо сколько денег. Вот так перявозили и такого инвалида. Яго семья бросила, он одинокий. И вот брали такую сумму, теперь не могу вспомнить. А вот я ещё пообещалась вам паспорта показать. Сейчас. Ай, нахвостовала! В девках унаследовались там, в девках унясёно, а я думала, что всё в мяня. Вот чудо-баба. Извините, что я вам нахвостовала. Это военный билет, это ещё отцова с эстонской.

На фронт не забирали отца?

Не забирали. Сямнадцать раз мучали яго. Сямнадцать раз. А только Бог помог яму выкарабкаться и уцелеть. А уже к расстрелу был приведён, уже и под номером первый стоял, самый первый на расстрел. А получилось как. Когда в эстонской армии служил, и этот начальник, руководящий этой армией, он сильно любил рыбу и любил ездить с кем-то на озеро. И вот всё приязжал сюда к дедушке, к отцова отцу, и он так был признакомивши, бабка у нас такая была добрая тогда и нечем было шикарничать кормить. Но он рыбку любил. И вот, бывало, бабка яму в русской печке блинов напаячёт, рыбы нажарит — ой, он прямо расцвятал. И тогда скажет: «Дедушка, а меня с вами не возьмёте на озеро?». А дед говорит: «Ну, сын в тебя служит, как же я не могу тебя взять? Я должен тебя взять, чтоб ты всё-таки смотрел бы наше Чудское озеро».

И вот понимаете, чудо: он так уже выведенный, отец стоит ни живой, ни мёртвый, что сейчас приказ на машину грузить и повядут на расстрел. Наши деревенские здесь почти все были. И откуда ни возьмись, пришла машина. Начальник явился. Начальник явился и начинает этот строй-то обходить, а отец-то стоит первый. Так ведь отец-то уже измянивши, не тот, что он знал яго в армии. И ведь признал и говорит: «Ты, случайно, не Иванов?». А отец-то яго сразу узнал. Начальники, они не особо сработавши, их можно узнать. Говорит: «Ой, — называет яго по имени, по фамилии, — как ты сюда попал? Пойдём в контору». И ведь он увёл отца в контору, в это время их всех увяли на расстрел.

Расстреляли. И отец в окно слышал, как это выстрелы раздавались. Отец яму всё рассказал, как дело было. С начала и до конца. И он и говорит, пичатал там отцу какой-то документ, пичать поставил, подпись и говорит: «А теперь тякай, пока ходят поезда, тякай и больше, что я тебе советую сюда не...». Так он всё и рассказал, что, наверно, кто-то от злобы вот так, что меня сямнадцать раз забирали, а вот сямнадцатый раз — уже и расстрел. «Никакого расстрела тебе не будет. Уязжай». Так это ведь чудо огромное! Чудо! Вот говорим, нет судьбы... Есть судьба!

А расстрелять кто хотел?

Эстонцы. Ведь это они теперь только красятся. Йих было полно. Особенно были жестокие вырусские. Ой-ой-ой, какие оны были жестокие. Кого они искали, понятия не имею, но оны так досконально всё рыли и так всё дознавали, что это один ужас. Там ведь немцы тоже не похвалишь, тоже были... Но вот над пленным — это только эстонцы издывались. Вот есть специально названа немецкая просека в лясу. Лес там вырубленный, а просека оставши. Так они, понимаешь, на себе носили эти брёвна и мостили эту просеку, дорогу делали. Голодные и холодные... И когда какая-то бабка принясёт, тихонечко им бросит поесть. Ой, тоже несладко приходилось. И впоследствии их же утопили, погрузили на каку-то баржу. Вот эти, что жили здесь, они полный клуб был, вот теперь-то где клуб, полный клуб был военнопленных это всех утопили... А какие они были рукодельные. Всё корзиночки нам пляли, тросточки пожилым людям делали, кто уже ходить самостоятельно не может. Так выжигали и красили. Ой, ремесленные люди были. А песни какие пели задушевные! Вот одна песня мне, наверно, стих один, запомнился: «Не для меня вясна придёт, не для меня Дон разольётся, а сердце радостно забьётся...». Ой, уже забываю... Красивая песня.

Мой дядя тоже там в войну в тюрьмы погиб. Похвалил Эстонию. Там такой в Татарии был голод, и такой был мороз рано и смёрзла вся картошка на полях. И вот собирали эту и ели мороженую картошку, и тогда пякли что-то с этой мороженой, даже эти опилки прибавляли. Так жаны удалось вырваться опять сюда на волю. Он жаны писал, что у них сын был Борис, а сын был ишо подростком. Он всё писал, что: «Верушка, сама себя беряги, как неможно сберяги мне сына». А сын он не был взятым, он оставши был с дедушкой. А сын тоже простудился: не бярёг сам себя. Всё удить ездил, за ягодам ходил по росы босичком. И менин-

гит подхватил и тоже скончался. Так вот дядюшка похвалил, что в Эстонии мы больше яиц ели, как вы мороженой картошки. А тогда за слово Сталин-то сразу это... Вот пожаловались: попал в тюрьму и там с голода умер. Так и слов-то было сказано! Похвалил! Пример поставил, что больше ели яиц, как картошки. И всё, и сгинул.

Ой-ой, много всяго пережито... А вот спросили вы ещё про танцы. Такие были задушевные танцы! Что не заснёшь и ничего не сделаешь. Первым долгом был вальс, потом был фокстрот, потом — танго, полька, а полька — это ведь вначале кружишься в одну сторону, тогда в другую. Это такое вяселье. Да ещё ножком протопнешь, чтобы ещё вяселей было. Ой, а что эти-то танцы! Господи! Я и говорить про это не хочу. Ой-ой-ой... Это не танцы — это что-то какая-то выдумка, это — безобразие. А тогда в парах танцевали. И девочка с девочкой танцевали. По-разному. Кого пригласят, а кого, может быть, и не пригласят, но сидеть никто не сидел — все танцевали, исключительно все. Как только этот век будут доживать люди, а мы дожили свой век, слава Богу. А теперь нам дорога в зелёную рощицу, так нам уже много не надо.

А «зелёная рощица» — это что? Кладбище?

Да, кладбище. Это мы так называем “зелёная рошщица”.

А у вас тут одно кладбище?

Одно. Ну в Казепели есть своё, в Варанье — своё. У нас — своё.

Вы, наверно, устали от моих сказок. Надо только мне проконтролировать, что с самоваром... <уходит, потом приходит снова>. Камень серый, камень серый, камень серый, сто пудов, не такой тяжёлый камень, как проклятая любовь! Смотрите, как красиво сидеть, и самовар пыхтит. И он так долго, пока не кончатся угли. Лучше всего из берёзы угли, дрова-то ведь ценятся берёзовые. А в меня-то вот прихотливые заприхотуют... Я говорю: «Ну, что вам сегодня сварить?» — «Мама, давно солянки не было, соляночки.» Ну вот, соляночки... Окрошку не ядят, не хотят. Говорят, куда нам такая сёга¹?

Сёга? Это эстонское слово?

Да. Завтра Пятров день. Завтра Пийриссаар гуляет. Теперь я уже много-много лет там не была. Ну, никак не много. Вот когда было там юбилей

¹ *Сёга* — смешанное, мешанина (от эст. *sega*).

моленны, то мы со своей батюшкой туда ездили. Ну, и жарница была в тот год — ну, невыносимо! Хоть свои рясы оставляй на берягу. Ужасно было. Ещё все в чёрном во всё. Ой, какая жара! Ужасно-ужасно... И там тоже храм маленький и народу полно. Ну а проходило так всё хорошо, прямо согласно и не было никаких таких перядрячек.

А рясами называется любая одежда?

Это мы свою одежду так называем. Ряса. Это мы просто прозвали, это она не называется. Она называется по закону широкоплешник. А ведь в нас в деревне всё по своим названиям. В нас не поймёшь: иностранный язык или какой.

А кто Вас учил готовить?

Всё в мамы мы научены, всё в мамы. А потом уже как — самодельщиной: у кого спросишь, как делал, и всё бярёшь в свою кочалму¹ и вот тогда до сих пор и говорят люди, что живи и век живи и дурачком всё равно скончаешься. До сих пор я не знаю, как молодёжь не хочет это знать. А мы, старики, всё хотим знать. Если понравился пирог у кого-то, сразу спрашиваешь: «Что ты туда клала? Как ты делала?» И другой раз и запишешь, другой раз запомнишь и опять сотворишь новое. Это если такую жизнь отжить и не научиться ничему, так это тоже позор. В меня муж любил очень хорошо поесть. Бывало, стол накрыт от и до, а он и говорит: «Давно блинов не было, спякла б ты блинов». Я яго другой раз и подальше посылала, я говорю: «Как тебе не стыдно, я за день уже устала, а тебе ещё блины пяки. Ешь то, что на столе». Скушайте хоть голубочек-то мой один.

Нам иногда говорят, что заранее гроб, например, готовят. У вас это не принято?

Нет. В нас некоторые были. Ну, может быть, от силы если три случая было. Одного старика я помню. У няго даже не пустой гроб стоял, а зярном наполненный, что как будто бы пустому гробу нехорошо стоять. Так раньше зярна сами ведь сеяли, навалом было. Так вот зярном был насыпанный. А у другого опять, этот не горазд давно умер, у этого был самолично всё сделанное. Мастер он был, сам себе сбил, всё склотил и навярху у няго ой, много лет стоял. А у этого не знаю как, но

¹ *Кочалма* — голова (?).

постоял. Даже вот не поинтересовалась, что свой ли был или уже готовый. Он был бездетный. Родня-то была, ну а дтей своих не было. Хотел заранее запасть, чтобы потом не бегать, людям не волноваться. А получилось так, что запасть он запас гроб, а здесь такой бедный-пребедный парень умер. Ни родителей у няго не было, никого и совершенно некому было и хоронить. Так вот он пожертвовал, что гроб денег не было купить готовый, и он пожертвовал свой сделанный гроб. Так что всё в дело пошло. Раньше же люди были очень такие они помогали людям, если у него нет, так и одежду свою отдавали, и в общем всё-всё помогали, чтобы люди тоже были похоронены, как положено.

А священника принято приглашать перед смертью, чтобы исповедаться?

Да. Это, доченька, за то, чтобы чаловек уже всё своё последнее оставил на земли и свидетелю. Чтобы это... Говорят, что вот такое покаяние — оно полезнее всех: что он уже больше не проклявещет, никого не увидит, ни с кем не будет говорить и рассказывать. Вот это самое последнее покаяние — самое дорогое.

А что делать, если человек не успел покаяться перед смертью? Как тогда быть?

Я не буду про деревню говорить, так вышло с моим собственным братом. В меня даже обида есть, обида огромная есть. Когда он был помоложе, я яму всё заводила, что надо на исповедь сходить, надо. Он не отрицал, что именно не пойду или не хочу. А говорит: «Да я ведь ещё не умираю. Ну что ты мне всё время зубришь? Я не умираю». Я говорю: «А когда придёт смерть, тогда мы уже не успеем». Ну и так всё год от года и оставалось, а потом пришло время такое, что ослеп. Ну, и по одному-то яму, по-моему, не нравилось, что батюшки таперь — женщины. Говорит: «Кому каяться?» Я говорю: «Каяться можно даже дереву. Бог это не спрашивает. Лишь бы ты на земле оставил свой грех и покаялся о нём». Я ему предлагала, пока Давыдыч был жив. Это той моленны батюшка. И он всё откладывал. Ну и до того дооткладывал, что болезнь приступила плохая — ни языка, ни глаз. Но я считаю по своей веры, сколько я знаю, что он, какой бы он ни был и как бы он ни поступал или ни смотрел на такие дела, но он отстрадал. Ведь, понимаете, он — один ядинственный семь лет в темноте даже сам топил! Он ни ядиного грамма не видел. Сам себя, если мы вовремя не придём, он сам себя обслуживал. Это уже из мучеников мученик. И то, что, может

быть, он в душе уже тысячу раз покаялся и попросил у Бога прощения, но наша батюшка не согласилась яго хоронить. Вселенной панихидой! Мне так обидно было. Мне и сейчас обидно. Я не могу это обиду простить.

Здесь одних два пьяных утонули — но это уже три года прошло — пьяно пьяные, лезли сами себе на смерть. Знали, что пьяные, зачем на озеро идёте? И йих хоронили с таким почестям! Одного, конечно, только что в храм поставили, а он на исповедь никогда не ходил и понятия не имел. Яго не поминали, просто заодно. По этому пели похороны, а этот стоял как свидетель. Но тоже вначале вот несём на кладбище по одному отпоём «Святой Боже», к другому бягём гробу поём «Всепетая Мати». В общем, было очень такое хорошо сделанное, обдуманное. А мой брат, видите ли, никак не удостоился. Так вот меня обида бярёт, что почаму пьяных до сих пор поминают — творят памяти — поминают, а моего брата нельзя. Так он уже за всё ответил! Мы боялись, что когда он ослеп во цвете лет, мы думали что он погубит себя, что-нибудь сделает, что нервы не выдержат. Ну, попробуй вот закрой на несколько минут глаза и иди куда-то что-то. А он настолько уже был приспособивши: он и дверь замнёт¹, и закроет, и дрова себе принясёт, и стопит. Топить для яго было — это самое мучительное. И он только просил, что как бы скорей лето, как бы скорей лето! Чтоб тогда не топить, так он хоть отдыхает. А так он же не видит, догорела там головешечка, не догорела. Сколько раз был чуть не на смерть угоревши. И он за всё отплатил Богу! За всё! Вот есть в нас какой-то выбор, что кого-то можно, а кого-то вообще. Так пусть бы это он. Так ради меня б они посочувствовали, что я с малолетства — теперь мне будет двадцать пять лет, как я на крылосе пою и читаю — так вот, со мной посчитались бы, что я не обиделась так, чтобы рассердилась и не пришла в моленну, я всё равно хожу. Так хоть бы ради этого, что сястра ходит и всё. И главное, в меня всё по яму было сделано: и начала положено, и скитские покаяния отчитаны — я столько трудилась! И другая сястра — мы все Бога просили и молились. И это не засчитали. Вселенной панихидой похоронили.

---

¹ *Замнуть* — замкнуть, запереть на ключ.

У православных можно потом ответить. А здесь так нельзя?

Нет.

* * *

В Пасху мы на два крылоса пели по три человека на каждом крылосе, и очень хорошо в нас получалось. А теперь один крылос хромает. Приходится на одном крылосе, что нету человека и не хватает. Ведь смотря опять у кого какой голос. А теперь старушки все не в моготы, так надо... И в похороны у нас ведь канон большой и весь поётся, тоже на два крылоса поём, тоже лягко. А теперь вот она мучается с ногой. Не знаю, как она.

Новые никто не учатся, ни совершенно! Вот были две девочки, и девочки были такие более-менее, степенные, хорошие. Мы были такие довольные, что всё-таки двоим уже есть замена, что мало ли слягем или что-то нам сделается. Так немножко походили, а в школе йих разуверили, что это что вы, дураки, начали? Что вам плохо на свободы быть? И они бросили. Молебен хорошо уже читали и в общем уже немножко привыкали к нашим обычаям. Не понравилось: всё-таки здесь надо держать себя как положено, а ведь на улице и в клубе там можно по-разному. Вот и плохо. Вот мы ходили поминали родителей в Троицкую субботу. В нас же на каждой могилке поют. Так в меня была одна обученная. Говорю, что: «Тебе делать нечего: ты пенсионерка. Иди на крылос. Понемножку зимой будешь всё это учить. Мы тебе книги дадим и всё». Она привыкшая, она в деревне только летом, а в городе всё время. И говорит: «Ой не, я на крылос не приду». Ну, а нам чтобы что на два крылоса всё-таки полегче петь, так ходила пела там. Не так прочно, но всё-таки... А учить не хотят. Я говорю, а поучись — ведь как хорошо! Никак. Смолоду не научилась и теперь не хочу. Вроде, не знаю, правда или неправда, а какие-то женщины зимой собираются учиться, ну так что это всё? Это уже всё не то. Вот мы с самого с малого возраста научились. Так мы что-то и помним и знаем, и нам что-то внушёно. Мы это исполняем. А теперь уже это...

А как вы поёте — по нотам или по распеву?

По распеву. Ноты мы не изучали. Баловства в нас тоже было много. Если бы мы хотя бы не изучали, а если бы всё время внимательно слушались бы, у нас были такие головщицы, это ой, не знаешь, как их

назвать, молодцы. Так мы могли многое их перянять. Так баловство... Статью батька читает, а нам надо выбежать на улицу пошалить. Не было усидчивости. А теперь-то локоть близко, да яго больше не кусишь. Часто собираемся и говорим, что вот, дурачьё, баловались. Ведь если бы мы всё вникали бы и прислушивались бы и люди бы нам подмогли, мы всё бы умели! А так мы только по напеву. Ну, конечно, в нас с малолетства очень заученные и запомненные, что мы не сбиваемся. А что не знаем, тогда уже не по солям и никак, а на глаз поём.

В нас в одной бабки — восемьдесят шастой год — ну, у неё голос, как в кинареечки. Ведь это можно сказать, что старуха самая настоящая, но сохранился голос, как она красиво поёт! Ой, Господи! Я говорю: «Манюшка, — её Мария звать, а мы её всё Маней называем». Я говорю: «Манюшка, как тебя не станет, ну нам и горе будет». — «Какое вам горе?». Я говорю: «Кинареечки не будет. Ты сейчас ведь так хорошо нам помогаешь!». И такая, можно сказать, крепкая старушонка: она отстоит всю службу, ни разу не сядет. Мы уже ей стул предлагаем, что ведь по возрасту, что ведь в нас ноги болят, а у неё ведь и давно. Но она вот не сядет. И вот стоит — ну, прямо красота, как поёт. Это редко таких людей, что до такого возраста сохранился голос.

А вы за грибами-за ягодами ходили?

Ой, ещё и как! Это хлеб наш был. И мы... это теперь-то велисапеды. У нас же такая семья была, у нас не было велисапеда. Но все сёстры и брат — все научились считай на чужих велосипедах. Они вот были такие как-то смелые и если у друга там или у товарища велисапед — дай мне прокатиться, дай мне! И так научились и до сих пор ездили, но я, отпетая, не научилась. Сразу я как-то не спрашивала: «Дайте прокатиться». А потом меня там стали учить водить. Ну, еду, вроде еду ничего. Как какой-то дядька или тётка попадаетеся навстречу: «Дяденька, иди прочь! Я тебя сейчас раздавлю! Ай, дяденька!». Все — впокаточку около меня. И в общем, подставили... Ну, наверно, такой велисапед был... Седло острое-острое. Ой, мне несколько дней было даже плохо ходить... И меня охота-то большинство отпала.

Потом, когда всё опять зажило, я опять начала, а не довьяла дела до конца. И так плохо теперь. Я так каюсь! Смотрю, женщина старше меня — раз на велисапед, и хайда! У нас вот и батюшка женщина. Она на два года старше меня, но она на велисапедке объездит весь белый свет. И она говорит: «На ногах у уже больше ня могу». Она в Больших Коль-

ках живёт, а моленна-то здесь. Так вот она говорит, что если б не велисапед, я б тавно уже закончила б в моленну ходить, у меня ноги не служили бы. А на велисапед — раз, приехала, и никаких сложностей. А тада сама себе иду с моленны и ругаю: «Дура ты старая, не научилась! Ведь как было бы приятно, куда надо — раз и поехала». А это ведь... Смолоду в мяня горазд походка была ходовая. Быстро я любила ходить, я не любила это так... вразвалочку. А теперь и сама вразвалочку. Да. Так вот, бывало, в мяня один мужчина и кричит: «Да! Тебе не надо ни велисапед, ни машины: ты всех обгонишь. Пешадралом всех обгонишь». А вот теперь так ломит ноги, так болят, что один ужас. Большинство ночей и не сплю, не даёт по ногам. А смолоду не нуждалась: куда надо — бягом, моментом лячу. И думаю, Господи, ну как это оны так вразнавалочку идут — так это некрасиво-то так женщины. И пришло время, как мне одна бабка сказала: «Дорогая ты моя, войдёшь в мою лядинку¹, всё время так не будешь прыгать, войдёшь в мою лядинку». И правильно и есть. Подошло время, и лядиночка подошла.

Лядинки раньше назывались в лясу мяста такие: грибная лядинка, ягодная лядинка. Так это, понимаешь, она-то уже достукалась до этой лядинки: и ноги болят, и всё болит. И когда-то и я войду в эту лядинку. Вот така просто поговорка была, что войдёшь в эту лядинку. Это лядинка такая вот, примерно как кусты да вот поменьше заросли, она такая более светлая такая. Вот. И там всягда тогда были ягодки и брусника. Вот обычно всягда любила это лядинка бруснику. Брусника не любила в лясу в гуще, а такое более-менее редучинки² — там ей было ой-ой-ой! А теперь-то всё вырублено. Мы теперь не знаем уже больше, куда мы ходили. Раньше было ведь лес был нетронутый. Настолько было и грибов, и ягод!

Один раз случай был. Ильин день. У рябятх у моих у обеих стояли эти пластинки, выпрямлялись зубы. И как раз вот в Илью нам надо было к одиннадцати часам уже быть в поликлинике. Ну, и здесь один ленинградский жил с сямьёй на даче, там в соседней деревенке, они были к нам очень признакомивши. Такие добрые были: куда только задумаем, сразу вядут. Ну, я говорю Константинычу: «Вот надо рябят свести к врачу». «Ну, дело не встанет — поедем». Ну, поехали. А ничаго в уме

¹ *Лядина, лядинка* — небольшой лесок, опушка леса.

² *Редучинка* — редколесье.

мы не дряжали, что попадём в лес, и мы с пустыми руками. Как в город снарядивши и всё хорошо. А назад едем, а в яго было место, всё боровики росли, белые грибы. Он и говорит: «Знаешь что, Ивановна? Надо нам заехать на моё место. А, может быть, там они попадут зря». Я говорю: «Константиныч, ты что, в штаны что ли грибы будешь класть? Нам совершенно, у нас ничего нет». Теперь вот полно этих пластмассовых сумок, а раньше-то этого не было. Ну, милые мои, мы всё равно пошли с пустыми руками. Вот поверьте, вот такая площадка, может быть, с мою комнату или может быть чуть побольше. И вот там йих хоть косой коси. Хоть косой коси! Ну, хоть раздявай самую лучшую одежду и расстилай и начинай собирать грибы! Поверьте! Я и говорю: «Константиныч, ну пусть мы-то дураки, но ты-то ведь умный мужчина: ты хоть что-то бы взял, хоть бумагу какú-то взял, куда мы могли их всё равно собирать». Ну, куда собирать? Ведь в кучки кладём. Это срязаем. И даже ножиков-то у всех ведь нету. А гриб-то ведь надо ножичком срезать... Ай как набрали, милые мои! Так уж, конечно, мы свои юбочки не пожалели, подол подняли. Кто — во что, кто как мог. Кто эти большунные репейники нашли эти листья, туда паковали. А он жил там в Муравейке, в соседней дерявёшке.

Вот теперь и говорит: «Знаешь, Ивановна, я тебя домой не повяду. Поедем к нам в Муравейку, будем солянку грибную варить и жарить будем. О, поедим! Ведь сегодня праздник. Что тебе дома делать? От вместе здесь все и отпразднуем». И знаете, какая в меня ворона была поймана?¹ Вот всё-таки знайте, что Бог есть на свете! Пожизненно знайте. Был в меня такой утюг, только он сам включался и автоматически выключался. И я ряшила, но ведь к врачам-то надо ехать более-менее, чтоб дети-то были чистенькие, хорошие. И я им гладила перед отъездом рубашки и носовые платочки. И я ведь забыла выключить этот утюг. Вы можете это представить?! Ой-ой-ой... Так тогда-то и голова была ещё хорошая, и рахунок² был ещё, а вот как я ворону поймала! И я ведь, если б я вспомнила, так он бы меня обязательно такое дело и он вярнулся бы, и мы выключили бы. Я ни в городе не вспомнила, ни в Муравейке. Это дярвеня называется Муравейка. И теперь спокойно, ой, как мы питались этим грибам... И вот это часто думаю — и да-

¹ *Ворону поймать* — проворонить что-л.

² *Рахунок* — порядок, состояние благоустроенности.

же теперь столько лет прошло, — а я всё думаю: а если бы мне в Муравейку поступил сигнал, что дом уже в воздухе? Что бы я могла тогда делать и как бы я могла жить, ведь это я же ворону поймала... Но Господь меня помиловал. И что вы думаете? Приязжаем, таперь он нас домой привозит. И там и нам ещё банки нажарены грибов с собой. И вошла вот в такую же комнату — там, на той стороне такая же комната — пахнет, тряпкой пахнет! И я так ужаснулась и думаю: а что это такое? Целый день мы не были дома и пахнет тряпкой. А уют-то в меня не на стол поставленный, може, на столе это не так опасно, а на стуле! А стуло-то это ведь тряпкой обшито. И там уже вот такая дыра... Я сразу стала крикаться, молиться, и говорю: «Господи! Всё-таки ты нас потрявожил, что мы вовремя приехали». А если бы!.. А много ль надо, ведь всё сухое в комнате — в момент... Так не говорила никому, только мама была тайна открыта. А мама сказала: «Ах, ты греховонная, разве можно такие вещи?!». Оны меня подгоняли «Скорей! Скорей!» — ну, я и осталась. А вот видишь, всё-таки Бог помиловал. А то бы давно и праху не было. Да ведь не одни ещё жили, ещё другие придумали б — надо выплачивать, заплати за всё это — о-о-о, полная катастрофа была бы, полная катастрофа!.. А вот Бог всё маленько милует.

А с отцом... Ой, в мяня с только приключений! Вы на такую бабку напали, что бяда! Ой, это не бабка, а сто крон убытку! <Смеется>

Отец ходил раньше на всякие эти промыслы — никто не запрещал. Это рыба ловилась, вот на этой рыбы состроено этот дом в прадедах, у мужа в прадедах. Они ловили сняток. На льду там сразу всё от йих покупали, всё они продавали. Потом, когда покупатель не едет, тогда они сами сушили. Были на берягу устроены всякие сушилки. Как вот назывались эти сушилки, дай Бог памяти... Не у каждого, но у большинства было. Печи, назывались печи, где сушили сняток. И вот эти печи они сушили, поворачивали, мучились. Потом продавали. И на лошадях строили. Две лошади было: одна лошадь отдыхала, вторая работала, тогда эта отдыхает, другая работает. Камни-то видите какие на фундаменте? Это всё вручную, и всё на лошадях привядёно. Ни тракторов, ни машин — ничего совершенно не было. И были ещё когда-то признаты кулакам за свой собственный труд. И всё шарили здесь, не знаю, что искали. Это кулаки были.

Теперь как я ещё была в девках, мама не могла, мама была уже в положении и в последнее время ей было тяжело ходить, а так мама с отцом ходили крюкам ловили. Были крючки такие и наживляли плотвой

и ставили на озере в воду и попадались шуки. Столько попадались шук, что такі саночки отец имел рыбацкие, так вот накладёт, как дров! А мяня того брал, что надо запасенку-то под наживку подтягать. Он этим трубочкам руководит там, а я должна за эту за верёвку тащить. Командовал мне так: «Тише. Тяни, только тише». А если надо побыстрее там что-то, то говорит: «Немножко походчэй, немножко походчэй!» И что вы думаете? А тюшки¹ были нарублены вот так, кругом каким-то. И я вот так, это уже мне надоело, и мне уже и холодно, и я хочу быстрее, я это быстрее тяну... Он и говорит: «Ещё немножко — и уже мы заканчиваем. Тащи!». И я ведь вкатилась в тюшку. Я тащила-то вот так, я не видела, а тюшки-то вот так нарублены. Ой, вода в середины чёрная-чёрная, страшная! И хорошо что я успела вот так это об лёд-то и ведь не говорю отцу. Во смелая баба! А отец, если б я ушла на дно, отец не знал бы, что со мной и куда я делась. Но после он меня так ругал! И не знал до самого дома. Мне удалось всё-таки выкарабкаться. Чудом! Лёд-то скользит, ручки-то мои скользят и мне никак! И валенки-то уже полные воды и всё обледеневши. Да. Таперь только я ему говорю: «Папа, скорей бы домой, скорей бы!». А ён мне говорит: «Ты, девка, наверно, устала, садись на рыбу, я тябя повяду». Ему и так-то тяжело, еще и ры-бы-то полные санки и меня надо вестъ.

Так я боялась, видишь, сознание в меня было, что мне не надо сестъ, иначе я совсем обморожу всё, заледенею. А так я буду двигаться, так я всё-таки пойду. И вот я домой-то... Вижу вот дом такой же как наш, толко покорооче ещё, вот как следующий и вижу уже этот дом с берега. Как говорят, близко видать, а далече мигать. И теперь думаю: «Ну как же это так? Как бы мне только дойти!». И он мне несколько раз сказал: «Садись, девка, я тябя подвяду, тебе легче будет». Я говорю: «Не, пап». Так ведь он-то слышит, как я вся обледяная, как шёлк, в меня всё скрипит. Ну яму не дошло до этого, что он видит, что я же всё-таки на льду, не в тюшке. Вот я прибяжала домой да скорей на печку. Пробовала валенки ещё на улице снимать, а что — они уже пристывши, мне никак. Я на печку забралась. А бабка, покойница, подбежала, да говорит: «Доченька!» А отец у нас был очень строгий, она боялась, что он там меня немного поколотил, что я не так делала. Я говорю: «Не, бабка, я в тюшку сваливши, только не говори папы! В меня всё примёрз-

---

¹ Тюшка — прорубь.

ши». — «Ах, ты греховодница такая! Как же ты так? И как это он-то не видел?» И начинает...

А в этот момент отец-то и входит. Я ей горожу, что не говори ты больше, а она сразу: «Иванушка, ну как же ты так, девка ведь в тюшке была! Ты погляди, как она обмёрзши-то!» Ну, отец тогда меня не бил, конечно, но уже как ругал не знаю как. Говорит: «А если б ты ушла в тюшку, разве ты не могла меня закричать? Я б тебя вытянул спокойно и ты б не перепугалась бы и я б тебе свои портянки замаянил бы, твою мокрую всю бы сняли. А ты боялась!»

Вот видишь, как боялись родителей, что будет ругать, либо може, и побьёт. И вот где-то ловили, може, на середины озера и до дому дошла обморозивши. Так чудом! Пришлось валенки разрезать. Да тогда валенки с меня сдёрнули, и тогда горячего чаю с малиной мама мне налила, а потом отец ходил, где-то достал водки бутылку. Всю мяня перятёрли, особенно ноги, ноги-то в мяня были гораздо... Хоть слава богу, что не пострадала я. Но всё равно ноги и до сих пор боятся холоду, когда горазд сильно... Так пока-то слава богу. Бог помиловал. Сразу малины, и ведь это очень полезно, когда натрут тебя. И укутали мяня в одеяло, да ещё и в два, и я пропотела. Ну, спала крепко. И месяц время кричала. Как закрою глаза, — так лячу в тюшку и тогда ряву на весь дом. Отец проснётся и говорит: «Что тяперь-то рявёшь?» Я говорю: «Пап, да опять в тюшке была». А йих тогда уже смех разбирает. Вот месяц время верзилось¹, вот хотите верьте, хотите — нет. Вот как только глаза закрываю, и мне кажется, что уже всё, и тогда кричу. Как лячу в тюшку, тогда кричу.

Век жить — не мех шить. Всяго, всяго перяживёшь, плохого и хорошего, но хорошего меньше, плохого больше.

---

¹ *Верзиться* — сниться, грезиться.

«Без ұзды не ұедешь никұды»

Об особенностях говора жителя
деревни Малые Кольки
(рассказ 85-летнего старовера)

О. Н. Паликова

Представленный текст является сокращенным и обработанным вариантом беседы с жителем деревни Малые Кольки, состоявшейся 14 июля 2005 г. (запись О. Паликовой, К. Кару). Наш информант — старовер, мужчина 85 лет, всю жизнь проживший в родной деревне и никуда надолго из нее не уезжавший (рыбак, обр. 4 кл.). В речи рассказчика представлены многие из описанных ранее диалектных черт местного говора¹.

Например, на фонетическом уровне: аканье и яканье (*чатыре, таперь, цана, бяри, повядёшь, в берягу, ветярок*), форма прошедшего времени глагола *идти* с вставным *и* (*тогда всё ишло; русские ишли; товар ишёл*), слово *двор* с вставным *а* (*адвор*), долгое [н] на месте сочетания [дн] (*по онной дороге ездили, по онному следу*), местоимение *кто* с начальным согласным *х* (*хто, нхто*), произношение твердого [к] в конце основы прилагательных и в некоторых других словах (*крёпкый лёд; эстонец ты или русский; автобус маленькый; редкый случай; снег морозный, лёгкый; вытаскывают*) и др.

В произношении шипящих наблюдаются: долгий [ши] на месте литературного [ш'] (*отпушишено*), [ш] вместо [щ] (*толщиной*), а также вариативное произнесение слова *что*: *што, шо, що, щчо*². Встречаются слова со сдвинутым, по

¹ Большая часть перечисленных ниже особенностей говора приводится в статье О. Г. Ровновой «О современном языке староверов Западного Причудья» (*Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I*. Тарту, 2004. С. 144–154), а также в статье И. П. Кюльмоя, Н. Н. Богдановой и О. Н. Бурдаковой в настоящем издании.

² Ввиду того, что такая передача на письме слов с шипящими приводит к затруднению восприятия, в тексте расшифровки все эти случаи унифицированы и подаются в соответствии с литературной нормой: *отпушено, толщиной, что, чтоб*.

сравнению с литературным, ударением: *толстой*, *парусники*, *тёжело*, *трудное дело*.

На морфологическом уровне наблюдаются такие характерные для рассматриваемого говора явления, как окончание твор. падежа мн. ч. существительных, совпадающее с окончанием дат. падежа *-ам* / *-ям* (*сетям* ловили, со сви^ньям, с коровам), использование в форме предл. падежа окончания *-и* / *-ы* у существительных жен. рода на *-а* (*при моленны и жил, в келье*), отличающиеся от литературных формы слова *деревня*, лошадь (*все деревня скопились встречать; в лодках с деревён выезжали; лошады*) и глагольные формы (*ставют, ходют; бегёт; ён пособляе; не подойтишь*).

Для прилагательных характерно употребление стяженных форм (*зимне время, зимны лов, друга* смена, *сама* ранняя ловля, купель *специальна* есть). В речи нашего информанта регулярно используется типичная для говора синтаксическая конструкция сев.-зап. перфекта *в кого сделано что* (*это в отцова брата построено; это в меня куплено; завязёно много всё с заграницы*), а также пассивные конструкции типа *в войну был я взятый советской армии* и др.

Кроме того, обращает на себя внимание то, как много лексических диалектизмов использует рассказчик. Он не только называет диалектные слова, но и объясняет их значения, удивляясь по ходу дела, что нам это интересно. Здесь и лексика рыболовецко-озерная (*прилов* был налима; *снетовые заколы*; *снетка весной в нарост*; *кто жердь гнал — жерник*; *вытяжка* уже была — *вытаскивали невод*; *трёнка* — это маленькая, а большие лодки — *пятерня* были; *овалочек* / *валышек* ‘маленькая волна’), и слова, называющие предметы быта (*шарьки* вот сюды прицапали на дугу; *корфик* с алюминиевой проволоки; *тогда коня запячивают и запрягают*; у нас в масленицу какие *катки* были).

Встречаются как диалектизмы, отличающиеся от литературных слов по своей словообразовательной структуре (*снетовые, побережь, потихает, конёвья, праздничать, ковёрчик, тихенько, смирнеть*), так и такие, которые отличаются по семантике и сочетаемости: *часть с отцом ходил в озеро* = ‘частично, иногда’; *ранняя ловля* = ‘такая, которая была в старое время’; *сбивали в кучу* = ‘вместе’; *каменную работу делали*¹ = ‘строили из камня, кирпича’; *что день* = ‘каждый день’; *в берягу* = ‘около берега’; *ходовой конь* = ‘быстрый, хорошо бежит’; *диким камнем <строили>* = ‘не из кирпича, из природного камня’.

Находим мы здесь и примеры местных поговорок, одну из которых информант при необходимости легко модифицирует: *Без овса не уедешь никуда / Без узды не уедешь никуда*. См. также: *Помним, как сейчас смотрим; Гриб и огурец — в животе не жилец!*

Ну, и без чего беседа — не беседа, это сюжеты и зарисовки из жизни и быта деревни. Несмотря на то, что нам довелось беседовать, в общем-то, со мно-

¹ Вероятно, от эст. *kivitoöd* ‘каменные работы’.

гими жителями причудских деревень, каждый рассказчик упоминал что-нибудь, о чем никто еще не говорил. К таким редким, на наш взгляд, сюжетам можно отнести рассказ о катаниях на лошадях на Масленицу: *В Вороньи в среду, в Казепели в четверик, а в нас в пятницу только катка была*; упоминание ветра *пийриссаарский тяплик: Тяплик — тёплый, самый хороший ветер, это рыбный ветер для нашего берега*; рассказ о купании коня: *Купался конь — купать водил яго в лодке: привяжу к лодке сзади и еду, покуль он плавать будет*. Замечательно подробно рассказывается о том, как готовить знаменитый вареный сахар: *Раньше варила моя мама, я не варила. Научиться можно быстро, но только надо уметь*.

Поскольку многое в этом рассказе построено на вопросах и ответах, воспроизводим его, сохраняя приметы живого диалога, например, словечки *знаешь, слушай*, комментарий *<смеется>* и др. Как представляется, это позволит читателю не только увидеть лингвистические нюансы публикуемого текста (лишь небольшая часть которых упомянута выше), но и почувствовать характер самого рассказчика, живо представить особенности его мировосприятия и отношения к жизни.

* * *

Вы родились здесь?

Здесь, да. И всю жизнь здесь. Я работал сначала рыбаком, а тогда в совхозе, Алатскиви совхоз, там был 13 лет. И в рыбаках 14 лет был.

Родители тоже отсюда?

Да, считай что рядом, с одной деревни тут. Вот я покажу карточку, я с мамой сфотографировавши на ярманке. В Нина ярманки раньше были в нас, при Эстонии, при той. Вот мама. Раньше мода была, видите, — это муфты!

Это какой год?

А, слушай, я точно и не помню. Это давно... Ну, мне было примерно лет шесть, это я стою с ей. На своей лошади на ярманку ездили, с

Эта и другие публикуемые здесь фотографии были пересняты с фотографий информанта с его разрешения

отцом. Он сдумает¹, что это лошадь не работает зимой! Это зимне время, на саночках! И вот, говорит, давай, съездим посмотреть, ну вот и поехали. Тут шесть километров отсюда, Нина².

Когда вы начали рыбачить?

Ой, я и не могу точно тебе сказать, в каком году. Ну, мне примерно лет 17 так было... Часть с отцом ходил в озеро, часть самостоятельно, а тогда колхоз был, как русские вступили. Артель. А в Алатскиви это уже тоже при советской власти. Это рубли ещё были, так за рубли, да.

А в школу вы ходили?

Да. Четыре класса. Здесь школа была, вот вы ходили там, где волостное управление? Вот это школа была у нас раньше.

Много детей в школе было?

Детей было не разом всех, до обеда друга смена, а тогда после обеда другие. Не очень-то гораз много было. Ну, человек по 25 класс был, и 23 человека, малышей-то.

В поле вы ходили?

Нет, не отдавали. Раньше ничего так жили, с озера всё. Этот дом и всё — с озера в стариках. Это в дяди, в отцова брата построено. А отец не строил, а дедушка. Отец был моложе брата, так его взяли в армию. В Брест-Литовской крепости был, служил. Чатыре года — раньше служба, знаете, как была. Дед и дядя, ну, сын дедов, построили дом. Так ведь не двое строили — люди... Я вот всё время думаю и вспоминаю, кто это вот делал? А, знаешь, молодой был, не нужно, а таперь никто не знает. Ручная работа, видите? Диким камнем и цементу не было, без цементу. Известь — три года известь замаливали в яму и стояла.

Один живете?

Да. Так здесь есть таких, что только наливай <смеется>. А так один. Ну, сын приезжает, ён пособляе. Земли в нас мало, нечего и делать больше. Немножко только сделаем и всё. Продукция наша никуда, лук не нужен. Завязёно много всё с заграницы, знаете. А раньше в Питер ездили всё время. При советской-то власти как было. О-о, тогда всё ишло.

¹ *Сдумать* — подумать, решить.

² Нина (эст. *Nina*) — соседняя православная деревня (рус. вариант названия: *деревня Нос*).

Вы тоже ездили в Питер?

Да, раз был аль всё. А жена больше ездила, с помидорами да... А лук здесь сдавали, в Таллин, в склады. Машину вот нагрузишь и повядёшь, и сразу оптом свешают и сдашь. Да, Питер — это тоже нервотрёпка. Ну, больше некуда было деть. В нас вот эта вся побережь возила — лук, морковка, свякла.

А как рыбу ловили раньше?

Сама ранняя ловля была самостоятельнее. Бригады были, артель называлась это. Вот в феврале начинали снетка ловить неводами. Да, неводами выезжали ловить. А тогда сетками. Снетка весной в нарост, в начале мая. Как лёд сойдёт, освободится озеро, так ризцы ставили: ризы, ризец (мырраты¹ по-эстонски). Ну, заколы, снетовые заколы, это лучше всего, да. А другую рыбу сетями всё, в како время это так надо. Ну, сетям мало, а зимны, зимны лов тоже с сетям ловили. Ставили под лёд сети, вот.

Как ставили?

Проруби рубили, специальны такие, называлися пешня. Рубили и жердь толкали, примерно метров тридцать долиной жердь, ну, сбивали в кучу², ну, толщиной вот такие были, и потоньше ещё, и сбивали и вот толкали, да. Ну, тяжёлая, конечно, работа. Как лёд не толстой, а другой раз — семьдесят, восемьдесят сантиметров толщина, да.

Зимой какая рыба?

Зимой лещ, судак, щука. И прилов был налима. Налима мало, большинство лещ, судак и щука.

Какая самая дорогая рыба?

Судак. Лещ дешевле, щука тоже дешевле. Раньше ловили сетям — двадцать шесть сетей ставили под лёд. И сразу смотрют — тягают их, разбирают там же на льду и опять снова ставят. И если один судак — крупный судак был, на десять килограммов такие, на восемь — и говорили: если только один судак в этой сетке попадёт — всё, хватит! Ну, цана была, не знаю, сколько было тогда... Тогда тоже это кроны были

¹ По-видимому, искаж. эст. *mõrd* 'верша, морда'.

² То есть соединяли несколько жердей.

при той власти, при Пятсы-то¹. Вот тогда была свобода нам. А таперь видите: сиди и не показывайся. И пограничники, и вси. И раньше пограничники были, а не касались совсем это дело. Раньше зимой на лошадях только зимний лов был. Ставили метки, назывались вехи — еловые сучья — километров за двадцать в линию.

А с собой что брали?

А как? Кушать-то? О-о, да какого там братьево²! Так, хлеб немножко, с маслом или мяса маленько, это да. Дык, в карманы — так много ты возьмёшь!

Надолго уходили?

Нет, вечером обратно. Да, утром поедешь и вечером обратно. И по этим... это назывались вехи, двадцать километров высоты³, так примерно. И дорога была набивная, по онной дороге ездили-то, но другой раз снегу тоже много, так... Набивная дорога — это по онному следу ездили, лошадь-то бегёт, так снег примнёт. А как чуть ветерок — занос, опять заносит эту дорогу.

Сколько человек в артели?

В артели, ну, зависит от того, каким снастям ловили. Если в феврале начинали снетка — неводом — тяжёлая работа. Шестнадцать — семнадцать человек. Его ведь тащить надо, вот.

Называли как-нибудь по-особому?

Кто жердь гнал — жёрник. Втроём проруби рубили — на одной стороне и на другой — трое. Тада сходились на одно место в кучу, называли корыто, в кучу. А там тогда вытяжка уже была — вытаскивали невод.

А летом как?

А летом, слушай, мало. Тёплая погода — летом в нас люди были по городам: каменную работу делали... По городам уходили.

¹ Константин Пятс (1874–1956) — эстонский государственный и политический деятель, в 1938–1940 гг. президент Эстонии.

² *Братьево* — окказиональное (?) существительное от глагола *брать*: 'то, что брали с собой'.

³ Имеется в виду: на 20 километров вглубь озера.

И ваш отец?

Нет-нет. Этот дом никуда не ходил. Ну, огород свой был, сотых тридцать было, около дома только что. И лошадь, корова держали.

В детстве что делали?

В детстве? Ай ничего.

Купались?

А, да, это-то да. А что ж, ходил на удочку, вдоль берега удили. А больше и ничего. А в нас другие все уходили по эстонцам в поле, да, со свиньям, с коровам. До школы, до осенней школы.

А игры детские?

А не было, в то время не было, да. Ну, игры такие пустяк, да было, это простые, зимой — гоняли, как шайбу, бегали. Считай не было. Это сейчас всякие игры естя. Ай, да бросьте вы, это не игра была! Так не было, игр вообще не было так законных-то¹.

Пост соблюдали?

Пост? Да-да-да! Только старики, а мы-то молодёжь так это. И сейчас тоже не постничают гораз. Тогда и кушать что..., не привыкши. Это ранние годы, как старина была, так тогда.

Это старые часы?

Да, это в меня куплено, этим часам примерно 130 лет. Только звон потерялся. Мастер ходил, говорит, таких нет частей. А ходют так правильно. А это барометр вот показывает. Вот барометр опять отходит, не знаю, на какую погоду он пойдёт. Да, на ясную, на жару опять. А вверху градусник, температуру показывает.

Часовому мастеру просил, тут ходил по деревне по рямонту. Я говорю, ты, може, постарайся найти часы. Ну, я, говорит, постараюсь. Тогда через два-три дня пришёл, хошь — бяри, нашёл. Это за рубли ещё куплено, вот. Это за большие, да вы не помните, большие такие были это бумажки, не таперь как маленькие. Так таперь кроны опять! <смеется>

Заводить часто надо?

Нет, две недели.

---

¹ То есть с правилами.

А в войну вы где были?

В войну был я взятый советской армии, тогда попали в плен, к немцами. Ой, было... Пюхтицкий монастырь знаете вы? Вот там были. Когда уже русские шли через Нарву, перешли и всё. Тогда кто куды, кто спасся, кто нет. И тогда нас привяли сюда, в Тарту компанию. Кого угнали в Россию, взяли, а нас домой отпустили, это некоторых. Только мало отпустили домой. Плохое время было, это на счастье остались в живых ещё. Домой попали примерно через месяц, сидели в Тарту, под закрытию¹ так. А тогда еще пустили на работу по городу Тарту. Развалины разбирать, да.

Помните, как советская власть пришла?

Помним, как сейчас смотрим. Вот через озеро переехали на крейсерах. Вот где волостное управление, кирпичный дом, вот тама народу! Все деревня скопились встречать. Крейсера идут, а войско слабенькое это. Крейсеру к суши ведь не подойти, так войско всплав, в одеже. А в нас кордон тоже был сколько-то год, пограничники. И тогда и бросили, и всё, и ушли пограничники. Ну, яны пришли хорошо, ничего не сделали. А люди, ой, женщин сколько было! Ну, дожидали: советская власть пришла. И русские, главное, вот. У нас тут все русские видь. Эстонцы тоже естя, много. А это вдоль озера — это всё русские. Это уже с искони веков так и было. С искони веков это русские, уже со старины всё.

И все староверы тут?

Да, православных мало. От в Нина это православные, а большинство староверы. С эстонцам мы жили хорошо. И понятия не было, какой ты, эстонец или русской. И они с нам хорошо. А в русских-от мода, видите, как деревня так живут, а эстонцы и землю любили. А тут же нет зямли. И яны раньше на земли больше работали, усадьбы это называли. Гектар 20–25. Пахоты часть, тогда поля под клевера и под сенокос, а примерно 25–30 гектар было в эстонцах.

Корову держали, а сено откуда?

А в нас было дадено два куска с лесом вместе, так косили это своё. И прикупляли от эстонцев гяктар так. Некоторые продавали сенокос, сено. Ну, корова и лошадь. Так лошадь — клевер покупали, овёс покупали для лошади. Без овса не уедешь никуда. Вот я тебе покажу, какие

¹ Под закрытию — здесь: под замком, под арестом.

лошадя́ <смеется и приносит фотографию>. Это я с конем, Принц название, да. <На обороте фотографии указан 1932-й год. — О. П.> А это Микку, другой конь. Ну, бывает, что не пондравится конь или устареет, покупали другого тогда, вот. Мы и купили от хозяина с названием этого коня¹. По паспорту надо чтоб было всё. Паспорта выдавали, если покупаешь — на лошадь паспорт. А то, может быть, краденый откуль аль какой, да.

Почему закрывают озеро?

Рыбы мало стало. При советской власти сгубили рыбу всю. Были паланы рыбакам — план! Всё равно како́ барахло — план! На вьасы — и план, и всё. Я был в совхозе, так в свинарнике машинам возили ящики, таку мелочь². А там в этой мелочи вся хорошая, всякая рыбка — окунь (а таперь окуня нету) и судачок, и всё было. Маленько постоит (а жара!) — приказ: вон, в ямы.

Запах уже пойдёт, и всё. Кругом озера мутник <использовали>. Мутник — это, знаете, как трал. И на том тоже берегу мутники́.

На том берегу?

Двадцать километров граница у нас по озеру туды³. Ой, люди хорошие были! Как советска власть пришла, так жисть-то туго было, а тут пока хлеб-то был, так за хлебом пьашком ходили. И водили на себе рожь и такое. Люди хорошие там. Таперь бы туды сходить... И гостеприимные таки были. На лошадях туда ездили.

В какую деревню?

В деревню? Окунейство, Вётвенник, во Гдове были. Это Гдов — как граничка. А со Гдова ездили тогда в Питер железной дорогой. С товаром: лук, морковка, свекла. Большаство с луком. Столько населения там! Весь наш товар ишёл только туда.

¹ То есть не сами дали имя коню.

² Ловили любую рыбу, даже мелкую, а потом отвозили ее на корм свиньям.

³ Имеется в виду граница с Россией.

А бывало, чтобы на льдине кого уносило?

Нет, не бывало, спасали. Если крепкой лёд, так спасали. В лодках с деревён выезжали. Эту вясну один из Казепели, ён не молодой и не старый мужчина, машина в яго, автобус маленький, в торговле помаленьку. Один поехал, не специалист ещё, на озеро в лодке. А лодка пониженная. Она — сиди да и сиди, а ён пошатнулся, стал дубом, нашёл ли сетки... и лодка перевернулась, и упал. И до сих пор: искали повсякому, нет. Только редкий случай так бывает. Ну, а есть, такие были, по пьянухе, этих мы и не считаем. Это в берягу¹. Да, хороший мужчина был. Плавать не умел, да и нечего было ехать — ветярок, овалочек², он стал сетки таскать, а пошатнулся набок, а лодка, знаете, какая — фанерная, что это — паутина. И всё.

А для ветра названия есть?

Есть. Запад — западный, восток — вдоль озера. Наше озеро стоит с юга на север прямо. Это север, южный отсюда. И северо-западный, опять чуть-чуть повяртывает. От с Пийриссаара, юго-восточный. Как раз Пийриссаар стоит — 25 километров отсюда. По-русскому это тяп-лик — пийриссаарской тяп-лик. Это как по-деревенскому, знаете. Тяп-лик — тёплый, самый хороший ветер, это рыбный ветер для нашего берега. Ну, сейчас уже время проходит рыбы³, и тепло-то тепло, конечно, а с вясны лучше всего ловить. Самые сильные ветры — западные, на тот берег. Бывает — ой-ой! Что ты! Но только он по вечерам потихает, тише становится западный ветер.

Тогда в озеро не ходят?

Что вы! Невозможно. Но таперь запрет. Ну, рыбаки-то на больших моторах, в йих большие моторы, так надёжные. Но только плохо, плохая ловля при вятру. Не ходят или обращаются назад, возвращаются.

А лодки раньше другие были?

Лодки? Да, конечно! Простые. Раньше так моторов не было. Это таперь специальные моторы. Раньше трудное дело было мотор купить, приобрести.

¹ В берягу — около берега.

² Овалочек — маленькая волна (ср. ниже *валышек*).

³ В июле.

Разные были лодки?

Да, разные. Небольшая лодка — это как для берега, выязжать можно. Троёнка — это маленькая. А большие лодки — пятерня́ были. Ну, это как по-русскому, знаете. Пятерня — потому что она больше и две пары уключин, гряди-то. Вёсла называется. Вот так и называли пятерня. Ну, она побольше, как троёнка.

А еще больше лодки?

Нет, в нас тут нету. Это только в Тарту по ряки как большие, это как будара¹ называлась. Парусники только раньше были, на парусах ходили. А таперь всё больше мотором. Больших лодок не стало.

А коня-то в телегу впрягали?

Да, в телегу. А зимой — в креслы. Это креслы. А как для праздника куда, саночки поменьше такие, хорошие.

А как эти креслы выглядели?

Ну, такие... Вы не видели разве? Да тут и нету. В эстонцах, може, там ездют. Креслы — яны не длинные гораз, метра три долины только. И две оглобли. Оглоблю суют, и тогда коня запячивают и запрягают. Дуга надо и хомут коню.

Запячивают?

Да, запячивают². Заводют так, чтоб как раз в оглобли, к креслам ближе.

А что еще тут у коня?

Узда: без узды не уедешь никуды. И он ходовой был конь, на язду, так! И удилы в рот яму давали, тогда вожжи. Это я сфотографировавши около яблони. Тут сад был, а таперь и нету сада. Купался конь — купать водил яго в лодке: привяжу к лодке сзади и еду, покуль он плавать будет. Начнёт плавать, я оборачиваюсь и обратно. Ну, в жару интересно

¹ Будара — большая лодка для перевозки дров.

² Запячивать — заводить коня назад в оглобли, чтобы впрячь в повозку (ср. нятиться).

это. А плавал, видите! Ногам передним так... <смеется> Хороший конь был. Ход был, о! В Масленицу бывало так только!

Ой, у нас в Масленицу какие катки были! Катались на лошадях, а молодёжь ходили под ручку, гуляли. Да, много людей. А лошадёй тогда! Один перед одним! Лошадёй десять тогда было, и всё в саночках таких маленьких. Да ещё некоторые подопьют, как выйдут из-за стола — и на коня сразу. Эх, да только! Было, да. Это всё прошло таперь, больше нет, и ништо молодёжь и не знает, и не видали этого. Ездили по той дороге, здесь-то как маленька, а по главной улице. А дороги были — асфальта не было, набивная, снежная дорога только.

По озеру не катались?

Не-не, ну что там. Там ништо не увидит! А тут, чтоб по деревне! <смеется>

А лошадь украшали как-нибудь на праздник?

Да, бывало, вянки такие, цвяты, да это всё было. А так большинство не¹, голое так всё это, спина голая.

А чтоб звенело?

А, да-да — шарьки. Шарьки вот сюды и прицапали на дугу. Колокольчики, да. В санки клали покрывало чистое, на сиденье-то. Как ковёрчик, специально для санок и сделано было. На санках только втроём ездили, четверо уже тесновато.

На Масленицу неделю катались?

Да, нет, что ты. В нас один день, а в Казепели — другой день. В Вороньи в среду, в Казепели в четвёрник, а в нас в пятницу только катка была.

А лёд у вас называется как-нибудь по-особенному?

Да, когда подмёрзнет озеро, уже станет, и сильный ветер, так наломает горы такие — это ломы назывались. Это примерно метра чатыре-пять высотой.

А снег?

Нет. Снег и снег. Ну, буря — так занос. Несёт: снегу много, и снег, знаете, морозный, лёгкий, налятевши, и как занос. Тогда и не увидишь

¹ То есть в основном, в другое время.

одного́ никого. Tuisk, tuiskab¹. Да, на озеро не выезжай — заблудишь. А весной ветром лёд идёт, ледоход.

Нам рассказывали, деревни сносило ледоходом.

Да! В нас нет. В нас озеро от деревни подальше и воды меньше. От в Нина, тама около озера, как раз рядом водой. И вода вясной прибывает — глыбина, глыбокая. Как лёд идёт — снесёт! Сносило, да. А в нас не приходилось. А в нас озеро таперь и не озеро, а я и не знаю, что. Было, когда ветряк, вальшешек², тихонько, тихенько, а таперь зарос весь берег. Ну, вот я слышал, что хотят расчищать, а где? Говорят, денег отпущено много, для туристов. А как расчищать, не знаю это дело. Тёжело. А раньше красота была — чистый берег! И хошь купаться, в любом месте — иди и выкупайся. Пясочек, хороше дно. Таперь в этот тростник намывши волной така всяко брахло, и гниёт, и осядает. И как уже тина. Там как пяшком идтить, так завязнешь — вязко. И никуда.

А как в озеро ходят?

А тут гавань выкопана, тут рядом. Приёмный пункт. Раньше тоже были пристани. К пароходу выезжали. Раньше-то автобусов никаких, машин, в Тарту, а пароход ходил. В таки-то часы вот уже с берега выезжают.

Какой у вас праздник самый большой?

Самый большой — Успенъё.

А что делали?

Да ничего — праздничали. Таперь молодёжь — праздник не праздник, а что день — пьянка. И вот откуда, как, я не знаю.

А в гости ходили?

Да, как же. Это было мода! И бывало праздничный стол — о! И не говорите! Это Успенев день, я тогда в совхозе работал, а уже стол вот дома собранный, раздвинутый, и сидят! А меня нету. С работы не уйдёшь, покуль отпустят. Ну, отпустили, и всё... Это было в почёте! Сейчас нет. Ни в кого! Ну, знаете, может тяжеловато маленько с валютой³ тоже. Да и ништо и не будет это. Молодёжь, знаешь, таперь кака. У нас хуже всего свои делали дрянь. Таперь смирнеют, смирно стало. А часто крали по ночам. От меня трёхфазный мотор водяной, пашню, что

¹ Эст.: метель, метёт.

² Вальшешек — маленькая волна (то же, что овалочек).

³ С деньгами.

это рубят лёд, уняли ночью. А никого больше нет этих, все взята или по пьянке умерли.

А раньше?

Нет, этой моды не было. А раньше и не пили. Государственная водка была, и каждый не мог — откуда это взять было. Этого не было. Ну, так, выпьют в праздник, скопятся, молодёжь, и в семье когда. С песням дома посидят, и всё.

Детей строго воспитывали?

А какие семьи были. Семьи были всякие. И сами выражались, а кого тогда учить? Вот в нас вообще-то и не знали этого, таких выражений.

А в лес ходили?

В лес ходили — вот черника поспеет. Вот таперь должна, наверное, быть. А таперь всё уничтожают — ни чарницы, ни малины... Леса выпиливают. У нас тут раньше лес был — сюды километра чагыре. Около дороги там, ну, лесная дорожка, так черника была. Мы косим, а народу, женщин — укаются¹! Ой, было! А в меня малина своя насажена. Вот скоро поспевать будет, наверное. Ну, лясная, говорят, лучше, не знаю. В меня и эта хорошая.

Грибы какие?

Вот, говорят, были, а сейчас² не стало. И не будет, вообще не будет — сушь! А так грибы — да. Боровик, подосиновик, петушки вот бывають — хорошие грибы. Обабки. Я и не знаю. Я не хожу гораз... Гриб и огурец — в животе не жилец! <смеется>

А как крестили?

Купель специальна есть, в моленной стоит. И батюшка... У нас батюшка женщина. Яна всю грамоту, всю свободно знает. Да мало старушек. Не учут таперь, молодёжь и не думает. И ребятишки и не пойдут. А раньше учились, да.

А когда ребенок родится, что дома делали?

В наведы <приходили>. Это как посещать. На столе тогда чай. Это главное — чай у нас.

¹ То есть слышно, как они перекликаются в лесу, собирая ягоды.

² Этим летом.

Из самовара?

Да. Раньше чайников не было. Самовар — на угольях. А таперь чайник — пять минут, меньше, и чай. Самовар никелевый был, литров на двенадцать или поменьше, може, маленько. Вон, один стоит. Это таперешний, с Таллина с магазина. Увидали так привяли мне, что красивый. А электром работает. А раньше так: угли, труба специальна така самоварная, и такой ход в печке круглый, трубу в туды и один конец на ряшётку на самовар, и ставят... Ну, уголь — это грязь только, пыль. Это не дело.

А может, из самовара вкуснее?

Говорят. А бросьте! Без сахара так и из самовара ничего.

Варили сахар?

Да, я варю другой раз. Я умею! Специальна така чашка малированная, белая. Примерно килограмма полтора пяску и в сливки. Два пачка сливок. И вот туда смяшаёшь, и на огонь. Но это надо аккуратно смотреть, чтоб не переварить. И какаво я маленько прибавляю, чтоб для цвета, а то белый. Один раз мне прислали с Филяндии конфет таких, думал, что шоколадные. Как и шоколадные — красота, прямо, вкусные. Стал варить — никакого ничего! Маленько коричневато стал и всё, а запаху нет. Сахар, да. В нас некоторые варят. А большанство — конфеты.

Раньше варила мать, моя мама, я не варил. Научиться можно быстро, но только надо уметь. Чтоб не переварить — есив переваришь, то выльешь и в рот не возъмёшь. Закаменеет. Когда уже сваривается чуть-чуть, тогда надо снимать с огня. Больши тарелки такие, и на тарелку выливать.

А чем свиной кормили?

Свинью? Морковка, свяклá. Лучше всего — сахарная свяклá. Так варить надо ей. Сырую не гораз. Последние годы я не варил — достал таку машину, с совхоза была, привяли мне: в машину заправишь и пустишь ход, так яна текёт как каша. Это ещё лучше варки. Там всё в ей оставши, витаминны. <Рассматриваем фото-

графии:> Вот, раньше как огород делали. Толока. Разве это работа! Это коневья работа. С лопатам. Это грядки делали.

Это кто? <на фотографии>

А это Трифон Сабаров — в Больших Кольках там старичок. Только при моленны и жил, в келье. Там сбоку в конце моленны комнаты были. Так, ой, он один и жил. Умер. Давно только уже, да. Это коностас, видишь, иконы.

А можно двор посмотреть?

Да-да. А что там смотреть? Там боров сидят.

Подвал большой?

Да. Подвал можете посмотреть, и тогда и двор, и всё.

Это что?

А, это вам интересно. Это называется сечка. Свиньям в корытах в таких деревянных — и рубить. А то это морковка да свякла, знаете, крупновата, так это мелко, помелче перерубить яну, тогда свиньям давать.

А это висит что?

А это корфики. Корфик¹ с алюминиевой проволоки.

Это что там, шкаф старый?

Да, шкаф Петра Первого². <смеется> Стоит, надо бы разломать его да сжечь. <В огороде:> Ну, тут нельзя быть, жарко.

Это чеснок?

Это лук на семена, чёрное семечко будет. А это чёрное семя посеяно. Видите лук — уже головки начинают. Этот лук и естя севок. Это по-

¹ Корфик — корзина из проволоки; от эст. *korv* 'корзина'.

² По-видимому, имеет в виду, что шкаф очень старый. Ср.: «Помню, у нас котёл называли “гробница Петра Первого”. Наделают жаркое туда — и в печку» (*Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I. Тарту, 2004. С. 259*).

старше — вторая выборка, а это вот первая выборка. И видать крупной будет лук, ему ещё рост, видишь. Когда созреет, сам завалится, и должен пропасть и сохнуть, пярó. <В парнике:> Тёпло там, да? Что ты! В меня и открыты двери, и там дверь, и тут, а всё равно. Помидорам тоже надо порядок. Надо обрывать, да листья сподниза, да и уже ягод много! Но всё надо копошить и копошить, работать. Если не будешь — ничего не будет.

Справа налево: Ираида Федоровна Белова, 1921 г.р., Эльфриде Кустовна Луптова, 1929 г.р., Катрин Кару. Дер. Малые Кольки. Июль 2005 г. Фото О. Паликовой

Справа налево: Ефросиния Ульяновна Вольных, 1926 г.р., Катрин Кару. Дер. Малые Кольки. Июль 2005 г. Фото О. Паликовой

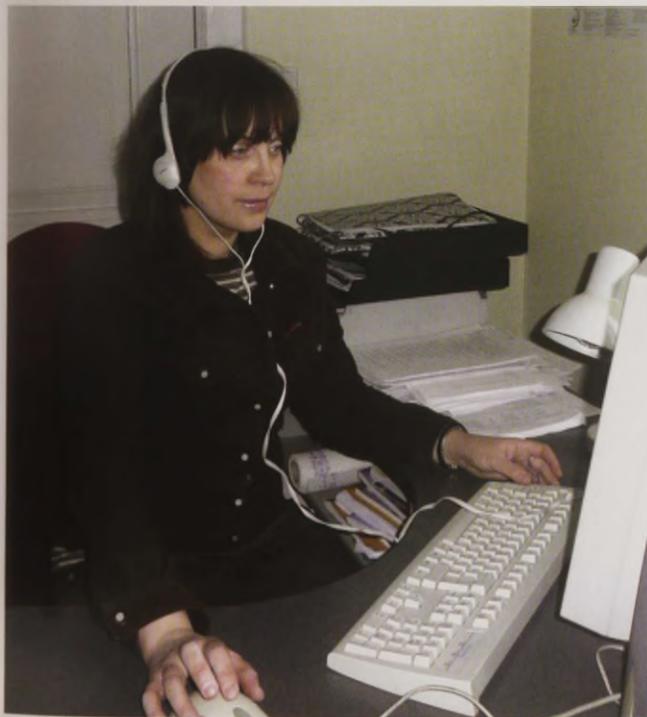
Справа налево: Варсанофий Федорович Горин, 1920 г.р., Оксана Паликова. Дер. Малые Кольки. Июль 2005 г. Фото К. Кару

Васса Сидоровна Карамнова, 1930 г.р. (в центре) с дочерьми Марфой Семеновной и Анной Семеновной; (слева) Ольга Ровнова (Москва, РАН). Дер. Новая Казепель. Август 2007 г. Фото К. Кару, О. Паликовой

Справа налево: Зиновья Сергеевна Романенкова, 1925 г.р., Ольга Ровнова (Москва, РАН), Ирина Кюльмоя. О-в Пийриссаар. Август 2004 г. Фото О. Паликовой

Анжелика Штейнгольд
за расшифровкой
диалектных записей.
Фото И. Кюльмоя

Слева направо: Федор Карпович Кондратьев, 1913 г.р., Ольга Ровнова (Москва, РАН), Оксана Паликова. О-в Пийриссаар. Август 2004 г. Фото И. Кюльмоя

Старобрядческий музей в Кольках. Август 2007 г. Фото К. Кару, О. Паликовой

Сено привезли. Дер. Малые Кольки. Июль 2005 г. Фото К. Кару, О. Паликовой

Ефросиния Ульяновна Вольных у отцовского дома. Дер. Малые Кольки. Июль 2005 г. Фото К. Кару, О. Паликовой

Уголок современного двора. Дер.
Малые Кольки. Июль 2005 г. Фото
К. Кару, О. Паликовой

Маяк в деревне Нина.
Август 2007 г. Фото К. Кару,
О. Паликовой

«Подзорник» — полотнище с кружевами, шириной «на четверть кровати», стелется под простыню для красоты. Август 2007 г. Фото К. Кару, О. Паликовой

Яблочный Спас в Ильинской белокриничной церкви в Гомеле (Белоруссия).
Август 2007 г. Фото С. Евстратовой

«Каракатица» —
транспортное средство
для зимнего лова.
Калласте.
Фото
И. Кюльмоя

«Подушка» —
разновидность
транспортного
средства для
зимнего лова.
Калласте. Фото
И. Кюльмоя

«Муравей»
— основное
транспортное
средство на острове
Пийриссаар. Август
2004 г. Фото
И. Кюльмоя

«А к работы-то привыкши...»

Об особенностях говора жителя деревни Малые Кольки
(рассказ 91-летнего старовеера)

О. Н. Паликова

представленном ниже тексте воспроизводится запись, которая была сделана 15 июля 2005 г. в деревне Малые Кольки О. Паликовой и К. Кару. О своей жизни рассказывает потомственный старовеер, житель деревни, которому на момент записи 91 год. Информант родился в этой деревне, но часто и надолго из нее уезжал: сначала на сезонные работы (с 14 лет на стройке), потом был сослан в Сибирь, затем еще на 25 лет вынужден был покинуть родные места.

Несмотря на это, в речи рассказчика представлены многие диалектные черты говора, в том числе те, которые, по-видимому, относятся к наиболее устойчивым. Такими оказываются, например, на фонетическом уровне: аканье и яканье (*жана́, чаты́ре, почаму́, привязли, унясли, пляту́т, мяша́л, две сямьы́*); долгое [ни] на месте сочетания [дн] (*холо́нная-прехоло́нная, ланно́* 'ладно'); местоимение *кто* с начальным корневым звуком *х* (*хто, ни́хто*) и др. На месте долгого мягкого шипящего [ш'ш'], представленного в литературном языке, информант произносит долгий [ши], реже [ш] и [шч]: *работать прикашишиком, еши́е, с товариши́шем, выташи́шили, ши́ук ловили, угоши́айся, отдал нормировши́це, дай-ка я попробую пошчи́тать*. Встречается также твердый [ч]: *с ти́шего там проценты, к ти́шортовой матери*. Также иногда информант произносит [ши] на месте [чн]: *семьдесят рублей командировоши́ных, снасти-то такие были — горемы́шные*.¹

Обращает на себя внимание частотность употребления форм личных местоимений с начальным *й*: *яны́* (они) *не видели, йим* (им) *много-то и нельзя, ён* (он) *же не понесёт, в яго́* (у него) *сын*; а также использование стяженных форм местоименных прилагательных (*все разбежались, которы́ куда, каку́-*

¹ Ввиду того, что такая передача на письме слов с шипящими приводит к затруднению восприятия, в тексте расшифровки все эти случаи унифицированы и подаются в соответствии с литературной нормой: *приказчиком, ещё, щук, с чего* и т. д.

нибудь *пляжут ярунду*) и членных форм других местоимений: *эти* листы; *надо в эту*, *подавать в суд*. Однако проявляются эти черты непоследовательно, наряду с приведенными примерами в аналогичных случаях можно услышать и литературное произношение: *понесёт, одну, холодная, никто* и т. п. (ср. также: *он в бой идёт, ён же не понесёт с собой всё*).

К не менее устойчивым явлениям можно отнести и использование предлога *в* вместо *у* с род. падежом: *в меня уже язык не ворочается, в нас же эстонцев тогда не было в деревне, магазинчик в яго маленький был* и т. д.; а также формы твор. падежа множ. ч., совпадающего с дат. падежом: *с бабкам, с эстонцам*. В некоторых случаях наблюдается характерное для говора окончание *-и/-ы* у существительных жен. рода на месте литературного *-е* (в Дат. и Предл. падежах): *к войны сюда ближе, к Пайды-то¹ как подошли войска, в бригады-то работал, в чарты города*.

Заметно и употребление деепричастий на *-вши* в роли сказуемого: *А к работы-то привыкши, ну что ты будешь целую зиму тут болтаться; А отец как-то был познакомивши с архитектором; Первый раз был уехавши; Одна треть рыбы оставши*.

Что касается лексики, то в представленном тексте встречаются и словообразовательные варианты: *сбунтуем, сдумали, заглядел*, и семантические: *двенадцать километров вверху туда* ('вглубь озера'), *дорога набитая* ('накатанный санный путь'). Наблюдаются также и примеры необычной сочетаемости: *мороз огромный, яны смеялись только вокруг меня*.

Много лексических диалектизмов появляется в рассказе, когда речь заходит о рыбной ловле: *Двенадцать тюшек сюда и двенадцать сюда. И в середине ешиё надо корыто разрубить, куда опускали снасти. Потом оттудова клином таким, ешиё девять тюшек рубим. Потом как подойдём, и тогда на вытяжку; Вот в это корыто-то где рубили мы, метров пятьдесят жердь такая сделана и заправляется по этим тюшкам. Иначе мутило-то это не достанешь оттуда. К концу жерди привязывается верёвка и привязывается мутило. Вот жерник тянет, сзади идёт подбирала, а тут два, которые поддают, поддавалы называли; Вокуня там разные были. Больше, как мы называли, барканник. Сантиметров пятнадцать там, такой, двенадцать*.

Темы, которые затрагивает рассказчик, и то, как он об этом говорит, выделяют человека незаурядного характера, работавшего не за страх, а за совесть, не терпящего неправды и лени. Зарисовки из жизни самого рассказчика и деревни то напоминают притчу (о том, как ушедший на заработки каменщик вернулся домой с пустыми руками, так как пропил все заработанное), то кадры документальной хроники (о том, как оказались на линии фронта, между отступав-

¹ В данном случае имеет место искаженная форма эст. топонима *Пайде*, который подводится под I склонение ($\approx$ *Пайда*) и склоняется по диалектной системе.

шими немецкими и наступавшими русскими войсками), то фрагменты литературного произведения (о том, как ребенком удил рыбу на Лахтовском озере), то моментальный снимок из прежней жизни (о том, как встретил зимой врача по дороге).

* * *

Расскажите, пожалуйста, что вы делали раньше?

Ели, пили, работали. Дома строили. Какую ж больше тут работу? Тут только каменщики и были в моё время. Полная деревня их. Редко кто не ходил, дома жил. А то все уходили.

Я с четырнадцати лет пошёл уже на стройку работать. Вот в Тарту работали мы всё время. Мы в эстонское-то время¹, можно сказать, не так уж плохо и жили. А к войны сюда ближе, можно сказать, и хорошо. Да еси бы была работа такая, как от работали в советское время, круглый год! Ведь круглый-то год стройку здесь не вели, только сезоном. И вот за этот сезон мы должны были заработать на целый год себе.

Домой приезжали осенью, тут лошадку покупали, ездили рыбу ловили. А тогда и рыбы-то мало попадало. Но всё равно ловили. Некоторое время, тут года два, зимы две, ходили дрова пилили в этую, в государство². Вот за дрова-то не платили ни чарта́. Там больше только переносили туда всего, чем мы там зарабатывали. Ну, как-то надо было жить да работать. А к работы-то привыкши, болтаться-то здесь — ну что ты будешь целую зиму тут? Вот так и работали.

А перед войной тут, года чатыре так, было уже хорошо, зарабатывали подходяще. В то время мы зарабатывали уже 7–8 крон в день. А за крону-то можно было чатыре килограмма мяса купить! Деньги-то были очень дорогие. Ну, костюмы такие тоже вот — 40–45 крон. Тоже хорошие. А сейчас работал 25 лет — и костюма не купить! Вот тряпье как-то возют там, чёрт его не знает.

А как начали работать в 14 лет, помните?

Помню. Я сначала-то там как бы приглядывался. Раствор там мяшал, да с бабкам. Там две бабки было. Помню, как я их подгонял — побыстрее! А яны смеялись только вокруг меня. Эстонки были. А я-то по-эстонски

¹ То есть во время первой Эстонской республики, до 1940 г.

² То есть работали не на хозяина, а на государство.

не говорил. В нас же эстонцев тогда не было в деревне, только русские. Мы с эстонцам не общались.

Ну, вот. Работаю — мы склад строили небольшой, Айа улица¹. Этому — Янис был такой огромный, ну, наверное, вы слышали тоже про яго. Ён богатый был мужик, очень богатый. В яго сын в то время был один (так говорили, я точно не знаю) в Америке, оттудова высылал всю эту мануфактуру разную. Тридцать девять приказчиков было в яго! Это ён нам сам рассказывал. Сначала, говорит, я пошёл работать приказчиком, молодой когда был ещё. Поработал, потом старшим приказчиком, потом немножко денег накопил. Маленькое такое своё производство сделал там, какой-то магазинчик в яго маленький был, наверное. А потом, говорит, так пошло-пошло, и вот: «В настоящее время в меня всех рабочих, которые работают, там приказчики, — говорит, — тридцать девять человек». Вот это огромное было... Таперь же этого магазина нет, сожжён. Там был от улицы и до улицы — во всю улицу был магазин. Как мы тут называли — рядовые лавки. Там много разных магазинов было!

Ну, что ещё. Жили. Домой когда приезжали, хороших лошадей покупали. Хороших — плохих мы не покупали. Потом — зиму-то отловим тут, дровишек себе привязём, да весной мы продавали лошадь, потому что не с кем оставлять: мать-то одна остаётся. С коровой. Корова-то была тоже — лошадку-то яна боится же. Продавали каждую весну, а осенью опять покупали. Вот так, пока русские сюда пришли.

По-разному жили. И толковое было, и бестолковое — по-всякому. И в Сибири побыл, и домой пришёл. Нас в сорок четвёртом году в конце января мобилизовали в рабочий батальон. Мобилизовали, отвезли на работу. И мы сколько² были там, пока войска вошли сюда, нам никакой работы не давали. Это, наверное, специально увязли, может быть, боялись, что мы тут сбунтуем. А чего сбунтовать-то? На кого? На своих что ли?

Там, в Синие Горы, там от где была бойня-то самая³, там были. Поездили, поездили всё, кормить кормили нас, хорошо кормили. Ещё и

¹ То есть на ул. Айа в Тарту (эст. *Aia tänav*). В настоящее время ул. Ванемуйзе.

² То есть «пока были там, до тех пор как войска вошли».

³ Местечко Синимяэ (эст. *Sinimäe*) на северо-востоке Эстонии, где в конце июля 1944 года шли ожесточенные бои.

маргедент¹ давали каждый месяц: сласть там разные, бутылка коньяку на каждого. Это в армии было так в йих — армейцы получали. И нам заодно давали. Може, не так много, как йим... А йим много-то и нельзя — куда ж, он в бой идёт, ён же не понесёт с собой всё. А когда уже наступление пошло, нас мотанули сюда. В нас начальник был эстонец, там неэстонцев не было. Только эстонец, и мы все русские были, все вот с этой деревни и Казепели тоже, да вообще так деревён семь.

Вот понемножку стали отступать, отступать, и мы уже отступили до Пайды, почти до Пайды. Потом встали утром — и никого нет. Начальника нет, никого нет, всё брошено там. Набрали мы этих... было мясо там: можно было есть его уже — оно было скопчённое. Набрали всё это, провианта, пошли.

Пошли в лес. Сидим, ночь. А там к Пайды-то как подошли войска, а промеж — лес был. Как начали пулять-то! Мы не то что сильно напугались, потому что в лес-то яны не будут стрелять. Они стреляли дальше туда. Хорошо, что был туман такой, сильный туман был. Ничо́го видно не было. Вот когда стрельба прошла, маленечко утихло, и мы сдумали с лесу-то вон выходить. Надо ж было такое! А нас было семь человек там, все разбежались там, которы куда. Только это шум-то, навверное, услышали, засада там, пулемётчики сидели. Как открыли огонь по нам! Я ж говорю, хорошо, что туман был — яны не видели, куда стреляли. Но пули-то визжали. Мы немножко прилягли, а потом встали — рядом лес был — ушли опять обратно туда. Вот сидим, слышим, — это с таким матом уже! — идут русские войска. Там дорога рядом была. Ну, думаем, пойдём таперь, русские пришли, что нам ничего не сделают. А русские сажали нас по машинам и увязли...

Возили, возили там недели две нас. Потом колония ишла, набрана таких, как мы, дураков... Нас пихнули в одну колонну — и в Пётцери². А в Пётцери в сентябре, да, в сентябре-месяце, уже к концу там, — в вагоны насажали и увязли. И в декабре! Декабрь-то уже прошёл почти, да, там январь уже был, привязли только на место нас. Ветер такой сильный был, мороз огромный! А мы обуты да одеты там — пустяки! Но всё равно повязли. Думаем, куда же нас повязут? И гадать нечего — привязли в баню. Вымылись там мы, всё-всё одёжу сложили куда-то. В

¹ *Маргедент* — дополнительный паек. Происхождение слова неясно; возможно, связано с нем. *Marketender* 'маркитант'.

² Печоры, эст. *Petseri*.

общем, одежду нашу уняли, а нам там фуфайки там трёпаные разные, штаны дали. В общем, фуфаечное всё одежда была. Привязли нас в землянку, землянка была. Там никого нет, холонная-прехолонная, там никто не топит, да и топить-то негде, там не было и печек никаких. Временку нам поставили, а что ты временкойстроишь, когда яна <землянка>, наверное, около ста метров площади. Но нас, не знаю, говорили, что было там 280 человек, а кто их там считал? Только начальники знают.

Вот там прижились, пожили там, ну, сколько, месяца чатыре, почти пять. Я каменщик был, так это они говорят, раз каменщик — будешь печник. Я работал там печником. Вот мы к маю там всё сделали, что надо было. Есть там почти не давали, можно сказать, водички грязной какой-то, мутной давали и двести грамм хлеба. А хлеб был — наверное, там больше половины картошки: сожмёшь, и ничего не остаётся...

Я после войны, как приехал сюды с гулянья-то с этого, в 48-м году, пожил здесь до пятидесятого. Мне этот и говорит, парторг. Говорит: «Слушай, уедь ты куда-нибудь из деревни вон, на два — на три года. А потом приедешь». Я в яго спрашивать не стал, почаму да как. Я догадался, что тут каку-нибудь плятут на меня ярунду. Наплятут — опять десятку дадут. Тогда десять лет работай. Уехал. Уехали в город. Я там отработал 25 лет. С города приехал домой. Ну, заработать-то надо было пенсию.

Там еще, когда уехали отсюдова, попросил я в йих — у нас корова была, так корову увязли. Финский дом дали — там можно было держать корову, да. А корову-то и зря повязли. Привязли, а откуда сено-то брать? До февраля дожили и продали эту корову. Нас же пять человек было: трое детей и нас двое. Квартира-то маленькая, что там — одна комната и кухня. Ну, кухня-то большая была. Пошёл — надо смянить квартиру. Пришёл и говорю: «От такое время, надо смянить. Дети тоже в меня говорят, что в больших домах и ванны есть, и можно и помыться, а у нас нет ничего».

Через пару недель приходит ко мне, я пошёл в управление, говорит: «Двухкомнатную хочешь квартиру? Вот на таком-то месте, вот тебе ключи, поди погляди со своей командой. Есив вам понравится, тогда возьмёте». Пришли — там место такое спокойное, возле редакции. Там домов-то таких лишних не было. Пришли — вроде бы и ничего тут. Ну, вот мы там отжили лет семнадцать. Потом эты все выросли. А там пришло время уже: пенсия подошла, думаю, ну, таперь я уеду отсюда.

Вот уехал. Сколько я тут прожил... таперь-то уже лет 30 — раза два был только съездивши туда. А больше не поехал.

А как вы на стройке работать начинали?

Так все же свои там были. В нас — это не в эстонцах. В эстонцах своих не учили. А в нас — вот кельма тебе в руки, и тукай сбоку, приглядывай. А я такой молоденький был — долго мне не приглядеться было. Отец в меня и говорит: «Ну, с тебя ничего не будет!». А потом, как мне уже было шестнадцать-семнадцать лет, уже я их всех превосходил. В меня было и быстрота, и точность. Жалание огромное было, потому. А люди-то как: работают, ну, работают — понемножку. А в меня такого не было. Я как встану — так пошёл.

А что строили?

Тогда строили маленькие домишки, двухъярусные коробочки строили. В то время ведь денег-то ни в кого не было. Кто и строил, так в яго денег тоже не было. Помаленьку там: займы брали с банка. Банк тоже строили в Тарту, возле Эмайыги. Вот эта одна постройка большая была. И там строили мы, не так, не от хозяина, а это государственное было. И там был подрядчик — Эденберг, да, фамилия евоная была. Такой мазурик был, красный! Напивши пьяный ходил, морда такая была огромная, да.

То построили (это в серёд лета так было), и переходили все на рынок-то строить, там вот, крытый, на тот. А мы уже туда не пошли, потому что ён платил-то меньше. Достали себе, отец там выходил, построечку маленькую, и ушли. Потому что там денег-то больше зарабаташь. А отец как-то был познакомивши с архитектором. Ён когда учился, так на практику приходил к нам туда. (Я-то не был тогда ещё, маленький был.) Как его фамилия... русский архитектор был. На Калда-3 жил. Там была в его и квартира, и всё... Забыл, как его фамилия. Русский был такой, интеллигентный мужик, красивый, высокий. Вот ён к ему ходил, когда в его хорошие, получше построечки естя (план выпускали-то), вот он даст отцу направление к этому хозяину и гарантию, что, мол, вот так и так. Вот поэтому мы и получали заказы.

Так что в подрядчиках работал я только раз, а так и не работали. Вот и в Петцери¹ строили, как его, увеселительный дом-то... Кино! Большое кино построили. И вот как раз приходили русские, острова-то взяли в аренду, — эстонцам так любо, что в аренду берут только. Я уже со

¹ Печоры в то время находились на территории Эстонии.

своим товарищем: «А-а, какая это аренда! Это придут сюда все, а не аренда»¹. Вот там построили — тоже большое здание. А так-то маленькие дома были. Да ведь тогда что было: всё вручную. Мы-то сами не носили, только нанимали рабочих, платили им там. Вот так мы и жили здесь.

Русские вместе с эстонцами работали на стройке?

Только фундаменты строили где-нибудь, маленькие лепили. Яны так тихо работали, прямо я не знаю... Вот в Таллине мы на Гонсиори² строили дом четырёхэтажный. Ну, почти пятьэтажный. Эстонцы там как-то познакомивши были с хозяином с этим, да, пришли к нашим мужукам, два их было — Туберг и Лект, что, мол, есив возьмёте нас в компанию, мы тогда возьмём дом этот — строить. А не говорят, в кого и как! Да, ну, ладно, мужики-то согласились — возьмём! Так вот и строили два. Яны строили только лестничную клетку — там винтовая лестница была — только вот ступни³ поднимали там, клали. А кладки-то ничего не клали. Только под ступни-то клали там что. Вот так. А один эстонец был — то хороший был, работал. Яни тоже его фамилия, помню. Он постарше меня был. Это яны работали всё время в подрядчика. Там подрядчик был, самый большой подрядчик... Ай, забыл. Такой маленькой был. Ну, йих фирма была. Потом евонный, который-то работал с йим, стали вместе работать — фирма была.

Значит и в Таллине строили?

Да, но в Таллине мы редко были. Раза два был. Первый раз был уехавши — работы не было. Первые-то годы работы не было здесь, очень мало было. Также там немножко поработали — отца увольняют, меня не! Да. Ну, как, что ж я один там останусь? Ну, пришлось и мне уволиться. А десятник — тогда в нас кюмником⁴ его звали, руководителя. Кюмник — десятник по-русски. Тот-то не хотел, говори: «Оставайся». Не, что я останусь! Отец уйдёт, будет водку пить, а со мной ён не пил: «Да, не-не, надо идтить и мне». Вот так и ушёл, уехали мы оттуда. Вот

¹ По-видимому, речь идет о начатом в 1939 г. размещении контингента советских военнослужащих на предоставленных в аренду военных базах на островах и северо-западе Эстонии.

² Улица Гонсиори в Таллине (существует и в настоящее время).

³ То есть ступеньки.

⁴ *Kümnik* — эст. 'десятник'.

чатырнадцать лет мне было — мы начали дом строить вот этот. Тот был большой, там две сямьи жили. Ну, ён уже развалился, там уже ход в дом набирался, и вот так и построили.

И всё сгорело: и корова сгорела, и борова только убили — <сгорел>. А получилось так. В нас не было это электричество еще провядено здесь, только проводили. А мать заболела, а сестра в меня была глуповатая. Корова-то стояла там, и сено, наверное, набросано было... ну как, натрусись маленько... А яна, наверное, с лампой-то пошла корову доить (в феврале уже — без огня-то не пойдёшь), поставила, наверное, у нас там выходить с двери было сделан пол, — на пол, наверное, поставила. Яна такая здоровая была, наверное, пошевеливши, и лампу-то и свалила. Ну, потом потоптала, потоптала, видит, что нет огня, и ушла. Это хорошо, что напротив вот не спал парень один, книжки читал, заглядел, что вырывается уже огонь сзади там. Вот пришли, йих в окно вытащили вон... Ничего они оттудова не взяли... Ну, мы сразу построили.

А в школу вы ходили?

А как же. Чатыре класса была у нас начальная школа. Закончил. Я же и пишу, и читаю, и считаю, всё. Читаю газету без заминки. Да, начитавши я уже... Есив я писать не умел, так я и не был бы бригадиром. Там гляди, как омáнут быстро.

Мы как здесь жили — доваряли всем, начальникам, всем... Потому что здесь точно было всё, договорился — и всё. А здесь¹ всё было по нарядам. Вот первый год, когда я приехал в город, стал бригадиром, месяц отработал — вроде бы маловато заплатили, а хто его знает? Потом второй. А вот на третий думаю: дай-ка я попробую посчитать! А тогда ещё в то время механизмов-то не было, крановщиков, кранов таких больших не было, всё вручную тоже. Мы-то вручную не брали, там отдельная бригада, которая носила.

Ну, вот взял, посчитал, всё это отдал нормировщице. Прихожу, я говорю: «Катя, как там, сколько?» Говорит: «Столько». Я говорю: «Катенька, а двести-то сорок рублей где ещё?» А двести сорок рублей в то время! Да. Она покраснелась так, в краску вдарила, и говорит: «Начальник взял». Ну, я к начальнику пошёл. Я говорю: «Забрали от меня этот, наряд-то». — «Откуда ты знаешь?» Я говорю: «Так двести сорок руб-

¹ То есть на стройке в советское время.

лей потерялось, нету, недочёт». — «Откуда ты знаешь-то?» Я говорю: «Так я сосчитал!». Он думал, что тая сказала. «Сосчитал, столько-то было, да». — «Да я проверяю». Я говорю: «Нет, дружок, ты не проверяешь. Ты украл!». Я говорю: «Какой же ты член партии!». Ён как ошцатинился: «Партию не трогай!». Да, партию не трогай! А ён член партии. Такой бестолковый был. Вот член партии — и всё, руководитель. Ничего не сделаешь.

Потом вы всегда считали?

Всегда. Иначе нельзя. Мы сдельщики были. Ну, вот ятаж сработали, сдали, допустим, пятьсот или шестьсот кубометров, так мы знали, сколько эти кубы стоят. А тогда уже было и хорошо, таких мелких нарядов не было. Всё было в одном наряде. Но оманывали тоже. Мы ездили в командировки, в Тюри¹ нас посылали первые годы, когда стройка-то пошла там на сяле, в колхозах. Там коровники да, да скотники, да всё. Ну, что ж, договорились. А мы строили в Тюрях в чарты города. А в чарты города командировочные давали большие. По три процента... три процента, кажется. А с чего там проценты, не знаю. Но знаю только, что семьдесят рублей. Вот сработаем месяц — и семьдесят рублей командировочных. А нам семьдесят рублей хватит, да ещё и на прожить в то время. Ну, вот работали. В первый месяц оплатили. Второй месяц стали получать — нет. По двести только рублей. Я к начальнику. Да вот, говорит, законы-то такие, говорит, первый месяц плотют три процента, а второй — нет. Я говорю: «А почаму вы нам не сказали? Мы сделали перерыв бы, неделку здесь поработали бы, уехали б». — «Ну, вот так получилось». Поговорили. Я говорю: «Какой же я бригадир? Что же я приду скажу рабочим? Да меня никто верить-то не будет никогда! Есив такое дело. А я рабочим всем сказал, что будет три процента. А ехать-то туда никто не хочет». Сидел, сидел: «Ланно, пиши заявление! В суд на меня». Ну, написал. Заплатили!..

У меня ноги-то ломаные обои. Здесь кров-то не ходит, только мелкие вены работают. Одну ногу на стройке. А этую <другую ногу> в эстонско время, мне сколько было... двадцать два или двадцать три года. В лясу сломал. Не сломал, а раздавил. И раздавил — вытащил сапог-то, ногу отец мне — поглядел: пузырь такой огромный был! Пока до дому ехали, и прошёл. В Тарту ездили, меня подправили. Видит, что у меня

¹ Тюри — городок в центральной части Эстонии (эст. *Türi*).

такой вид плохой (я боялся, что ноги-то больше не будет!), говорит: «Да нет, всё хорошо, в тебя маленькая косточка на месте, только расколвши, а эта большая пополам». Пять недель гипс был. И говорят: «Пять недель пройдёт, приязжай, мы гипс снимем». А яны когда эту ю клали в гипс, такие разбойники, похабники такие! — только намотали — фырк, меня в сторону! Думаю, к чёртовой матери, я больше к вам не приеду сюда. Зачем? Ножик <взял>, пять недель прошло, и понемножку, разрезал тут. А в меня волоски-то здесь есть, яны же все в гипсу. Яны бы содрали их со всем. И тогда поехал к врачу. Припарку делал. Она нисколько мне не давалась¹. Раза три-четыре сделал припарку — и всё, стала сгибаться. Я быстро пошёл: это было в феврале, а в мае уже я работал. Сначала была как подушка такая — хожу день, а утром встаю — опять эта подушка есть. И так немножко походил, и всё.

Здесь врачей не было?

Да здесь потом-то были. В Калласте было, был врач. Потом в этой, в Коса был. Линдпер такой был — пьяница так пьяница. Раз иду как-то я на большой дороге, зимой. А ён едет — в его жена была, правила этим, лошадкой. Едет, и бутылка — из бутылки в рот так! Ну, врач-то хороший ён был. Йих два брата. Один был... коров, да там лошадей лечил... Я их всех помню, мне только другой раз так быстро в ум не приходит, в голову. Вот архитектор-то, я говорил, забыл. Но я, когда начинаю вспоминать, я вспоминаю. Во, Кузьмин. Помню. Жана в яго умерла в родах. Тоже красивая женщина такая была, высокая. Машинка была куплена в яго. Тогда машины-то маленькие такие продавались. Машина стоила две тысячи восемьсот крон. Вот в Таллине когда я бывал, там на витрины огромные две машинки стояли. Цены на йих тоже там.

В озеро зимой с отцом ходили?

Да, на лошадях. Не вдвоём! А чатырнадцать человек собиралось — соберёмся, бригада такая. Да она у нас всё время была одна. Осенью приязжаем, опять скопляемся там, свои там шматки маленько подремонтируют, и ездили. Шесть лошадей было — это обязательно, и чатырнадцать человек. На целый день уходили. Часов в семь вставали: поқа тут собираешься, на место пока приедешь, сразу рассвятает. В потямках ездили, потому что с берега отсюда вехи ставили, там дорога на-

¹ То есть нога не сгибалась.

бита́я¹, и не заблудисся никуда. Там вешки такие ставят, одна от другой сколько там... метров пятьдесят, а, може, и меньше. Это ве́хи — нанимали, хто ставит их, платили яму, рыбаки и платили. Ну, поставит. Двенадцать километро́в кверху туда², а там уже всё. Там уж не наша вода была.

Того, кто ве́хи ставил, как называли?

Да не, это просто так, никакого названия. Ён же поставит какую-то там, несколько дней поработает и всё, больше там работы никакой нет. Всё. Заплатили ему за эти дни и всё... А так определённого человека не было. Сосед наш вот отсюда. Допился до того, что пятлю себе повесил. Пьяницы были все. Денег нет, а пили все. Да не все, конечно. Все-то не пили. Тут такие были, которы даже в рот в жисть свою не брали. Не курили. И я не курил. Я не знаю, вкус курения — что такое. Водки очень мало пил. Я ни с кем и не пил. Вот двадцать пять лет отработал, два раз только так был выпивши. Ну, не шатался, а чувствовал так, что всё-таки выпивши я. А тогда прихожу домой и ложусь сразу спать.

Староверам нельзя пить и курить?

Да, ну — нельзя! Выпить-то можно, вот курить нельзя, да. А выпить, хто может пить, так конечно. А есив пить, пока деньги есть, так это — это уже пьяница. От, бывало, уедут такие на стройку-то работать и пропивают там все деньги, а семья как жить? Как яны перебивались? А жили поевши все. Ну, изрядка присылали там помаленьку...

Один только рассказывал сам: «Пропил, — говорит, — целое лето, и летом ни разу дома не был. Ну, что ж? Осень-то пришла, работы-то больше не будет, надо уязжать. Приехал домой, поздоровался». У него жена спокойная такая была, яна — ничего. «Мне никто ничего не сказал, поздоровалась со мной. Сел. Яна, как обычно в нас, самовар в руки, скипятила, поставила на стол, принясла камень, положила на стол: “Вот угощайся. Больше в меня нечем тебя угощать”». Вот так было тоже. Это он сам говорил.

А курить — я не пробовал курить. Не знаю, есть там вкус какой. У нас в деревне многие не курили. Вот тут Каялины жили, ни один — там пять в йих мужиков — ни один не курил. И отец не курил — шестой.

¹ *Набитая дорога* — санный путь (ср. в предыдущем тексте о том же: *набивная дорога*).

² То есть вглубь озера.

Бороды все носили?

Все. А в моё-то время уже не носили. А вот в старо, старики которы — все носили, ни одного не было без бороды. А сейчас да, сейчас всё перевернулось. Как русаки сюда пришли, так всё... Это не надо, тоё не надо, другое не надо, ничего не надо! Так и было — ничего и не было.

Когда 14 человек на озеро ездили, что они делали?

Там шесть человек рубили только лёд: в нас тюшки назывались. Через каждые пятьдесят шагов там тюшка идёт, рубили. А лёд-то тогда был здоровый, морозы-то были всё время. И вот где работали мы, туда высоко уезжали: двенадцать тюшек сюда и двенадцать сюда. И в середине ещё надо корыто разрубить, называли, куда опускали снасти. Потом оттудова клином таким, ещё девять тюшек рубим. Потом как подойдём, и тогда на вытяжку. Ещё рыбы сколько. Сколько надо в одной тонье, а мы по чатыре тони тягали! Всё время рубишь. И тянуть надо. Вытянуть-то надо снасти, рыбу-то, котора попадёт. Жердь гнали. Это, знаешь, длинная история рассказывать... Вот в это корыто-то где рубили мы, метров пятьдесят жердь такая сделана и заправляется по этим тюшкам. Иначе мутило-то это не достанешь оттуда. К концу жерди привязывается верёвка и привязывается мутило. Вот жерник тянет, сзади идёт подбирала, а тут два, которые поддают, поддавалы называли. Ён тянет веревку-то, а жерник гонит. Вот так всё время гонит, гонит с обеих сторон, пока на эту пригонит, где вытягать. И там начинают тягать тогда. Хватало там работы! Работа очень тяжёлая эта была. Это не дома строить.

Там озеро есть, как от Алатскиви ехать, маленькое...¹

А яно заросши уже, наверное, яно было хорошее, красивое. Там заросши. Там заходила рыба. Я-то мальчуганом-то был, так бегали удить туда. Там кёнеки назывались, лодочки такие — кёнеки назывались. Один эстонец давал там мне всё. Раз пошёл — не дал. Говори, неси папирос. Ну, взял одну пачку папирос, пошёл. Потом всё время <носил>, и не спрашивал. Приду — кёнек стоит. Так я от дому-то от яго далеко не уезжал.

¹ Имеется в виду Лахтовское озеро (эст. *Lahepera järv*).

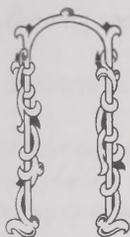
Какую рыбу ловили?

Да вокунь больше. А другой рыбы тут почти и не было, мало. Судака не было тогда. Другой раз зиму отловишь и ни одного судака не поймашь. Вокуни там разные были. Больше, как мы называли, барканнык. Сантиметров пятнадцать, такой, двенадцать. Яны стайкам ходили, стаям. Попадёшь на эту стайку, и попадёт там чего-то. Крюкам ловили некоторые. Щук ловили крюкам. Ставили крюки, вбивали в лёд туда, наживку на крючок, плотву наживали. Вот похаживали <ловить>, другой раз попадалась. Много-то не попадалась. Ну, там одиночки ходили. Щуки попадали. А щуки в мутило тоже мало попадали. Да, тогда и снасти-то такие были — горемычные. Сейчас, я вот недавно слышал только, одна треть рыбы оставши. Две трети выловлено вон! Нет рыбы больше...

«Я хочу гораздо в прежность попасть...»

Краткий диалектологический комментарий
к образцам народной речи жительниц деревни Старая Казепель

А. В. Штейнгольд

омещаемый ниже текст был записан в июле 2006 г. в д. Старая Казепель от двух сестер. Обе информантки — коренные жительницы Западного Причудья, никуда надолго не выезжавшие из родной деревни, староверки преклонного возраста (82 и 85 лет на момент записи), получившие до войны шестиклассное образование в местной школе. Поскольку в разговоре с диалектологом преимущественно участвовала одна из сестер, а другая только иногда дополняла ее изложение своими комментариями, мы сочли возможным не разбивать текст на отдельные реплики и представить его в виде цельного монолога. Однако при чтении все-таки надо иметь в виду, что монолог этот принадлежит двум лицам.

Расшифрованная запись дает богатый материал для характеристики обеих информанток как хранительниц народной памяти: их отличает любовь к своему краю, его старинным преданиям, живое отношение к событиям минувшего и настоящего. Им присущи высокие человеческие качества, глубокая житейская мудрость и неиссякаемый оптимизм.

В диалектном отношении текст также представляет определенную ценность. Фонетически значимым является отражение в речи информанток сильного аканья и сильного яканья: *без к[r'a]ста́, те[л'а]фону́, ус[t'a]речь, со[б'a]рутся*. Зафиксирован один случай возникновения протетического *в* перед инициальным *о* (*восенью*).

Система консонантизма характеризуется произношением на месте [ш'ш'] сочетания [штш]: *му[штш]ина, кладби[штш]е, сооб[штш]ил* (исключение составляет слово *дощаные*, которое произносится с [стш]). Согласный *ч* произносится твердо: *кор[тш]ма́, перяно[тш]лэг, [тш]ерепа́, на [тш]истом*. Союз *что* преимущественно произносится как [штш]ё, но иногда параллельно употребляется и литературный произносительный вариант.

На морфологическом уровне, исходя из текста, могут быть выделены следующие отличительные признаки данного говора. Распространены окончания Р., Д. и П. пад. *-ы/-и* существительных первого склонения: (*не видевши*) *формы, до смерти, папы* (*была дана квартира*), *в дярвени, на усадьбы*. В формах мн. ч. Т. п. имен существительных наши информантки преимущественно употребляют литературное окончание *-ами* (*за грибами, с корзинами*). Один раз на протяжении текста зафиксировано типичное для Западного Причудья окончание *-ам* (*с няцям*) и единично отмечено нетрадиционное окончание *-ямы* (*с людямы*). Литературному слову *мать* (И. п.) соответствует *мáтерь*, что указывает на выравнивание основы в форме И. п. по аналогии с основами косвенных падежей. По-особому склоняется слово *лошадь* во множественном числе: И. п. — *лошадя*, В. п. — *лошадех*.

Текст содержит единичный случай характерного для данного говора употребления Т. п. для передачи значения причины: *Она сердцем умерла*.

Стяженные формы прилагательных не слишком частотны, но также встречаются: *немецко время, оны железны были, стяна висока такая*.

Говоря о глагольной системе, стоит отметить единичные случаи отсутствия в формах 3 л. ед. наст. вр. конечного *-т* (*говори, може* — вводное слово), наличие в той же грамматической форме *-ть* (*стоит*) или появление в формах того же времени и лица, но мн. ч., конечного *-ть* (*висят*). Видимо, архаичной следует признать форму повелительного наклонения 2 л. ед. ч. от *поглядеть*: *погляжь*, при условии если она образована, как и др.-рус. *вижь*, с помощью суф. *-жь* по аналогии с императивными формами атематических глаголов.

Яркой грамматической особенностью речи информанток является употребление невозвратных глаголов вместо возвратных, и наоборот: *дожидать* 'дождаться', *придирать* 'придираться', *вымывать* 'вымываться', *сбязать* 'сбежаться'. В формальном отношении возвратные глаголы могут характеризоваться вокализацией постфикса *-ся*: *смялися, осталася, появилося*.

В анализируемом тексте широко представлены формы деепричастий на *-ши, -вши*, выступающие в предикативной функции: *она умерши давно, в войну нагледевши, дом жёлтый оставши*.

Узualmente широко распространены особые страдательные синтаксические конструкции, в том числе с Р. пад. в значении субъекта действия: *На кладбище забор обнесён; В мяня уже замок там повешен; У многих было тут нашоно <крестов>*. При этом могут спорадически отмечаться случаи синтаксической расчленённости: *У дедушки куплено было вот здесь корчма*.

Употребление предлогов в данном говоре может иметь довольно специфический характер. Предлог *за* употребляется вместо *из-за* (*мы за отца никуда <не ходили>, она поседела за ей*), *с* заменяет предлог *из* (*с Таллина, со Франции, с отпуска*), *в* функционально соответствует *у* (*в мяня, в мужчины*).

Чертами своеобразия отмечено предложное управление: *Волна такая поднялась на озеро; Его поймали в воровстве; Они в службу пришли; Ставни —*

окна закрывать от магазина; Он построился от нас; Они от его так работали. Довольно любопытны случаи беспредложного управления: *Осень придёт — клюквы сходим; Мы напали грибов.*

Союз *что* может иметь причинно-следственное значение: *Она пошла туда, что они колодец копают; Эти волки заглядали, что было страшно выйти вон.*

Высокочастотны в речи информанток глагольные конструкции с двойным сказуемым — так называемые глагольные аппозиции (термин Б. М. Гаспарова), встречающиеся и в недиалектной обиходной речи (*сяду посижу, пойду посмотрю*). Как правило, такие конструкции включают в свой состав два глагола: глагол движения или положения в пространстве (*идти, прийти, пойти, сидеть, стоять*) и глагол со значением цели действия (*поглядеть, обокрасть* и т. д.), несущий основную семантическую нагрузку: *иди погляжь, обокрал пришёл, стою караулю, придёт скажет.*

О диалектном лексическом своеобразии записанного текста говорят следующие яркие примеры: *выдолбóванный* ‘выдолбленный’, *свѣтит* ‘узнать’, *преимяннить* ‘переименоваться, переменить имя’, *накрышка* ‘крышка (гроба)’, *покрышка* ‘покров’, *своспитанный* ‘воспитанный’, *покладный* ‘покладистый’.

СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ

Раньше-то голова маленько соображала лучше — вспомнишь побольше. Что сам не знаешь, люди говорили. К нам приходил один такой мужчина и кое-что нам рассказывал. Ему уже было восемьдесят лет, так яму дедушка рассказывал: в нашей дярвени на берягу Чудского озера пять-шесть километров туда обратно — там было кладбище. Кладбище было большое. Волна такая поднялась на озеро и затопила всё кладбище. И вот там первый колодец на дороге, и второй есть <показывает>. И вот когда второй колодец копали, там три гроба <нашли>. И этих три гроба — не знаю, отступили они от них или нет — не дощанные, но выдолбанные, выдолбованные из дерева. И такая накрышка. И это показалось¹ одной женщине (эта женщина теперь умерла) — она пошла туда, что они колодец копают: «Ой, гробы там! Так страшно!»

И вымывали² маленькие крестики нательные, из озера, и черепа людские. И тогда пошли мы купаться, и вдруг такой камешек хороший. Я вытаскиваю — череп! Ой! — я его в озеро. Мама: «Иди обратно, по-

¹ То есть показали.

² То есть вымывало.

кажи где!» Достали — на кладбище снесли. И тогда много туда носили. И вымывало — вот там Снетковы, Савосткины — против йих. Берег, наверно, домыло до дороги, и кладбище размыло. А тогда второе кладбище было в Варанья. Там и моленну маленько подбило. Тоже там новую построили. В Кольках тоже, говорят, кладбище было, но там горазд не знают точно — подальше сельсовета, а мы знаем. Точно указали нам, что черепа. Так вот зять яё (сестры дочкин муж из Варанья) говорил, что они тоже туда ходили крестики собирать. Ой, у многих было тут наношено. Многие в моленну туда носили: собирают-собирают, а куда ложут-то? Мать придёт: «Дома не оставляйте. Снесите в моленну». Обыкновенные крестики. Мы своспитанные так: без креста уходить нельзя. Может, привиденье ты увидишь, купаться боялись. Я здесь как-то сняла его под подушкой¹. Этот крест найдённый — в зямле был. Это мужской крест.

Мужской старообрядческий крест.
Вид спереди

Мужской старообрядческий крест.
Вид сзади.

Еще недавно подобные кресты в большом количестве обнаруживались жителями деревни Старая Казепель на берегу Чудского озера.

¹ То есть сняла и положила под подушку.

КОРЧМА

Говорила сестра: «Я хочу в прежность горазд попасть!» А как это: в прежность попасть-то? А вот попади! Одна старуха тоже ещё приходила, она умерши давно, так это: «А прежде-то что было?!» Ну, мы дождем, что было. Да вот там ходили играть, да вот там танцевать. Хороводы водили. И вот она и рассказывала, как кто кому кланялся. И мы смялися. По-ихному, было очень хорошо и весело. Вот это они и ходили: вот тётушка да вот эта старуха-то.

Всё порассказывали старики. Бывало, собьются сюда вечером и рассказывают. Другой раз момент такой ловишь — убязать, а другой раз интересно, так надо послушать. У дедушки куплено было вот здесь корчма — стояла на берягу. А корчмарские дворы были, вот где сейчас у меня сад. Корчма — это был перяночлэг. Вот кто приязжает на лошадях, и лошадя привязывали — вы, может быть, видели — это как постоянные дворы, постоянные хлева. И это оны закрыли, и дедушка это место купил. Так вот, когда на это место строили пожарный дом, там сколько скелетов вырыли! На лошадях приедут, лошадех поставят, а если светят¹, что если богатый человек, значит, яго ликвидировать надо. Когда мастяра работали, маму мою позвали: «Иди погляжь, что тут есть!» И вот на кладбище носили, може, не один скелет, пока фундаменты эти строили. Вот такие наши дела деревенские.

ВОЛКИ

А другая тут одна женщина была (она уже тоже умерла давным-давно, Секретина Башмачникова, ей год было много), она говорила, что «Мы ходили в баню вот там — у нас баня на поле была, — и волки заглядали в окно». Мы не видели этих волков. А лес был до самой деревни почти. Эти волки заглядали, что было страшно выйти вон.

А мамин <отец>, наш дедушка, выпивал. Ну, и пошел к своим знакомым. Идёт домой, пришёл и говорит: «Волки-то: одна как прибяжала, ножку-то подняла, и все так — и убязали, и меня не тронули, а целая стая на меня напала». Пока шёл из Варанья вдоль леса, волки его до дома проводили. Написали, если по-русски-то сказать, на дедушку с ног до головы. Он видит: волки бьют и воют. Он сел и как притворил-

¹ Светить — узнать.

ся. Они прибяжали, одна понюхала, и все, как один, восемь или десять — так-так — и убяжали. Дали знак — это йихный знак. Такие <истории> услышишь только от людей.

МОЛЕННА

Моленну нашу святили в честь Введения Богородицы во храм. Прошлый год был праздник храмовой — годовщина. Нашей моленной — не знаю — ей много лет. Она запечатана не была. В то время, когда гонения были и были запечатаны везде моленны, только у нас не была. И обокрасть моленну не обокрали только у нас. В меня вся сямья была на страже. Только сигнализация — я всё время вижу, — я деревню поднимаю, и мы спасли моленну. Сколько воров прогнали — ой! Одна <женщина> в волость пошла и говорит: «Она спасла моленну — она поседела за ей!» Вот трясло. Так жалко было, что обярут такую ценность! До единой иконки все остались. В нас ничего не украли. Ничего. И дъвери сломали, и всё равно вся деревня сбязала туда. Так бежали <воры>, что на кладбище забор обнесён — колючая проволока в два ряда, — так эту проволоку даже на огороды вынесли. И два креста опрокинули на кладбище, как бяжали воры. А так они были, можно сказать, часть деревенских своих. Двух этих нет уже. Одни-то самы умерли, а других-то подзамучили. Может быть, слышали — Самсон (как его фамилия?) — ввёл в такую банду! Он в Таллине был, и с Таллина приехал. А нас мать его, Анфиса, предупредила тихонько. Она грамотная была, ходила петь, и голос красивый был. И вот он в моленну привел <банду>. Мать сказала: «Что ты выдумываешь?» Он её даже в грудь толкнул. Она нас предупредила: «Там есть один полицейский, и вооружённый». Ну, народ наш не поглядел. Как оны в службу пришли (они на второй ярус туда зашли, тут их оттуда выпроводили), но они сообразили, что внизу они могут со стариками-то справиться. Они вскочили в туда, в молельню-то. Ну, как старики за йих стали... Один к теляфону побежал. Как по теляфону сказали, все убяжали. В машину сели уехали.

А потом пришёл туда. Вот эту старушку-то в девяносто лет — ходил к ей и обокрал пришёл. Крючок открыл: она одна была, йих не было никого. Она видела, как иконы несли. Она закричала. А они: «Если будешь кричать, так, значит, раз...». Она знала и рассказывала это всё.

И мне рассказывала. Его сейчас уже нет. Его поймали в воровстве, его замучили. В тюрьме сидели. Йих бы не надо посадить, а йих посадили.

СЕМЬЯ

Моя мама умерла очень рано, 54 года было. Сямью-то нажила. А папато наш не здешний, из Муствез. Отец его, наш дедушка, был священник — батюшка наш, тридцать лет в нашей молельной. А здесь <в Старой Казепели> он жил у дедушки как у отца. Тоже на крылос ходил. И все знакомились — молодёжь ведь. И остался. А мать с дома с этого. Она была одна: одна сестра замуж вышла, одна в Ленинград уехала, там была.

Нас <детей> было пятеро живых, и шестая девочка умерши. Вот такая сямья была — восемь человек: пять детей, три взрослых, что в матери ещё и сестра была, тоже с дома эта хозяйка. Папа больше на фабрике работал. Мама туда приезжала, и нас туда по очереди. Папа приязжал, а дедушка ругался, что он бороду брил (батюшка был): «Ну, что ж ты, сыночек, опять обрился?» — «Отец, прости, последний раз, больше не буду». А другой раз вот он приходит, открывает дьверь, я уже гляжу: ругать папу будут. А он только скаже: «Волченька, ты, волченька!» Больше никак не ругал. А потом опять. Ну, что ж? — на фабрике, начальство. Мастер был большой, знаток такой, такие секретные работы! Инженер зовет, и он там...

В Тарту был на газовом заводе папа тоже. От тяперь-то яго нет, этого газового завода. На Александровской¹ был. Не знаю, как сейчас переименована она. Он работал там много, пока восстановили этот завод. А с ним работал немец-мастер. И немец — его затребовали в Норвегию работать по специальности — он папу моего звал: «Андреас, Норвегия!» А папа вот не поехал. У него знакомый был инженер в Кивиыли, а он оттуда уехал. А тут как раз попал на работу и остался здесь. И сообщил яму, что когда он с отпуска приедет, тогда поедет туда. А сам заработался и остался здесь. Ну, тогда яго туда потребовали, уехал туда и не попал в Норвегию. Заработки были неплохие. Вот здесь дети такие <маленькие> в поле ходили, а мы за отца никуда. Поля не видели, не знаем, какое поле и как ходят работать. Работали дома.

¹ Сейчас ул. Александри в Тарту.

И на газовый завод мы приязжали, как господа большие. Тамо нам комната была. И там сторож живёт — к сторожу, там вместе комната. Отдельно ходить сказано. И погуляем вечером, придём в эти <комнаты> и закроем сами. Нам была дана книжка. Мы идём, бярём на дзве нядели в долг. Через дзве нядели отцу получка, так вот сходит рассчитается. Тогда книжку эту вон, и новую книгу. И опять вот так.

В немецкое время я уехала с папой в Силламяэ. Папы была дана там местная квартира на усадьбы. Домик был отдельный. И в Силламяэ поступила там <на работу>. В начале ничаго, а там наша волость стала узнавать. Узнала, что я там. Туда стала от меня требовать. Я моталась тайно на торфяные разработки. Ну, милиционер был такой: видит, что молодёжь-то. Пришёл и говорит: «А я вам, — говорит, — место найду». И на почту меня. Я там поступила в Силламяэ на почту. Была в сортировочном — письма сортировала, газеты. Потом к телефону попробовала. С эстонским языком я справлялась, а с нямецким нет. Там немцы за стенкой были, и с йими надо было общаться. А там одна уходила в декрет — женщина, котора почту носила. Она мне и говорит: «Иди, лучше тебе будет. Немцы за бока щипать ня будут». А там мимо не пройдёшь йих. А я-то была что? — восемнадцать лет. И вот они мене рекомендовали на почту. В Силламяэ на почте работала я почти три года, пока нас уже стали выживать оттуда — война. И вот мы почти пешком оттуда пришли с Силламяэ.

КОНЦЛАГЕРЬ В КИВИЫЛИ

В войну в Кивиыли наглядевши. Там был еврейский лагерь. И еслив идёшь, не смотри туда. Патрули увидят, и будешь там вместе с йим кругом бараков бегать. Вот такие маленькие, вот такие большие — необутые, на ногах дерявяшки. Ай-ай-я! Идешь и боком всё посмотришь. Стяна высока такая. И только немец кричит. Маленький завалится, плачет. Его поднимет за шиворот. И вот это видеть всё! Раньше болтали по-нямецки — и ругались с нямцам!

И пристреленная я чуть была. С почтой ходила и придумала хлебца взять евреям. Намазала маслом буханку и вдоль боку бросила. Дети-то маленькие просят: хлеба не видять ничаго. Мать кирпичики ложит, вывела такая — пальцы висять в воздухе. Я им бросила. А там мне была знакомая одна, так она меня любила. С почты всегда ждала и что-

нибудь готовит. Я, было, опять что-нибудь готовлю угостить. Я приду к ей, и вдруг я слышу: она кричит благим матом в дверях и в мужчины ружья отнимает. Я сразу догадалась это: никак меня? Она только: «Иди быстрее, иди быстрее!» Она от его винтовку — на винтовке вот так держится! *<показывает>* Я пришла — он застрелил бы меня! А молодой такой, тогда и говорит (не было выхода, он так рассердился, ей говорит): «Только я её оставил, что она на мою сестру похожа!» Больше я в ту сторону не смотрела — кругом ходила, боялась.

Ходили в одну мастерскую. Там работали евреи. И там был эстонец хозяин. И они от его так работали. Так сказал один папы (вот один со мной разговаривает, а другой с папой): «Хозяин сказал: “Я что бы ни бы сделал¹, как были б большие ляса. Я что-нибудь мог бы сказать, что я один устяречь вас восемь человек ня мог. А вот жаль, что нет”. А хозяин очень хороший. Если я уйду, всем бы была, наверно, смерть». Я ня знаю, за что это так придирали² тых явреев. Торговали у нас, да были у них и свои магазины. Один был в нас в магазине, работал — Завьялов, тоже был еврей. Цинеманович к нам приезжал. Иванов — это-то был русский.

ВОЙНА

Можно так сказать, что войны такой и не было. Война прошла, не повредила ни в дярвни, нигде. Только в последнее время выселили нас из деревни. Я тоже не знаю, какая тут была цель. Тут и немцы были, тут эстонцы были. Одни одного мяняли. В нашем доме был склад³ краснелентчиков. Там кухня йихна была. А мы-то при чём? Оне находились там как комсомол — вот за это и выселили.

Как-то нам потом говорили, что кто выселил, хотел к нам в дом войти. Один хозяин эстонец был. Он построился от нас (вот этот дом-то жёлтый оставши) *<показывает>*, у нас он жил чатырнадцать лет в магазине, торговал. Он построил дом, а там мокро — вода в подвале: будет гнить дом. А у нас сухо. Делано всё: и цементные полы, и дьвери оцинкованные все, подвалы. Вот этот <подвал> простой у нас — картошку ложим, а под магазином — цементный там оборуодован, магазин

¹ То есть что-нибудь бы сделал.

² Придирать — придирается, преследовать.

³ Склад — здесь: штаб.

второй там был. Амбар, подвал и магазин. Магазин был большой. И вот раз он торговал чатырнадцать лет, он хотел. Яму было никак. Говорил всё: «Помянемся!» Мама говори: «Я — с родного дома? Никогда!»

А как выселили? Только взошли, дали квитанции, что, пожалуйста, к такому дню готовиться: приезжает подвода — садитесь, уязжайте; вот столько-то одежи... Всех, всех, всех. Только тетушку Палагею — не: она другого фамилия. И она осталася одна. И подвода, може, пятнадцать лошадей с людямы шли. И тогда — в школу нас на 21-ое Июня¹, в гимназию — пожалуйста, сразу учиться! Там парты стояли, вот по этим партам — молодёжь так молодёжь! — парты только лятали по сторонам. Вечером ещё молодёжь придет своя, которые были военные, так посоставляют эти парты опять в кучу. Вот в этой гимназии и были. И бомбили тогда. Бомбёжка большая была. Тогда погибло наших, наверно, три человека — с Вороньи, Казепели и Кольки. Дали сигнал — стрелу², а тогда кто-то сказал в коридоре: «Это дали знать, что здесь тюрьма рядом». Ивановская тюрьма³ рядом — чтобы не бомбили. Русские там, военные — какие сидят люди-то! Дали знать, что там тюрьма, и мы были спокойны. Мы остались там, и один по одному и убяжали домой, и никто нас оттуда не вярнул. Только вот такие досочки были вынуты⁴ (где-то валялася в комодe) — номер от одного до пятёрки — нас было пятеро: папа, мама, я, Евфросина, Аглая.

Год, наверно, только и были в Тарту. Теперь-то люди-то получают из Германии такие суммы, а нам? Не было. Наши в Тарту сели деньги. Калласа судили — он там много денег присвоил через госбанк. Лагерные деньги и попали яму. Война кончилася, стали выплачивать, выхаживать: кто в Германии был, кто со Франции, кто где, кто откуда. Тут нас много-много в дяревне, которые были выселены.

И нас хотели отправить. У кого не было рабочей силы, отсылали. А в нас папа такой был — как везде видевши, ходивши: «У меня рабочая сила». И так он выходил нас, что не отправили нас никуда. Ну, мама была сердечница. А это папа тоже боялся горазд, что с такой больной-то. Она на закрытом клапане жила пятнадцать лет. Вот она сердцем и умерла: паралич прошёл.

¹ Сейчас ул. Рюйтли в Тарту.

² *Стрела* — здесь: сигнальная ракета.

³ Здание старой тюрьмы на ул. Яани в центре Тарту.

⁴ То есть взяты с собой.

Ну, она по сыну перяживала. Он мамин сыночек был. Он писал не «Владимир Андреич», а «Владимир Варварыч». Пишет письмо: «Твой сын Владимир Варварыч». Он машинистом в Силламяэ там работал, как говорят, на «суслике». Паровоз был такой — «суслик», маленький, узкая колея. Они перевозили там сланец и всякие такие... А с Муствеэ до Сонда была тоже узкоколейка. Вот она и сейчас. Мы ходили раз посмотреть, где эта узкоколейка начинается: она из Чёрного¹. А там-то была местная — от фабрики до фабрики. «Сланцеперегонный завод» назывался. А там, значит, шахты. Он там работал с одним помощником. А тот, который помощником был, хотел уйти. Он яго обучал и оставил работать, сам ушёл или на большой поезд, или куда-то ушёл работать. И вот он — восемнадцать лет — пропал без вести. Они были в немецкое время шуцман-полицай². И оны были там все печорские, калластеские, все ходовые такие. А он-то... А согласился домой бязать. Они — работать в лесу, с лесу сбязали. И на дороге яго поймали. Нам потом сказали, уже поздно было. Там разбомбили. А другие говорили, что туда дальше там куда-то отправили. И так бегали то в одно место, то в другое, розыски посылали. Ниоткуда ничего и нигде никто не видел. Это ещё немецко время было, а только то, немец уже отступил отсюда, осталась наша власть. А наша власть, что хотела, то и делала. Безобразия тоже делали всякие.

И разведка к нам пришла, русская. Кто-то выскочил: нам ставни закрыть надо (я теперь стою караулю, а она закрывает эти заставы³). Ещё тогда были <ставни> при немецкой власти — окна закрывать от магазина, когда пожар. Оны железны были. И разведка: «Далече немец?» А что тут? — языка нет со страху. — «Нет», — я говорю. Форма-то какая? Ещё не выдавши такой формы-то. — «Недалече». Бухнули, что придется. Самы и не видели, где был.

КАРТИНЫ ДЕТСТВА

Мама горазд была строгая. Вот глядишь, как она смотрит-то — хорошо или нет — и подходишь. Ой, от ей надо было так проделать⁴, еслив ку-

¹ Рус. название г. Муствеэ.

² От нем. *Shutzmannpolizei* — жандармерия.

³ *Заставы* — ставни.

⁴ *Продéлать*: сделать в тайне от кого-л.

да и уйтить. Да и она всё равно разнюхает. И держала нас крепко, чтобы мы не ошибились — где что. Вот в доме она заметит чужая штучка будет принясьна: «Откуда это появилось? Снеси. Если не снесёшь, я пойду спрошу. И чтобы в доме не было ничего чужого!» Она увидела тряпичку какую-то: «Откуда это у вас? Кто вам дал?»

Мама всё к папе на фабрику уязжала. И мы другой раз вот с тётушкой живем. А тётушка у нас была покладная¹. Ой, хорошая была — Пелагея. Мы тётушкой не звали — «Пелагея», а с детства звали «мама». Так вот одна тут приходила, придёт скажет: «А которая мама дома: мама Поля или мама Варя?» А мы скажем: «Мама Поля дома, а мамы Вари нет». А потом уже разобрались²: Палагея, Палагея и Палагея, так и осталась до смерти Палагея. Как девочку звали. Не преимяннила³.

Другой раз мама прут бярёт — мать так мать, — а мы уже за юбку — и кругом яё. Чуть и ня опрокинем. И мы тогда кругом яё бегаем — кому попадать будет. Уже с далека кричим: «Пелагеинька!!!»

А мне ухожи⁴ были. Восемь год мне было, дедушка уехал — папин папа. Убегала туда, где он в келье жил. Он был священник. У него молецкий домик⁵ там был, и он в том жил. Он и сейчас стоит около церкви. И вот все ухожи — сразу бягом туда. Успею — нет, босяком — так босяком: как придётся, так и пошла. Туда убягу, а тут пусть пропадают. Кто успеет, тот убяжит. Дедушка тоже был за нас. Матери: «Ой, что ты? Ты ой-ой-ой-ой! Ты ведь волчица!»

После революции, когда другой дедушка старый стал и паралич ему прошел, ён закрыл весь товар. И мы товар тягали и ребятишкам носили на берег и на улицу. И материалы были которые ситцевые, всякие там и тюли всякие были — резали и куклам платье шили. Ой, что там! Потом мама-то нам присадила⁶ руки, а вначале-то не видела, что мы делали. А много чаго было: и пуговиц, и кнопок, и всяго было — ну, как с магазина осталось.

Мы такие были — придумали. Здесь железная окованная дьверь закрывалась в магазин, чтоб оттуда не попасть, — тогда сняли: нам она

¹ *Покладная* — покладистая.

² То есть поняли, что она тётушка, и перестали называть мамой.

³ *Преимяннить* — переименоваться, переменить имя.

⁴ *Ухожи* — самовольный уход из дома.

⁵ Видимо, имеется в виду церковный дом, в котором жил наставник.

⁶ *Присадить* — поставить, вставить на место.

мяшала. За ставни окна закрывались — сняли. И ручки-то вот эти все мяшали — давай всё снимать! Это нам всё мяшало! Мать уязжала к отцу — нам воля была. А тётку мы не боялись. А тётка такая: «Дети, что вы это делаете? Приедет мама, будет ругать меня и вас». А дети не глядели.

Это ещё два парня были. Братья мои были любители рыбку поймать, так съездят. Перьямёты ставили, там и сеточки мятали. Побережье здесь ведь наше — рыбаки есть рыбаки. А осень придёт — клюквы сходим.

Бывало, собьётся тётушка: «Пойдем за грибами сходим». Ну, собьёмся. Я-то не хотела так, а сястра: «А я пойду с ей». Ходим, ходим с ей по лесу — и когда что. Бывало и так, что большие дяла. Зашли в лес — я в жизни не видела грибов — как вот эти сковороды! Эти горянки¹: серые и белые — разные хорошие грибы! А туда никто не заходил. И все с пустыми корзинами. А я так, наслучайно² <встречному>: «Брусника — брусничку взять». — «Ой, грибов-то у вас! Господи! Мы ходили, ходили, маленьких вот таких в уголке одном набрали. Иду с пустой корзиной. Домой не понясу — поставлю в огород, спрячу». Пришли домой: «Да откуда вы их брали?» Много людей было — и пустые, а мы зашли туда, набрали, что почти убрать не было нам таких грибов. Ну, как мы напали грибов, еле притянулись³!

СЛУЧАЙ НА ПОЧТЕ

Колькья, где была волость, — там тогда почта была. Мы двое работали. А что в деревне? — ни охраны, ничего. В мяня помощник был из Нина. Вот один раз одна осталась я. Они пришли. Я в это время опячатала сейф, всё справила и ключи так дяржу в руке — от сейфа и от всяго. Как старый-то начальник был там, так ей всё вместе было, а я отделила от дверей ключи прочь. Это лучше. И сижу так это. И вдруг слышу: целая рота идёт ко мне — шесть человек мужиков как один. Восемь часов вечера — восенью тьмно. Входят, и один остался в коридоре. И говорят, что «Разрешите нам за границу, куда-то там в дальнюю дорогу позвонить». А там надо было по чекам. А эти чеки закрывались в сейф, запячатывались. А я смикулила⁴ сразу своей головой. Я говорю: «На-

¹ Горянки — сыроежки.

² Наслучайно — нарочно.

³ Притянуться — с трудом прийти (?).

⁴ Смикулить — догадаться.

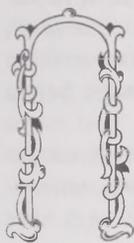
чальник ушёл уже домой, в пять часов кончилась яго работа. А я теляфонный джурный, джурю до восьми часов, у мяня ключей от сейфа нет никаких». А у самой такие длинные сапоги, и я тихонько — в сапог. А сейф уже в мяня опячатан. Они видят: сейф в мяня уже опячатанный. И что ж — мяня заставлять ломать? Оны это не сообразили. А я так чувствую, что у мяня всё холодеет. Ну, и вдруг один: «Ну, ладно, поехали в другое отдяление!»

Они вышли, а я сразу за дьвярями сзади йих — вон. Дьвери на замок, свет погасила — и на дорогу, домой бяжать. А до дому-то ещё три километра. Вышла на дорогу, смотрю: эта машина разворачивает. Я тяперь назад и за дом чужой стала. И думаю: «Куда оны пойдут?» Останавливается машина. А в мяня уже замок там повешен. Один был — кожаные штаны так это одеты. Он подошёл посмотрел — пошёл. Там был бы кто-то в машине свой, сказал бы: «Она обманула вас: начальник сама и есть. Там никого нет. Это она сама была». Я до сястры, до Колек, добяжала и говорю: «Одна я домой не пойду!» — «Так ночуй». — «Не, — я говорю, — папа беспокоиться будет». И вот он <зять> мяня проводил до дома, и я пришла домой.

«Как это можно все пережить?»

Некоторые замечания относительно диалекта
жительницы деревни Большие Кольки
(на материале одной биографии)

А. В. Штейнгольд

Предлагаемый вниманию читателей текст был записан летом 2005 г. от жительницы д. Большие Кольки. Он представляет собой жизнеописание человека, пережившего войну в условиях германского плена, вернувшегося на родину, нашедшего в себе силы для дальнейшей жизни и не утратившего веру в Бога. Текст содержит много ярких фактических деталей. Монолог произнесен с большой эмоциональной силой и как бы на одном дыхании. Его заключительная часть содержит критическую оценку настоящего и философские размышления о смысле жизни.

Наша информантка является яркой представительницей своего социально-го круга и своего поколения: староверка, 85 лет на момент записи, 6 кл. общеобразовательной школы, всю жизнь, кроме военных лет, прожила в д. Большие Кольки, до войны два года жила в Таллине. Ее речь несет на себе отпечаток эмоциональности, оценочности и образности. Многие высказывания рассчитаны на живую реакцию собеседника, что мы по возможности пытались сохранить в данной публикации (ср. обороты типа: *знаешь, видишь, можете себе представить, слушай* и др.). Для облегчения читательского восприятия внутри текста введена разбивка на отдельные части, каждая из которых получила условное наименование.

Речь информантки дает достаточно емкое представление об исследуемом говоре. Для него отмечается тип безударного вокализма после твердых согласных — сильное аканье. Безударный вокализм после мягких согласных в целом характеризуется икающим произношением (*на[д'и]вали*), хотя спорадически отмечены случаи сохранения более раннего сильного яканья в аналогичных фонетических условиях (*при[н'а]сут, пе[р'я]шила, [дя]ржа́ла*). Переход *е* в *о* может иногда проявляться в нетипичных для литературного языка случаях (*склён*). Иногда обращает на себя внимание сдвинутое, по сравнению с литературным, ударение: *три раза, взяли, должен*. Чертами архаизма отмечено в го-

воре твердое произношение современного литературного сочетания **ки**: *вы-кликывали, подскáкывает*. Зачастую твердое произношение **ч** преобладает над мягким (*дев[тш]онки, кри[тш]ит, [тш]истить*). Вместо литературного [ш'ш'] произносится [штш] (*обра[штш]али, жен[штш]ина*) и [шш] (*е[шш]é / е[шш]é, служба[шш]ые*). Произношение союза **что** колеблется от диалектного ([штш]é) к литературному. Литературному сочетанию **дн** в говоре может соответствовать [нн] (*пара[нн]ая 'парадная'*). Смягченная артикуляция характеризует зубные, подвергшиеся дистантной ассимиляции в словах *дъве, двънадцать, дъверь*. На месте древнего сочетания **вр** между согласными произносится [р']: *смерьть*.

Система склонения существительных в речи нашей информантки характеризуется следующими особенностями: совпадением окончаний Р., Д. и П. падежей у существительных ед. ч. ж. р. (*с работы, отдала одной жéнщины, в Литвы*), совпадением окончаний Д. и Т. падежей сущ. мн. ч. (*тяжело было девкам, с манаткам*). Один раз встретилась распространенная в говоре форма И. п. мн. ч. от *волос* — *волоса* и форма ед. ч. П. п. от *дом* — *в дому*.

Время от времени в тексте возникают стяженные формы как знаменательных, так и местоименных имен прилагательных (*тая така маленька, шикарна така машина, ситцево платице, таки коричневы, прошлу субботу*), хотя в целом их удельный вес в данном тексте не слишком велик.

Предлоги могут отличаться особым функционированием и сочетаемостью. Так, например, предлог *с* может употребляться вместо предлога *из* (*с нас, с домов*), *за* в функции *из-за* (*за хлеба, за этих*), *в* употребляется вместо *у* (*в нас, в матери*). Предлог *между* сочетается с существительными в Р. п. мн. ч. (*между нас, между русских и эстонцев, между двух фронтов*).

Личные местоимения с начальным *j*, употребляемые информанткой, типичны для данного говора (*ён, яна, яны*). У личного местоимения *он* в В. п. иногда отсутствует начальный *n*: (*на*) *его*, (*в*) *его*. На твердый согласный оканчиваются основы местоимений *самы, эти*. Встречаются указательные местоимения *тый, тое, тая, тый*, склоняющиеся, как прилагательные твердой разновидности, а также отмечены притяжательные местоимения *йихна, йихний*. Местоимение *обеи* может быть отнесено к лицам женского и мужского пола (<родители> *обеи уже немолодые*).

В целом для системы говора характерно окончание *-т* в формах наст. вр. 3 л. ед. ч., однако спорадически обнаруживаются формы без *-т*. В речи нашей информантки конечный *-т* отсутствует у глаголов, вводящих прямую речь (*кричи 'кричит', скаже 'скажет', говори 'говорит'*). Кроме того, лексикализация этого явления отмечено вводное слово *может* 'может'.

В разбираемом тексте нередко наблюдается явление вокализации глагольного постфикса: *натярпéлася, наглядéлася, задрáлся*. Возвратные глаголы синтаксически могут занимать место невозвратных и переходные непереходных, и наоборот: *там скот выгонялся к реке, там тряпье давались, начинал-*

ся фронт приходить. В некоторых случаях наблюдается специфическое употребление глаголов совершенного и несовершенного вида: *Я сейчас <...> хожу в моленну в хор петь и подумую, почему люди в церковь не ходят*.

На синтаксическом уровне нередко проявления разного рода грамматической рассогласованности: *(Там) большинство работали женщин; Одна женщина стали просить; (Я) внуки маленьких всех растила; <Туда ходить> мне было строго-настрого запрещённою; Вот он сейчас попадёт на тебя — такая кусочек; И там всегда скот выгонялся к реке — такой был пастбище*. Иногда чертами своеобразия отмечено функционирование страдательного причастия, проявляющееся на синтаксическом уровне в совмещении функций предиката и определения: *Он на плече положен несёт хлеб*.

Диалектное своеобразие описываемого текста ощущается и на лексическом уровне. В речи информантки встречаются разные типы диалектизмов: лексические (*казавейка* 'род женской верхней одежды', *котулёк* 'мешок', *обстряпаться* 'потерять внешний вид'), семантические (*убирать* 'забирать', *отчислять* 'изымать из чьего-либо ведения', *пришелец* 'человек, перешедший жить в дом жены', *умора* 'физическое истощение', словообразовательные (*любителька* 'любительница', *обувина* 'обувь').

ДЕТСТВО

В тое время не было такого детства, как сейчас. У нас было два брата и одна дочь. Ходили по эстонцам, в поле ходили. Я лично в поле не ходила — отец не хотел, чтобы дочь ходила в поле, — дома работала. Имели своё хозяйство: корову имели, кур держала мать, поросят дряжали. Вот на этом живём.

Не питались мы так, как сейчас. В магазин ходили — только сахар покупали да керосин. Тогда ведь не было электричества. Ну, вот там иногда что-нибудь — да такого и не было в магазинах — крупа только. А там, чтоб колбаски или что, — мы никогда его и не видели, и не знали об этом ничего. Рыбу ловили — вот такое питание.

Цело лето помогали родителям в огороде работать. Я дома жила до сорокового года. Никуда — всё дома. Отец уезжал работать. Старший брат — тот тоже уезжал. Младший брат в поле ходил, коров пас в деревне. А я материна подручная была.

Тогда по подёнщинам ходили. Зарабатывали себе на одежду. Конечно, одежды такой у нас не было, как сейчас. Сейчас вон столько одежды — я даже удивляюсь! Я думаю: «Как же мы жили? Мы жили же!» Если имели мы хорошую одежду, надевали только на танцы или на ве-

чер. А ведь теперь что в будень, то и в праздник одеваются. А в нас так не было. Мать сошьёт ситцево платьице — и цело лето ходишь в этом платьице. И тенниски носили беленькие. Помоешь, почистишь их зубным порошком и опять ходишь так. Не было такого вот шикарного. А зимой, когда на улицу гулять ходили, пальто не одевали — каку-нибудь казавейку¹. Такие, бывало, коротенькие. Да такие кой-какие мать сошьёт с тряпок тюли² — как тапки, вот в таких тапках и бегали. Были некоторые семьи в нас — купцы были. Те побогаче, но и то. Вот у меня подруга была, дочь купца, но она тож не шикарничала очень. Мы — бедняки, она — богатая. Ей было неудобно между нас шикарничать.

Так вот и жили. Зиму отец приезжал с работы. Покупали лошадь и с братом со старшим ездили на озеро, ловили рыбу. А младший брат ничего зимой не делал — так вот по дому только. И так до сорокового года.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И НАЧАЛО ВОЙНЫ

В сороковом году, вот когда уже советская власть пришла, я вышла замуж, уехала в Таллин с мужем. Ну, в Таллине жилось нам тогда уже лучше, но началась война. Боялись страшно дело войны. Я переехала сюда в деревню, опять к матери, но переехали на несчастье. Тут, когда в сорок первом году началась война, потом пришли немцы. Знаете, какое было — ужас! Забирали всех, кто под руку попадал. Всех уводили. Старший брат ушёл на фронт и погиб. И муж ушёл на фронт. Никто не вернулись. Так мы и не узнали, где они лежат. А младшего брата забрали — он ещё тогда молодой был. Он был комсомолец при советской власти, а комсомольцев убирали. Убিরали всех мужчин с шестнадцати лет, мальчишек всех забрали. Отправили в лагерь. И вот он всю войну пробыл в концлагере. Ну, конечно, дальше Эстонии его не отсылали. И отец, и он пробыл там за Таллином, в Элламаа³ — туда всех отсылали. Он там до окончания войны пробыл.

В сорок втором году я уже ушла в работницы. Там за Тарту я жила, потому что стали эстонцы нас преследовать — муж на фронте, брат на фронте — свои же здесь эстонцы! Ну, а в войну, конечно, когда война

¹ *Казавейка* — разновидность верхней женской одежды.

² *Тюли* — вид зимней обуви.

³ *Ellamaa* — деревня на северо-западе Эстонии.

началась тут, резня была между русских и эстонцев. Ой, я даже забыла всё, что тут было.

В ЛАГЕРЯХ

А когда забрали нас в сорок третьем году, то нас забрали всю сямью. Брали всё, что было в нас в дому, — всё увезли. Это «Омакайтсе»¹ был такой отряд. У нас вот этот дом, где мы сейчас живём, начался только строиться, построен был. Ну, в середине материал был, были кирпичи на двор. Всё обобрали, и со старого дома всё обобрали. Пока мы ещё около волости были, от нас уже все уводили с домов. Но нас ни один немец не пришёл и не забрал. И ни одна машина немецкая нас увозить не пришла. Всё эстонцы оттуда с Вара отовсюда на лошадях приехали — лошадей нагнали, нас увозили. Ой, Господи, что это было — светопреставление! Что там около волости творилось!

Ну, и что ж? Нас тогда в первую очередь — тех, которые на фронте были братья или что. Отца и мать. У отца инсульт был до этого. Он такой был, знаете, нельзя было ещё сказать, что понимал, что творится. И нас пригнали в Тарту. В Тарту пригнали в школу нас. Тут около тюрьмы, так была тогда школа, туда загнали. А потом погрузили нас в вагоны, повяли нас в Таллин, где много расстреливали (вот забыла, там лагерь смерти был). И нас повезли туда.

Когда нас повезли, в Тамсалу разбили дорогу. Мы там сутки стояли (вот это погруженные, голодные, холодные), и нас развернули оттуда и привезли в Литву. И там в таких казармах — голодные, зима была. Нас в Литвы стали отсылать на работу — брать молодёжь. Когда меня отчислили² от отца, от матери, что на работу погонят, куда и сами мы не знали, мать захватилась за меня: «Я не останусь, не останусь, не останусь!» — и её забрали. И нас сначала привезли в Польшу. А когда нас сперва только привяли в Германию, мы карантин несли. Полгода, наверное, или пять месяцев что-то. Вот это было самое худшее.

У нас привяли в лагерь три тысячи с чем-то человек: там военнопленные поляки и французы, и русские. А сколько там русских было — ой, Боже милостливый! И все умирали, каждый день умирали. У нас в бараке вот вечером поедят каши дети — детей было много, — утром

¹ *Omakaitse* — добровольческая военнизированная организация в Эстонии в период 1941–1944 гг.

² *Отчислить* — изъять из ч.-л. ведения.

глядишь: ребёнок уже умер. Дети не выживали никак. С нас из этого лагеря вот за этих пять месяцев вывiali, може, с трёх тысяч тысячу. Уже потом пришёл приказ вывезти здоровых, так вот нас увезли тогда в Бельгию.

Там такое было место — вот такой соснячок, как болото. Там лагерь был. А туда выше дорога железная была. И там такие дожди ишли, холодно. Нам выдали нагрудные номера. В нас был номер три тысячи восемьсот семьдесят — как сейчас я помню этот номер.

Нам нечем было топиться, а там наверху гарнизон был немецкий. Вот я пошла просить туда (там такие полёшечки¹ были). Вместо полёшечек один немец мне кинул таку буханочку хлеба. Одна с Белоруссии была женщина, и мы с той задралися за хлеба. И она меня так отвантузила! Что ж? Она постарше — я помоложе. И вот прихожу домой, мне мать и говорит: «Ты знаешь, что наш номер выкликивали?» Я говорю: «А зачем это наш номер выкликивали?» — «Не знаю, нас куда-то повезут».

ГЕРМАНИЯ

Ну, и вот нас на машины повезли обратно в Германию. Шикарна така машина: стулья, всё. А мы такие голодные, растрёпанные. И нас привяли в Бад Годесберг² над Рейном. Сад огромный — красота такая! Вы знаете, я такой красоты больше никогда не увижу! И трёхэтажный дом. А там работал железнодорожный дирекцион³. И вот нас привезли дьве семьи туда на работу. И вот в этой Германии я столько нагляделася, столько я понатырпелася!

Как молодая — я была уборщицей. И вот я по двьнадцать часов работала. И давали нам сто грамм хлеба. А хлеб какой? Вот разрежешь, так зёрнушки так вот это в середине. Сто грамм! А мать, бедная наша, всё отсидела в склѣпе⁴ — чистила картошку. Это такой цементный склѣп был, и вот лампочка горела. Каждый день мать с утра до вечера чистила картошку: ну, триста человек служащих там было! А потом мать и заболела. Отец был истопником, топил. А в сад не разрешали пойти: я работаю в дому, и я должна была всё делать в дому. Там были

¹ То есть поленья.

² *Bad Godesberg* — пригород Бонна.

³ Нем. *Direktion* 'управление'.

⁴ *Склѣп* — здесь: подвал, подземелье.

ещё хохлушки дявчонки, в саду работали. Я была «Большая Анна», а тая така маленька. Вот, бывало, как семь часов утра, так барон (был главный, без ноги с четырнадцатого года, вот такого роста <показывает> — ниже меня) уже кричит и как начнёт меня бить, ещё и подскакывает. Ой! Мне два зубы было выбито у него-е. Так лупси́ли нас там, били так — что мы русские!

А нам над гаражом было там две комнаты — там нас держали и туда нам на обед приносили. Картошку с капустой сделают такую — с *rot Kohl*¹ (така капуста красная была). А яблоков отец, бывало, накрадёт с сада там, набяре́т и мне принясут вечером, что я тогда вечером поем яблок: есть-то хочется. А так идти в сад я не имела права, даже подпись давали. Много да немцев работало. Молодых мало было, всё старики. Всё равно, если только что заметют, так вот недалеко Бухенвальд был лагерь, так вот туда.

И вот он уже в семь часов уже кричит: «Gross Anna²!» А я еле подымаюся. Вот тогда начинаю убирать. И каждый день мыла рабочие кабинеты. Каждый день. А ещё на третьем этаже жила его сямья: была девочка така, Роза-Мари, и жена его. Вот так калидор длинный и вот так йихна спальня, так йихна комната, так его личный бухгалтер был, а так — рабочий кабинет его. А он имел, можно сказать, любовницу. И вот я должна была первым долгом прийти к нему в кабинет и убрать его кабинет.

А любовница была у нас телефонистка внизу, такая интересная женщина, молодая. И в ней такой мальчик был. Муж у нее погиб на фронте. Она работала телефонисткой там внизу. Я не знаю, как она попадала на ночь туда. Я не знаю этого. А когда я утром приходила, она вот во всём свете лежит, и он. А у него собака была, овчарка чёрная такая. Вот-от если он скажет: «Это наша пришла», собака меня не тронет. Я хожу убираю, собака меня не тронет. И вот он обувал туфли: стелил газетку, ставит ноги вот так на газетку, и я начинаю чистить яму туфли. Начинаю чистить, а он меня вот так берет за волоса́ (тогда волоса в меня были длинные) и всё меня носом туда тикает³, тикает, ещё и скажет: «Ну как, Анна? Хорошо?!» Я тогда уже и по-нямецки научилась говорить. Вот тяперь я этого никогда бы ня вынесла. А молодая

¹ Нем.: краснокочанная капуста.

² Нем.: «Большая Анна».

³ *Тикать* — тыкать.

была — только, бывало, скрипнешь зубами, посмотрю на яго — и всё. А собака сидела караулила. И вот, как я выйду из кабинета, жена меня к себе в комнату забирает и спрашивает. А я не имела права сказать, что вот у него там любовница. Ну, жена шефа — она не имела никакого весу! Она больно некрасивая была. Ну, богатая она была. Потом вот эта кухарка говорила, что это всё богатство — её, а он — пришелец. «Ну, вот он-то, — говорит, — зато такой и злой». Его все боялись, и даже немки боялись.

И вот я такая работница у них была, молодая, проворная — я ему угождала. Я угождала всем, всем, всем... Я за себя так не боялась — страшно боялась за родителей. Думаю: «Как родителей там отошлют ещё в лагерь, обеи уже немолодые».

А вот эта бухгалтер у нас была — русская. Она потом уже в конце призналась, что она русская, эмигрантка. Когда-то они с России эмигрировали. И вот йихная дявчонка Роза-Мари, такая шустрая, лет тринадцати, всё прибяжит — бегаёт за мной по кабинетам — приставала ко мне всё: «Научи меня по-русски, научи меня по-русски». А я, вы знаете, такие слова её выучила — ужас! И вот она тогда бяжит по саду — и всё кричит, всё кричит. И вот эта бухгалтер однажды позвала меня в кабинет и говорит: «Анна, если ты ещё, — и говорит со мной по-русски, правда, уже не чистый такой, — если ты будешь Роза-Марию учить, ты пойдёшь в Бухенвальд. Тебе уже предложено, пойдёшь!»

Да, вот такая была моя жизнь. И эта бароньша давала мне выходной. Две недели отработаю без выходных — в выходные тогда я ей убираю (у них в Кёльне было два больших дома, так она меня и туда водила убирать), — и когда вот через две недели, — мне давали полдня (считай, уже три пройдёт) выходных. А эти вот дявчонки-хохлушки, они ходили в город, тайком — бегали. И я научилась. И вот эта бухгалтерша тогда меня и научила: «Если хочешь домой письмо написать, иди на почту на вокзал — там рядом городок небольшой был такой, красивый очень, — и можешь туда письмо снести». И правда: я письма посылала домой. Доходили! К вашему удивлению: ходили! И ко мне приходили! Первый год я не писала. Это уже последний год.

И вот, как только выйдем в город, — нас милиция забярает. А милиция забирает, бароньша выкупает — троих. И вот, знаете, в Кёльне был большой лагерь — Хофхауз. И мы ряшили раз поехать. А там наши были: приезжали с Кёльна работать, строили барак в ясу — уже всё стали

разбивать¹. Ну, тогда нас, как только придём, в понедельник мне школа. Да и девочек тех. Одной девочке даже барон руку сломал: долбил янён и сломал руку, и отправил в лагерь. Этот безногий самый главный шеф был! Ещё он мне и обещал: «Ты останешься у нас и будешь у нас всё время работать».

А я на кухню приду — до девяти часов я на кухне кухарке помогаю. Она эти бутерброды йим делает. А я сделала на трусах вот такой карман большой. Вот хожу-хожу и что-нибудь сюда — то сахара кусочек, то масла кусочек — пих. И тогда в подвал пойду — матери снесу. Но кухарка была (у ней был муж — антифашист, с нам на одном коридоре жили они с мужем) — я так чувствовала всегда, что она под началом под большим — за ей следили, наверно. Она не была плохая, но боялась. И вот я, бывало, накраду таких кусочков, матери в подвал снесу. Мать тогда с отцом поделится.

А садовник у нас был — нет, не садовник, управляющий — вот такой мужичок, немец. И вот он привозил хлеб. А хлеб — вот такие маленькие кирпичики. И хлеб он носил — в подвале был склад, там яблоки были и всё это — он туда этот хлеб носил. Вот честно говорю: год прошёл, и я уже во второй год научилась красть. И знаете? — я думала, всю жизнь буду воровать! Вот, бывало, укараулю — мою кабинеты, убираю (ну, днём я больше мыла лестницы) — он к парадной подойдёт (а он на плече положен несёт хлеб), я за дверь. А дверь открывалась вот в эту сторону. <показывает> Я такую буханку — в мусорное ведро, а ведра-то сама выносила. Ну, тогда опять мы сыты! Отец, конечно, яблоки да это всё матери носил, а вот мне не разрешали. Какие там груши были, какие там яблоки! На два километра уже туда сад тянулся — я даже не была там, мне некогда было, и мне было строго-настроено запрещено. И вот не могла в сад пойти, чтоб взять яблок. И у нас два сторожа были. И вечером-то я уже в одиннадцать часов иду, поднимаюсь (у нас на таку горку надо было подняться по саду), так они, как звери, караулили, пока я войду в холл, в дверь и уйду. Чтоб это я не пошла в сад. А яблоки свињи ели.

Потом, когда уже всё стали разбивать, построили в саду барак такой низенькой. И там служащие со всеми своими манаткам, всё с мешками там и жили. Ещё двадцать кабинетов мне нагрузка была, и эти двадцать кабинетов я убирала. Сколько я работала, я не знаю. Грязи там у них

¹ То есть Советская армия стала всё бомбить.

много не было, но всё равно должна была каждый стол перетягивать. И так за мной следили — я не знаю! Большинство работали женщин. Мужчин — как-то мало. Наверное, все на фронте были. Так ты, которые работали, так за мной следили, чтоб я ничего бы не украла! На что мне йихна бумажка нужна была? Мне надо было хлеб, а не бумага. И вот когда потом нас привезли на сборный пункт, я весила всего пятьдесят пять килограмм. Я думаю теперь: «Как это я могла ходить в пятьдесят-то пять килограмм?» Или молодость была — здоровая, организм здоровый? Так только что недоедание было. И сильно много работала. Это же уму непостижимо, сколько работы! И всё время мыла, мыла, мыла... И в шпюль-кюхне¹, котора посуду моет, — витнер², тогда меня ещё и тую там заставляли — во все дырочки меня толкали. Я йихняя в дому работница была.

Ну, за мою работу, которые там служащие, они надо мной хоть не издевались так: всё-таки понимали, что я работаю йим. И главное — считали меня очень честной. А потом, когда Эстонию взяли русские, шеф ко мне пришёл, позвал меня, включил радио и говорит: «Вот слушай!» А я голосом реветь стала. Он думал, что я редела, потому что Эстония пала. А я редела, потому что русские теперь в Эстонии, а мы останемся. Нам так сначала и было сказано у шефа, что «Вы останетесь у нас всё время». Сперва-то ничего не знала, а потом понимать всё понимала, ну и уже стала ещё отговариваться с ним — последнее-то время. А он мне так и говорил: «Ты останешься у нас». Мать, бывало, и говорит: «А мы куда?» — «Я не знаю, мам». Я говорю: «Меня никуда отсюда не выпускают».

Это не жизнь, а каторга. Не каторга — на каторге, наверно, легче было жить, как там. Когда тебя за человека не считают. Ты — никто. Вот смотришь на них, думаешь: «Да они так...». Другой раз и говорю матери: «Мам, да разве я хуже этих немок троих, которые там официанткамы работали?» Бывало, шеф вот так мне подскочит, так подскочит. Я ему и говорю: «Чего ты меня бьёшь? Бей свою собаку!» А он мне и скаже: «Собака немецкая, а ты русская». А что ты ещё скажешь? Ничего не ответишь! Просто такой был.

У нас такая была с третьего этажа широкая парадная лестница вниз, до самого низа, до зямли. И вот я однажды утром убираю в кабинетах и

¹ Искаж. нем. *Spülküche* 'посудомойное отделение в кухне'.

² Вероятно, искаж. нем. *Wirtin* 'экономка, хозяйка'.

думаю: «Чего такое громыхает по лестнице?» Я открыла вот так кабинет и гляжу: вон вот это он катится — этот шеф! А в него нога-то пристягивалась — пристяжная была: то ли он плохо пристягнул, то ли что, и нога-то у него отпала. И вот он катится. А он катится и видит, что я стою. Так вы знаете, что мне было после этого? Он меня в туалет посадил на пять часов. Сидела в туалете. Одна. Это наказание мне было за то, что я его не переняла. Ну, где ж я могу перенять? Так и жили.

ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ

А когда начался фронт приходиться, нас зажали: между двух фронтов мы попали, и мы вот в таких клещах были. Там в нас в окно было видно над Рейном. И там всегда скот выгонялся к реке — такой был пастбище. И вот однажды как налетела бомбёжка — ой, весь скот ляжал! А рыба в Рейне была так всплывши — вся разбита. Это был ужас, как бомбили там! Я не знаю, как это мы не попали под бомбёжку. В нашем доме <прятались> в подвале. А в подвал забягут все, а там все таки трубы — паровое отопление. Оны посматривают на трубы и всё говорят между собой, что как только ахнет, — труба нас зальёт. Но в нас не попало.

Там-то пускали такой фосфор. Вот он сейчас попадёт на тебя — такая кусочек. Такой, как лятит — знаешь, на ёлку это такие зажигалки. Вот так красиво лятит-лятит-лятит. И как только на дом попадёт, — вжик! — горит. Если он на тебя попал, и ты его не тронешь, — ничего. Если только тернул, — сразу вспыхнешь, сразу загорись. В нас полячка одна была. Вечером был бомбёжка, и вот эти такие, как люстры, всё пускали. И как это только попадёт куда на жилой дом, сразу горит всё. И вот ей попало сюда, а она вот так <показывает> — передник у ней был — и сгорела моментально. Не успели и затушить. Пяском надо только, поляк взял да полил водой. А как водой полил, она ещё хуже разгорается.

Вы знаете, какая страсть это была! Это же ужас! Там так бомбили, а вот в наш дом почаму-то ни разу не попали, где мы жили. И вот на Новый год — это уже последний год — будет ёлка у них. Так это вечером готовились-готовились, и вдруг утром встали — никого нет! За ночь все уехали — никого! Потерялись все! И остались вот только мы. Там было десять поляков (в другом конце жили) и вот этих три дьявчушки-хохлушки, и нас две сямьи. И мы так растярялись, не знали, что нам

делать, куда бжать. И боимся... И вдруг пришла машина нас забирать. Молодых — на окопы. А у нас там, когда спускаешься с лестницы, такой подвальчик был вниз. И вот этот садовник, который антифашист был, он пришёл и предупредил нас: «Вы знаете что? Вы сразу же идите в подвал». А там вот так воды было в подвале. <показывает> И вот мы до вечера, пока нас освободили, мы в этом подвале просидели.

А нас освобождали американцы — нас не русские. Пришли одно утро, встали и глядим: каких-то таких солдаты! Ружья на нас таки наставлены. А мы боимся, не знаем, кто: русские ли, или немцы? Може, немцы переодевши? Но всё-таки это была разведка. И потом вот вошли в этот дом. А вот, когда они уехали, мы все вошли в дом — может, так было делать и нехорошо, но мы до чего были злые на йих — мы с третьего этажа открыли все краны! А там дома не такие, как у нас, — там более тонкие. Там тепло, не было морозов (был первый год, говорили: десять градусов — это сколько-то лет не было!). И вот мы эти все краны как открыли! Как вода пошла — вся вниз, вся вниз — как всё облетело, обстряпалось¹!

А тогда вот вошла американская часть. А американцы-то всё были чёрные. Белых не было. Только начальство белое. Моя мать-покойница, господи, одного негра взяла за руку — и трёт, и трёт, и трёт его руку. А, знаете, до чего были красивые негры! Я вот видела африканских негров, дак они такие синие, страшные, а эти самы таки коричневы-коричневы, а губы у них красные-красные, зубы белые. Ну вот, значит, они на нас напали². Мы со второго этажа и не выходили: девочки. А потом пришёл приказ: нас на работу забрали в военную часть в американском консульстве. От мы работали пять человек на кухне. И по допросам там водили — ой, после-то! И вот меня взяли, и поляков взяли, а украинцев не взяли, за что украинцы были, — так вот болтались. Три месяца только отбыли. А когда вот мы работали, так нам давали пайки. Солдатский паёк, и сигареты вот такие нам давали. А когда я привяла в лагерь, я меняла.

Там в столовой, где работали (нас было пять человек, кухарка была шестая), все начали курить. Абсолютно все. А я это тоже пробовала — не скажу, что я не пробовала. А я не могла. От закурю, и меня тогда кашель, кашель. Однажды мне кухарка подходит и говорит: «Аня,

¹ *Обстряпаться* — потерять внешний вид.

² То есть нашли.

брось курить. Ты никогда не будешь курить». И я не стала. И вот така коробка в меня была сигарет скоплена.

После этого ещё война шла. Нас взяли в Магденбург¹ на сборный пункт — всех убирали. Начальство русское приходили и солдаты, и нас увозили. Ну, там было народа! Там я пробыла шесть месяцев. Мать в меня заболела, в больнице была. А я работала в детском садике — не садик был, а куда убирали маленьких детей без родителей, даже от немцев отбирали. Ну, там уже были солдаты — нас охраняли, итальянцы. Начальство было русские, и итальянцы были. То одёжку какую выменяю, то ещё что. А потом пришла помощь: нам дали одёжку, обувину дали, кто работал там-от на сборном пункте. И вот тогда нас стали расформировывать, и вот мы попали почти в последнюю группу. И вот тогда нас опять погрузили и вот по пунктам везли домой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Все втроём вернулись мы. Туда так как-то нас быстро отвезли, а домой мы полтора месяца ехали: стояли на путях долго в Белоруссии (в Минске), в Латвии, пока идут военные эшелоны. А дома приехали — ни кола, ни двора. Жить было так тяжело! Мы вернулись в ноябре месяце, а декабрь-то у нас уже холодно.

Мать болела — у ней ногу отняло. В ей воспаление седалищного нерва было, она не могла становиться на ногу. А тут одна женщина вылечила с того берега². Ходили побираться сюда. И пришли к нам двое, и просили ночевать, а мать и говорит: «Куда я вас пуцу ночевать? Мне вас некуда и положить! И нечем накрыть! Я сама-то, видите, какая!» Ну, и потом одна женщина стали просить. Ну и пустили. Одна женщина и говорит ей: «Что ты так хромаешь?» Яна говорит: «Вот такая». Ей маклок³ так вышел вон, выворотил так сюда. Да говорю: «Вот такое дело. Бедро вывярнулося вон». А яна ей и говори: «Знаешь что, бабка, я другой раз приду и тебе лекарство принясу». И вот прошло две недели, а може быть, и три. И пришла. И принесла вот такой мешочек корешков. Вот таких — как с мой палец. Вот такие корешки нарезанные.

¹ Искаж. *Magdeburg*.

² То есть с русского берега Чудского озера.

³ *Маклок* — тазобедренный сустав; тазовая кость, бедро.

Шень-жень¹. Вот откуда у них там шень-жень? И вот она говорила, что нужно настоять на спирту. А у нас денег тогда не было. Мать настояла на керосине. Две недели надо было настаивать. Вот печку стопит, вечером, тогда на ночь ставила бутылку в печку. И через две недели — да вы поверите или нет? — маклок, вот это бедро, на место встало. И матери нога перестала болеть.

А как приехали, старый дом разрушен, и здесь ничего. Ну что ж? Я устроилась в волость работать, в исполком, налоговым инспектором, и получала я пятьсот рублей в месяц. Вот представьте: пятьсот рублей у меня зарплата и пятьсот рублей стоит пуд муки! Ну, вот и живи — на троих! А у меня ни одеть, ни обуть — всё уже пропало. И там не удалось. Всё в людях, которые как-то сильные были, приобрели что-то-нибудь. А прибыли сюда — здесь никак было не обжиться. Жить негде. Отец-от с соседом жил, я там у одной.

В меня у мужа было одежды много. А когда нас эвакуировали, я мужеву одежду отдала одной женщины. Она така хороша женщина. Она взяла, сказала: «Куда ты пойдёшь? Всё равно отберут» (отбирали это всё, знаете). Так вот я после перешивала: пальто мужево перяшила, костюм перяшила — всё себе. Тут сапожник был — переделывал обувь на мою ногу. Да, ой, тяжело жили! Ничего: ни попить, ни поесть, ни обуть! У нас вот был в матери стакан и такая кружка дорожная. И вот я уходила на работу, отец попьёт чаю и я, а мать надо потом — нам не со что. И одно одяяло было — такое, знаешь, военное, немецкое — нам выдали на сборном пункте, когда отправляли. И вот этим одяялом — хошь одевайся² отец с матерью, хошь я. Здесь отец кой-как сделал плитку да взял с банка денег — даны, дак вот так мы и пережили зиму.

Отец уехал на работу в Таллин, а мы с матерью вдвоём. Пекли сами хлеб. И ничего в зиму нет. И когда летом, так вот с огорода что-нибудь, да так. Волость нам ничего не помогла. Давали эти пособия там, тряпье давались. А нас, видите, ещё признали, что мы добровольно уехали. Нам привяли, что мы самы добровольно эмигрировали. Нам никакой помощи не дали. А что делать? Ничего не сделаешь: власть есть власть. Ну, вот работать — меня сразу взяли на работу. А я всем, всем услуживала, лишь бы только где кусок хлеба дал поесть. А потом я стала по командировкам ездить — до Тарту ходила пешком. Теперь зато без ног.

¹ Искаж. женьшень.

² Здесь: укрываться.

ЖИЗНЬ НАЛАЖИВАЕТСЯ

Ну, уж потом, когда обжились, стали огород держать. Мать огород вскопала, посадила, поросёнка завела. Пятидесятые годы — пятьдесят первый, пятьдесят второй — уже стало легче. Тогда мне и зарплата была. В доме не было шикарных ничего — а е кто что принёс, кто что подарил. В сорок седьмом я вышла замуж. В сорок восьмом родила дочь (тая в Белоруссии сейчас). Потом вторая, третья появилась. Уже стала подмога в доме.

Второй муж был здешний парень, рыбак. Он ездил на озеро — уже и рыба своя появилась, уже питались лучше. Брат ушёл в Таллин учиться. А главное — нашу здесь всю деревню поддержал Ленинград. Тогда уже помаленьку-помаленьку обжились. Ведь всё водили: все овощи, лук. Я мало сначала ездил — я работала. Мать стала ездить. Вот, бывало, наложишь в мешки морковки, свёклы там, лук — продашь, свядёшь — опять живёшь. А у кого силы побольше, кто мог больше ездить, те совсем разбогатели. Потом мать умерла, отец умер, мне уже сямья была. Я уже не могла столько в Ленинград, и всё равно жили хорошо. В колхоз ходила работать. У меня пенсия заработала себе хорошую. А сейчас пенсия очень хорошая. Вот теперь добавили мне, наверно, уже по возрасту триста крон. У меня и стаж большой был. Ещё я не весь стаж выходила, который жила в работницах в войну. Тоже надо было — не пошла. А сейчас уже, конечно, жить хорошо. Три раза я компенсацию получила — год за два шли или за три. Только мне с архива неправильную справку выдали, и никак больше не могли справить эту справку. Мне не поставили в справке с архива, в каком году меня взяли — только в том году, в каком я приехала, и поэтому я в первый раз получила — те, которые по Эстонии были эвакуированы, те такие большие деньги получили, а я совсем мало тогда получила. И второй раз я очень мало получила. Ну, вот третий раз я уже побольше получила.

А живу одна. Пока ещё сама себя обслуживаю. Две дочки в Тарту, одна в меня в Белоруссии. Ну, эта, малая сама, больше ездит, дом ей отданный. Тая ездит сюда всё время. Она мне зимой и стирает, и полы намочит. Прошла субботу приехала — полы намыла. В огороде помогает, огород держит. Конечно, в огороде больше я помаленьку-помаленьку всё работаю. Что потяжелее, делают они. Так тоже сидеть сложа руки не привыкли мы. Всю жизнь работали, работали. Пока ещё здоровье позволяет. Уже, конечно, слабое здоровье — восемьдесят пять

лет, какое здоровье? Болят, конечно, ноги — болят, и всё. А сама себя обслуживаю целиком. Как вот это — и убряусь, и сготовлю сама себе.

И ВСЁ НАДО ПЕРЕЖИТЬ

Я раньше никогда не задумывалась, когда молодая была, а теперь я часто задумываюсь: «Как же это я могла пережить такую войну?» И вот за то, что у меня отец и муж были на фронте, «Омакайтсе» преследовали меня. А я тем более была молодая, ну, наверное, интересная. И вот один омакаец¹ был, всё за мной гонялся, прохождению мне нигде не давал. Когда нас эвакуировали, так он мне в глаза сказал: «Вот не хотела быть моей, так вот тебя и взяли». В глаза — вон там около волости. Так я его послала к чёрту. Я говорю: «Катись ты к чёрту! — я говорю. — Лучше я умру!»

А всё надо пережить. То отца заберут, то брат в лагере. Вы знаете, я в войну — бывало, мать наложит котулёк мне такой продуктов (хлеб и всё) — и я ходила за город двадцать пять километров, в лагерь к отцу туда, и пешком. И вот утром выйду с дома, отдохну в Тарту, и двадцать пять километров ещё пройду в лагерь, там ночую (у одной старушки ночевала), тогда — в Тарту, и на другой день приду. Через день вот так. Зато теперь без ног. Ноги болят — не хожу, не могу.

Вот другой раз думаю: «Как это можно человеку столько пережить? Такую войну и такие страхи?» Если говорили бы мне люди, я бы не поверила. И знаете что, когда ещё советская власть тут была, стали эвакуироваться в Россию. Ещё муж здесь был мой, тогда на фронте не был. И я с его семьёй эвакуировалась на тот берег в Гдов. А когда он на второй рейс не приехал, я решила привярнуться обратно, с одним парнем. А Гдов брали, а мы через озеро вдвоём переехали. И вы знаете, какая буря шальная была! И мы на лодке озеро переехали — за ночь, вдвоём. Это же ума не постижимо! Приехала я домой, уже муж был на фронте, взятый был. Я тут осталась. И вот из-за этого меня мало-мальски эстонцы держали, что я убежала оттуда, из России.

Я вот теперь своим — они говорят: «Ай, жить тяжело, жить тяжело!» — я говорю: «Вы бы пожили, как мы жили, вот тогда бы вы сказали, что тяжело!» Они не знают, во что одеться, во что обуться. Мы же в своей молодости, в своём детстве разве такое видели? Бывало, сахар от

---

¹ Член *Omakaitse*.

матери крали. Мать сахару купит, дак запрячет. Вот кусочек дадут тебе — и пей. Ну, больше были религиозные люди, как сейчас. Я сейчас сама тоже хожу в моленну в хор петь и подумую: «Моленна пустая, никогда ничего людей не ходит». Почему-то люди такие — что ли хорошо живут очень или что-то такие? Не верят — что-то есть. А я вот теперь сколько лет хожу, думаю: «Всё то зря, что не ходят». Я вот, бывало, приду с работы в Германии, мать станет на колени и меня просит: «Господи, помоги ей! Девка, только ты не объядайся¹ с йим, с шефом! Шеф тебя убьёт, тебя посадят!» И всё, бывало, до утра стоит на коленях возле моей кровати — меня упрашивает: «Да ради Бога, всё вяди себя хорошо!» Я говорю: «Мам, да что ты с меня хочешь? Уйду! Убьют — убьют, всё равно!»

И ведь какие бомбёжки пережиты — господи Боже мой! Там это между двух фронтов попали. С одного — и с другого. С одного идёт русские, с другого — американцы шли. Батеньки мои! А вот пережил человек. Если я другой раз там книгу читала — молодая была — думаю: «Не может такого быть!» А вот сама теперь вздумую: «Пережить можно всё!» Наверно, надо иметь или характер, или нервы.

Вот-от он меня, бывало, побьёт, а я отойду и запою «Катюшу». А ён подскочит взад, подзатыльник мне сзади. А его страшно раздражало. Я страшно любителька была песен! Я, бывало, как хожу по кабинетам, мою и всё пою и пою, и пою, и пою. А вот эта бухгалтер русская она всё меня предупреждала: «Аня, не пой ты советских песен. Тебя же посадят». А я ей и говорю: «Да пусть посадят, так посадят! Мне лучше: буду сидеть в лагере, чем я тут. Ну, — я говорю, — в Кёльне там наши деревенские, они придут с работы, они свободны, а тут с утра до вечера, до полночи, полночи». А эти ещё немки, проклятые, придут да ногой поколотят: «Мой, мой, мой!» — кричат. Ужас! А вот пережила и вот до какого возраста дожила. Я вам тут наговорила бочку арестантов... Я никогда никому и не говорила. Да вразь меня кто-то спрашивал? Я даже считала, что никто и не поверит. А кто поверит? Наши, которые здесь жили в войну? Никто!

Да в меня, так-то жизнь не сложилась. Муж у меня рано умер: я уже двадцать три года вдовой живу. Рак печени у него был. Зять в меня один погиб, второй умер и третий умер. Дочка старшая вышла замуж, уехала в Белоруссию, осталася там, а мне душа-то болит. А первый зять

---

¹ *Объядаться* — огрызаться.

разбился в Тарту — поехал на машине — разбились, молодой. Девочка осталась годовалая. Тут муж заболел лёгком. Всё это надо было пережить. Два года болел. После этого только оправился — рак получил. Худо ли, хорошо — всё надо самой. Внуки маленьких всех растила. И всё на своих руках и на своих плечах. Уже о себе некогда было заботиться. И вот племянницу и двух внуков вырастила. У детей тяперь своя жизнь. Уже могу жить не работая. А я всё хочу: привыкла работать. Вот-от огород большой, всё вот работаю в огороде. Другой день не хочу, так просижу.

А всё-таки старость одолевает. Иногда становится, знаете, так, как грустно, что молодость прошла и ничего не видно. Всё прошло. То своих детей растила, то пошли учиться. Тогда тяжело было девкам. У меня одна училась в Тарту — старшая. А другая училась в Калласте. И я по копейке собирала, чтобы заплатить за их в месяц — то за одну, то за другую. И всё это надо было с себя. Потом вот малая только среднюю кончила — она в Калласте. Тогда уже колхоз платит за её. А этих за двух платила. И за квартиру в Тарту платила. Тяжело было. А теперь — теперь бы и пожил, да старость пришла. Теперь думаю: «Теперь бы только бы и пожить!» Пенсия у меня хорошая. Я могу теперь за свою пенсию отлично прожить не работая. А уже годы ушли, всё пропало, и уже жизнь не интересна. В таком возрасте, как сейчас у меня, я другой раз думаю: «Что впереди-то? Да ничего». Старость, немощь, болезни. И уже ни о чём не думаешь: лишь прожил день — и слава Богу.

Я встаю утром с кровати и говорю: «Слава Богу! Михайловна встала». А ещё всё хожу в моленну и пою в моленной. Да, хожу, пою. Как осталась вдовой, некогда было ходить. А вот когда внуки подросли, ушли, тогда я вот стала учиться и выучилась, и вот теперь хожу. А схожу в моленну, на душе легко. Приду так — как легко, хорошо. Думаю: «Ну, вот и слава Богу!» Новый день...

ДРУГОЙ ВЕК

Вот в наши года редко у кого молодость хорошая была дана, потому что до войны у нас летом в деревне ни одного мальчишки, ни одной девчонки — все в поле ходили. Как школа, — тогда и привядут их. Как

школа кончается, — уводят. Должён был каждый ребенок сам себе на хлеб заработать.

В нас, я помню, старший брат походил в работниках в эстонцах лето (пошел специально в работники, что купить велосипед), а тогда лето отработал — велосипеды-то очень дорогие были — купил велосипед. Отец всю зиму за столом попрекал: «Ты не должен мой хлеб есть! Ты на хлеб не дал!» Вот я так это помню: он на озеро ездил зарабатывал, так всё сдавал отцу.

А теперь — я не знаю! Молодые не хотят работать. И йим всё плохо! То ли надеются на родителей? А мы жили в наше время, не наделись на родителей. Вот сегодня один мальчишка дрова возил, там мне немного осталось. Яму уже, говорит, шестнадцать лет. Он выше меня. И целое лето болтается в деревне у бабушки. Шестнадцать лет! И живут. А мы в шестнадцать лет не могли так жить.

Была я за границей. Не так там! Я была в Германии. Я вам честно скажу: там люди очень экономные. Вот я жила там это, ну там такая экономия у них у всех — ужас какая экономия. Мы так экономно жить не умеем, как они — немцы очень экономный народ и очень плотный. Там, бывало, вот идет старушка, она причесанная, при передничке (причём, там всё это переднички носили) — не пойдет так, как у нас тут пойдут, разлохмативши. И вот там, например, утром у них завтрак. Вот два таких: кусочек хлеба, кусочек булочки — бутерброд. Чашечка кофе. В обед суп и там второе, пудинг (пудинги они всё делали). Без хлеба. Хлеба не ели в обед. А тогда на четыре часа — чашка кофе и кусочек хлеба. А ужин я уж не знаю, что они дома ели. Это так тут в столовой в нас было. А в обед хлеба не было. Без хлеба ели. Може быть, война была, так зато? И вот я это, когда мыла, думала: «Хоть бы на тарелке чего-нибудь так это оставили!» Чтоб полакомиться, покушать. Так вычистют — чисто всё, не оставят кусочка!

Я, знаете, что скажу: у меня оба внуки были, и оба внуки они как-то, как уже десять классов кончили, уже пошли с отцом на пару работать: один и другой. И вот у меня старшему тоже тридцать чатыре года, тот уже два раза женатый был, уже сын большой. А вот это ещё холостой — двадцать пять лет. Он так хочет работать. В двадцать-то пять лет в его такая забота. Он всё сделает сам для себя. Мать не зазнает даже носков яму купить. Он всё делает сам. Сам себя обслуживает целиком. Ну, конечно, парень работающий — не пьяница, не гулящий. Я своей Наталье говорю: «Наталья, вот тебе хорошо, тебе с Иваном никакого

горя нет!» Он сам себя обслуживает. Надо ему брюки купить — пошёл купил. Надо рубашку — и он купит. Надо вот яму было — шёл на свадьбу к другу — надо было костюм сшить (костюмы ведь теперь не носят), за дружку надо костюм — пошёл, сам себе купил костюм. И он пришёл в костюме, как настоящий фраер.

А теперь погляди-кося: вот такой <показывает>, гляжу, идут по деревне — во всех телефон возле уха. Ну, разве это плохая жизнь? А какой они ещё жизни хотят? Может быть, я и неправильно сужу. Теперь век-то изменился. Може быть, что-то другое — другой век?

«Сейчас подарок пришлют — рот разинете»

Несколько слов о диалекте одного жителя
деревни Большие Кольки

А. В. Штейнгольд

анный автобиографический рассказ коренного жителя д. Большие Кольки записан в июне 2005 г. Для того, чтобы дать читателю некоторое представление о его возрасте и социальном статусе, помещаем здесь извлечение из паспорта диалектологической записи: возраст — 81 г.; образование — 6 кл.; происхождение — из местных рыбаков; место проживания в течение жизни — д. Большие Кольки, д. Савиметса.

Речь информанта отличается лаконизмом, выразительностью и юмором. На всех языковых уровнях она характеризуется чертами местного говора. Тип безударного вокализма после твердых согласных — недиссимильативное (сильное) аканье. В безударной позиции после мягких согласных сильное яканье заметно преобладает над иканьем: ср. [с'а]мья, [м'а]стов, заше[в'а]тились. Однако иногда отмечаются случаи и икающего произношения при тех же фонетических условиях: [Г'и]рмания, ст[р'и]льба, [ји]врѐи. Встречаются случаи появления протетического *и-* в формах прошедшего времени (*ишли*). В формах числительных типа *две*, *четвёртое*, *двенадцать* зубные подвергаются дистантной ассимиляции по мягкости. Эта фонетическая черта не является чисто диалектной, но для здешнего говора она типична и поэтому застуживает особого упоминания. В речи информанта отмечены два случая, указывающие на присутствие в данном говоре нерегулярного прояснения слабых «еров»: *плотва* 'плотва', *долины* 'длины'. Такое произношение может соседствовать и с нормативным (*плотвы*).

Система консонантизма имеет следующие отличительные особенности. На месте литературного [ш'ш'] информант регулярно произносит [шш]: *попьяли*[шш]е, [шш]итать, е[шш]ѐ. Союз *что* и его словообразовательные производные *чтобы*, *что-нибудь* демонстрируют ассимильативный переход [чт] в [шш]: [шш]о, [шш]обы. Фонема ч, по сравнению с литературной, отличается большей твердостью ([тш]ётверо, обу[тш]али, на[тш]альство).

Видимо, влиянию эстонского языка следует приписать спорадические случаи смешения глухих и звонких: например, глухой *т* на месте этимологического *д* (*кортон* вм. *кордон*), а также *г* вместо *к* (*киргу* вм. *кирку*). В эстонском языке отмечается явление позиционного озвончения шумных в соседстве с сонантами. Для эстонского языка, где отсутствует противопоставление по глухости-звонкости, эта черта является нерелевантной. Однако для русского языка она оказывается значимой (ср. *кирга*). Произношение слова *кордон* как *кортон* отражает противоположную тенденцию — стремление к гиперизму. Литературное произношение звонкого *д* в этом слове, видимо, воспринимается диалектоносителем, хорошо владеющим эстонским языком, как результат озвончения, поэтому он неосознанно сам себя «корректирует», оглушая *д* перед *р*.

Литературному сочетанию *дн* иногда соответствует [нн] (*о[нн]ого* 'одного'). В речи диалектоносителя выявлены случаи сохранения фрикативного *г* не только в словах типа *Богу, господи*, но и в звукоподражательных глаголах (*гогочет, загоготал*). В сочетаниях, восходящих к старым *ьр*, возможно сохранение смягченного произношения плавного (*сверьх, четвьерьг*). Встречаются формы со следами былого цоканья (*ушодцы, вышедцы*).

Морфологические диалектные особенности, проявляющиеся в речи информанта, типичны для изучаемого региона. В отношении существительных женского и мужского рода мн. ч. следует обратить внимание на совпадение окончаний Д. и Т. п. (*группам прут домой, младенцам умерши, тут в дярвене с коровам, подшивали гипсовым пластинам*). Есть случаи совпадения форм Р. и Д. п. существительных женского рода единственного числа: к *Нарвы*. Прилагательные часто употребляются в стяженной форме (*эстонско время, плотова ест крупна, каку-то баланду варит, лошадь така бела*). Менее заметны в речи информанта частотные для данного говора окончания существительного м. р. ед. ч. Р. п. *-ов* (вместо литературного *-о*): *мяст^ов*. Обращают на себя внимание ненормативные формы повелительного наклонения 2 л., ед. ч.: *грябься, шевель*. Иногда вместо возвратного глагола обнаруживается невозвратный глагол при сохранении им того же лексического значения: *остала* (вм. *осталась*), *как попад^{ет}* (вм. *попадётся*), *целили* (вм. *целились*). В предикативной функции часто выступают деепричастия на *-ши, -вши, -(д)цы*: *были все убёгши, пять умерши младенцам, ушодцы немцы-то, вышедцы и любуются*.

Лексикон информанта достаточно разнообразен и содержит большое количество диалектизмов (*попялице* 'место старой усадьбы', *чёрень* 'черенок', *трепка* 'лестница', *закол* 'разновидность рыболовецкой снасти', *вечный рыбак* 'рыбак, занимающийся рыбной ловлей круглый год', *огнище* 'большой костер, зажигаемый на Иванов день'). Интересны случаи диалектного управления (в частности, беспредложного), отличные от нормативного: *чего хочешь от мяня научиться, попали русским в плен, были в побывку*.

В качестве существенного показателя синтаксической связности исследуемого образца диалектной речи выступают глагольные аппозиции (см. диалектологическую часть публикации А. Штейнгольд «Я хочу горазд в прежность попасть...», помещенной в настоящем издании). Приведем ряд наиболее ярких примеров такого рода: *сидят выпивают, пошли ушли, пришли арестовали*.

Информант употребляет теперь ставшие малоупотребительными или неизвестными среди русских жителей Эстонии старинные ойконимы (*Дрисливицы, Пярнов*).

ДЕТСТВО

Родивши я на этом попялице¹. Только дом был деда Стяпана, а это мой. Был дом дервянный — деда Стяпана строенный дом, а тяперь каменный. В отца была куплена там в Савиметса² зямли участок, ну и с домом, а дом был такой маленький, хилый. У русских Савиметса была прозвана Дрисливицы. В Пячорском уезде есть там Маленька Дрисливка и Большая (я служил с рябят, так говорили).

В нас сямья была большая: девять-десять душ. В матери одиннадцать родов живых было: девять сыновей и дьве доченьки. Пять умерши младенцам. Один-то годика два — тут кака-то болезнь. Так вот сямнадцать год в Савиметса жил. Только перед войной построили — тридцать восьмой год, а тут война, и всё дело стало. Было чатыре брата. Старший с восямнадцатого года, двадцатого и двадцать второго — это в войну погибли. С десяти год в поле ходил — чатыре года. У эстонцев тут в дяревне с коровам год. Землю пахал с детства уже. Вот жил в эстонцах последний год я в 39-м году — чатырнадцатый-пятнадцатый год — косил с мужукам наравне.

Детство тяжёлое было. Народ был бедный после войны. Последнее время так только в 39-м стало маленько <получше>, а то безработица была. Вот отец землю купил, хлеб стал свой. А то на лук ездили мянять к крестьянам хлеб. На рожь мяняли. Корзину луку — полторы-дье (где как) ржи. Вот так и жили. А тут большинство уходили летом на работу. Все были каменщики. Мой отец не ходил. Рыбу ловили, да так. Раньше рыбу ловить не запрящали. Пошёл в эстонско время в кортон в Калласте: на три месяца луку дали — в пограничники будешь ходить. Есть

¹ *Попялице* — место старой усадьбы.

² *Savimetsa* — деревня недалеко от д. Колькья и Варнья.

невод — неводом тягали, каки заколы¹, став², сетки — никто не запрягал. Было свободно озеро. Рыбу ловили — как попадёт. Летом — окунь, подуст. Подуст — бела рыба, вроде плотвы, но только чашуя святлей. Она такая голова больше острей. А то так похожа. Наверно, и растёт побольше. Ну и плотова есть крупна. Я — вечный рыбак с детства. Только в Чудском озере — больше нигде я не ловил. Озеро большое — любимых мястов нет.

ВОЙНА

В нямецкой армии год служил, отмаячил — был мобилизован. Vabatahtlikult vastutahmist³! <смеется> Пришёл автобус и всё — забирают, с волости приказ явиться. В сорок третьем взяли в сентябре, месяц обучали строевой, политику толкали два часа, а потом евреев охранял четыре месяца в маленьком мястечке Убья промеж Раквере и Таллином. Сто явреев и шестьдесят явреек. Часть в шахту ходили, а часть плиту водили на завод цементный. Плиту взрывали. Им была норма пятнадцать тонн вагон на двоих грузить. Ты кувалдой поколотишь (ещё и большие плиты — пятнадцать тонн!), так уже <устанешь>, а он — какой сильный? А куда этих явреев? Да, куда-нибудь в шахту загнали, може, в карьер куда-то — расстреляли. Не знаю.

Вот Нагель — начальник лагеря был. Каждый день придёт в час — пьяный настояще. Яго тоже после куда-то... Я один раз с туалета иду, а ставни закрыты на щиты, чтоб свет не выделялся бы. Думаю: «Сниму щиты», чтоб видно по лагерям фюрера. Щиты снял. Евреёнок, который там уборку делал, выскочил: «Зайди. Начальник лагеря вас зовёт». Ну, оны сидят выпивают. Кусок солёного шпеку на закуску. Ну, тяперь: «Садись за стол. Ну, как это так тебе пришло в голову, что ты открыл ставни?» Я говорю: «Я как хороший солдат хотел услужить начальнику лагеря». Ну, вот. Наливает мне тогда пивной стакан: «Пей!» А я выпил. <смеется> А он тогда мне и говорит: «Чего хочешь от меня научиться? — я спортсмен». Я говорю: «Хоть давай вокруг лагеря бегать». Так вот мне-то девятнадцать было, а яму сорок. Ну, какой спор? Евреёнку

¹ Закол — разновидность рыболовецкой снасти.

² Став — вероятно, то же, что и ставина 'сетное полотно'.

³ Эст. разг.: добровольно-принудительно.

командует мятлу снять, чёрень¹ — на палках тягаться. Ну, сели на пол, всё. Я раз перетянул, второй раз перетянул. А Архип Поляков — в нас был как разводящий — с йим выпивал: «Да сдай ты яму?» А я говорю: «На... это нужно-то?» — «Да сдай ради хохмы». Ну, я сдал яму. Ну, и вот гогочет — загоготал: «Вот так!» Я говорю: «Вот видишь: нас Розалья плохо кормит, а в тябя и шпек на столе: шпек ешь! А нам како-то баланду варит Розалья». Повариха така, эстонка была — Розалья. Тая бывши и во Франции, и везде — так говорила. Ну, и вот так. Там взял этот шпеку кусок — и мне по уху этим куском! Соли был полно уху. Вот так — тебе ещё сдал. А наливает второй стакан. Самы выпили — мне налил. А я тогда говорю: «Вот завтра вокруг лагеря бегать будем». <смеется> Соревнования: кто быстреей.

Прислали яму автоматы, а ён пишет пьяный: «Не было. Только пистоли». А это автоматы. Только прислали, новенькие. Ну, что ж? А там жили, которые работали тоже, — мужчин не было, я думаю, мобилизованы были — только женщины были. Там куры ходили. Вот он по курам с автомата начал палить: тыр-тыр-тыр. Хорошо, что ни одной не застрелил — наверно, так не метил. Потом, как фронт пришёл к Нарвы, сняли нас и дали киргу, лопату — недоверие к русским: с явреем убягёшь в лес. Прислали эстонцев. Вот так дела были.

Тартуская бомбёжка была. Мы стояли в Русской гимназии — Rüütli tänav². А там, може, и наши целили. Там были много мобилизованные с Пярну. И вот наши два взвода там стояло расформированных — принаровские ребята. И наши воронейские, казепельские, колецкие — принаровский взвод наш. А много было там мобилизованных с Пярну. Через улицу сразу бомба. Мы ляжали на втором этаже — как рамы всё вырвало! Тогда рябята зашевелились. Я говорю: «Надо вниз спускаться!», а так были все убёгши, оставши только три-четыре человека — на нарах ляжали (там были койки сбитые). Я вышел — ё-ё-ё — гляжу: эти пярнуские рот разинули. Этот двор гимназии большой. Вышедцы и любятюся. Я говорю по-эстонски — кумекал: «Сейчас подарок пришлют вам — так вот рот разинете и не так!» Да, я в подвал не полез. Как бомба — так всё. А там выход был и ворота, так вот стал под эту раму³ и стоял — думаю: вот если только прямое попадание, а там в

¹ Чёрень — черенок.

² Эст.: на ул. Рюйтли.

³ Рама — здесь: дверной проём.

подвале задушишься. Да, Тарту бомбили. Без толку. Там вдоль ряки всё разбомбили, а мост не разбомбили ничего. Бомбить — так бомбить надо было станции железнодорожные. Не знаю, кто какие там сведения дурацкие дал. А мост не разбомбили ничего.

После Тарту нас пятнадцать человек направили в Таллин. На Вышгород там бомба валилась, но не взрывалась, крышу там тряхнула, потолок пробила, верболки¹ пробила, перякладки, так замяняли крышу. Ну, крыша там была накрыта черепицей, так мы там внутри и работали: потолок там подшивали Gipsplatten (гипсовым пластинам), да так по мелочи. Крышу после подмазывали черепицей, чтоб снег ня веяло бы — дождь-то не лятит.

А такой был немец ростом с мяня, а пузо вот такое: кил сто пятьдесят весу, може, али сто двадцать. Я где-то саячас девяносто килограмм, так что в мяня? А там такой дед был! Так идёт по трепке² поглядеть, что мы делаем: подмазываем али нет известью щели. Вот я яму и говорю: «А что ты думаешь зимовать здесь?» «Не, — говорю, — Нарву сдали, так где к... будете зимовать?» И вот, когда отступать стали, приказ на Пярну и в Германию отсылать. А был эстонец — капитан хороший, не было таких после эстонцев, как у нас в Таллине. Ну, и вот говорит: «Нам нечаго защищать Германию», — хоть мы и без оружия были. «Давай, как это говорится, iga гоју ота коју³: грябсья — кому как придётся, кому как лучше!» Да, высказался. А в Пярнов — нечаго там в Пярнове делать.

За три дня пятьдесят шесть километров отступили. Я говорю одному: «Пошли в лес». Антон Баранин здесь был сосед, с соседней деревни, вместе живши: «Ой, не, пойду с начальством. Что будет, то будет». — «Ну, — я говорю, — иди». Подговорил другого. Пошли ушли. Там встретили ещё семярых принаровцев в лясу, тоже ушодцы. Вот с тым нашли сарай. Сена старого половина была. Ночевали ночью. Слышу: тыр-тыр-тыр. Деревня была два километра. Стрельба прошла. На другой день одного постарше — Чмурик, ему лет под сорок было — мы его: «Чмурик, ты, как постарше, так сходи в дяревню, послухай, как там дяля. Ушодцы немцы наконец-то?» Ну, и вот тот пошёл. От говори: «Эсесовцы только», — немецкие сапоги, тыи ещё с гвоздям были у

¹ *Верболка* — матица.

² *Трепка* — лестница.

³ Эст. букв.: «Всякая живая тварь ступай к себе домой».

йих! — «так и только один да по двое группам прут домой». Мы думаем, ряшили так. Ну, двое были. А там эстонцы ещё двое подсоединились к нам. Один с Коса, а другой оттуда с Кокора и был Фоки знакомый (подруживши когда-то, в поле ходили вместе, али что-то такое). Ну, а тый, калластынский, по-русски, може, <говорил>, а этот-то нет. Фока говорит: «Разделимся. Возьми одного эстонца, я другого. Ты — косовского, а я этого, которого знаю». Ну, пошли. Первый день сразу встретили. А в мяня был паспорт и немецкий, и эстонский, получен в сороковом году. «Паспорта!» — говорит. Я подал паспорт. — «Где?» Я говорю: «Работали в Таллине, а теперь добираюсь домой». А если кто мобилизован, так паспорта отбирали. А в меня сохранился. Я и спасся. Я говорю: «Как документы будут <спрашивать>, а ты как тоже лезь в карман, шевель». Ну, и вот так. От яго не спросили. Три раза нас в первый день встретили чакисты: «Только идите дорогой большой. Лесом не ходите. Могут пристрелить и всё». Ну, вот так и дошёл до дома. Неделю времени ишли.

А там луниские¹ были эвакуировавши две женщины с лошадыю. А лошади сзади коровы-то, кажись, были. А лошадь така бела, здоровая. Им не сдьяржать, так они мне попросили: я дня два или три сидел на лошади, управлял. Ну, вот так и добрались до дома. А пришёл, родители были высланы в Германию как коммунистическая сямья. Три брата в армии. Два-то расстреляли здесь, когда немцы с Тарту отступали. В побывку с Алатскиви были. А тут немцы. Немцы на Тарту не прошли, на Йыгева, с Йыгева на Муствеэ. Это всё в мяшке осталось², и шабаш. А тут, пока то-другое, баню мать стопила — помылися. Думали пройти. И немцы пришли. Русский взвод отступил — сразу немцы. Вот они и попали к немцам. Один на велисипеде поехал сообщать, что немцы идут. Немцы взяли. А этот старший двадцатого года здесь запрятался. Пришли арестовали. В Калласте в лагере две нядели был. Оттудава прислали обратно. Приговорили расстрелять второго августа. Люди на сенокос ишли косить и видели, сразу нам сказали.

Ну, спасибо, домой явился. Некоторые попали русским в плен — Сибири хватили. А я так прошёл.

¹ От *Luunja* — посёлок около Тарту.

² То есть территория оказалась окруженной немцами.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

А после войны вступил в рыбаки. Было товарищество. Снасти свои, всё своё. Чатыре года были товарищество, а потом колхоз пришёл. Я в тое время жил в Савиметса. В 64-м году пришёл сюда жить. Сорок год уже в своём доме. А тот дом — все разъехались молодые, сястра. Отец с матерью остави двое. Мать умерла. После отец пришёл ко мне жить. Никому и не надо был дом. Продали. Все уходили в города. Дома ничего не строили. Новый большой дом. Там комнаты такие: на два метра шире, наверно, этого. Девять метров ширины да двянадцать долины. Я стал здесь жить. На озеро ходил всё. Свой век прошёл на озере. После пенсии ещё три года работал. Да, подарили лошадь, как на пенсию уходить. Мядалью награждён. А потом мне тут дали документ, лубу¹ на двадцать сеток — инвалиды да пенсионеры ставили, сдавали рыбу на пункт. Три года мне защитали ещё, что работал сверх пенсии. Лоуки председатель был, так говорит: «Ну, ты ещё такой здоровый мужик!» Хозяйка болела, давление сильное было. Я говорю: «Приказано. Так бы работал ещё». И ходил на озеро ловил рыбу. Пролое лето ещё брал разрешение, а к осени большинство что-то слабость. Спина болела, опоясывала кругом. Вот пошёл посмотрел: лодку никто не прибрал² — я был больной — и всё, расколотило мою лодку. Придётся в Иванов день на огнище³ тяперь.

¹ От эст. *luba* 'разрешение'.

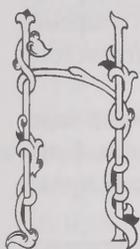
² *Прибрать* — здесь: убрать, вытащить на берег.

³ *Огнище* — большой костер, зажигаемый на Иванов день.

«Ничего не сделаешь, пришлось всяко жить»

О некоторых особенностях говора
жительниц деревни Нина

Катрин Кару

Настоящая публикация представляет собой расшифровки фрагментов рассказов двух жительниц Причудской деревни Нина (Нос). Записи были сделаны О. Паликовой и К. Кару в ходе диалектологической экспедиции летом 2007 г.

До сих пор внимание исследователей было направлено главным образом на изучение диалектной речи старообрядцев, живущих в Эстонии. Так, в первом томе «Очерков» опубликованы расшифровки записей, сделанных в местах компактного проживания староверов. Население деревень Нина и Ротчина (Rootsiküla) — православное. Так как эти деревни расположены на берегу Чудского озера в непосредственной близости от традиционных староверских поселений, мы предположили, что жители этих деревень являются носителями того же говора, что и старообрядческое население Причудья. Для проверки этого тезиса и были предприняты экспедиции в названные деревни. Первоначальные наблюдения над речью жителей Нина и Ротчина подтверждают выдвинутое предположение, однако собранный материал нуждается в дальнейшей обработке и тщательном анализе.

Так же, как и в случае со староверами, в ходе диалектологической экспедиции были опрошены представители старшего поколения. Это позволяет, на наш взгляд, получить сопоставимый материал для анализа. Возраст наших информантов превышал 80 лет.

Имена реальных людей в тексте расшифровок заменены вымышленными.

Так как публикуемые расшифровки представляют собой рассказы двух разных людей, то для удобства читателя они названы соответственно «Часть I» и «Часть II».

Далее опишем некоторые из наиболее ярких диалектных черт, встретившихся в речи наших респондентов. Приводимое ниже описание не является исчерпывающим и не претендует на окончательность.

В области фонетики отмечается сильное яканье, которое, правда, не является последовательным, чередуясь с иканьем. В системе согласных наблюдается следующее явление: долготу мягкому шипящему [ш'ш'] литературного русского языка обычно соответствует долгий твердый шипящий [шш], напр.: му[шшы]на, запу[шш]ена. Замена [шт] > [шч] в речи информантов наблюдается в слове *что*, которое произносится как [шч]о. Следует, однако, отметить, непоследовательность такого произношения. В тексте расшифровок используется литературное написание. Встретилось произношение формы прошедшего времени глагола *идти* с вставным гласным: *А в нас поле [и]шло так*, однако о распространенности этого явления мы пока не можем судить. На месте сочетания [дн] может произноситься долгий [нн]: *один о[нн]ого перегоняем*.

Хочется отметить одно явление, связанное с ударением: это место ударения в сочетании существительных с предлогами. Так, в таких сочетаниях ударение часто приходится на предлог, когда они выполняют функцию обстоятельства в предложении: *машина идёт как по столу*.

В морфологической системе наблюдается, в частности, следующее явление: в существительных ж. р. на -а в форме Дат. и Предл. падежах ед. ч. функционирует окончание -и (-ы) на месте литературного -е: *я часто хожу туда к дочки, по канавы только, вот на этой земли, на войны был ранен*.

В системе склонения местоименных прилагательных отмечена стяженная форма: в Им. п. ж. р. ед. ч. односложное окончание -а, как у имен существительных. Например: *Да кака там жизнь!*

Личные местоимения 3 л. имеют начальный й: *ён, яны*.

Глаголы, оформленные в литературном языке суффиксом -ти, в говоре могут иметь -ть: *пасть коров*.

В возвратных глаголах наблюдается вокализация постфикса: *перебиралися, шаталася, поднималася, сопряталася, оставалосся, испугалася*.

Категория времени имеет две формы прошедшего времени, которых нет в литературном языке. Во-первых, это деепричастие на -ши, -вши в предикативной функции, чаще всего обозначающее состояние в настоящем как результат действия в прошедшем. Например: *она когда-то работавши была, откуда был приехавши, муж пятнадцать лет как умерши*. Во-вторых, встретилась архаичная форма давнопрошедшего времени, состоящая из глагола *быть* в форме прошедшего времени и знаменательного глагола тоже в форме прошедшего времени. Эта форма обозначает действие в отдаленном прошлом: *Там я была три года жила*.

Встречаются случаи рассогласования по роду подлежащего и сказуемого в форме прошедшего времени: *жирное было этот отвар*.

В лексической системе отмечается употребление слов *вести* и *водить* в значении 'возить', что характерно также для говора причудских староверов: *сети в озеро водили*. Встречаются освоенные заимствования из эстонского языка, напр., *трепка, лайня* и др.

Мы отметили лишь некоторые диалектные черты, встретившиеся в речи жителей деревни Нина. Более полно их еще следует изучить и сопоставить с имеющимся материалом по говору Причудских староверов.

ЧАСТЬ I

Я с двенадцати лет в поле пошла, пять лет в поле ходила. Летом три месяца в поле, а тогда первого сентября в школу. Когда лет восьминадцать, тогда не пошла больше в поле. Дома уже была с мамой. Здесь нас эвакуировали в Германию. Папа умер в Германии, с мамой обратно приехали. Ну, и опять стали жить в своём доме. Были уже поселивши здесь в наш дом. С большим трудом выпроводили вон этих пожильцов. Ну и до этих пор живу. Мама умерла. Муж тоже умер. С мужем жила 47 лет. Шесть детей. Последние двойки были. Сын и дочка, двойняшки. Все живы. Живут в Тарту, работают. И родители в Нина жили, и мамы родители и уже родители родителей сюда переехали. Откуда их сюда прислали, не знаю. Это долгая песня.

Сперва жили мы вдоль озера, тама. Все поселивши были да домики у всех были построено. А пошло наводнение, озеро стало подниматься, и вода стала смывать нас. Тогда учитель у нас был, Коняев. Он очень умный человек был. И он выходил нам эту землю. А эта земля принадлежала, там эстонцы жили в Алатскиви, четыре километра. Хутор было этого эстонца. Ну и яму где-то там отрезали землю, а эту нам нарежали здесь. Все эти дома перешли сюда. Дали нам лайню¹ государство, тогда лес отсюда недалеко выделили нам на стройку. Самы пилили, сами привозили. И выстроили сюда домики. Вот так и живём. Когда строили, так мне лет восемь было. Ещё молодая я тогда была, девчонка. Помню, как таскала от озера ухваты да хлебную лопатку. Даст мама и ташшы сюда в этот дом, перебиралися. Жили неплохо тогда, при эстонской власти. Конечно, кто работал. А кто работать не хотел, так... Папа ездил, всегда уезжал на лето в Таллин работать. Осенью приезжал домой. Отец на стройке работал, мурником был. Он хороший мурник был, хорошо получал. Присылал мамы деньги. С каждой, как получит, сразу высылал сюда. Водку он не пил. А мама всё время дома была, огород здесь держала. Когда я замуж вышла тоже стали мы огородом большим

¹ Лайня — от эст. *laen* 'ссюда'.

здесь владеть. Тогда в Ленинград ездили. Сеяли морковку, сажали лук, ну и возили в Ленинград. Приводили денежку и жили.

Тяжело, наверное, на огороде работать?

Конечно, тяжело, а ведь начнешь делать, всё сделаешь. Сто грядок было у меня земля здесь, и вот на этой земли. Сейчас запущена она. Раньше в карман с этого, с зямли, а теперь с кармана. А теперь, как трава вырастет, опять надо сто крон, чтобы бензин купить. Надо косить эту траву. Так и смеемся, что раньше, значит, в карман, а теперь — с кармана на эту землю. Теперь восемь грядок здесь ести для себя, и хватит. Детям дам в город и себе хватает.

Лук, морковку начинали сеять в апреле, в мае, когда какие погоды были. Гряды копали и на грядки сажали лук. Первое морковку сеяли туда, в лук, а потом не стали, морковку на поле сеяли, на борозды. Только один лук на грядки, свёклой кругом обсаживали. Сперва морковку сеяли, а потом лук сажали, потом выпалывали, оставляли кой-где морковины. Так, чтобы земля не пропадала. А потом стали уже иначе делать всё, что устали, полегше делали.

***

Здесь выслали нас в Германию, в Германии были. С Германии приехали, тогда опять начали. Земля была вся заросши. Надо было землю опять обрабатывать. Разрабатывать её. Всё сделали опять. Потом замуж вышла на 21-м году, потом уже семья пошла. Семейю растила, дома работала. Мама после Германии восемь лет пожила. Что мне всё-таки детей помогла немного, четырёх вырастить. А уже двое-то без мамы выросли. Народились.

В Германии были на военном заводе. Шестнадцать килограммов бомбы, такие длинные просматривали в свет. Руки были все стёртые почти что до костей. Адская, адская была работа! С пяти утра уйдём и до пяти часов вечера. Ну, конечно, спасибо Германии, много помогли они теперь, нам давали помощи-то всё деньгам. Высылали здесь. В прошлом году красный крест тузик¹ прислал. Отдыхать была уехадши. Так что нельзя обижаться. За это получили всё-таки копейку.

¹ Тузик — от эст. *tuusik* 'путёвка'.

Отец уже доро́гой заболел. Тоже старый был, ну и жалко было с дома-то <уезжать>. Когда начали выселять, так он вроде как помешался или что-то такое с ним, что жалко было с дома, дом бросать. Ну и доро́гой тоже. Ехали — всё-таки старый человек, ведь удобства не было тогда. В вагонах полные набитые были. Приехали когда мы в Германию, две недели сразу положили его в госпиталь, в госпитале и умер. Он и не работал нисколько. Мама тоже полгода в госпитале бо́льшую часть лежала. Ну и так немного осилилася, ну и начали работать тоже ее <посылать>. А она шаталася. Шаталась вот, по трéпке¹ подняться не смогла, ра́кушкой поднималася, кто поможет подняться. Посадят, и надо было чистить картошку, сидеть на кухне. Попала-то она в хорошую туда кухню. Там было по-немецки, пани Абрамша называли ее, заведующая этой столовой. И она стала ей чашку всегда наливать от костей отвару. Понравилось ей, что она хорошо чистила, работала. Была всегда безотказна. И говорит: «Вот выпей эту чашку, этого отвару». Она говорит сперва было как-то неприятно пить, что жирное было этот отвар, а потом привыкла. Даже говорит я и чаю не хотела, ничего, а ждала этого отвару. И она три раза в день ей эту чашку наливала. И поправилася. Поправилась, что смогла даже домой приехать. А потом уже силу взял, что поднималася и на кухню сама по трепкам.

Сперва мы ходили в русскую кухню. А потом нас как иностранцев там признали, и в иностранную столовую ходили. Там, где французы, бельгийцы, вот и эстонцы туда. Нас как эстонцев засчитали. Там нас очень хорошо кормили. Так что идём на обед, ещё мамину порцию брала и свою. С которой мы вместе там работали в цеху, с этой вот три порции съедали. Ну а мама принесёт картошечку. Это воскресенье варили мы картошечку. Это у нас был праздник. По пять грамм масла скопим в чашечку. С маслицем эту картошечку ели. Так что всяко жили.

Потом стал уже американец-то подходить туда, и нас эвакуировали. Тоже три месяца почти что ехали мы. Сегодня едем в эту деревню, завтра опять с этой деревни. Опять нас на повозки, опять в эту же деревню. Вот так взад-вперёд и возили. Так старые-то сидели на узлах, а мы молодые все должны были пешом ходить. Некоторые деревни приезжают, и подходим смотрим: немцы стоят на балконах с корзинкам. Мы — бегом, один онного перегоняем. Что они бросают тогда куски бутербродов. Господи, стою, стою, и вот с рук и вырывают. Кто по-

---

¹ По лестнице.

сильнее был, и с рук и вырывали. Приду опять к телеге и говорю: «Мама, опять ничего не достала я». И вот так пришлось ехать. Тогда русские нас взяли. Американцы передали русским. Там-то хорошего не было, хлеб плохой был. Вода да хлеб. Но пережили. Может быть, за это и болею теперя. Ничего не сделаешь, пришлось всяко жить.

В Германию почти что вся деревня была выслана. Нас выслали, что брата коммунистом тогда считали, что брат был коммунистом, в комсомоле был. Ну и вот из-за брата. Вот так и всех, кто был только замешен, ну тех и гнали. Немцы не гнали, а эстонцы. Всё эстонцы здесь командовали. Немцы не знали, кто здесь был в комсомоле, кто где был. Уже когда оттудова-то гнали, уже война кончилась. Тогда война была кончивши, мы приехали домой.

***

Здесь некоторые староверы были, мало староверов. Вот в Кольках, в Вороньи, в Казепели, вот там все староверы. А здесь Нина, Ротчина. Ну и в Калласте тоже староверы, но и православных много тама. А мы здесь все православные, в этой <деревне>. Теперь здесь оставши-то никого. Вот два дома только живём, все уже вымерши здесь старые-то хозяйства. Только молодые. А молодые работают в городе, приезжают только в пятницу на субботу да на воскресенье, и в воскресенье вечером опять все уезжают, и опять дома пустые стоят. А раньше в каждом доме по пять, по шесть человек было. А теперь никого.

Раньше большая деревня была, полно людей было. Тут у нас старший брат с невесткой двое, я с братом, мама, папа — шесть человек в доме. Ну и так во всех домах были. А теперь, конечно, нету стариков и нету и людей больше.

Что зимой делали?

Зимой, когда отец помоложе-то был, тогда они ездили в озеро. Как называть по-раннему — мутники́ были, мутник был. Там сколько их человек было. Ну и папа ездил. Имел лошадь. Осенью покупал лошадь всегда на зиму. И ездили. Брат старший жил, тот свои сети потом уже купил. Сети тоже в озеро водили. Тогда было свободно. Рыбы свободно было, да она ничего и не стоила. А теперь дороже мяса. Но всё-таки с рыбы тоже жили люди.

А такого не было, чтобы женщины в озеро ходили?

Нет, не было. Это теперь всё женщины ходят удить зимой, а раньше не ходили.

Женщины зимой тогда что делали?

Женщины по дому. На с^уп^рядку¹ ходили, и раньше ведь сети вязали. Брала с Калласте. Там было такое предприятие, что давали нитки. И вот сети вязали государству. Опять заработок был женщинам дома. Это кто хотел. Я тоже вязала. Бывало сетка, сколько там яч², я уже забыла... Мама отметит тряпочкой: вот отсюда и досюда должна столько связать, тогда пойдёшь на улицу гулять. Свяжешь эту полосочку, что отмечено, тогда пойдёшь гулять. Погулять, на прятках поиграть, а зимой так на санках покататься.

В какие игры играли?

На улице-то другой раз в мячик, другой раз на горелках играли. Встанешь вдвоём и бязишь. Ударишь тебя, и вот ты должна поймать меня, ударить. Такая детская игра была. В прятках играли. Вот бегаешь, бывало! Раньше-то не было такого леса. Мы сюда пришли, так здесь всё голое было. Таких кустов не было. Это теперь соприятался, так и не нашёл бы никто.

На озеро тоже ходили дети купаться?

Да, летом ходили. А зимой опять пойдёшь на лёд, там ведь не было этих, на чём кататься, коньков. А на подошвах. Хоть мама и ругалася, что не смейте, что подошвы-то дярутся, но ведь всё выскочишь.

Школа своя была тоже?

И школа своя была здесь. Ну а потом, когда у меня уже дети подросли, уже 10 классов стало, так тогда в Калласте ходили. Здесь шесть классов, в четыре класса ходили в Калласте. И тоже пешком ходили. Вот вдоль озера, зимой по льду ходили. Шесть километров считаем.

Скотину тоже держали?

Да, корову дяржала, поросят. Зиму двух даже дяржала. Мясо сдавали. Это уже не при матери. При матери держали только для себя. А когда

¹ *Супрядка* — зимние посиделки, на которых по вечерам собирались замужние женщины или молодежь для занятий рукоделием.

² *Яча* — ячея.

уже замуж-то вышла, так тогда уже с мужем держали. Муж ходил в Алатскиви на работу в совхоз, я была дома. Когда уже дети, так неко-торый раз мама пустит в совхоз сходить, в колхоз, ещё колхоз был, по-работать. В другой раз сено надо было для коровы, а сено-то было с процентов. Десять куч должны были для колхозу, а одиннадцатая толь-ко себе. Ну и вот поневоле надо было скоплять, не так, как теперя — куда ни посмотришь, везде трава вот так! А раньше не было этого. Где по канавы только.

В лес по ягоды, по грибы ходили в старое время?

Ходили. И за ягодам ходили, и ягоду продавали, ну грибки тут носили для себя. А что ягоды ходили, вот в чарнику. За чарникой придёшь с леса, и уже там принимают, уже там сидят этии купцы, покупают сразу уже. И тоже опять копейка была. Мама держала здесь около дома пять соток клубники. Клубнику обрабатывали. Ей пароходом присылали даже. Где-то она была договоривши в городе. Присылали такие корзи-ночки плетёные. Она их наберёт, и опять на пароход, и отсылала, а там, значит, деньги посылали ей. И вот с этих пять соток она пять тысяч <получала>. В то время это большое дело пять тысяч было вырабаты-вать. Сейчас пять тысяч — это ерунда, а в тое время, в эстонское, пять тысяч — это была очень большая копейка. Так и жили и не тужили.

Ещё выращивала эстонка, её уже нету. У неё вся земля была под клубникой, вот там за церковью, вдоль озера, там самый последний до-мик был. Одна эстонка была, и она всё нанимала. Ведь надо было та-кие поля выполоть, надо было её убрать тоже, и она всё нанимала лю-дей. Был расчёт, что ей, наверное, оставалось для себя и с рабочим рас-считываться. А большие-большие, я часто хожу туда к дочки и говорю: «Ай-яй! такие поля теперь заросшие, а все поля эти были клубникой в Вальвюшки».

Пароход куда ходил?

Пароход с Тарту ходил до Муствез и с Муствез опять обратно. Транспорт был тогда, в общем-то не было, и мы ездили даже в Тарту пароходом.

Отсюда лодка выезжала. Там был знак такой, устанавливался. И к этому знаку лодка приезжала, и ездили мы в Тарту. С Тарту едет паро-ход, опять лодка приезжает навстречу там, что кто. И, конечно, наёмное было, это как от государства было. Платили им, хто на лодке выезжал. Вот так и ездили. Раньше автобусом не ездили, всё пароходом.

И пешком ходили в Тарту¹. Вот вперёд, как нас эвакуировали². Папа был забранный, в Куперьяновке сидел, в тюрьме, что он полгода что-то. И вот ходили мы, ну не я одна, а здесь много таких. В чатыре часа выходим утра и в одиннадцать, в двенадцать в городе. Пять километров пройдем, опять отдыхаем. Отдохнем хорошо, опять пошли. Ну, так ещё и мяшок-то нясёшь с продуктам на плячах. Ходили, ходили. Много ходили. А потом пароход-то не стал ходить. Тогда хуже было попадать в город. Вот пойдём в Алатскиви и там, значит, на попутной. Едет грузовая машина, и поднимем руку, остановится шофёр. Ну куда нам, да уже знает, что вот в город. И сажает. А дороги-то какие были. Проедешь пять километров, да полкилометра сойдёшь с машины, да машину толкаешь в грязи. Вытолкаешь, сядешь, опять там проедешь, сколько проедешь. Ведь не теперь ещё как по столу идёт машина, а раньше того не было. Ну, всё вот попадали. За городом он нас спустит, в город-то не вводил, а за городом, так спустит шофёр, тогда идём пешом. Ходила.

Муж ходил удить. Удили рыбу, сигов к вясны. С сигам ездили в город тоже. Приедем, там двоюродная сястра, к той придёшь, сиги переберёшь, в бумагу завернёшь, подпишешь сколько он весу, сколько стоит, и опять пойдёшь. В военный городок всё ходили. Там покупали. А оттуда опять мешок хлеба да булки сямьи привядёшь. И то не тужили люди, как-то дружно жили. Теперя очень плохо живут. Ты ко мне не ходи, я к тебе не приду. У мяня ковры, у тебя — половики. Вот так! А раньше очень дружно жили. Собиралися и посидят, и поговорят. А теперь нету этого.

Как раньше жили? Порядка много было? Воровства, пьянства не было?

Нет, раньше такого не было. Ну, кто ведь хотел, так, конечно, и воровали, кто работать не хотел. А пьянки такой не было. Бывало, принесут и у нас дома. Папа-то не пил, а брат старший. И сидят с бутылочкой целый вечер. Стопочки вот такие. Но ведь теперь стаканом, что ж, пьют, как воду.

¹ Расстояние от Нина до Тарту около 50 км.

² То есть перед тем, как эвакуировали.

Родители вас строго воспитывали?

Да, не давали повольку. Уже, бывало, мама, что скажет, так повелено быть. Бывало, и не добивался, что мама должна несколько раз сказать. А теперь не слушают родителей.

В церковь ходили с малых лет, как стали. В нас в школе всягда целым классом водили в церковь. Вот если Божий Закон, значит урок Божьего Закона и служба в церкви. Целым классом выстроят нас и привяжут в церковь. И должны были отстоять сколько-то время. Раньше и в школе Божий Закон учили нас, и молитвы, и всё. На исповедь нас тоже классом целым поводили. Исповедовали каждый раз к Пасхе.

Как часто надо на исповедь ходить?

Муж у меня был последнее время, одиннадцать лет, старостой в церкви. И приезжал такой Кирилл, я уж фамилия забыла. Жили в Таллинне, а он здесь был поселенный в Калласте батюшкой. Православный. Всё народ здесь, что: «Цыган, цыган!» Ну, может, он и цыган был. Такой тёмный, был, но очень хороший человек был. В его два сына, сыны и сейчас ещё в Таллине живут, а они сами переехали во Псков отсюда. Были в Калласте в его и домик купленный, и всё. Он часто, как служить придёт сюда. Старый батюшка умер. Как служить придёт в церковь, ну и приходил чай пить ко мне. Он такой был откровенный, и он и говорит: «Ивановна, нету толку, что каждое воскресенье ходить на исповедь. Исповедь должна быть только два раза в год. Это настоящая исповедь, а это что мы так каждый день, аль каждое воскресенье ходим, это не исповедь. А я, — говорит, — сколько я там служил и сколько учился, я знаю, что исповедь — это только два раза в год. На Пасху и там или на Иван-день, или на Покров, или на Троицу. Это там хоть два раза сходи, а это будет без толку».

Теперь батюшки приедут, так каждое воскресенье ходи. Ну что толку! Что ж я за неделю там столько грехов! Так что ж я скажу, что я, батюшка, тое делала. Глупости это! И я где-то и читала тоже. В мяня Библия была, так я внуку теперь подарила её. И тоже в Библии я находила, что правильно это ходить два раза в год на исповедь.

Муж у вас тоже местный был?

Да, отсюда с деревни. Вот перед смертью успел сдать церковные дела, он старостой был. Весной сдал и умер. В Таллинне ему две похвальные грамоты было прислано за одиннадцать лет. Последнюю прислали, он уже был умерши. Зачитывал батюшка, как в церкви служили. Старос-

той его деревней выбрали. Там кто-то отказался, ну и яго выбрали. Он очень верующий был.

А как вы за него замуж вышли?

А так вот. Берягли. Девчонкам считалися, что. Когда приехали мы с Германии, ну и у нас коровка была, а коровку увяла старшая сестра в Муствеэ. Услышала, что нас увезли, она пришла сюда, и корова во дворе была, и она увязла туда. Теперь мы приехали и эту корову оттуда привязали обратно. Ну, и я однажды вяду утром корову туда за деревню на поле пасть. На тычку прибьём и уходили. Идёт один молодой человек, значит, с армии. В военной одежде, рюкзак на плече. Ну: «Здрасьте!» — «Здрасьте!» Поздоровался и пошёл дальше.

Теперь вечером приходят дьявчонки за мной, я и говорю: «Девчонки, ведь солдат в нашу деревню прибавился. Кавалер». Они, что: «Какой?» — я говорю: «Вроде, Савельев-старший». Так и остался. Пошли вечером: и правда, Савельев-старший пришёдцы с армии. Ну и ходили там на танцы. Когда попросим, один у нас гармонист был. Пойдём, попросим да скопим ему на половинку. Так ён нам на гармошке поиграет, а мы там покрутимся.

Так, бывало, приду домой, лягу спать, слышу мужской разговор. Да выйду и говорю: «Мама, кто в тябя тама?» — «Да пришёдцы Николай, да Федор пришёдцы, попросились выпить бутылку». Я и говорю: «Мама, охота тебе это с йим сидеть, что они пьют, и ты сидишь». — «Ну и что ж. Пусть! Выпьют да и уйдут». Так раз, и два, и три. Я уже стала маму ругать. Я говорю: «Ты не смеешь пускать!» Да однажды стучит мне в дверь, и этот человек является туда. Я и говорю: «А ты зачем сюда?» — «А мама разрешила с тобой поговорить». Я говорю: «Никаких разговоров нету». Ну а я, даже у меня и ума не было, что я там какой-нибудь кавалер был. Ещё и соображения-то не было, что ещё вертихвостки были. Бегать надо было. Ну а потом в деревне стал меня <встречать>. Ну и вот так. Были и другие кавалеры в мяня уже потом-то, и я даже его и не любила. А мама говорит: «Нет, он ещё нам свой немного. И мне, — говорит, — ндравится. Не отталкивай ты яго». Вот так как-то однажды пришёл свататься, ну и сосватались. Так и пришлось идти.

А как сватались?

А придут. Самовар, и вот сватанье было такое.

А потом в церкви тоже венчались?

Нет, не венчались. Это надо было большой расход. А дома, конечно, была свадьба. Он сделал свадьбу, нам-то с мамой не с чего было. В его матери свадьба была. А потом сюда перешли, здесь жили. Так и всё время жили здесь. Муж хороший был, не скажу что плохой. Очень трудолюбивый был. И он мяня цанил, боялся меня тоже. Что уж скажу, то должно было по-моему быть. Но он на войны был раненый в лёгку. И чёрное пятно всё время было на лёгке, и вот с этого пятна ён и ушёл. Ён на семь лет был старше меня. А когда с другом-то ходил, такой Николай был. Тот ходил с ним, что тот думал, что он будет, а друг другу не говорили, ну а потом только призналися. Мужа звали Федор Алексеевич. И тоже было в матери семь сынов, а он старший был. И одна девочка была, тая в родах умерла, а всё мальчишки были. Теперь только последний да передпоследний оставши парень. Ну не парень, а уже мужчина, женивши был, а разошёдцы.

Раз религиозные были, так и посты соблюдали?

Ну, соблюдали старые люди, а молодые, что ж. Молоко основное ели, мясо, может, так не ели. А старые люди, помню, мама с отцом-то не ели так ни молоко, ни... Бывало, свёклы наварют, так называли ботвинья. С картошкой ели это. Ну а мы-то всё: «Молочка дай да творожку».

Печка старая?

Нет, после. Мы с мужем, два раза перебивана. И вот после мужа я одна, уже перебила. Печку русскую убрала, только плиту, ляжанку и всё. А раньше русская была печка. Чало туда было, напечка там была. На печку лазила. Вот двойчат как растила, так, бывало, по очереди их мыла на печке. Так ходил батюшка, отец Василий был старенький у нас. Он за молоком ходил. Как придёт, я всё мою ребятишек. «Ой, Дунюшка, что ж ты не сказала, что ты в это время, так я бы пришёл пораньше». Вот вымою, ему передам в пелёнки с печки, он — на кровать. Здесь кровать была. Он на кровать положит, даст мне другого. Сам тогда прикрывает этого, пока я эту вымою второго. Тогда слезу, тогда вдвоём одеваем их. Такой был потешный старичок!

ЧАСТЬ II

В детстве в школу ходили. Одежду покупали или сами шили?

Когда как, но большинство покупали. Съездишь в город, купишь. Я не забуду никогда, как ещё я ходила в школу. Может быть, я старших сяс-тёр ещё пальтишку донашивала, не помню уже этого точно, но помню, что в мяня здесь пошла подлина¹ в рукаве. Теперь мама и говорит: «Пришей!» А я не хотела, я всё считалась отцовой дочкой, и не хочу. Не хочу вот пришивать, иголку брать, пришивать. Всё за меня делала постаршая сестра. Теперь папа пришёл в комнату и видит, что я сижу какая-то, как говорят, нахохленная. Он: «А кто, — говорит, — мою дочку обидел?» А мама и говорит: «Да вот, видишь, вот заставила пришить, подлина в рукаве, так вот сидит нахохлившись. Надо самой уже начинать делать». Отец взял это пальтишко, выдрал эту подлину вон и бросил. Поехал на другой день в город и купил новую. А я так и не стала пришивать.

Свою бабушку вы помните?

Свою бабушку да, помню. Отцова мать. Мы в ей не особенно. У неё был очень такой плохой характер. Они жили здесь на углу, такой коричневый дом. Оттуда дядя уехал, и она жила с папиным братом там, в том доме. А мы жили там. Дали нам землю, и там построили дом. И во время войны бабушка осталась одна здесь в деревне. Одежи не было, а здесь была корова. Мама умерла, а отец вернулся вновь.

Папа мне и говорит, что бабке надо там помогать. Она уже старая тоже была. Ну и я пошла туда. В бабки был такой характер. А тогда была это, нурму² платили. И корова была, надо было молоко носить в Алатскиви молочный пункт. Она сидела, и тут собиралась я, наверное, идти на пункт с молоком. Она: «Скажи, что я больше не буду носить молоко». Ну, я говорю: «Бабка, это их-то не касается. Не будешь — не будешь. Будет у тебя долг стоять». Ничаго не сказала. На другой день говорю: «Бабка, молоко понесём?» — «У тебя есть, так неси. Я сказала: нету молока». Ну нет, нет. Это было зимой. Какая гололедица была на

---

¹ Подкладка (?).

² Норму.

дороге! Я села чего-то вязала. Моя бабка собирается, берёт битон с молоком и идёт. А дом был в конце деревни, километр, побольше пройти. Ну и грех на душе, во всём надо признаться... Когда она уходила, я не сказала, а подумала: вот бы ты полетела. Так скользко было и мяня просто дух взяло, что простила, сказала нет, а теперь, значит, ей надо несть. Она, конечно, пошла, упала. Ну и зашла туда, к отцу. Нажаловалась там. И отец — мне было тогда уже сямнадцать лет — и отец мяня первый раз ударил. Мне было так сбесно¹, было так обидно, я ушла с дома, уехала за Косу, устроилась там в усадьбу работать, и отец не знал, где.

Тогда всё допытывался, но тут одна девочка была, с которой мы дружили. Я писала ей, где я есть, и она сказала отцу, где я. Тогда я никому не сказала, а себе дала слово, что я с бабкой никогда не помирюсь. И после этого я никогда с ней не разговаривала. И когда померла она, я даже не была ни на похоронах, ни на поминках, ни на чём. А так отец наш никогда, никогда никого не обижал. В нас была дружная сямья.

Тогда ушла работать. Тогда уже меньше надо было к родителям, уже была мачеха. В крестьянах ходила. Эти близко было, и подальше, в Косы было, и за Косой было, пришлось бывать. Так что всюду.

Меня не обижали. Мне, может, некоторые кто говорили, что тяжело было. Но где я жила, мне всюду было хорошо. Я старалась всё-таки уважить каждого хозяина. Никогда я ни в чём не отказывала. Приго-нишь в обед скот домой, идёшь помогаешь хозяйке в огороде пополоть. И всего, что можно, всё приходилось делать. Меня никогда не обижали. Я не скажу, что мне где-то было плохо. А ведь как говорят. Это было, ну что, шесть лет мне было, как я была первый год. Зимой было в январе шесть, а летом уже я пасла скот. И тогда, конечно, было мне и нехорошо. Утром рано всё-таки. Как детское время, спать хотелось. Всего было. Сидишь, бывало, скрывшись, и плачешь. И такое было. А после уже, тогда конечно, девять-десять год стало, тогда всё уже было иначе. Уже было попроче. Да как там жизнь! Это ищё теперь так, так теперь вот вся года нет рук.

Эстонский язык большей часть там выучила, у хозяев. И мне пришлось, где я ходила у крестьянина, это недалёко здесь, в Алатскиви, у них было двое детей, мальчик и девочка. Ну, они были помладше меня, а хозяйка была полячка, но говорила по-русски тоже. И вот я, бывало, с

---

¹ Обидно, досадно (?).

детям на улице в обеденный перерыв говорю по-эстонски, а в комнату приду, с хозяевам говорю только по-русски. Хозяйка один раз слухала, слухала и говорит: «Знаешь что, Аня, ты не стыдись, говори и с нам по-эстонски, мы не будем смяться, если ты что-то скажешь неправильно. Мы тебя можем поправить, если надо будет и больше ничего, но мы тебя не обидим. Ты привыкнешь, выучишь язык и будешь хорошо говорить». Вот так я и стала. Правда, там я была три года жила, и там было очень хорошо. Я не скажу, я везде, где я жила, мне везде было хорошо. И на работе тоже, никогда не было никаких неприятностей.

Один раз помнится такое. Работала я в кассе, кассиром. Принимали скот в другой конторе. Теперь стала вечером — дело сделано — пересчитываю кассу. Десять рублей лишних в кассе. Вот я снова считаю, считаю, считаю, эти квитанции перебираю, перебираю — десять рублей лишних, и всё. Ну откуда оно появилось?! А бухгалтер сидит в другом помещении. Ну и эдак, видно, слышал, что я домой не ухожу, что всё это на счётах считаю, считаю. Тут не стерпел и вышел. Такой мужчина был пожилой и говорит: «Ну что у тебя? Убыток или прибыль?» Я говорю: «Знаешь, прибыль. Вот десять крон, аль десять рублей, ну нигде не нахожу». А он мне: «Не нервничай, я помогу». Ну и сел тоже. Перебрали квитанции. Начали считать деньги в кассе. Да, десять рублей лишние. И так, и эдак, лишние десять рублей, и всё. Тогда он мне и говорит: «Слушай, а ты, — говорит, — подумай. Может быть, когда платила деньги за скот, может быть, кто-то тебе что-то сказал». Один мужчина, в него была корова, и я ему даю десять рублей. И ён и говорит: «За большу корову только десять рублей?» Я говорю: «Да». Вот тогда только дошло до меня, что, може, поглядела на квитанцию, да там было двадцать рублей. Я говорю: «И теперь знаю. А как это дело исправить?» Кто теперь знает, откуда был приехадши. Ён и говорит: «А ты заполни перевод денежный, и человек поймёт». Ну, вот так пришлось и сделать. Такое вот только было за всю мою работу один раз только.

А здесь последний год уже на почте работала, тогда было двадцать копеек. Вот не сходится касса двадцать копеек. Я и так этот журнал, и так переберу, всё это. Никак. Никак, не сходится двадцать копеек. Пришла почтальонка работала, она когда-то работавши была бухгалтером. Я говорю: «Слушай, Марина, помоги. Поищи ты со свежей головы». Ну, и Марина мучилась, мучилась. А тогда не помню, где я эту

ошибку нашла, даже не помню. А так не было таких больших неприятностей, чтоб было бы.

Как война началась тут, вы помните?

Помню, но в нас здесь особенно не было, так как говорят там. У нас такого не было. Мы жили там за деревней. Это помнится, что там вокруг были кусты. Типа леса, но не лес, а кусты просто. И вот эти солдатики-то разбегаются. И выходили ночью: есть-то хочется. А в нас полешло так: в спальни окно, не в спальни, в кухне окно было, и под самое окно выходили картофельные бороздки. Ну и вот они там с кустов выйдут. Там был огород, там были грядки, оны там морковки, да всё. Тогда по картофельным бороздкам подползут к окну. Ну и в мяня уже всегда было приготовлено там, когда картошка, когда что. И вот им с окна дам, ну и они потихонечку обратно уйдут. Редко, один раз только было, и я была — ну тогда уже был папа дома — когда в избу вошёл один. Так только глянул, и тогда такое как накидка кака-то и здесь всё гранатами обвешано, вошёл в избу. Зашёл, дали, что было. А так больших страстей не было.

А в нас там сосед был рядом, так он как только увидит, что к окну вылезают, так бежит сюда в деревню. Тута стояли не скажу, что немцы, то эти, омакайтсе¹, как тогда называли, эстонцы. И вот тогда эти как откроют огонь. А в мяня был котёнок и теперь пропал. Я побяжала его искать в картошку и как раз открылася стрельба. Один эстонец подбежал, хватъ меня: «Уйди отсюда!» Я говорю: «Здесь мой кот! Я должна его найти». Какой был вредный мужичишка! Как только заглядел, что это, так уже побяжал.

Я жила одно время одна. Папа был взят. Как оны сказали тогда, набрали, мол, с леса, собрали мужиков, которым было больше, как 55 лет, но этих на фронт уже не брали, в армию. Ну и тогда их тут собрали, вот сосед наш, папа, тогда тут ещё в деревне были несколько мужиков, и угнали сюда в Алатскиви. После их перегнали в Тарту. А папа работал мельницу, здесь в деревне Лахепера одному эстонцу. Так он был в омакайтсе каким-то таким делягой. Так он отца моего вынул оттуда. Папа ходил ему мельницу туда достраивать. А некоторых мужиков тогда убили, и не некоторых, а много.

---

¹ *Омакайтсе* — от эст. *Omakaitse* (название добровольческой военизированной организации в Эстонии 1941–1944 гг.).

В Алатскиви здесь, наверное, человек сорок застрелили. Это ещё в самом начале войны было. Под горой. Так один парень, ён был — теперь их нету никого, и отец и мать умершие, и мачеха, и все — так он был комсомолец, и ён, когда пришли немцы, он у нас клемался некоторое время, что мы там за деревней жили. Ну и один раз пришёл есть, так говорит: «Дядя Лёша, я теперь уйду от вас. Здесь все-таки опасно. Чуть меня найдут, так и тебя». А отец и говорит: «Ты, Костя, как хочешь, я тебя не держу, это твоя добрая воля». — «А я, — говорит, — пойду туда, в лясу, там, где хутора. Я пойду к тёте Маше». А тёти Машин муж был в омакайтсе деляга. Какие бандиты! И ушёл от нас. Только ушёл, пришёл к этой тёте Маше, мужик посадил его на мотоцикл и привёл в Алатскиви. Так вот столько было, как ён там сумел, что была записочка оставлена. Написано, что «мы самы копали могилу себе». Готова глубокая яма. Под гору стреляли.

Мы-то жили там за деревней, так всё было слышно, и когда я одна была, так, Господи, что мне было тогда, каких-то 13–14 лет. И всё ночевала одна, не хочу никого, ночевала одна. И один день, у нас баня была через поле. Видит, как я боюсь эту баню, боюсь одна ночевать. Тогда были самовары таки большие. Я стопила вечером плитку, но это было не зимой, а всё-таки лето ещё, осень, и тогда думала: позову, ходила така старушка, баба Лена, ходила всё к соседям ночавать. А в соседки там было три сына ещё, да все они были семьёй, а я одна. Позову сегодня бабу Лену к себе ночавать. Сварила картошки горячей, теперь сижу и караулю.

Идёт баба Лена. Я выхожу с веранды и говорю: «Баба Лена, а иди сегодня ко мне ночевать!» — «А боишься!» Я говорю: «Не, не боюсь. У меня чай сварено. И картошка у мяня горячая, мы поужинаем». А она мне и говорит: «А ты мне погадаешь на картах?» А карты-то были самодельные, саморисованные. «Погодаю, баба Лена! Погодаю». Поужинали, чаю попили, сели гадать. Погадала там, разложила: «Ой, баба Лена! — А у неё все дети к братьям были уехадши. — Все ваши живы были, всё хорошо. Яны скоро домой явятся». А в нас стояла так родительская кровать, тогда наша. Я на свою кровать, а яну положила на родительскую.

Теперь ночью заснула я и чувствую, что у мяня на лице пальцы, как старуха, таки костяные, вот так по лицу водит. Я так спугалася! Открываю глаза. Баба Лена: «Анечка, доченька, стучат в окно». Я и говорю: «Пусть стучат. Не открою. Постучат и скажут, что мяня дома нет». А е

пришедцы, а рано было-то, за окном стучат. Слышу один другому и говорит: «Не, она никуда не ходит, она дома». Ну, по-эстонски говорят. По голосу узнала их, и говорю бабе: «Не открою». Вдруг эстонец и говорит: «Аня, открой! Я знаю, что ты дома, ты никуда не уходишь». Ну что ж, пойду открою. Прихожу, открываю веранду. «Скажи, чья баня на поле?» Я говорю: «Моя». — «А почему она с серёдки¹ закрыта?» Я говорю: «Баня замнута²». Пока папа дом строил, мы како́-то маленькое время жили в бане. Ну и там был клеченный³ замок, у них обычно висючие замки, а у нас был этот. Ну и яны теперь, что баня закрыта с серёдки. Я говорю: «Не, у меня и ключ дома, там никого в бане нету». — «Дай ключ!» Ну, пошла, сняла в шкапу ключ, дала.

Они пошли. Я двери заложила и в спальню — к окну. Там было так хорошо видно. Спичка там чиркают, прошли, вышли из бани. И вот знала, что их было двое, а в это время всё-таки так была спугавши. Что тринадцать лет! Вон в мяня внучку десять год, ну как ребёнка. И испугалася: нашли кого-то, а раз уж нашли, значит и мне крышка. Теперь стучат. А дождь шпарит! Проливёнь. А я не иду открывать. Стучали, стучали, и кричит опять этот эстонец: «Аня, да открой! Пусти-ка нас погреться немножко». Ну, тогда до Ани дошло, что их и было двое. Пустила. Поставили ружия, сели. Горячий чай был ещё. По чашке выпили. Посидели, поговорили, дождь прошёл, тогда ушли. А оказывается, они шли по дороге да курили, а спичку чиркнули да как раз напротив банного окна и этот отблеск они приняли за то, что вот там кто-то есть. Ой, всяго было!

---

¹ С серёдки — изнутри.

² Закрыта на ключ.

³ Врезанный (?).

IV

Kokkuvõtte

PEIPSI LÄÄNERANNIKU VANAUSULISTE OLUKORD
19. SAJ ESIMESEL POOLEL JA SAJANDI KESKEL
(Eesti Ajalooarhiivi ja Läti Riikliku Ajalooarhiivi dokumentide põhjal)

L. Dubjeva

Valitsuspoliitika vanausuliste suhtes hakkab muutuma 1820-ndatest aastatest alates. Nikolai I valitsemisaega iseloomustavad kõige suuremad surveabinõud vanausuliste suhtes. Riigi surve vanausulistele saavutab kõrgpunkti 1850-ndatel aastatel. Balti kubermangudes kehtinud Balti erikorra tõttu seisis kubermanguvalitsuse ja vanausuliste vahel valitsuspoliitika läbiviimisel kohalik baltisaksa administratsioon, kelle ülesandeks oli kubermanguvalitsuse korralduste vahetu realiseerimine. Antud publikatsioonis avaldatud Eesti Ajalooarhiivi ja Läti Riikliku Ajalooarhiivi dokumendid iseloomustavad valitsuspoliitika surveabinõusid vanausuliste suhtes, kuid nendes peegeldub ka taolise poliitika eiramine ja vastupanu sellele vanausuliste endi poolt. Viimane võimaldaski neil säilitada oma eripära ja identiteedi.

VANAUSK BALTIKUMIS, POOLAS JA IDA-SAKSAMAAL
1918.–1944. AASTATEL

G. Potašenko

Vanausu arengu seisukohalt moodustab Baltikum ja Kirde-Poola suhteliselt ühtse regiooni, seda nii religiooses kui ka ajaloo- ja kultuuriaspektis, ent vanausu ajaloo seisukohalt on seda seni vähe uuritud.

Käesolevas artiklis esitatakse Baltikumi ja Poola vanausuliste ajaloo ühe olulise etapi lühikirjeldus. Selleks on kahe maailmasõja vaheline aeg. Nimetatud ajavahe-
mikku võib pidada pomoorlaste perioodi alguseks (oli ka fedossejevlaste kogudusi). Esimese ja Teise maailmasõja vahel elasid vanausulised Balti regiooni viies riigis: Eestis, Lätis, Leedus, Poolas ja Saksamaal (Ekersdorfi, praeguse Woinowo lähistel, Poola). 1930. aastatel elas nendes maades ligi 194 000 vanausulist ning tegutses 204 kogudust. Kõige rohkem oli vanausulisi Lätis. Valdavalt olid esindatud pomoorlaste kogudused, vaid 10–12% olid fedossejevlasted. Viimased asusid peamiselt Lätis, Peipsimaal (kaks kogudust) ning Woinowos ja selle ümbruses (tookordne Saksamaa). Pärast Poola, Leedu, Läti ja Eesti iseseisvuse väljakuulutamist algas kvalitaatiivselt uus periood vanausuliste ajaloos — riigivõim hakkas neid tunnustama ning neid hakati kohtlema võrdselt teiste konfessioonide esindajatega. Esmakordselt Baltikumi vanausuliste ajaloos saavutasid kirikud autonoomia. Tõsi küll, pärast 1934. a

riigipööret Lätis ja Eestis piirati vanausu kiriku autonoomiat taas. 1920.–1930. aastatel pomoorlased ühinesid ja löid oma vaimukeskused.

Artiklis vaadeldakse vanausuliste ajaloo järgmisi aspekte: riigi ja vanausuliste ühingute vastastikune mõju, pomoorlaste ja fedossejevlaste koguduste areng, kiriku ühinemine, usuline valgustustöö, trükiasjandus, ühiskondlik-religioosne ja kultuurielu, heategevus ja kirikuehitus.

VANAU SULISI PUUDUTAVAD DOKUMENDID FONDIS „TARTU POLITSEIVALITSUS“ (1826–1888)

T. Šor

Artiklis vaadeldakse arhiividokumente, milles leidub andmeid Dorpati vanausuliste kohta ning mida hoitakse fondis „Tartu Politseivalitsus“ (1826–1888) Eesti Ajalooarhiivis (Tartu). Nendes on teavet vanausuliste arvukuse ning infot nende ametialase tegevuse, perekondade ja vanausu kirikuõpetajate tagakiusamise kohta Nikolai I valitsemise ajal (1825–1855).

Tartu Politseivalitsus loodi 1805. aastal. Sellesse kuulus seitse inimest eesotsas politseiülemaga, kellele allusid jaoskonnapolitseinikud, linnavahid ja järelevaatajad.

Dorpati vanausulised rajasid oma kogukonna 1740. aastal. Juba XVIII saj lõpus oli nende hulgas jõukaid kaupmehi, nt Rundaltsevid. Ent suuremalt jaolt olid vanausulised töölised, ehitajad, väikekaupmehed ja väikekodanlased.

XIX saj oli vanausuliste kogukonnal väike puust palvemaja ja vaestemaja, kus elas kuni kümme inimest. 1826. aastaks oli Tartus 145 vanausulist, 1833. a — 157. 1840. aastatel kõikus vanausuliste arvukus Tartus 186 ja 200 inimese vahel. 1850. aastate alguses oli vanausulisi juba 225. Dorpati vanausulised olid tihedalt seotud Peipsi lääneranniku vanausulistega, seal oli ka ümberasujaid.

Nikolai I valitsusajal sattusid Dorpati vanausulised range politsei järelevalve alla ning neid hakati taga kiusama. Suleti palvemaja, keelati vanausuliste matmiskombestik. 1835. a suleti kool. Dorpatist saadeti pidevalt välja kirikuõpetajaid. Fondis hoitakse dokumenti 79-aastase kirikuõpetaja Abram Danilovi ja Nikolai Mošarovi pagendamise kohta. Rikkad vanausulistest kaupmehed, püüdes vähendada repressiooni, ostsid ära kohalikke politseinikke, kuid see ei andnud alati tulemusi. 1850. a algul sai Dorpati politseiülem range noomituse Balti kindralkubernerilt vürst Suvorov-Römnikskilt. Politseiülem tegi möödalaskmise, lubades panna palvemajale sildi.

Tartu vanausuliste kogukonna ajaloo jaoks on eriti olulised politseidepartemangu raamatud, milles registreeriti vanausuliste sünnid, abielud ja surmad aastatel 1830–1839 ja 1848–1888. Tegemist on dokumentide kompleksiga, mis avab Tartu vanausuliste ajaloo vähetuntud leheküljed. Need ülestähendused on unikaalsed vanausuliste suguvõsade genealoogia taastamise seisukohast 1830.–1880. aastatel.

Alguses märgiti raamatusse täpne ees- ja isanimi, mõnikord ka surnu perenimi ja vanus, surma- ja matmispäev, allesjäänud pereliikmed. Hiljem seda ei tehtud. 1860. aastatel hakati tegema kandeid laste kohta, kes surid enne aastaseks saamist, varem seda ei tehtud. Suri palju imikuid, näiteks 1868. a suri kaks kolmandikku vastsündinutest. Kuna Tartu kogukonnas abielu sakramenti ei toimetatud, on vanausuliste abielude registreeringuid vähe. Need jäävad 1830. aastate algusesse ning uued kanded tekivad alles 1880. aastatel.

Oluliseks allikaks on ka toimik sisserännanud vanausuliste kohta, kes elasid Tartus aastatel 1850–1857. Varem oli sisserännanute kohta väga raske arvestust pidada. Alates 1850. aastast pidid kõik linna saabuvad vanausulised end Politseivalitsuses registreerima. Sellest ajast alates saab rääkida usaldusväärsetest andmetest Tartu vanausuliste arvukuse ja suguvõsade pärinemise ning koosseisu kohta.

1860. aastate algul jätsid võimud vanausulised rahule. 1862. a algas palvemaja ehitamine Põik tänavale. Palvelat ehitati kogukonna vahenditest ning sellel ei tohtinud olla eristusmärke ega kellatorni. A. Korabljovi lesk eraldas palvemaja ehitamiseks krundi. 1865. a kinnistati nii krunt kui ka palvela kaupmees S. Rundaltseville. Sellest ajast alates hakkasid vanausulised viima läbi jumalateenistusi uues palvemajas, ilma et Politseivalitsus oleks sellesse sekkunud.

EESTI VABARIIGI ESIMESEL PERIOODIL EHITATUD VANAUSULISTE PÜHAKOJAD

R. Treufeldt

Eestis ehitati 1920. aastate algul sõdade ajal lõpetamata jäänud või hävinenud pühakodasid ja uusehitisi oli vähe. Pühakodade ehitus elavnes 1920. aastate II poolel ja vähenes 1930. aastate teisel poolel märgatavalt. Vanausuliste palvelaid kavandati, ehitati või muudeti oluliselt seni teadaolevalt kümnel korral. Uusehitisi oli neli, mitmesuguseid laiendehitisi oli viis ja üks projekt jäi teostamata. Enamasti on minigeid teateid arhitekti või inseneri osalusest.

Neist ainult üks — Anton Soans (1885–1966) — oli Eesti oludes tipp-arhitekt. Anatoli Podtšekajev (1879–1938) kavandas Eestis üldse kümme-kond pühakoda ja oli viljakas arhitekt, ehitusettevõtja ja ühiskonnategelane. Nikolai Thamm noorema (1867–1939) selleaegne looming oli juba vähepakkuv. Nikolai Oll (1900–1993) oli hiljem tuntud eldkõige õppejõuna ja teadlasena. Ülejäänud kaks teadaolevat projekterijat — Jansen ja Lukk — on loominguliselt peaaegu tundmatud. Ka autoriseerimata projektid ja hooned ei paku ehituskunstilisest küljest kuigi palju.

Eestis teadaolevalt ei olnud vanausulisi arhitekte. Tõenäoliselt polnud arhitekti isik vanausulistele üldsegi oluline ja tema poole pöördui juhuslikult. Palvelate ehituskunstiline külg oli kogudusele vähetahtis, kuid hoonete ülesehitus oli ikkagi oluline. Vanausuliste pühakodade kavanditest võib ehk ainult nelja pidada ehituskunstiliselt tähelepanuväärseks.

Põhiliselt ehitati vähemaid puithooneid, mis olid hinnatõusu suhtes vähem tundlikumad. See oli sellal üsna tavaline, et aegade halvenemisel prooviti ehitust odavdada (näiteks asendada projektis ettenähtud kivi puiduga) ja hiljem ehitati taas pisut kallima projekti järgi. Vanausulised sõltusid ehituse hindadest vähem, sest osavate ehitajatena ei osalenud nad oma ehitistega üle-eestilisel ehitusturul. Ehituse alal mõjutas neid ka projektikohustus ehk siis senisest oluliselt suurem bürokraatia.

Vanausulised olid seni elanud riigivõimu surve all. Palvelad ei tohtinud olla kirikute sarnased ning neil ei tohtinud olla kirikutele viitavaid tunnuseid. Kuid enam polnud vanausuliste elulaadile nii suurt survet, et minevikust oleks pidanud oma identiteedile tuge otsima. Ometi esines historitsistlike kavandeid, ehkki mõnikord oli kavandite kompositsiooni tase hea.

Vanausuliste palvelate ehitamine oli Eestis keskmise aktiivsusega, kuid moodustas uute pühakodade arvust väikese osa ning need polnud Eesti ehitus- ja arhitektuurimaastikul kuigi väljapaistvad. Kokkuvõtteks võib öelda, et vanausulistele kavandatud pühakojad olid Eesti selle aja arhitektuurisuundumustes ja -elus vähetähtsad.

VANAUSULISTE KALMISTUTE AJALOOST EESTIS

G. Ponomarjova, T. Šor

Antud artikkel on esimene sarjas, milles käsitletakse vanausuliste kalmistute ajalugu Eestis. Seniajani ei ole Eestimaa vanausuliste kalmistute ajalugu uuritud. Kalmistu iseloomustab Baltikumi vanausuliste olme üht olulisimat tahku, täites mälu säilitamise funktsiooni kogukonnas. Esimesed vanausuliste hauad tekkisid Eestis juba XVII saj lõpus. Fedosseejvlaste kogukonna asutaja Feodossi Vassiljevi kalmuga Rāpinas on seotud legend. Praeguseks ajaks on Eestis säilinud peamiselt XIX saj lõpust — XX saj algusest pärit kalmud.

Artiklis on vaadeldud kohalike võimude suhtumist vanausuliste kalmistute kujunemisse tänapäeva Eesti territooriumil XIX saj vältel. Kasutatud on Eesti Ajalooarhiivi (Tartu) dokumente.

Aleksander I valitsemisajal (1801–1825) oli vanausulistel lubatud omada eraldi kalmistuid. Kalmistud olid Revelis, Dorpatis, Peipsimaal, Piirissaarel. Ent nende matmispaikadega seotud arhiivimaterjale on säilinud väga vähe. Kõige rohkem seda tüüpi arhiividokumente on seotud Nikolai I valitsemisajaga. Nikolai I ajal hakati vanausulisi taga kiusama. See ei jätnud mõju avaldamata ka kalmistutele, mis olid vanausuliste jaoks tähtsateks vaimukultuuri keskusteks. Siinkohal võiks nimetada Volkovo kalmistut Sankt-Peterburgis ja Preobraženski kalmistut Moskvas. Seetõttu puudutas repressioonipoliitika mitte ainult kirikuõpetajaid ja lihtsaid vanausulisi, vaid ka nende palvemaju ja kalmistuid. Administratiivse surve näiteid XIX saj leidub nii Lätis, Leedus kui ka Venemaal, ent antud artiklis vaadeldakse vaid tookordset olukorda Eestis.

Nikolai I valitsemisajal hävitati mitu kalmistut Piirissaarel (kolm neljast), kannatada said ka Peipsi läänerannikul asuvad surnuaiad. Võimud säilitasid tavaliselt vaid segakalmistud, kus maeti koos nii vanausulisi, õigeusklikke kui ka ühisusulisi.

Vanausuliste ja nende matmispaikade madalat staatust võimude silmis demonstreerib eredalt Dorpati näide. Ülikoolilinnas Dorpatis viidi surnud vanausulisi üle jõe kohalike elanike paatides, luterlasi ja õigeusklikke viidi üle puu- ja kivisilla. Dorpati vanausuliste kalmistu paiknes juudi kalmistu kõrval, mis tähistas selle madalat sotsiaalset staatust. Vanausuliste matmiskombed olid keelatud, kõiki, kes keelust üle astusid, karistati kriminaalkorras. Ent vanausulised hakkasid võimude tegevusele pidevalt vastu, olgugi et passiivselt. Rikkad Dorpati vanausulistest kaupmehed ostsid ära politseid.

Enamasti olid vanausuliste kalmistute tagakiusajateks õigeuspreestrid. Nad nägid oma missiooni võitluses kirikulõhega. Vanausuliste kalmistute hävitamine või väljatõrjumine oli osa nende Baltikumi missioonist. Nt Dorpati ülempreester P. Aleksejev kirjutas 1855. a Riia ja Mitava peapiiskopile vanausuliste kalmistute olukorrast Dorpati maakonnas. Aleksejev tegi ettepaneku hävitada rida vanausuliste kalmistuid.

Aleksander II valitsemisajal, kui tsiviilvõimud hakkasid kontrollima õigeusu preestrite raporteid, selgus, et nt kalmistu täituvuse või külade omavahelise kauguse kohta käivad andmed olid sageli võltsitud. Selline vastuseis vanausuliste kalmistute tekkimisele ja laienemisele nii võimude kui ka õigeusu kiriku tegelaste poolt kestis isegi Nikolai II valitsemisajal. Nt Kolkja küla kalmistu laienemine venis kolm aastat, olukord lahendati lõpuks kohalike vanausuliste kasuks.

V. BOBROV — PEIPSIMAA VENEKEELSE ELANIKKONNA KEELE JA FOLKLOORI ESIMENE UURIJA

S. Issakov

XIX saj lõpuni ei ilmutanud teadlased huvi Peipsimaa elanikkonna vastu, kellest enamuse moodustavad vanausulised. Vähesed vanausulisi käsitletud publikatsioonid ei olnud üldjuhul teadusuuringud. Esimesena hakkas meetoodiliselt teaduslikul alusel koguma vanausuliste kohta käivat keele- ja folkloorimaterjali V. Bobrov, traagilise saatusega huvitav isikus.

Vladimir Aleksandrovitš Bobrov (1872–1908) sündis Riias maamõõtja perekonnas, aastatel 1893–1897 õppis ta Tartu Ülikooli slaavi osakonnas. Juba üliõpilasena ilmesid tal kalduvused teadustöök, ta sai kuldmedali üliõpilaste teadustööde konkursil. Pärast ülikooli lõpetamist 1897. a jäeti V. Bobrov ülikooli juurde valmistuma professori kutseks. Ta korraldas mitu teadusekspeditsiooni Peipsimaale kogumaks materjale sealse venekeelse elanikkonna keele ja rahvaluule kohta. Samal ajal töötas suurt puudust kannatav Bobrov vene keele ja kirjanduse lektorina Tartu veterinaarinstituudis. Rida Bobrovist sõltumatuid põhjusi takistas tal magistriväitekirja lõpe-

tamist ning temast sai õpetaja Samaara, Riia, Liepaja ja Palanga gümnaasiumides ning reaalkoolides. Kogu oma vaba aja kulutas Bobrov teadusele. Tema töid avaldasid autoriteetsed väljaanded nii Venemaal kui ka mujal maailmas. 1908. a. sooritas V. Bobrov Samaaras enesetapu.

V. Bobrovi teaduspäränd ei ole kuigi suur, kuid vaheldusrikas. Ta on monograafia „Vene rahvajutud loomadest“ autor (avaldatud postuumselt 1909). See kasvas välja tema konkursile esitatud üliõpilastööst. Nimetatud monograafia oli üks esimesi seda vene rahvaluule valdkonda üldistavaid teoseid. Eraldi tsükli moodustavad tööd, milles on uuritud üht olulist vanavene ürikut selle koostise ja keele seisukohalt (Изборник Святослава 1076 года). Need tööd pidid ilmselt moodustama V. Bobrovi magistriväitekirja aluse. Nad pole seniajani minetanud oma tähendust teadusilmas. V. Bobrovi publikatsioonide hulgas on artikleid uuema aja vene kirjandusloost. Tähelepanu pälvisid tema tööd ajaloo õpetamise metoodikast Venemaa õppeasutustes.

Meie jaoks on erilise tähtsusega V. Bobrovi tööd, mis on pühendatud Peipsimaa vanausuliste keelele ja folkloorile. Nendes ta astub meie ette kui esmaavastaja, teerajaja. Nendeks töödeks on: «Материалы к познанию русских говоров Лифляндской губернии» (Berliin, 1908) ja «Народные песни русского населения Лифляндской губернии» (Tartu, 1908). Nimetatud töödes on avaldatud materjalid, mida V. Bobrov kogus Peipsimaale korraldatud ekspeditsioonide käigus. V. Bobrovi peamiseks eesmärgiks oli murdesõnade ja -väljendite ning rahvalaulude maksimaalselt täpne ülestähendus, ta ei püüelnud nende detailse, üksikasjaliku analüüsi poole. Samas avaldas Bobrov ka mõningaid huvitavaid tähelepanekuid avaldatavate tekstide kohta, nende iseärasuste ja päritolu kohta. Töös «Материалы к познанию русских говоров Лифляндской губернии» on fikseeritud Peipsimaa vene murrete iseloomulikud jooned, nende foneetilised, morfoloogilised ja süntaktilised iseärasused. Publikatsioonile on lisatud väike Peipsi lääneranniku vene murde sõnastik, mis sisaldab ligi sadat sõna ja väljendit. Artiklis «Народные песни русского населения Лифляндской губернии» on avaldatud 22 rahvalaulu tekstid, mis kirjutati üles Tartus ja Peipsimaal (sh Piirissaarel).

Kahjuks ei ole tänapäeva vene vanausuliste uurijad senimaani praktiliselt üldse kasutanud V. Bobrovi publikatsioone, kuigi need pakuvad vaieldamatut huvi.

PEIPSIMAA VAN AUSULISED HINGEST

S. Jevstratova

Hinge kontseptist on kirjutatud palju. Võib märkida selliste teadlaste töid nagu O. Trubatsõv, S. Nikitina, S. Tolstaja, A. Šmeljov, A. Wierzbicka jt. Artiklis püütakse läheneda hinge fenomeni mõistmisele, kasutades materjali, mille töö autor on kogunud vestlustes Kolkja küla vanausulistega ning raamatut «Очерки по истории и культуре староверов Эстонии», mis on välja antud Tartus aastal 2004.

Ühendades hinge kontsepti erinevaid kirjeldusi, võib välja tuua rea traditsioonilisi universaalseid ettekujutusi. Autor on üritanud jälgida, kuivõrd need ettekujutused on vastavuses vanausuliste vaadetega. Rääkides hingest, siseneme rahvaliku maailmatunnetuse keerulisse maailma, mis on seotud ortodokssete kristlike vaadete küllaltki tugeva transformatsiooniga.

Vanausuliste ettekujutus hingest on tihedalt seotud nende vaimuelu olulisimate orientiiridega. Need on mõneti sarnased traditsiooniliste õigeusu vaadetega, kuid neil on ka oma eripära. Ühine on ettekujutus inimese triaalsest ülesehitusest (vaim – hing – keha), hinge surematuses ja sellest, et hinge lahkumine kehast tähendab füüsilist surma. Hing on ennekõike seotud inimese isiksuse ja Jumalaga, Vaim on ülim jõud, millele hing on allutatud. Ent siingi kerkivad esile erinevused, sest meie poolt fikseeritud vanausuliste ütlustes ei ole hing ja vaim vastandatud sedavõrd selgelt kui kristlikus kirjanduses. Vanausuliste jaoks on väga oluline usk, hinge päästmine, kuid samas ka soov teha head: usk ilma (hea)teota on surnud.

Vanausulised taunivad selliseid tänapäeva maailma jaoks iseloomulikke nähtusi nagu vaimsuse kadu, inimeste eraldumine ning see teeb neile muret. Selles mõttes on nad sotsiaalselt aktiivsed. Vanausuliste jaoks on iseloomulik eriline pieteeditunne vanema põlvkonna inimeste vastu, vana aja vastu ning sügav kiindumus kodumaasse, sest vaid see aitab vanausulise hinge alal hoida.

VERBI GRAMMATIKA ERINEVUSTEST PEIPSI LÄÄNE- JA PÕHJARANNIKU NING NARVA JÕE ÄÄRSETE KÜLADE VENE MURRETES

I. Külmoja, N. Bogdanova, O. Burdakova

Eesti territooriumil, põhiliselt Peipsi järve ümbruses säilinud vene murdeid pole siiani omavahel võrreldud. TÜ vene keele õppetooli ning TÜ Narva kolledži vene keele ja kirjanduse lektoraadi töötajate murderetkedel kogutud materjal võimaldab seda teha. Verbi grammatika võrdlemisel jõutakse järeldusele, et kolme regiooni (Peipsi läänerannik, Peipsi põhjarannik, Narva jõe äärne ala) murrete vahel esineb sarnaseid jooni, mille hulgas on omapäraseid infinitiivi vorme: *идти*, suffiksiga *-сть/-зь* kirjakeelse *-ти/зи* asemel: *нести* (*отнести*, *принести*), *везти* (*доставить*, *привезти*, *свезти*), *вести* (*вывести*, *развести*), *пасть*. Kõigis murretes on kasutusel gerundium predikaadi funktsioonis, eriti sagedasti moodustatakse seda perfektiivse aspekti sihitutest verbidest, harvemini — imperfektiivse aspekti verbidest. Ühisjooni on ka tegusõna finiitvormidel: mitmuse 3. pöördes puudub alternatsioon *глож, клч*; 2. pöördkonna tegusõnadele lisatakse 1. pöördkonna lõpud: *учут, ходют*; verbi *быть* ainsuse 3. pöörde vorm on *е*: *Бог е на свете*; ainsuse 3. pöörde lõpust jäetakse ära *-т* (*Здесь их мать живё*).

Vaatamata olemasolevatele ja varasematele kolme piirkonna elanike kontaktidele, on murrete vahel ka erinevusi, mis väljenduvad infinitiivis ja 3. pöörde olevikule.

tuleviku vormis. Narva jõe äärsetes külates esineb infinitiivivorme nii palataliseeritud kui ka palataliseerimata *t*-ga lõpus: *Оны ко мне всё ездят поздравляйт!* Peipsi lääne- ja põhjarannikul on infinitiivi lõpu-*t* alati palataliseeritud. Samas esineb Narva jõe äärsel alal ainsuse 3. pöörde vorme palataliseeritud *t*-ga, mis on iseloomulik Venemaa lõunapoolsetele murretele (*бог дастъ*). Sama regiooni omapäraste joonte hulka kuulub ka lõpu-*t* puudumine mitmuse 3. pöördes: *люди живу*.

Peipsi läänerannikul esineb eksistentsiaalverbi *быть* olevikuvorm *есть*, mida mujal ei ole, samuti on sellel alal üsna levinud ka nn vene loodeperfekt, mille partitsiibiosa ei ühildu nimisõnaga arvus ja käändes (*Муж-то был репрессировано*), tuleb ette ka arhailisi ennemineviku vorme (*Отец у нас был грамотей, он был на крылос ходил*).

Seega juba ainuüksi verbivormide iseärasuste põhjal saab väita, et nimetatud kolme ala murrete vahel esineb erinevusi.

UMBISIKULISED VÄLJENDID VENE PÕHJAMURRETES JA KIRJAKEELES

V. Štšadneva

Vaadeldakse ühepealiikmelisi konstruktsioone, milles funktsioneerib mineviku passiivi kesksõna ühildumata lühivorm ning mis esinevad mitmes Vene põhja- ja loodemurdes, sh Peipsimaa vanausuliste dialektis. Küsimus selliste konstruktsioonide seosest vene kirjakeele süntaktilise süsteemiga on lahtine. Välja on selgitamata ka nende moodustamise mehhanism. Artiklis püütakse täita seda lünka.

Autor mõönab soome-ugri keelesubstraadi mõjutuste võimalikkust Põhja-Venemaa murretele, kuid leiab, et passiivi kesksõna lühivormi ja substantiivi mitteühildumise põhjused võivad peituda keeles endas, mitte võõrmõjudes, kuna grammatiliste konstruktsioonide mehaaniline laenamine ei ole keelele omane. Flektiivsete keeltele, mille hulka kuulub ka vene keel, ei ole iseloomulik öeldise ja öeldistäite mitteühildumine. Artiklis vaadeldakse kirjakeelseid konstruktsioone, milles öeldis ei ühildu aktantidega (substantiivi või pronomeniaga). Nende analüüs annab alust rääkida kirjakeele ja murrete sarnasusest.

Ilmnes, et mõnedes põhja- ja loodemurretes, sh Peipsi vanausuliste murdes, kasvavad süntaktilised muutused üle morfoloogilisteks. Mõnedes murretes tekivad passiivi vormid intransitiivsetel verbidel, teistes muutub analüüsitav konstruktsioon nn loodeperfektiks. Sellised muutused võivad olla geneetiliselt seotud soome-ugri muutumatute kesksõnade ning eesti perfektiga. Ent tuleb meeles pidada, et ka vene keeles endas esineb analüüsitava konstruktsiooni liikmete mitteühildumise juhtumeid.

HINNANGULINE KOMPONENT PEIPSIMAA VANAUSULISTE SUULISTES JUTUSTUSTES

J. Kostandi

Artiklis vaadeldakse kõne pragmaatilise aspekti üht tähtsaimat koostisosat, milleks on hinnang. Materjalina on kasutatud Peipsi läänerannikul elavate vanausuliste suulisi jutustusi. Üldiselt iseloomustab vanausuliste kõnet suhteline neutraalsus, hinnangulist sõnavara esineb suhteliselt harva. Positiivne ja negatiivne hinnang on esitatud enam-vähem võrdselt, ent positiivne hinnang on väljendatud varjatumalt, see läheneb normile, kasutatav sõnavara ei ole kuigi vaheldusrikas. Kõige sagedamini esineva positiivselt markeeritud sõnavara hulka kuuluvad nt sellised lekseemid nagu *хороший, добрый*. Negatiivselt markeeritud sõnavara on ekspressiivsem, mitmekeisem, siin on keeruline välja tuua sagedamini kasutatavaid lekseeme.

Saadud materjali vaadeldakse artiklis väärtushinnangu liikide seisukohast. Vanausuliste jaoks on iseloomulikud nõndanimetatud üldhinnang ning normatiivne, eetiline ja emotsionaalne hinnang. See annab tunnistust, et kõnelejate jaoks on olulised hinnangute püsivus, normi ja moraali mõiste ning reaalsuse emotsionaalne tajumine. Hinnangu iseloom inimese (või inimrühma) kõnes peegeldab reaalsuse tajumise eripära, ning on keelelise maailmapildi üks olulisi komponente.

MÕNEDEST SEENENIMETUSTEST VANAUSULISTE MURDES (etümololoogiline analüüs)

J. Kudrjajtsev

Artiklis selgitatakse mõnede rahvapäraste mükoloogiliste terminite päritolu, mida kasutavad oma kõnes Peipsi läänerannikul elavad vanausulised. Vene seenekorjamise ning toiduks tarvitamise kultuuri antakse põlvest põlve edasi suulises vormis. Samuti edastatakse ka mõningaid seenenimetusi, mis võivad olla väga vanad.

Sõna *блицы* 'seened' on suguluses poola sõnaga *bedla*, murdesõnaga *bdla*, tšehhi sõnaga *bedla*, millel on sama tähendus ning pärineb vanavene tüvest *бъла (ains. naiss.) sufiksiga *-уу-*. Edasine analüüs viib meid rootsi sõnani *puta* 'paisuma, punduma', vanaindia *budbudas* 'mull' jt. Tähendus 'paisuma, punduma' annab hästi edasi seene viljakeha kiiret kasvu ning selle vetruvust.

Sõna *гриб* pärineb R. Jakobsoni teooria kohaselt verbist *зрѣбу, зрѣсти* 'sõudma'. Ilmselt oli selle tegusõna esmane tähendus 'kokku riisuma, võtma, haarama'. Sugulassõna on *подзрѣб* 'valge riisikas'.

Обабок 'kasepuravik' võib olla tuletatud ühest verbi *обабится* tähendusest: 'ümaraks muutuma', seoses seenekübara ümara kujuga.

Горяшка 'pilvik' kujutab endast keerulist etümoloogilist probleemi. Autor esitab hüpoteesi, milles seostab antud sõna substantiiviga *горсть* 'pihk'. Motiveeriv tunnus on sama, mis sõna *гриб* puhul.

PEIPSI LÄÄNERANNIKU VANAUSULISTE SÕNAVARA ETÜMOLOOGILISEST ASPEKTIST

A. Šteingold

Artiklis antakse etümoloogiline seletus mõnele vene dialektismile, mis on senijani olnud põhjalikult uurimata. Uurimismaterjali moodustasid sõnad, mis esinevad Peipsi lääneranniku vanaausuliste kõnes.

СКАЗНИТЬ 'hävitama' tuleneb autori meelest slaavi sõnast *kazнь 'karistus'. Antakse sõna *kazнь etümoloogia, mis ei põhine varem teaduses käibel olnud tuletusel tüvest *kazati, vaid tüvest *kaziti 'hukutama, hävitama, kahjustama jt'. Oletatakse, et algselt oli sellel verbil tähendus *kaziti 'füüsilist kahju tekitama'. Nimetatud tähenduse elemendid on säilinud nimisõnaderivaadi *kazнь 'kehavigastus, füüsiline kahjustus' sisevormis. Kõige ilmsem on see semantika vanasl. *казити* 'kahjustama, kastreerima', vanaven *казитися* 'viga saama, riknema, sandistuma jt' ja vanasl. *каженникъ* 'eunuhh, kastraat'. Vene leksikaalne isogloss *сказнить / сказниться* 'hävitama, hukkuma' on slaavi *kaziti tuletis ning selles on säilinud arhailine semantiline komponent, mis väljendub eriti selgelt sõna *сказнить* kasutamises elusolendite kohta.

Sõna *КОТУЛЬ* 'kott' püütakse geneetiliselt eristada vene sõnast *котама*, nagu seda on tehtud varem, ning siduda see variantides *котуль*, *хотуля*, *хотулька* soome lekseemiga *kotelo* 'kast, ümbris, kest'. Samas tõestatakse *уля*-lõpuluse vormi primaarsus ja *уль*-lõpulise sekundaarsus. Viimase tekkimine on seletatav sõna *куль* mõjuga.

СОШИЛО 'jääluseks püügiks kasutatav kalapüügiriist, mis meenutab väliselt karuoda või potiharki'. See on arhailine murdesõna. Sünkroonses ajalõikes eristatakse tüve *сош-* ja sufiksit *-ило*. Ajalooliselt on *сош-* tuletatav tüvest **soch-* eesvokaali *i* ees (vrd vene *соха* 'ader, hargnemiskoht, tugi, tara'). Autor on arvamusel, et sellel iidisel majapidamisterminil on esmane tähendus 'oks', mida tõestab ka teiste indoeuroopa keelte materjal.

ПОВАРЁШКА, ПОВАРЁШКА 'konnakulles' on sõna kulp (*поварешка*) metafoorne ülekanne konnakullesele välise sarnasuse alusel.

СВЁРИТЬ 'tähendama, kaalu omama' kõrvutatakse lätikeelse *svars* 'kaal', leedu *svāras*, läti *svarīgs* 'tähtis', *svērt* 'pöörama, asetama'. Seejuures läti *e*-lõpulisest verbitüvest pärineb murdekeelne variant *сверить*, nominatiivsed vormid, nagu nt tambovi *варя* 'kaal' pärinevad vastavatest balti tüvedest, millel oli indoeuroopa algkeeles *o*-lõpp (vrd leedu *svāras*).

PEIPSI LÄÄNERANNIKU VANAUSULISTE MURDED 1946. ja 2003.–2007. a MATERJALIDE PÕHJAL

O. Rovnova

Artiklis on kasutatud kahe ajaperioodi murdematerjali, mis on kogutud Peipsi järve läänerannikul. 1946. a materjali koguti vastava programmi raames Vene keele dialektoloogilise atlase jaoks, kaasaegset materjali koguti murdeekspeditsioonide käigus Peipsimaa vanausuliste küladesse. Kõrvutava analüüsi käigus selgitati välja, et mõningad murdejooned on tänapäeval vanausuliste kõnest kadunud. Samuti on tehtud oletusi morfoloogiliste ja sõnavaraliste erisuste kohta erinevate külade murrakute vahel. Eraldi on vaadeldud ühe foneetilise iseärasuse (цоканье) kadu ning varasemates materjalides leiduvat sõnavara.

VANAUSK EESTIS JA TARTU MAAKONNA VANAUSULISTE ELU 1940.–1991. AASTATEL

V. Grišakov

1940. aastal oli Eestis 12 tegutsevat vanausuliste kogudust, milles oli ühtekokku üle üheksa tuhande liikme. Nõukogude vägede tulekuga 1940. aastal vanausuliste elu muutus. Neid puudutasid nii repressioonid kui ka 1941. a juuniküüditamine.

Sõja hakul said kõige enam kannatada Piirissaare vanausulised. Saksa sõjaväekomando käsul saadeti 1941. a sügisel mõne tunni jooksul saarelt välja suurem osa vene elanikkonnast. Sõjatules hävisid Tartu, Raja, Piiriküla ja Kükita palvemajad koos sajandeid alles hoitud hindamatute raamatute ja ikoonidega.

Pärast sõda, 1947. a algas kollektiviseerimine. Et vanausulised olid harjunud töötama üksi või artellis, püüdsid nad vältida kolhoosidesse astumist, kuid paratamatult olid sunnitud astuma kalurikolhoosidesse.

Peamiseks sissetuleku allikaks oli aedviljakasvatus. Kui müügile ilmus polüetüleenkile, hakati rohkem kurke müügiks kasvatama. Peamiseks toodangu realiseerimise kohaks said Leningradi turud.

Vaatamata muutunud korrale järgisid vanausulised veel 1950. aastatel sajandite jooksul välja kujunenud elulaadi: nad pidasid kinni paastudest, abiellusid vaid oma usu esindajatega, lastele pandi nimesid rangelt kirikukalendri järgi. Patukahetsemine oli kohustuslik kõigile, ka koolilastele. Iga-aastaselt toimus see suure paastu ajal; mehed ja naised käisid patukahetsusel eri päevadel. Kui sel ajal päriti koolis õpilase puudumise kohta, vastasid klassikaaslased: „Ta läks patte ära andma“. Õpetajad suhtusid sellesse vaoshoitult.

1970. aastate keskpaigani olid kõigis kogudustes kirikuõpetajad, kes olid koguduse palgal. Ametlikult olid nad registreeritud kui „kultuse teenrid“.

Perestroika tõi endaga kaasa mõningase kergenduse. Vanausulised hakkasid vabalt käima palvemajades ja pihil, avalikult lapsi ristima, koguduse liikmete nimekirju koostama. Ent minevik andis end tunda: 1980. aastate teisel poolel ei olnud pooltes Eesti vanausuliste kogudustes enam kirikuõpetajaid, suurema osa koguduste liikmetest moodustasid naised.

1991. aastaks, mil toimus Eesti taasiseseisvumine, ei ületanud palvemajades käivate vanausuliste arv tuhandet.

KAS SELLISEID VANAUSULISTE KOGUMIKKE ME TAHTSIMEGI?

P. Varunin

Artiklis käsitletakse vanausuliste temaatikat puudutavate konverentside põhjal välja antavaid artiklikogumikke. Analüüsisides läbiviidud konverentse ja nende materjalide väljaandeid, märgib autor, et vanausuliste endi osalus on olnud ulatuslik, pidades seda positiivseks. Samas tõstatatakse küsimus, kas teadusilmas levinud konverentsikogumike formaat on otstarbekas kajastamaks vanausuliste kultuuripärandit vanausuliste endi väljaannetes. Autor tõstatab ka ettekannete temaatika ning väljaannete kujundamise probleemi, kus tema meelest ei kajastu vanausuliste jaoks elulised küsimused. Autori meelest ei peaks vanausulised laenama oma foorumite ja väljaannete jaoks teadusmaailmas levinud konverentside ja nende põhiste kogumike formaati. Omalt poolt pakub autor välja piirata arutatavate küsimuste ringi ning kajastada neid kas piirkonniti või selgelt piiritletud probleemi põhiselt. Autor sooviks, et konverentsidel esitataks ettekandeid, mis suunaksid ja reguleeriksid vanausku, väljaannete kujundamisel võiks kasutada vanausuliste traditsioonilise kunstikultuuri elemente nii mineviku kui ka tänapäeva meistrite loomingust.

«Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II» продолжают серию изданий, посвященных истории, культуре и языку старообрядцев Причудья. Научные статьи этого сборника написаны на основе материалов международного семинара «Русские староверы за рубежом: язык и культура», проведенного кафедрой русского языка Тартуского университета 22–23 сентября 2006 года.

Они представлены в двух тематических разделах: «История и культура староверов» и «Язык староверов».

В разделе «Староверы пишут и рассказывают: материалы и публикации» помещены статьи и расшифровки записей говорков, снабженные небольшими комментариями. Настоящее издание отличается от предыдущего тем, что в нем представлено несколько записей диалектной речи старожилов Причудья, не являющихся староверами, а также публикуется статья, в которой рассказывается о жизни староверов Белоруссии.

Второй выпуск «Очерков» иллюстрируется фотографиями, которые делались участниками диалектологических экспедиций.

Книга издана при финансовой поддержке государственной программы «Эстонский язык и национальная память» на основе проекта «Староверы Эстонии: самоидентификация и национальная память в двуязычной среде».

Raamatu ilmumist rahastatakse riiklikust programmist „Eesti keel ja rahvuslik mälu“, projekt „Vanausulised Eestis: identiteet ja rahvuslik mälu kakskeelses keskkonnas“.

